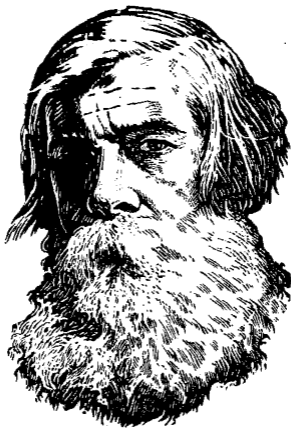

БЕХТЕРЕВ

Гипноз
Внушение
Телепатия

W. Peacock

В.М. БЕХТЕРЕВ

Гипноз Внушение Телепатия

Москва «Мысль» 1994

ББК 53.57
Б 55

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ОБЩИМ ПРОБЛЕМАМ ФИЛОСОФИИ

Составитель, автор вступительной статьи и примечаний
доктор философских наук, профессор Г. Х. Шингаров

ISBN 5-244-00549-9

© Издательство «Мысль». 1994

При техническом содействии
СП «Колумбус»

О В. М. Бехтерева — ученом и враче-гипнологе

Чудесные исцеления, лечители и прорицатели на любой вкус, телесеансы психотерапии, массовое увлечение экстрасенсами, передача мыслей на расстоянии и передача биоэнергии, колдовство, общение с инопланетянами и т. д. заполнили наше ежедневие. Правдивое и подлинно научное слово об этих явлениях имеет неоценимое общественно-политическое, просветительское и медицинское значение. Знакомство с завещанным нам В. М. Бехтеревым богатством идей, фактов, наблюдений, советов и предупреждений в этой сложнейшей области медицины сейчас, как никогда, необходимо. Оно будет способствовать и научной разработке многих проблем, связанных с гипнозом, внушением и телепатией.

Работы выдающегося ученого после его смерти не издавались (за исключением одготомника «Избранные труды»). Они стали библиографической редкостью. Со многими из них не знакомы даже специалисты.

Представления В. М. Бехтерева о сущности гипноза, внушения и телепатии до сих пор не были предметом серьезного научного исследования. Поэтому публикация даже части многочисленных трудов ученого крайне актуальна.

В вводной статье мы попытаемся проанализировать представления В. М. Бехтерева о сущности загадочных явлений нервно-психической жизни в контексте его многогранного научного творчества, его концепции сознания, его личности как врача-ученого.

Владимир Михайлович Бехтерев родился 20 января 1857 г. в селе Сорали Елабужского уезда Вятской губернии в семье станового пристава. В девятилетнем возрасте он остался без отца, и семья из пяти человек — мать и четверо сыновей — испытывала большие

материальные трудности. В вятской гимназии он познакомился с трудами и идеями выдающихся естествоиспытателей того времени и прогрессивных деятелей русского общественного движения.

В 1873 г. после успешной сдачи экзаменов за седьмой класс гимназии В. М. Бехтерев поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию (впоследствии Военно-медицинская), где он с увлечением занимался естественными и медицинскими науками, активно участвовал в общественной жизни студенчества. На четвертом курсе он избрал в качестве своей будущей врачебной специальности психиатрию и невропатологию.

В декабре 1876 г. он принял участие в первой совместной демонстрации рабочих и студентов на Невском проспекте у Казанского собора, на которой с речью выступил Г. В. Плеханов. Демонстрация была разогнана, несколько демонстрантов — студентов и рабочих — были арестованы. В. М. Бехтереву удалось избежать ареста. Много лет спустя он писал по этому поводу: «Какой-то счастливый рок спас меня от ареста и других последствий суровой Немезиды, которые постигли многих из моих сородичей и ближайших товарищей»¹.

Весной 1877 г. В. М. Бехтерев прервал свои занятия. Причиной этому была начавшаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая освободительная война. Прогрессивная часть русского общества с воодушевлением включилась в борьбу за освобождение братских славянских народов на Балканах. Не осталась в стороне и медицинская общественность. Многие врачи отправились на фронт добровольцами, в том числе и профессора Медико-хирургической академии С. П. Боткин, Н. В. Склифосовский и др. По призыву С. П. Боткина на фронт отправились и некоторые студенты старших курсов академии. Среди них был и досрочно окончивший четвертый курс В. М. Бехтерев, который в мае 1877 г. в составе отряда братьев Рыжовых отправился на театр военных действий. В корреспонденциях, которые он присылал оттуда в газету «Северный вестник», отражены личные впечатления молодого Бехтерева и основные этапы боевого пути доброволь-

ческого медицинского отряда Рыжовых. Осенью 1877 г. В. М. Бехтерев вернулся в Петербург. В 1878 г. окончил академию с отличием и был оставлен для подготовки к профессорской деятельности. Научную работу он начал под руководством заведующего кафедрой душевных и нервных болезней Медико-хирургической академии И. П. Мерзеевского.

Диссертацию на степень доктора медицины на тему «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных болезней» Бехтерев защитил 4 апреля 1881 г. Это исследование было серьезной научной клинко-экспериментальной работой, в которой были получены интересные данные и сделаны выводы о первостепенной роли нервной системы в жизнедеятельности всего организма в норме и патологии. В том же 1881 г. конференцией академии ему было присвоено ученое звание приват-доцента. 1884—1885 годы Бехтерев провел в лабораториях и клиниках самых известных европейских ученых. Осенью 1885 г. он становится заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета. Тогда он открыл первую в России экспериментальную психофизиологическую лабораторию. Казанский период занимает особое место в творчестве Бехтерева. За годы заведования кафедрой психиатрии ему удалось превратить окружную психиатрическую больницу в клиническую базу кафедры. Научные исследования в области неврологии он проводил в основном в Казанском военном госпитале. При активном участии В. М. Бехтерева в Казани было организовано общество невропатологов и психиатров, которое начало издавать журнал «Неврологический вестник». Он привлекал к работе талантливую и прогрессивно настроенную молодежь, работал в тесном контакте с такими известными учеными-медиками и естествоиспытателями, как Н. А. Виноградов, Н. О. Ковалевский, К. Н. Арштейн, А. М. Зайцев и др. Ряд важных исследований он провел совместно с крупным казанским физиологом Н. А. Миславским.

В Казани В. М. Бехтерев проработал около 8 лет. Здесь им были проведены многие научные исследования, принесшие ему мировую известность, опубликова-

ны такие работы, как «Сознание и его границы», «Нервные болезни в отдельных наблюдениях», подготовлено первое издание его классического труда «Проводящие пути спинного и головного мозга».

В 1893 г. его избирают на должность начальника кафедры душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Его педагогическая, научная, научно-организаторская и общественная деятельность получают небывалый размах. При его активном участии была реорганизована психиатрическая клиника и построена новая клиника нервных болезней с одним из первых в мире нейрохирургических отделений. При клинике организованы анатомо-гистологическая, физиологическая, психологическая и биохимическая лаборатории. В 1908 г. при той же клинике был открыт первый в России электрокардиографический кабинет.

Кафедрой душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии В. М. Бехтерев руководил 20 лет. Он основал ряд специальных журналов, таких, как «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» (в последние годы жизни В. М. Бехтерева журнал выходил под названием «Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии»), «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнологии» (позднее журнал носил название «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии») и др.

В 1903—1907 гг. В. М. Бехтерев издал фундаментальный семитомный труд «Основы учения о функциях мозга», в котором собраны результаты многочисленных исследований автора в области учения о локализации функций мозга и обобщено развитие нейрофизиологии до начала XX в., а также опубликованы монографии «Психика и жизнь», «Объективная психология», «Внутреннее и его роль в общественной жизни» и более 200 статей, посвященных вопросам анатомии и физиологии нервной системы, психологии, психиатрии, неврологии и т. д.

Первая русская революция 1905—1907 гг. занимает особое место в жизни и научной деятельности В. М. Бехтерева. В 1905 г. он исполнял обязанности на-

чальника Военно-медицинской академии. В сентябре того же года на II съезде отечественных психиатров, проходившем в Киеве, он выступил с докладом на тему «Личность и условия ее развития и здоровья». Доклад не только отразил взгляды ученого на сущность человеческой личности, но и был своеобразным политическим протестом — Бехтерев закончил свое выступление словами: «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня». Зал реагировал на доклад бурной овацией, начался спонтанный митинг. Разгневанный киевский губернатор грозился запретить съезд.

В 1908 г. начал работу организованный В. М. Бехтеревым Психоневрологический институт — высшее учебное и научно-исследовательское учреждение нового типа. В него принимались лица разных возрастов, социального положения и национальности. Преподавателями института были такие известные ученые, как Н. Е. Введенский, В. Л. Комаров, П. Ф. Лесгафт, П. А. Останков, Н. Н. Петров, Л. М. Пуссеп, Е. В. Тарле, А. А. Ухтомский, Ф. Д. Батюшков и др. Совет института 11 декабря 1908 г. избрал Л. Н. Толстого своим почетным членом.

В 1910 г. на III съезде отечественных психиатров в Петербурге В. М. Бехтерев выступил с докладом на тему «Вопросы нервно-психического здоровья в русском населении». На I съезде Союза отечественных психиатров и невропатологов в память С. С. Корсакова (1911 г.) он выступил с докладом на острую социальную тему — о росте самоубийств среди школьников после первой русской революции. Основное внимание и творческие силы В. М. Бехтерева в эти годы были направлены на развитие и расширение Психоневрологического института. В 1918 г. в Петрограде им был создан Институт по изучению мозга и психической деятельности. В. М. Бехтерев был одним из первых крупных русских ученых, перешедших на сторону Советской власти. Свой доклад на конференции в Институте по изучению мозга в январе 1919 г. он закончил следующими словами: «На переломе истории нельзя стоять на перепутье и ждать — нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе. И для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали свои

силы на служение человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчет, будем ли мы с народом, который, завоевав себе свободу, хочет строить свое будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве». 1 января 1920 г. было опубликовано в газетах и передано по радио обращение В. М. Бехтерева к врачам всего мира с призывом протестовать против блокады Советской России. В. М. Бехтерев многократно избирался депутатом Петроградского (а в дальнейшем Ленинградского) Совета депутатов трудящихся. Умер В. М. Бехтерев 24 декабря 1927 г. в Москве во время съезда невропатологов и психиатров, на котором он был избран почетным председателем.

В. М. Бехтерев внес крупный вклад в развитие биологических и медицинских наук. Им созданы новые научные направления. Его деятельность была столь обширной и плодотворной, что вряд ли возможно в кратком очерке перечислить названия всех его научных работ и открытий. В 1925 г. на юбилее, посвященном 40-летней профессорской деятельности В. М. Бехтерева, его ученик М. П. Никитин вспоминал свой разговор с одним из зарубежных ученых, который заявил: «Я бы поверил, что В. М. Бехтерев один сделал так много в науке и написал такое количество научных работ, если бы был уверен, что их можно прочитать за одну жизнь». Разные библиографические справочники свидетельствуют, что он написал и опубликовал от 600 до 900 научных работ, среди которых более 10 монографий.

В. М. Бехтерев является всеобщим признанным классиком современной нейроморфологии. Он открыл и описал ряд образований головного и спинного мозга, некоторым из которых присвоено его имя (ядро вестибулярного нерва Бехтерева и др.). Свои исследования в этой области он обобщил в монографии «Проводящие пути спинного и головного мозга», ставшей классической. Ведущие нейроморфологи мира считали В. М. Бехтерева высшим авторитетом в этой области науки. Некоторые специалисты не в шутку говорили, что анатомию мозга знают только двое — господь бог и Бехтерев.

Велики заслуги ученого и в области нейрофизиологии. Основные его усилия в этой области были направлены на изучение трех кардинальных проблем: локализации функций в коре головного мозга, открытия сочетательных рефлексов (по терминологии И. П. Павлова — условных рефлексов) и влияния нервной системы на функция внутренних органов. Эти достижения были обобщены в труде «Основы учения о функциях мозга», о котором И. П. Павлов писал, что он «представляет собой весьма обширное систематическое изложение указанного в заголовке предмета, изложение, единственное по своей полноте не только в русской, но и в иностранной литературе»².

В 1906—1907 гг. в лаборатории В. М. Бехтерева была разработана методика двигательных сочетательных (условных) рефлексов, которую стали внедрять в психиатрической практике (изучение психической деятельности детей в онтогенетическом аспекте, обоснование методов воспитания, изучение патогенеза психических заболеваний, лечение патологических влечений и алкоголизма и др.).

Изучение В. М. Бехтеревым и его учениками сочетательно-рефлекторных механизмов регуляции функций внутренних органов показало, что интероцептивные (органические, по терминологии В. М. Бехтерева) импульсы имеют специфическое отношение к предлобным долям коры головного мозга. Не потеряли своего значения и взгляды В. М. Бехтерева на организацию и локализацию церебральных функций мозга. Описанные В. М. Бехтеревым механизмы деятельности нервной системы во многом близки тому, что сейчас известно как «принцип обратной связи» в деятельности сложных саморегулирующихся систем.

Важное место в научном творчестве В. М. Бехтерева занимают его исследования в области функций органов равновесия. Им была изучена роль полукружных каналов, лабиринта, два третьего желудочка мозга и мозжечка в образовании наших представлений о пространстве.

Экспериментально-психологические исследования Бехтерева по проблемам психологии были направлены преимущественно на изучение восприятия, ассоциатив-

ных процессов, психомоторных актов. С середины 90-х годов начинается работа В. М. Бехтерева по перестройке психологии на основе объективного метода в духе современного ему естествознания. В этой связи им были написаны «Объективная психология», «Общие основы рефлексологии человека», «Коллективная рефлексология» и др.

В. М. Бехтерев был одним из выдающихся неврологов-клиницистов своего времени. Может быть, только вклад знаменитого невропатолога Бабинского соизмерим с вкладом В. М. Бехтерева в разработку семиотики нервных болезней. Им описано большое число патологических и нормальных рефлексов и симптомов нервных болезней. Свои открытия в области диагностики и лечения нервных болезней В. М. Бехтерев обобщил в таких работах, как «Нервные болезни в отдельных наблюдениях», «Общая диагностика болезней нервной системы» и др. Им были описаны некоторые формы психических заболеваний и симптомы нарушений психической деятельности человека.

Деятельность В. М. Бехтерева в области психиатрии совпала с периодом бурного развития и расцвета русской психиатрии. Он внес существенный вклад в развитие этой области медицины.

В. М. Бехтерев был и прекрасным диагностом и врачом-лечителем. Он осуществил крупные мероприятия по организации психиатрической помощи, улучшению режима психиатрических учреждений, сделал очень много для внедрения в лечение психических болезней многообразных видов терапии, организации психо- и трудотерапии в психиатрических учреждениях, службы призрения и патронажа психически больных, психоневрологических диспансеров. Чрезвычайно широк был диапазон лечебных средств и методов, которыми пользовался В. М. Бехтерев. В основе этой деятельности врача-ученого лежали высокогуманные идеалы и устремления.

Вопросами гипноза, внушения и телепатии В. М. Бехтерев занимался на протяжении всей своей творческой жизни. Первые его публикации на эту тему относятся к 1890 г. Свою концепцию сущности гипноза как явления человеческой психики, а также широкие

обобщения по лечебному применению внушения в гипнозе он изложил в работе «Нервные болезни в отдельных наблюдениях» (1894—1896). В дальнейшем на эту тему В. М. Бехтеревым было написано большое количество трудов, часть которых публикуется в данном издании.

Эпоха и тип врача-ученого. На стыке XVIII—XIX вв. в медицине начался поворот, который привел к подлинной революции в этой науке. В самых общих чертах суть ее можно охарактеризовать следующими основными моментами: принципиально новый подход к человеку как предмету медицины, изменение ее социального статуса, новые формы организации медицинской помощи, глубокая реформа медицинского образования, широкое применение клинических и клинко-анатомических принципов, введение инструментальных методов исследования и возникновение новой семиотики, утверждение нозологического принципа, внедрение эксперимента, рост профилактических и лечебных возможностей медицины. Все это было связано с переустройством медицины на основе быстро развивающегося естествознания и внедрения естественно-научных методов в изучение жизнедеятельности человека в норме и патологии.

В истории русской медицины одним из первых на этот путь развития медицины ступил Н. И. Пирогов. Во времена Н. И. Пирогова далеко не все врачи и хирурги понимали, что только знание анатомии и физиологии ведет к прогрессу медицины.

Н. И. Пирогов положил в основу хирургической практики знания о строении человеческого тела, создав новую хирургическую анатомию. В лице С. П. Боткина русская медицинская мысль поднялась до ясного осознания новой теоретико-познавательной ситуации в медицине. Он пришел к выводу, что искусство лечить состоит прежде всего в умении «применять естествознание к отдельным случаям болезней».

С. П. Боткин подчеркивал, что как для создания подлинно научной медицины, так и для правильной постановки диагноза и лечения каждого отдельного больного решающее значение имеет метод исследова-

ния. Важное место во всей методологии С. П. Боткина занимают его представления о болезни как изменении нормы жизнедеятельности, в основе которой лежит природный закон.

По справедливой оценке И. П. Павлова, С. П. Боткин был «лучшим олицетворением законного и плодотворного союза медицины и физиологии, тех двух родов человеческой деятельности, которые на наших глазах воздвигают здание науки о человеческом организме и сулят в будущем обеспечить человеку его лучшее счастье — здоровье и жизнь»³.

Новый теоретико-познавательный и методологический уровень медицины требовал и нового типа врача, врача-ученого. Практические цели медицины на протяжении всей ее истории оставались неизменными: помогать больным и предупреждать болезни. В решении этой благородной задачи личность врача, его талант, опыт, интуиция, человеческие качества всегда играли огромную роль. Сама медицина как система знаний до XIX в. создавалась на основе клинического наблюдения. Введение методов естествознания в медицину привело к тому, что врач начинал рассматривать наблюдаемые им клинические факты как проявление определенных закономерностей жизни организма. Возникла проблема взаимодействия медицины как сферы познания и практической деятельности с фундаментальными естественными науками. Это взаимодействие проявилось в творчестве В. М. Бехтерева. Преимущества экспериментального исследования он видел в том, что оно дает возможность открывать некоторые глубокие закономерности, которыми можно объяснить клинические данные и создавать более эффективные методы лечения и профилактики болезней. Но возможности естественнонаучного исследования человека в медицине ограничены рядом причин. Прежде всего, это этические и юридические нормы, запрещающие ставить эксперимент на людях. И во-вторых, это ограниченные возможности моделирования человеческой патологии на животных. Поэтому медицина часто опережает экспериментальные исследования в биологии.

В. М. Бехтерев формировался как врач нового типа, врач-ученый, в 70-х годах XIX в. К этому време-

ни в психиатрии и неврологии прочно утвердился анатомо-физиологический принцип. Рекомендую молодого ученого В. М. Бехтерева на заведование кафедрой психиатрии Казанского университета, его учитель И. М. Балинский писал, что «он встал твердой ногой на анатомо-физиологическую почву — единственную, от которой следует ожидать дальнейших успехов в науке о нервных и душевных болезнях».

Вторая половина XIX в. отмечена знаменитой дискуссией между сторонниками парижской психоневрологической школы во главе с Шарко и сторонниками нисийской школы во главе с Бернгеймом. В недрах первой из этих школ формировалась физиологическая точка зрения на понимание природы гипноза, в недрах второй — психологическая. В. М. Бехтерев был непосредственным свидетелем этих интереснейших научных событий. В 1885 г. он проходил кратковременную стажировку в Сальпетриерской клинике Шарко, присутствовал на его сеансах гипноза и, непосредственно общаясь со знаменитым психоневрологом, имел возможность познакомиться с его взглядами на сущность гипноза и методами гипнотизации. В понимании В. М. Бехтерева медицина все больше и больше превращалась в «естествознание патологических процессов»⁴.

В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, как и плеяда их современников, были, по словам А. А. Ухтомского, представителями «того поколения, которое было чем-то вроде итало-французского ренессанса на русской почве»⁵.

Более близкое знакомство с клиникой нервных и душевных болезней убедило молодого Бехтерева в том, что полученные знания в области анатомии и физиологии нервной системы не дают возможности решать проблемы клиники на должном уровне. Именно желание заполнить брешь в знаниях, как вспоминал много лет спустя В. М. Бехтерев, заставило его наряду с клиникой заняться изучением структуры и функций мозга.

Прогресс нейроморфологии в то время был связан с именами таких выдающихся психиатров и невропатологов-клиницистов, как Флексиг, Мейнерт, Шарко, Вер-

нике и др. За 10—15 лет работы в области изучения структуры мозга В. М. Бехтерев сделал ряд открытий и стал одним из виднейших представителей этой области знания.

Выдающихся успехов в области морфологии нервной системы В. М. Бехтерев достиг прежде всего благодаря использованию новых методик. Он пользовался прежде всего так называемым эмбриологическим методом. Творческое применение этого метода дало В. М. Бехтереву возможность открыть ряд проводящих путей спинного и головного мозга. Результатом исследований В. М. Бехтерева было не только описание новых структур мозга, но и новое представление об архитектонике головного и спинного мозга, о связях между различными их образованиями.

Принципиальная новизна подхода В. М. Бехтерева к пониманию структуры мозга состояла в том, что вместо топографической анатомии среза отдельных частей мозга он дает физиологическую, *функциональную* анатомию нервной системы. Только такое понимание анатомии находило применение в общей патологии нервной системы и в клинике нервных болезней. Благодаря такому подходу значение внутренних связей между отдельными образованиями мозга выяснялось более ярко, чем при топографическом описании этих связей. Таким образом, для решения актуальных проблем клиники ученому пришлось не просто воспользоваться имеющимися знаниями, но при помощи новых методов и открытий создать новую для того времени анатомию мозга.

Во время своей заграничной командировки кроме клиники, нейроморфологии и нейрофизиологии В. М. Бехтерев осваивал и нарождавшуюся тогда экспериментальную психологию. Практика психиатрической клиники, как и личный врачебный опыт, приводила В. М. Бехтерева к мысли, что анатомия и физиология нервной системы являются необходимой, но недостаточной основой для создания научной психиатрии. Нужна фундаментальная наука, нужна психология, построенная по примеру других естественнонаучных дисциплин на основе экспериментального изу-

чения психических функций. И В. М. Бехтерев смело берется за создание этой науки.

Высоко оценивая значение психологии для решения фундаментальных проблем психиатрии, В. М. Бехтерев не забывал, что и психиатрия как клиническая дисциплина в свою очередь обогащает психологию, ставит перед ней новые проблемы и решает некоторые сложные вопросы психологии. Это взаимообогащение психологии и психиатрии В. М. Бехтерев понимал следующим образом: «...получив толчок в своем развитии, психиатрия как наука, занимающаяся болезненными расстройствами душевной деятельности, оказала огромные услуги психологии. Новейшие успехи психиатрии, обязанные в значительной степени клиническому изучению психических расстройств у постели больного, послужили основой особого отдела знаний, известного под названием патологической психологии, которая уже привела к разрешению весьма многих психологических проблем и от которой, без сомнения, еще большего в этом отношении можно ожидать в будущем»⁶.

В Казани В. М. Бехтеревым были проведены исследования и получены результаты, ставшие отправным пунктом всех его поисков в области психологии. Ряд опытов по разрушению двигательной области коры мозга собаки показали, что при этом исчезают заученные движения, приобретенные в индивидуальном опыте в процессе дрессировки. Оперированные собаки не могут пользоваться своими конечностями как орудиями для достижения определенных целей. На V Пироговском съезде он выступил с предложением изучать симптомы травматических неврозов при помощи объективных методов и рассматривать их как рефлекторные реакции. В 1896 г. В. М. Бехтерев переходит на позиции теории взаимодействия нейронов (contact theorie), согласно которой нервные клетки являются своеобразными аккумуляторами нервной энергии. Разность в степени напряжения нервной энергии в клетках приводит к возникновению нервного тока.

Согласно представлениям ученого, нервная, или психонервная, энергия сама по себе не тождественна психическим явлениям. Для этого необходимо, чтобы она совершила определенный путь через соответст-

вующие структуры нервной системы. В работе «О локализации сознательной деятельности у животных и человека» он развил идею о том, что осознаваемой является лишь та часть психики, которая возникает при движении нервного тока через фило- и онтогенетически самые молодые образования мозга, в которых встречается максимальное сопротивление, зависящее от сложности структур соответствующих отделов нервной системы.

В. М. Бехтерев считал, что низшие и филогенетически более древние центры нервной системы когда-то тоже были связаны с сознательной деятельностью, но в связи с упрощением их структуры эта деятельность в них угасла. Подтверждение этих своих мыслей он видел в законе Вебера — Фехнера⁷.

В конце XIX — начале XX в. В. М. Бехтерев создал учение о естественных сочетательных рефlekсах, формирующихся в процессе индивидуального опыта человека и высших животных.

В дальнейшем сочетательные рефlekсы он рассматривал как основу всей психической деятельности. «Наиболее характерной стороной нервно-психического акта, — писал он, — является процесс сочетания, предполагающий сохранение следов прошлых впечатлений, с которыми, собственно, и устанавливается сочетание следов от нового впечатления, возникшего под влиянием внешнего раздражения»⁸.

Понимание личного опыта как основного критерия психики давало В. М. Бехтереву возможность показать, почему характер психической деятельности не определяется однозначно характером внешних раздражений, и увидеть в механизме «сочетания центров» структуру, прохождение через которую психонервной энергии определяет субъективный характер осознаваемой психической деятельности. Из учения о естественных сочетательных рефlekсах выросла «объективная психология» В. М. Бехтерева.

Новый период в научном творчестве В. М. Бехтерева начался после открытия им двигательных оборонительных условных рефlekсов — искусственных сочетательных рефlekсов, по его терминологии.

Создание методик экспериментального естествен-

нонаучного исследования функций мозга укрепило веру В. М. Бехтерева в то, что все формы психической деятельности могут стать предметом естественнонаучного исследования и быть объяснены с позиций рефлекторной теории. Эта теоретико-методологическая установка ученого и широкий размах изучения человеческой личности привели его к созданию *рефлексологии*, которую он рассматривал как науку о человеческой личности, изучаемой со строго объективной биосоциальной точки зрения.

В рефлексологии В. М. Бехтерев пытался преодолеть психофизиологический параллелизм на основе «эволюционного» («энергетического») монизма. Он считал, что психические процессы не могут возникать из физиологических, так же как и физиологические — из психических. И те и другие — разные звенья единого нервно-психического рефлекторного процесса.

Вся окружающая человека действительность для В. М. Бехтерева состоит из единой мировой энергии, которая в зависимости от форм ее организации на различных этапах эволюции проявляется по-разному. Мировая энергия содержит в себе в потенциальном виде и нервно-психическую энергию. Но для того чтобы эта потенция превратилась в действительность, необходима особым образом организованная система. Такой системой является жизнь. Высшей формой биологической организации выступает нервная система. В деятельности нервной системы осуществляется единый нервно-психический процесс, который при незначительности препятствий в периферических отделах органов восприятия не может проявляться в субъективной форме, «тогда как в центральных областях вследствие больших препятствий для движения тока этот же процесс оказывается «нервно-психическим» с явным субъективным окрашиванием». При обратном прохождении тока субъективный элемент исчезает и остаются только физиологические процессы.

Применение В. М. Бехтеревым принципов рефлексологии при анализе социальных явлений привело его к созданию «коллективной рефлексологии». В «коллективной рефлексологии» возникает возможность исследовать

дования «надорганических процессов» (сфера социальной жизни) при помощи таких же объективных методов, как это имеет место в естествознании и объективной психологии. Неорганический, органический и надорганический мир подчиняются одним и тем же всеобщим мировым законам, которые проявляются по-разному в зависимости от сложности организации соответствующих систем.

Как уже отметили, согласно представлениям В. М. Бехтерева, мировая энергия проявляет себя по-разному в зависимости от сложности организации систем, в которых она проявляется, а сама организация развивается в процессе эволюции. Поэтому правильно было бы определять мировоззрение В. М. Бехтерева и его представления о сущности психической деятельности как *эволюционно-текто-энергетический монизм*.

К изучению явлений гипноза и внушения В. М. Бехтерев подходил с тех же позиций, с каких он подходил к изучению всех психических процессов. Как врач он пользовался гипнозом в лечебных целях, как ученый-психолог он изучал его психологические особенности и место в структуре сознания и личности человека. Как физиолог и биолог он изучал физиологические проявления этих процессов и их биологическое значение в эволюции высших животных и человека.

Особый интерес представляют исследования В. М. Бехтеревым некоторых особенностей гипноза при помощи искусственных двигательных сочетательных (условных) рефлексов. Можно сказать, что гипноз и внушение выступали в творчестве В. М. Бехтерева в качестве предмета исследования многих наук: психотерапии, физиологии нервной системы, общей психологии, психологии личности и общей биологии.

Природа гипноза. Гипноз был известен людям еще с глубокой древности. Им в различных целях пользовались служители религиозного культа, шаманы, целители, фокусники и т. д. Предысторию того вида гипноза, которым пользуется современная медицина,

В. М. Бехтерев связывал с Индией, где он использовался для показа всяческих фокусов и чудес широкой публике. Подлинная история применения гипноза в качестве лечебного средства и научного его исследования начинается с конца XVIII в. и связана прежде всего с именем Ф. Месмера (1734—1815). В 1766 г. он окончил курс медицины Венского университета и защитил диссертацию на тему «Влияние небесных тел», написанную в духе тогдашних представлений о значении воздействия планет и звезд на здоровье и судьбу человека. В поисках различных лечебных средств он напал на магнит и вскоре убедился, что это и есть то средство, сила которого превосходит воздействие небесных тел. Однако практика лечения больных магнитом привела Месмера к выводу, что лечит не магнит, а неведомая сила, исходящая из рук, которые применяют его. Возникает представление о том, что некоторые избранные люди обладают «магнитной способностью» и могут пользоваться ею как покоряющей силой. Таким избранником считал себя и Месмер. Что излучают его руки? Что руководит явлениями жизни: звездная энергия или «магнетический флюид»? На этот вопрос Месмер однозначно отвечает в пользу «магнетического флюида». Это сверхъестественная сила, которую Месмер передает своим пациентам при помощи определенных движений рук — *пассов*.

«Магнетический флюид», или «животный магнетизм», переходит от лечителя к исцеляемому благодаря тому, что между ними возникает «раппорт», своеобразный невидимый канал, по которому истекает флюид.

Вначале Месмер пользовался магнетизмом для лечения отдельных больных, но, переехав в Париж, стал применять его в качестве коллективного лечебного средства. Известны месмеровские чаны в Париже, вокруг которых собирались толпы народа и подпадали под гипнотическое влияние. В этих чанах содержалась вода, которую Месмер заряжал своей магнетической силой. Эта сила якобы передавалась тем, кто был в контакте с заряженной водой. В поведении многих из этих людей наблюдалось нечто от летаргии, другие же впадали в истерику и в страшных конвульсиях и криках устраивали шабаш. Месмер не пользовался словес-

ным внушением в гипнозе, но в самих его действиях (пассах) содержался элемент внушения.

Сеансы Месмера в Вене и Париже, массовое увлечение «животным магнетизмом» вызвали интерес научной общественности, и Французская Академия наук объявила конкурс на выяснение природы этого явления. Ученик Месмера маркиз де Пулсегюр описал психическое состояние людей, подвергшихся воздействию «магнетического флюида», и назвал его «магнетическим сомнамбулизмом». Он заметил, что, когда пациент находится в таком состоянии, сильное влияние на него оказывает словесное воздействие.

Параллельно с Месмером и его последователями практическим применением гипноза занимался аббат Фарня, который для усыпления пациентов пользовался словесным внушением. Принципиально новый подход к пониманию природы гипноза связан с именем английского врача Дж. Брэда, который и ввел в научный обиход термин «гипноз». Переворот в понимании природы гипноза связан прежде всего с тем, что Брэд ввел новый метод вызывания гипноза. Он показал, что пассы не являются единственным способом создания гипнотического состояния и что последнее может быть достигнуто с помощью фиксации взгляда на блестящих предметах при одновременном словесном внушении. Это и легло в основу «субъективной» теории Брэда, отрицающей всякое магнетическое влияние со стороны гипнотизера. Большая заслуга Брэда заключается в его объяснении, что гипноз является результатом не переливания флюида от одного лица к другому, а изменений в психике человека под влиянием внешних раздражителей, которые не выступают источником «магнетического флюида», «животного магнетизма». Именно изменение методики вызывания гипноза привело к новому пониманию сущности самого явления.

Анестезия (отсутствие чувствительности) и, в частности, *анальгезия* (отсутствие боли), возникающие в гипнотическом состоянии, послужили поводом для широкого применения гипноза как обезболивающего средства. Первая хирургическая операция по удалению рака молочной железы под гипнотической анестезией

была проведена в 1829 г. французским врачом Ж. Клоке. В 1843 г. известный в то время английский врач Эллиотсон опубликовал отчет о ряде случаев хирургического вмешательства под гипнотической анестезией. Это сообщение вызвало оживленную дискуссию, в которой мнения разделились — от полного отрицания реальности гипнотического обезболивания до безоговорочного ее признания.

Результатом широкого применения гипноза в психотерапевтической и хирургической практике явилось описание основных соматических и психологических признаков гипноза. Прежде всего гипноз характеризуется понижением или полным отсутствием двигательной активности загипнотизированного. Другое явление, характеризующее гипноз, — это так называемая *каталепсия*, состояние, при котором мышцы усыпленного становятся восковыми и сохраняют любое приданное им положение, поднятая гипнотизером рука так и остается приподнятой, насильно откинута назад голова продолжает сохранять такое положение и т. п.

Сильное впечатление на всех, кто занимался гипнозом, производит так называемая *амнезия*, т. е. забвение всего, что происходило во время гипноза, после того как загипнотизированный просыпается. Однако если того же самого субъекта снова загипнотизировать, то на время второго гипнотического сеанса в его сознании воскресает полное воспоминание обо всем том, что происходило с ним во время первого гипнотического сна. Амнезия после пробуждения и припоминание во время повторного засыпания составляют то, что называется *двойным сознанием*.

Гипноз характеризуется повышенной внушаемостью. При этом особое место занимает так называемое *постгипнотическое внушение* (внушение на срок). Суть этого феномена состоит в том, что гипнотик выполняет сделанное ему внушение через определенный, заранее условленный промежуток времени — через час или два часа или несколько дней после сеанса. Лицо, которому было сделано внушение, в точности исполняет его во время полного бодрствования, не отдавая себе ясного отчета в том, откуда и почему у него появилось побуждение к совершению такого-то поступ-

ка или действия. Могут быть и гипнотически внушенные галлюцинации, появляющиеся к определенному сроку. Существенным признаком любого состояния гипноза является также частичная или полная потеря чувствительности, невосприимчивость к различным раздражениям — *гипестезия* (понижение чувствительности) или анестезия.

В 60–70-х годах XIX столетия профессиональные магнетизеры (гипнотизеры) довольно часто выступали с публичными представлениями. Они возили с собой медиумов, т. е. людей, так сказать дрессированных путем частых гипнотизаций, и на них показывали различные явления, весьма ловко и загадочно обставленные. Все это производило на публику впечатление чего-то магического, чудодейственного и сверхъестественного. Показывали безболезненное и бескровное поражение кожи, каталептическое оцепенение всего тела, мнимое чтение письма с закрытыми глазами, угадывание мыслей и задуманных вопросов или запрятанных вещей и т. д.

Особенно сильное впечатление производили публичные представления датского гипнотизера Гаизена. Они как раз и стали поводом для экспериментального изучения гипноза физиологами и психологами (Гейденгайн, Шарко, Рише и др.).

В это время формируются и основные представления о природе гипноза как феномена человеческой психики. В понимании сущности гипноза наметились два направления: учение парижской школы во главе с Шарко и нансийской во главе с Бернгеймом. Согласно представлениям парижской школы, гипноз — это своего рода невроз, или невротическое состояние, выражающееся в трех характерных состояниях, известных под названием летаргии, каталепсии и сомнамбулизма. Шарко считал, что гипноз вызывается лишь у лиц, предрасположенных к нервным расстройствам. Само вызывание гипноза как состояния ненормального, болезненного, будто бы вредно. Гипноз вызывается физическими приемами.

По учению школы Бернгейма гипноз — это нормальное психическое явление, вызываемое путем словесного внушения, это внушенный сон, и все явления, наб-

людаемые в нем, являются результатом психических воздействий.

В России внедрение гипноза в медицинскую практику и его научное изучение складывались своеобразно. В конце 70-х годов XIX в. упомянутый выше Ганзен давал сеансы в Петербурге. Эти сеансы были дорогостоящими, но пользовались популярностью. Медицинская общественность относилась к ним настороженно, и однажды Ганзену был устроен своеобразный экзамен. На одном из сеансов присутствовали почти все психиатры во главе с профессором кафедры душевных и нервных болезней Медико-хирургической академии И. П. Мержеевским. Очевидцем этого события был и В. М. Бехтерев. Сеанс не удался, и этим была решена судьба Ганзена в России и на целое десятилетие участь лечебного применения гипноза. Публичные сеансы гипноза были запрещены, а врачам разрешалось применять его обязательно в присутствии второго врача и по предварительному разрешению соответствующих инстанций. Это привело практически к отказу врачей от лечебного применения гипноза, и он перешел в руки профессиональных гипнотизеров-шарлатанов. Поводом для пересмотра создавшегося положения стали репрессивные меры, принятые врачебной инспекцией по отношению к доктору М., нарушившему предписания. Доктор М. передал вопрос на рассмотрение Пироговского съезда. Было возбуждено ходатайство перед Медицинским советом об отмене ограничений на лечебное применение гипноза. В. М. Бехтереву, как он пишет, «посчастливилось в качестве докладчика перед Медицинским советом содействовать устранению стеснительных постановлений в отношении гипноза и вместе с тем освобождению русских врачей от подозрительного к ним отношения со стороны властей в вопросе о гипнозе»¹⁰.

Изучением и лечебным применением гипноза В. М. Бехтерев занимался более 40 лет. Он рассматривал гипноз как «вызываемое особыми приемами видоизменение обыкновенного, или естественного, сна». Справедливость такого понимания он доказывал особенностями сна, являющимися аналогами характерных особенностей гипноза. Он проводил аналогию между

гипнозом и естественным сомнамбулизмом, связь которого со сном считалась доказанной. Нормальный, или физиологический, сон характеризуется, как известно, отсутствием двигательной активности, ослаблением или полным прекращением деятельности органов чувств. То же самое имеется и в состоянии гипноза. В. М. Бехтерев указывал также, что как при естественном сне, так и при гипнозе последними из органов чувств перестают функционировать органы слуха.

Существенным доказательством общности природы обыкновенного сна и гипноза он считал наличие различных степеней глубины и сна и гипноза. Гипнотическое состояние у многих пациентов напоминает дремоту. Гипноз может напоминать легкий сон, в котором человек управляет своей психической деятельностью и слышит все, что говорят окружающие, а по пробуждении большей частью сохраняет воспоминания о происходившем. Глубокие степени гипноза характеризуются более или менее полным усыплением пациента, отключением его воли и всех вообще движений, кроме рефлекторных или внушенных во время гипноза.

И сон, и гипноз характеризуются определенной психической активностью. В естественном сне она проявляется в виде сновидений, но уже не зависит от личности человека, а совершается в силу ассоциаций, не регулируемых правилами известной нам логики. Источником обыкновенных сновидений являются воспоминания и восприятия, действующие на мозг в момент засыпания, а также восприятия во время самого сна. При этом сновидения представляют собой цепь образов, подобных ощущениям во время бодрствования. Но по своему характеру они являются как бы обманом чувств. Благодаря отсутствию контроля со стороны сознания они оказывают существенное влияние на самые разные функции организма. Возбуждения, лежащие в основе сновидений, связаны с личностью заснувшего, и потому, когда он просыпается, в большинстве случаев вспоминает увиденное во сне. Внушения, сделанные во время глубокого гипноза, В. М. Бехтерев рассматривал как своеобразные сновидения, которые возникают у загипнотизированного по желанию гипнотизера.

Родство гипноза с естественным сомнамбулизмом В. М. Бехтерев видел в следующих их признаках: а) в гипнозе можно воспроизводить практически все признаки сомнамбулизма; б) амнезия как самый существенный признак глубоких стадий гипноза присуща и сомнамбулизму; в) в состоянии гипноза сомнамбулы вспоминают все, что с ними происходило в состоянии сомнамбулизма; г) больные, подвергавшиеся сеансам гипноза, иногда сами впадают в гипноз, так называемый автогипноз, и д) путем внушений в гипнозе возможно лечение сомнамбулизма.

В чем гипноз принципиально отличается от естественного сна? «Особенностью гипноза, — писал В. М. Бехтерев, — является скорее всего то своеобразное отношение между усыпленным и усыпителем, которое наблюдается в известных степенях гипноза, и амнезия всего внушенного в гипнозе, так как ни того, ни другого мы не встречаем в обыкновенном сне»¹¹.

Состояние гипноза наступает не самостоятельно, а вызывается посторонним лицом. При этом гипнотизируемый засыпает с мыслью о влиянии на него гипнотизера, и это приводит к своеобразному взаимоотношению между ними во время самого гипноза. Гипнотизируемый, писал В. М. Бехтерев, в «буквальном смысле слова становится машиной, заводные ключи от которой находятся в руках гипнотизера»¹².

Внушенные сновидения загипнотизированного входят в его психическую деятельность как нечто постороннее, не связанное с его личностью, и потому после выхода из гипноза наблюдается запомывание (амнезия) всего того, что происходило в гипнозе.

В пользу такого понимания механизма амнезии после гипноза В. М. Бехтерев приводит тот общеизвестный факт, что амнезия не наступает, если делается внушение: «По пробуждении все помнить!» Это сохранение воспоминаний имеет место благодаря тому, что все, что происходило во время гипноза, связывается с «я» гипнотизируемого и произвольно может быть воспроизведено в состоянии бодрствования. С этих позиций В. М. Бехтерев объяснял и природу постгипнотического внушения, проявляющегося в виде какого-то поступка, галлюцинации, ложного воспоминания

(так называемые ретроактивные галлюцинации), подавления ощущения (в том числе и боли), устранения внешнего восприятия (отрицательные галлюцинации), временного изменения личности усыпленного и т. д.

Бернгейм, Форель и др. объясняли постгипнотическое внушение тем фактом, что гипнотизированный за весь период между моментом внушения и его исполнением думает о нем, хотя сам этого не знает. В. М. Бехтерев считал, что здесь речь идет об ассоциации внушенного с каким-либо признаком срока его выполнения.

С начала XIX в. вплоть до наших дней идет острая дискуссия по вопросу о реальности внушенных в гипнозе психических и физиологических явлений. На самом ли деле усыпленный не чувствует боли или он силой воли подавляет внешние ее проявления? Ответ на эти вопросы В. М. Бехтерев искал при помощи экспериментального исследования. Он исходил из представления о том, что физиологические процессы, которым сопутствует боль, нельзя подавить волевым путем. Если усыпленный во время гипноза испытывает боль, то он может сознательно подавить крик и отдергивание руки и заявить, что он боли не ощущает, но он не может силой воли влиять на реакцию зрачков, сосудов, сердца и других органов.

На основании исследований В. М. Бехтерев делал вывод, что у «глубоких гипнотиков внушенная анестезия есть действительно реальный факт, а не продукт их воображения»¹³.

Существенной особенностью гипноза является повышенная внушаемость в нем. Этот факт В. М. Бехтерев объяснил следующими причинами, составляющими суть самого гипнотического процесса: а) бездействием воли и рассудка усыпленного в гипнозе; б) внушения в гипнозе имеют характер более ярких чувственных образов, чем сновидения естественного сна; в) гипнотизер подчиняет себе волю загипнотизированного и пользуется полным его доверием; г) ограниченность восприятия внешнего мира, а чаще всего и целенаправленность этого восприятия зависит от желания гипнотизера.

В. М. Бехтеревым были проведены интересные опыты

по выявлению роли гипноза и внушения на образование двигательных сочетательных (условных) рефлексов у человека¹⁴.

Углубленное изучение гипноза привело к тому, что психологи стали обращать больше внимания на такое важное психическое явление, как внушение, которое в последние два десятилетия XIX в. стало предметом многочисленных исследований, в стороне от которых не остался и В. М. Бехтерев.

Внушение и телепатия. Ведущие психологи, психиатры, психотерапевты и гипнологи проявляли повышенный интерес к внушению — этому явлению человеческой психики. Интерес В. М. Бехтерева к изучению внушения был вызван рядом обстоятельств. Как выдающийся психотерапевт, он хорошо понимал, что внушение может служить одним из основных средств лечения. В психотерапии оно применяется как во время гипнотических сеансов, так и в состоянии бодрствования. Поэтому В. М. Бехтерев, пользуясь в своей практике этим лечебным фактором, не мог не изучить его природу, механизмы осуществления, условия применения и вообще его роль в жизни человека. Исследованиями этой стороны внушения занимался Бехтерев — ученый-психолог.

Внушение привлекало внимание В. М. Бехтерева и потому, что оно играло заметную роль во многих процессах общественной жизни. «В настоящую пору, — писал он, — так много вообще говорят о физической заразе при посредстве *contagium vivum*, или физических микробах, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о *contagium psychicum*, приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и невидимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом — где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными»¹⁵. Роль такого «микроба» играет внушение. Диапазон действия внушения в жизни

общества очень широк: это и воспитание в самом широком смысле, и коммуникативная деятельность, и лечебная практика и т. д. Все эти аспекты внушения были предметом научных исследований В. М. Бехтерева.

В соответствии с господствующими в конце XIX в. представлениями о внушении В. М. Бехтерев рассматривал его как непосредственное прививание тех или иных психических состояний от одного лица к другому, происходящее «без участия воли воспринимающего лица и нередко без ясного с его стороны сознания». Внушение принципиально отличается от убеждения как способа воздействия одного человека на другого. Убеждению присуща логика, нужны факты, критическое их освещение и ясность сознания. Внушение проникает во внутренний мир человека без критики и обсуждения, без сопротивления. При внушении идеи, чувства, мысли, выбор решений и т. д. проникают в «сферу общего сознания без всякого участия личного сознания»¹⁶.

В акте внушения В. М. Бехтерев различал процедуру его осуществления и содержание. Он считал, что в определение понятия внушения следует включать как способ психического воздействия, так и результат этого воздействия. В слове «внушать», писал он, «мы подразумеваем не только особый способ воздействия на то или другое лицо, но и возможный результат этого воздействия, и, с другой стороны, в слове «внушение» мы подразумеваем не только достигнутый результат в психической сфере данного лица, но и в известной мере тот способ, который привел к этому результату»¹⁷.

Как мы уже отмечали, сила внушения ярче проявляется в состоянии гипноза, когда подавлены воля и активное внимание усыпленного. Это возможно потому, отмечал В. М. Бехтерев, что «воля парализуется верой в силу гипноза и внушения и субъект не может на внушении сосредоточить волевое внимание, оно улавливается лишь непроизвольным вниманием...».

Какие факторы благоприятствуют внушению? Прежде всего доверие к тому, кто внушает. Далее следует

отметить наличие господствующих идей в сознании отдельных лиц или целых групп людей. При таких условиях легко возникают всякого рода внушенные иллюзии и галлюцинации. «Когда, — писал В. М. Бехтерев, — господствует в населении или в группе лиц то или другое настроение и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица с психической неуравновешенностью особенно легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мыслей, которые тотчас же путем невольного внушения, словесного или иного, сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях»¹⁸

Близким по своей природе к внушению является самовнушение. Последнее отличается от первого тем, что прививание психических состояний обусловлено не посторонними влияниями, а внутренними факторами, источник которых находится в психической сфере лица, подвергшегося самовнушению.

Внушению принадлежит важная роль не только в сознании отдельной личности, но и в жизни общества в целом и отдельных его коллективов. «Можно сказать, — отмечал он, — что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором более или менее видная роль не выпадала бы на долю внушения и самовнушения»¹⁹. Без учета роли внушения в мотивации поведения больших групп людей ряд социальных и исторических явлений может получить неполное, неточное, а может быть и неверное, истолкование.

Само собою понятно, что много внимания В. М. Бехтерев уделял внушению как лечебному фактору. Важнейшим условием эффективного применения внушения как лечебного средства является вера больного в действенность применяемого средства, вызывающая ожидание грядущего исцеления. Без такой веры невозможна никакая психотерапия, никакое лечение словом.

Интерес В. М. Бехтерева к роли внушения в общественной жизни был вызван не только потребностями теории, но и широко распространенной практикой этого явления. Публикуемая в данном издании работа

«Роль внушения в общественной жизни» появилась в 1898 г. Это было время напряженной социально-политической активности различных слоев русского общества на пороге надвигавшейся революции и время широкого распространения различных религиозно-мистических учений и движений. Достаточно сослаться на такие явления, как малеванщина, эпидемии кликушества, увлечение спиритизмом, сеансы Софьи Штаркер, чтобы понять интерес В. М. Бехтерева к внушению как фактору общественной жизни.

В своем научном творчестве В. М. Бехтерев не прошел и мимо проблемы телепатии, или внушения на расстоянии. Термин «телепатия» ввели в науку английские исследователи Герней, Майерс и Подмор в 1886 г. для обозначения некоторых загадочных явлений психики. В буквальном переводе с греческого *телепатия* означает чувствование на расстоянии. По утвердившейся традиции под телепатией понимают психический процесс, при котором возможна передача мыслей, чувств, ощущений, желаний, команд и т. д. без посредничества известных нам органов чувств и технических средств. Такой подход к пониманию телепатии предполагает возможность передачи психических состояний при помощи особой энергии и экстрасенсорного восприятия.

В настоящее издание включены работы В. М. Бехтерева, которые дают представление о его взглядах на это явление. И здесь, как и во всех областях науки, он руководствовался правилом: для того чтобы решить какой-либо вопрос с научных позиций, следует пользоваться методами, адекватными предмету исследования, и делать выводы лишь на основании бесспорно установленных фактов. Он не отвергал с порога возможность наличия явлений типа телепатических, но он требовал строго научной проверки всего, на что ссылались сторонники телепатии. В. М. Бехтерев подчеркивал, что в принципе не отрицает права на научный поиск в изучении телепатии. Но все то, что было получено в процессе изучения этого явления, убеждало его, что «все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непрелож-

ным образом рушатся тотчас же, как только его подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено в сущности ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний»²⁰.

У В. М. Бехтерева был большой личный опыт изучения «тайных пружин» угадывания мыслей в соответствующих сеансах. В работе «Как происходит так называемое «отгадывание мыслей» на подмостках театров?» В. М. Бехтерев раскрывает приемы, которыми пользовались «угадчики» мыслей, для того чтобы добиться нужного эффекта. Прием оказался достаточно рациональным и нехитрым. Речь шла о зашифрованном языке. Раскрытие психологического механизма этих сеансов давало возможность В. М. Бехтереву ответить на давно стоящий перед ним вопрос: «Содержится ли в такого рода представлениях на самом деле мысленное внушение, или это фокус?» Сомнений не было — это фокус. Для окончательного решения вопроса о возможности внушения на расстоянии В. М. Бехтерев считал необходимым исследовать проблему в экспериментах над животными. Эту работу он проводил в 1916–1919 гг. совместно с известным дрессировщиком В. Л. Дуровым на собаках. Суть эксперимента заключалась в том, что в результате внушений собаки должны были совершать какие-то задуманные экспериментатором действия: побежать в определенное место или сделать какие-то определенные движения. Первые серии опытов проводились с участием самого В. Л. Дурова. Результаты вызвали серьезные возражения с методической точки зрения, ибо нельзя было исключить общение экспериментатора с дрессированным им же животным при помощи определенных знаков, воспринимаемых животным при помощи органов чувств.

Для устранения методических недостатков первой серии опытов в дальнейшем их стали проводить при следующих условиях: 1) опыты осуществлялись без участия дрессировщика; 2) опыт проводился лишь экспериментатором и его ассистентом; 3) записанное экспериментатором задание до конца опыта не сообщалось ассистенту; 4) собаки входили в эксперимен-

тальную комнату лишь перед самым опытом; 5) сделал мысленное внушение, экспериментатор отгораживался от собаки ширмой или иным путем; б) за выполнением задания следил только ассистент, не знакомый с тем, что внушал экспериментатор. Результаты и этой серии опытов были весьма скромными и неубедительными. На их основе В. М. Бехтерев делал вывод, что вопрос нельзя считать решенным и что проблема заслуживает дальнейшего исследования.

Как же смотрел В. М. Бехтерев на проблему телепатии со своей «энергетической» точки зрения? Он категорически отрицал существование нервно-психической энергии как своеобразной субстанции, лежащей в основе телепатических явлений. Это та же самая энергия, известная современной науке, которая при прохождении через сложные структуры живых систем, и в частности через нервную систему, превращается в нервно-психическую. Механизмом, при помощи которого в индивидуальном развитии высших животных и человека возникают сложные нервные структуры, порождающие психические явления и нервно-психическую энергию, является сочетательный рефлекс. Во всех случаях психической деятельности, даже и самой сложной с «точки зрения рефлексологической», — говорил В. М. Бехтерев, — дело идет о развитии сочетательного рефлекса на данные знаки».

Общим выводом, к которому приходит В. М. Бехтерев в результате многолетнего изучения проблемы телепатии, можно считать следующие его слова: «...что касается так называемого мысленного внушения на расстоянии, то нужно вполне определенно сказать, что до настоящего времени не было представлено ни одного безупречного и вполне убедительного факта, который бы говорил за возможность мысленного внушения на расстоянии. По крайней мере, все приводимые в этом отношении данные... не вполне выдерживают строгую критику»²¹.

Это было не только констатацией определенного итога изучения сложнейшей проблемы. Выдающийся ученый глубоко верил, что разгадка фокусов на театральных подмостках и отрицательные результаты

экспериментального исследования телепатии должны освободить научную мысль от мистификации в отношении будто бы доказываемой такими опытами непосредственной передачи мыслей на расстоянии от одного лица к другому с помощью так называемых N-лучей или какой-либо особой психофизической энергии²².

Однако надежды и прогнозы В. М. Бехтерева на снижение интереса к телепатии не оправдались, не оправдались они и по отношению ко всему оккультному вообще. В наши дни астрология, сеансы телепатии, лечение экстрасенсами, передача биоэнергии, вера в медиумов и ясновидцев, домовых и «разбушевавшийся дух» — самая настоящая эпидемия, наносящая огромный вред духовному и физическому здоровью миллионов людей.

В. М. Бехтерев оказался поистине пророком в своих утверждениях о том, что, чем больше будет средств воздействия на человеческую психику, способов передачи психического влияния на человека, тем более повальным будет увлечение таинственными явлениями человеческой психики. Как бы предвидя нашу сегодняшнюю действительность, он писал в 1894 г.: «Так как человечество вообще склонно преклоняться перед всем таинственным... то, без сомнения, те или другие приспособления и приборы, как бы увеличивающие действительную силу и значение производимых внушений, а иногда и обладающие в глазах внушаемого своего рода магической силой, получают огромное значение при всяком вообще психическом лечении»²³.

Миллионы людей, с надеждой ожидающие своего исцеления у экранов телевизоров во время сеансов А. Кашпировского, или покупатели газет, «заряженных» энергией А. Чумака, — бесспорное подтверждение пророчества В. М. Бехтерева. Месмер, Калиостро, Ганзен, Распутин и тьма гипнотизеров и лецителей прошлого могут лишь позавидовать им. И не только в плане успеха. Торжествуют идеи «флюидов», «животного магнетизма», «магнетической силы», «космических влияний», «биоэнергии» и т. д. В понимании сущности многих явлений психической жизни человека

мы опускаемся к более низким ступеням развития наших знаний. В течение последних 150 лет наука (в том числе и благодаря трудам В. М. Бехтерева) доказала, что психика — это работа человеческого мозга, результат его «сочетательной» деятельности, а не проявление всяких сил и «энергий».

В. М. Бехтерев не только изучал, использовал и пропагандировал гипноз и внушение как лечебные методы, но и обращал самое серьезное внимание на условия и показания их применения. Он руководствовался важнейшим принципом применения любого лечебного средства — «прежде всего не вреди!». В этом отношении как врачи, так и все интересующиеся найдут в публикуемых работах В. М. Бехтерева много поучительного и полезного для себя.

В результате многолетних исследований В. М. Бехтерев создал оригинальную теорию о природе внушения как своеобразного психического явления, связанного с глубокими изменениями в структуре сознания. «...Сущность внушения, — писал он, — заключается не в тех или других внешних его особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления»²⁴.

Внушение, гипноз и структура сознания. Под влиянием сильно идеологизированной критики «рефлексологии» и «энергетизма» В. М. Бехтерева сложилось представление о том, что он не только не исследовал проблему сознания, но и вообще отрицал его. На самом деле все обстоит совершенно по-иному. Как мы уже видели, его представления о природе и сущности гипноза и внушения органически связаны с его взглядами на сущность и структуру сознания, на соотношение сознания и бессознательного.

Что же В. М. Бехтерев понимал под сознанием человека? В актовой речи «Сознание и его границы», произнесенной 8 октября 1888 г. в Казанском университете, он определял сознание как «ту субъективную окраску или то субъективное, т. е. внутреннее, непосредственно нами воспринимаемое состояние, к которому или которым сопровождаются многие из наших психических процессов. Благодаря этой субъективной

окраске мы можем различать наши психические процессы по их сложности и тем или другим присущим им особенностям»²⁵.

В. М. Бехтерев различал две формы осознаваемости психических процессов. Первая из них — «степени ясности сознания». С точки зрения рассматриваемого здесь вопроса о сущности гипноза и внушения эта сторона учения В. М. Бехтерева о сознании нас не интересует.

Другая форма осознаваемости, по В. М. Бехтереву, состоит в наличии в сознании различных психических процессов, отличающихся по их содержанию и отношению к личности человека, к его «я». В этом аспекте, подчеркивал он, правильнее было бы говорить «о специальных видах сознания по сложности его содержания, а не по степени самого сознания»²⁶.

Какие «специальные виды сознания» выделял В. М. Бехтерев? Низшей, начальной формой всякого человеческого сознания является такая его форма, когда в нем еще нет никаких ясных представлений, кроме восприятия собственного существования, кроме представления о том, что есть «я» и есть нечто другое, совершенно неопределенное. Вторым уровнем в структуре сознания является выделение в нем группы представлений о «я» как субъекте восприятия в отличие от «не-я», или объекта. На этом этапе возникает самосознание, представление о самобытности и неповторимости индивидуального человеческого существования. В этом сознании существенное место занимают представления о положении собственного тела в пространстве и о движениях его членов. Следующая ступень в структуре и развитии сознания связана с «сознанием пространства», когда человек может создавать пространственные представления об окружающем его мире. После «сознания пространства» следует «сознание времени». На следующей, более высокой ступени развития сознания появляется «сознание своей собственной личности». В нем господствуют элементы, составляющие интимное ядро личности человека. Сюда относятся прежде всего представления о нравственных, религиозных, правовых и прочих нормах. С этой формой сознания связаны и первые проявления воли чело-

века как характернейшей черты его человеческой сущности.

Высшей ступенью развития сознания В. М. Бехтерев считал то состояние психики человека, когда он, с одной стороны, обладает способностью по желанию вводить в сферу сознания те или другие из бывших до этого в его сознании представлений и, с другой стороны, может давать себе отчет о происходящих в его сознании явлениях, о течении потока психических процессов, о причинах переживаемых им психических процессов и о последствиях своих поступков. Человек может анализировать свою психическую деятельность, давать отчет обо всем, что происходит с ним. Именно эта способность самопознания и самоотчета является самым характерным признаком полного сознания.

Эти формы сознания В. М. Бехтерев рассматривал как различные «ступени развития его содержания». Каждый из уровней организации сознания не только имеет собственные характеристики, но и предполагает, содержит в «снятом виде» особенности, присущие и всем предшествующим, более низким ступеням развития сознания, более примитивным, архаичным его структурам.

По представлению В. М. Бехтерева, соподчинению структур сознания, основным способам его функционирования соответствуют и основные этапы его развития в онтогенезе каждого отдельного человека. На более ранних этапах развития личности возникают более простые ступени и структуры сознания, на более поздних — более сложные и богатые содержанием.

При ряде патологических процессов распад сознания идет в обратной прогрессивному развитию последовательности: то, что появилось позже всего в индивидуальном развитии, подвергается торможению или разрушается раньше других форм сознания. Прежде всего утрачивается способность самосознания активных волевых действий и произвольного внимания. Далее, подавлению или деструкции подвергаются нравственные устои личности, и лишь после этого происходят изменения в сознании времени и пространства и т. д.

В связи с разработкой концепции сознания В. М. Бехтерев большое внимание уделял явлениям *перцепции*

и *апперцепции*. В соответствии со сложившейся традицией перцепцию он понимал как процесс, благодаря которому то или другое впечатление доходит вообще до сознания, а под апперцепцией понимал процесс, благодаря которому внешние впечатления входят в сферу ясного, «полного» сознания. Поэтому существуют восприятия перцептированные, но не апперцептированные.

Ясное, «полное» сознание возможно лишь при наличии активного внимания. Последнее связано с восприятием событий, отличающихся, как правило, новизной и эмоциональной насыщенностью. Легко апперцептируются раздражители, выделяющиеся из остальных и имеющие особое значение для воспринимающего.

«Следовательно, — писал В. М. Бехтерев, — сила чувства, которым благодаря тем или другим ассоциациям сопровождается представление, — вот что в данном случае служит причиной, что это представление вводится в пункт наиболее ясного сознания»²⁷. Существенную роль в апперцептировании внешних воздействий играет и процесс ожидания каких-либо событий.

При отсутствии указанных условий и особенно при ослаблении внимания восприятие внешнего мира не попадает в фокус ясного сознания. Отвлечения нашего внимания, по Бехтереву, достаточно для того, чтобы «введение данного представления в сферу ясного сознания не совершилось»²⁸.

В дальнейшем в «объективной психологии» и «рефлексологии» свои взгляды на сущность сознания В. М. Бехтерев развивал в учении о личном и общем сознании, об активном и пассивном восприятии и внимании (сосредоточении).

Личное сознание с активным восприятием — это то сознание, которое составляет сущность нашего «я» вместе со всеми подчиненными ему явлениями психической жизни. Общее сознание с пассивным восприятием — это те явления психики человека, которые не находятся в тесном взаимоотношении с «я» личности.

Личное сознание представляет собой высшую в развитии и самую богатую по содержанию ступень сознания. Оно связано прежде всего с волевыми процессами

и активным вниманием. Именно воля и активное внимание, а также активное восприятие являются важнейшими орудиями человеческого «я», личного сознания в познании и практическом изменении мира.

Благодаря воле, писал В. М. Бехтерев, человеческое «я» *«воздействует определенным образом на окружающий нас мир, активное же внимание извлекает из внешнего восприятия определенные впечатления, которые благодаря принадлежности активного внимания нашему я вступают в тесное соотношение с последним, становясь прочным его достоянием»*²⁹.

В личностную сферу сознания наряду с внешними впечатлениями входит и совокупность следов от органических рефлексов. К совокупности органических рефлексов благодаря сочетаниям присоединяется известная часть следов рефлексов, возбуждаемых внешними раздражениями. В результате этого сплава органического и внешнего реакции личной сферы на внешние раздражения всегда находятся в прямой зависимости от потребностей организма. У человека связь потребностей организма с внешними раздражениями, осуществляемая личной сферой сознания, относится не к ближайшему удовлетворению потребностей организма, что связано с инстинктом, а к обеспечению более оптимальных жизненных условий для его существования. Высшие животные, в том числе и человек, под влиянием непосредственных органических потребностей выбирают съедобные вещества и избегают несъедобных или вредных. Наоборот, при удовлетворении органических потребностей отвергается то, что в другое время является предметом страстных вождений.

Но когда, несмотря на голод, человек воздерживается от приема пищи или, несмотря на усталость, он продолжает работать или вообще развивать деятельность не под непосредственным влиянием инстинктов, а для обеспечения своих потребностей в будущем, то речь идет о личной органической сфере. Последняя, подчеркивал В. М. Бехтерев, хотя развивается в связи с органическими раздражениями, «возбуждающими инстинктивные рефлексы, но в сущности представляет собой совокупность следов прошлого

опыта, возбуждающих двигательные реакции вне прямой зависимости от инстинктивных рефлексов, — реакции, частью согласованные с последними, частью же идущие им как бы наперекор»³⁰.

Самостоятельность, самодостаточность и самодеятельность личной сферы В. М. Бехтерев видел не только в особом ее отношении к потребностям организма, но и в особом отношении организма ко внешним раздражениям, обусловленным исключительно прошлым влиянием на внутриорганические процессы.

Личная сфера, являющаяся совокупностью следов внешних и внутренних раздражений и оживляющаяся при любом изменении общего состояния организма, а также при всевозможных внешних воздействиях, составляет интимное ядро психики. Поэтому личная сфера органического характера, заключая в себе важнейшие моменты прошлого опыта, является основой активного самостоятельного отношения к окружающему миру.

С развитием общественной жизни личная сфера человека не ограничивается следами только сочетательных рефлексов, связанных с органическими потребностями. В тесной связи с ними происходит образование следов, обусловленных теми или иными условиями общественной жизни. Из личной сферы органического характера развивается социальная личная сфера. Последняя лежит в основе нравственных и социальных отношений между людьми. Эта социальная личная сфера, поднимаясь до оценки социальных отношений, приводит к образованию целостной личности, т. е. личности как самобытной психологической особи. Поэтому личность, согласно В. М. Бехтереву, «есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями, индивид, представляющийся самодеятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям»³¹.

Психические процессы, связанные с личным сознанием, по желанию человека могут быть воспроизведены в его сознании, извлечены из памяти и поставлены во взаимоотношения с любым элементом осознаваемых в данный момент психических процессов. Восприятие, совершающееся при отсутствии активного внимания, попадает в сферу «общего сознания». Такие восприя-

тия входят в состав психики человека. Они оставляют следы в памяти, влияют на мотивацию его поведения, на творческие процессы. Но они не вступают во взаимоотношения с «я», с самым высоким уровнем организации сознания.

Любая форма психической деятельности человека, связанная с его «я», есть результат взаимодействия общего и личного сознания. При этом «личное сознание» играет скорее всего роль направляющего начала, «которое следит за общим ходом мыслительного процесса и внимательно относится к его конечным результатам, тогда как вся сложная подготовительная работа, дающая материал для творчества и мышления, обязана главным образом сфере общего сознания»³².

Процессы, происходящие в общем сознании, отличаются от процессов в личном сознании по двум существенным признакам: 1) тем, что лишены направляющего начала, которое создается в личном сознании, в «я» субъекта, и 2) тем, что сами по себе процессы, осуществляющиеся в общем сознании, не могут быть по произволу вводимы в сферу личного сознания.

Сфера общего сознания подчиняется законам здравого смысла и нравственным нормам. Поскольку общее сознание органически связано с личным сознанием, то очевидно, что и для общего сознания должны существовать практически те же законы логики и те же нравственные устои, что и для личного сознания.

Это доказывается сложностью движений загипнотизированного и тем, что «лица с различной нравственностью относятся неодинаково к внушениям, задевающим их честь, нравственные и религиозные понятия»³³.

В. М. Бехтерев исследовал и вопросы, связанные с механизмами, при помощи которых психические процессы, совершающиеся в области общего сознания, переводятся в сферу личного сознания. К таким механизмам он относил подобие (сходство), ассоциации, сновидения, галлюцинации, звучание собственных мыслей.

Мы уже отметили, что В. М. Бехтерев рассматривал гипноз как видоизмененный сон, сходный в своих глубоких степенях с естественным сомнамбулизмом. По-

этому в гипнозе, как и при естественном сомнамбулизме, полностью или частично угасает личное сознание и остается функционировать лишь сфера общего, безличного сознания. Критикующая и контролирующая роль личного сознания сводится к минимуму. Поэтому состояние гипноза является благоприятной почвой для всякого рода внушений, которые вступают в сферу общего сознания бесконтрольно. Эти же внушения при определенных условиях, создаваемых самим внушением, вступают и в сферу личного сознания как готовые и непонятные для «я» продукты психической деятельности и нередко подчиняющие себе это «я».

В гипнозе участвуют двое: гипнотизер и гипнотизируемый. Это единая система, в которой происходят существенные изменения в структуре сознания гипнотизируемого. Благодаря процедурам гипнотизации «личное сознание» пациента подавляется и его место занимает «личное сознание» гипнотизера. Гипнотизер может вводить в «общее сознание» усыпленного любое психическое содержание, которое там трансформируется. Состояние гипноза можно рассматривать как своеобразный «кентавр», соединяющий «общее сознание» гипнотизируемого с «личным сознанием» гипнотизера. При просыпании гипнотика «личное сознание» гипнотизера как бы «отсоединяется» от «общего сознания» загипнотизированного и вновь «подключается» его собственное «личное сознание». Однако оно не может произвольно распоряжаться тем, что было в «общем сознании» во время гипноза. Этот процесс и лежит в основе амнезии.

Внушение в состоянии бодрствования В. М. Бехтерев тоже связывал с «общим сознанием» того, кто подвергается воздействию. Следовательно, и здесь речь может идти о каких-то формах подавления личного «я» и внедрения психического содержания в «общее сознание». Но в данном случае соотношение внушенного и «личного сознания» пациента существенно отличается от их соотношения в гипнозе.

Факт, что при внушении в состоянии бодрствования нет амнезии (или имеется лишь частичная), говорит о том, что содержание внушения связывается с «личным сознанием» и может быть воспроизведено

произвольно. Видимо, в данном случае тормозятся лишь механизмы логической обработки внушаемого с сохранением его связей на уровне памяти, т. е. выключаются лишь определенные элементы «личного сознания».

При внушении «личное сознание» не участвует в психических процессах, происходящих на уровне «общего сознания», но активно и произвольно может пользоваться результатами этих процессов. Поэтому внушение можно рассматривать как своего рода осознаваемый и в то же время иррациональный психический процесс, играющий огромную роль в индивидуальной и общественной жизни человека.

Проведенный выше анализ сущности гипноза и внушения дает основание считать, что речь идет о разных формах «архаизации» психической деятельности. На эту сторону гипноза особое внимание обращают психоаналитики. По существу В. М. Бехтерев тоже рассматривал гипноз и внушение как более архаические по сравнению с логическим мышлением, связывая их с «общим сознанием». Момент «архаизации» психической деятельности в состоянии гипноза И. П. Павлов отмечал и в опытах на собаках. Во время гипноза наблюдается своеобразная «диссоциация» павловского условного слюнного рефлекса: торможение целенаправленных движений животного и сохранение слюноотделения как более древней и автоматизированной (вегетативной) функции.

Эту закономерность подчеркивал и В. М. Бехтерев. Как при разрушении двигательной области коры головного мозга, так и при гипнозе прежде всего страдают «обособленные», «личные» движения и произвольные действия человека. Видимо, есть все основания считать, что с «архаизацией» психической деятельности при гипнозе и внушении следует связывать большие сдвиги не только психических, но и физиологических функций организма (чувствительность, сердечно-сосудистая система, дыхание, эндокринные изменения и др.).

Как уже отмечалось, в «органическую» личную сферу В. М. Бехтерев включал и основные физиологические функции организма. Поэтому «общее созна-

ние» — это такой уровень организации психофизиологических процессов, где еще нет противопоставления субъективного объективному, соматической сфере понятий язык психического. Отсюда следует, что при помощи внушений можно регулировать нарушенные физиологические функции психологическими средствами, в чем и состоит могущество всякой психотерапии и вообще всякого слова.

Взгляды В. М. Бехтерева на сущность гипноза и внушения и на структуру сознания дают право считать, что у него была концепция сознания и бессознательного, которая до сих пор, к сожалению, не привлекла внимания специалистов, но безусловно заслуживает глубокого научного анализа.

Гипноз

Гипноз *

Со словом «гипнотизм», или сокращенно «гипноз», публика обычно связывает понятие о чем-то таинственном, о загадочном действии особой «магнетической» силы одного лица-магнетизера (гипнотизера) на другое (гипнотизируемое) лицо. Здесь мы имеем отзвуки господствовавшего прежде понятия о «животном магнетизме», т. е. об особой силе, подобной магнетизму, которая будто бы свойственна животным организмам. При этом влияние одного человека на другого объяснялось истечением этой силы в виде так называемого флюида с концев пальцев (при пассах) или из глаз гипнотизирующего во время сеансов гипноза. И поныне этот взгляд особенно охотно поддерживается так наз. магнетизерами, пользующимися явлениями гипноза в своекорыстных целях эксплуатации доверчивых лиц. Так именно смотрел наиболее известный из магнетизеров Месмер, живший в конце прошлого столетия, прославившийся своими «магнетическими» сеансами, особенно в Вене и в Париже, вследствие чего и самая теория истечения особых флюидов часто обозначается именем месмеризма.

Наука давно отрешилась от этих и подобных им необоснованных теорий, хотя некоторые из ученых и придерживались при объяснении явлений гипноза подобной же точки зрения (Льюис во Франции, у нас врач Каптерев и некоторые другие).

Существенный шаг в научном разъяснении явлений гипноза сделал в свое время Бред, написавший в 40-х годах истекшего столетия исследование о гипнотизме, затем французский врач в Нанси Льебо, лечивший гипнотическим внушением больных и тоже написавший об этом методе интересное сочинение. Наконец, видную роль в истории вопроса сыграл знаменитый невропатолог Шарко, демонстрировавший в парижском госпитале Сальпетриер явления гипноза на истеричных врачам всего мира, съезжавшимся в Париж. Он рассматривал

* Печатается по: Вестник знания. 1925. № 16.

гипноз как особое нервное состояние, вызываемое физическими приемами. Однако Шарко встретил резкого противника своих взглядов в лице проф. Бернгейма (в городе Нанси, близ Парижа), вызывавшего гипноз путем словесного внушения и рассматривавшего самый гипноз как внушенный сон и все явления, наблюдаемые в гипнозе, как результат одного лишь словесного внушения. Эти разноречия сыграли затем большую роль в выяснении явлений гипноза, почему названные четыре исследователя и должны считаться основоположниками учения о гипнозе. Ныне же по гипнозу имеется огромная литература.

Понятия о гипнозе и внушении в обыденной жизни постоянно фигурируют рядом друг с другом и трактуются нередко как почти равнозначные. Это объясняется исключительно тем, что силу внушения наука познала через гипноз, а когда процесс внушения был лучше изучен в гипнозе, то и самый гипноз такие авторы, как Бернгейм, стали объяснять действием внушения. На самом же деле между понятиями внушения и гипноза нет ничего подобного тождеству. Под внушением мы понимаем обыкновенно влияние одного человека на другого, чаще всего через посредство слова, которое действует на другого человека не путем убеждения, как это мы наблюдаем ежечасно в беседах, а путем непосредственного прививания ему тех или других мыслей и состояний. Понимаемое в этом смысле внушение представляет собою явление, которое наблюдается везде и всюду в социальных условиях жизни, и притом наблюдается в бодрственном состоянии человека при общении людей между собою, в гипнозе же проявляется лишь с особенною яркостью и силою.

Что же такое гипнотическое состояние? Известно, что Шарко рассматривал его как особое нервное состояние, подобное истерии, Бернгейм — как внушенный сон, некоторые признавали его за особую эмоцию или душевное волнение (аффект), а я признавал правильным рассматривать его как особое видоизменение естественного сна.

Мнение Шарко, признававшего в гипнозе особое нервное состояние, подобное истерии, ныне совершен-

но оставлено, с тех пор как опыты показали, что гипнозу в той или иной степени поддается большинство людей, если не все. Признать же всех истеричными, очевидно, нельзя. Этой теории нанесен окончательный удар, когда выяснилась необходимость признать гипноз и у животных за явление, совершенно аналогичное и родственное человеческому гипнозу. Особенно убедительные данные в этом отношении были представлены работами В. Данилевского и позднее Мангольда о гипнозе животных.

Определение Бернгейма, пользующееся широкою распространенностью, по которому гипноз есть «внутренний сон», также должно быть признано неудовлетворительным. Дело в том, что такое понимание гипноза предполагает, что все в гипнозе объясняется внушением и что самый гипноз вызывается всегда лишь внушением. Между тем имеется ряд фактов, которые решительно говорят против такого толкования явлений. Сюда относится, напр., указанная еще Шарко повышенная механическая нервно-мышечная возбудимость, наблюдаемая иногда в глубоком гипнозе и характеризующаяся тем, что при простом механическом раздражении, производимом над нервами или мышцами, происходит сокращение соответствующих мышц. Явление это никак не укладывается в рамки одного «психического» воздействия, обозначаемого внушением.

Правда, некоторые из явлений гипноза Бернгеймом признавались результатом выучки истеричных в Сальпетриере при постоянных демонстрациях проф. Шарко, но мы увидим ниже, что на самом деле это не так, ибо в нашей клинике было выяснено, что это явление действительно наблюдается в глубоких степенях гипноза, соответствующих летаргии Шарко. Д-ром Финне у нас был подтвержден и другой факт для глубоких степеней гипноза, что магнит, приближаемый незаметно от больных к тому или другому нерву, вызывает сокращения соответствующих мышц. Эти явления с внушением, конечно, не могут иметь ничего общего. Другие данные были в свое время представлены мною. В одном, напр., случае дело шло о болезни невропатолога, страдавшего раком позвоночника, приведшим вследствие разрушительного процесса к поражению

спинного мозга, к параличу и контрактурам (сведе-нию) нижних конечностей. Все лечение ввиду неизлечимости состояния, скрывавшейся от самого больного, сводилось, собственно, к возможному облегчению его морального состояния. Для этой цели ему одно время были применяемы массаж ног и пассивная гимнастика стоп и вместе с тем, по его просьбе, внушение, производимое мной по методу Бернгейма. И вот что оказалось: усыпление больного под влиянием внушения достигало средней степени гипноза, в котором больной подчинялся внушениям, но вспоминал многое по выходе из гипноза. При этом и анестезия была настолько умеренная, что о расправлении сведенных конечностей вследствие появлявшейся при этом болезненности не могло быть и речи; между тем пассивная гимнастика стоп, производимая простым фельдшером и состоявшая в простом поворачивании стоп в голеностопном суставе справа налево, приводила к глубокому гипнозу, сопровождавшемуся столь значительной анестезией (бесчувственностью), что полное расправление сведенных конечностей производилось без всяких болей. Таким образом, ясно, что словесное внушение не могло достигнуть того, что могло быть осуществлено простым «физическим» воздействием, а отсюда следует, что нельзя все в гипнозе, как и самый гипноз, сводить к одному словесному или психическому воздействию. Еще один пример.

Среди моих пациентов был один крестьянин-инородец из новобранцев, не понимавший русского языка, который страдал спинномозговым порезом, или неполным параличом, и которого я исследовал в отношении рефлексов, получаемых с большеберцовой кости. Для этой цели я должен был многократно молча поколачивать по передней поверхности берцовой кости. Не прошло и пяти минут, как я заметил, что мой испытуемый заснул. Предположив, что дело идет о гипнозе, я сделал, в целях испытания, внушение запахов и разных вкусовых веществ, и оказалось, что внушенные галлюцинации удавались полностью. Этот факт заставил признать, что дело шло в данном случае не об обыкновенном сне, а о гипнозе; между тем данный крестьянин-инородец внушению вовсе не подвергался и

даже не понимал русского языка. Ясно, что и здесь дело шло о воздействиях механического характера, приведших к гипнозу при отсутствии внушения. Я имел также случай, когда под влиянием простого внушения удавалось вызвать у одной из женщин гипноз умеренной степени, тогда как сильное освещение зеркалом без всякого внушения вводило ее в столь глубокое гипнотическое состояние с характером летаргии, что вывести ее из гипноза можно было не иначе как путем сильного механического расталкивания с окриком или путем применения сильного форадического тока, тогда как внушение проснуться, даже повторяемое с настойчивостью, оставалось безуспешным. То же было и в другом моем случае.

Эти и подобные им факты не оставляют сомнения в том, что гипноз вызывается не одним внушением и что физические воздействия оказываются иногда более действенными, чем словесное воздействие в форме внушения.

К такому же заключению приводит и тот факт, что дети в младенческом возрасте легко усыпляются путем методического поглаживания или легкого похлопывания по спине и монотонного напева колыбельной песни, тогда как словесное внушение здесь не играет роли.

Наконец, в настоящее время, как мы уже говорили, установлено, что гипноз животных является совершенно аналогичным гипнозу у людей, а у животных о словесном внушении не может быть и речи.

С другой стороны, нельзя признать безоговорочно и то сближение гипноза и сна, доходящее почти до отождествления, которое делает Бернгейм. Гипноз и сон при известных чертах сходства имеют и существенные отличия. Так, с гипнотиком можно говорить и получать от него ответы; далее, во время гипноза наблюдается повышенная внушаемость, каковой не бывает в обыкновенном сне: загипнотизированного можно заставить путем внушения автоматически ходить, выполнять те или другие действия и т. п. Это и послужило для меня в свое время основанием к тому, чтобы признать гипноз не за сон, хотя бы и внушенный, а за своеобразное видоизменение сна, точнее — родственное сну состояние.

К сказанному следует добавить, что гипноз отличается от обыкновенного сна еще одной особенностью, так наз. раппортом. В глубоком гипнозе между гипнотизируемым и гипнотизатором устанавливаются особые отношения: первый слышит только слова второго, подчиняется ему во всем, исполняет его внушения беспрекословно, тогда как на воздействия сторонних лиц он совершенно не реагирует.

Посмотрим теперь, на чем основывается эмоциональная теория гипноза. Она опирается на тот факт, что при некоторых эмоциях утрачивается способность воспроизводить пережитое во время сильной эмоции и вместе с тем во время переживаемой эмоции обнаруживается повышенная внушаемость. Эти обе черты, как известно, наблюдаются и в гипнозе. Но при сходстве в указанном отношении все же гипноз не подойдет ни под одну из известных нам эмоций, а чтобы признавать его особой эмоцией, следовало бы указать его биологическую природу, ибо так наз. эмоции, или, выражаясь объективно, мимико-соматические состояния, вырабатываются в жизненных условиях как определенные реакции при тех или иных внешних условиях. Испуг при внезапном внешнем воздействии, страх при опасности, стыд как защитный рефлекс против посягательств на половую сферу, ревность как опасение утраты полового объекта и т. п. — все это мимико-соматические состояния, выработавшиеся как целесообразные рефлексы при соответственных условиях.

Какую же эмоцию или какое мимико-соматическое состояние представляет собою гипноз как родственное сну состояние?

Если гипноз, как мы знаем, наблюдается и у животных, то вполне естественно, что корни его происхождения находятся глубоко в органическом мире. И действительно, в целом ряде животных, от низших до высших, мы наблюдаем особые состояния «оцепенения», или явления так наз. мнимой смерти, которые у тех же животных могут быть вызываемы и искусственно. Когда жучок или паук ползет по бумаге, достаточно легкого удара по столу или по листу бумаги, чтобы он мгновенно и на долгое время сделался неподвижным, иначе говоря, замер в оце-

пенелом состоянии. Если, захватив змею за хвост, мы быстро встряхнем ее в воздухе, то увидим, как она мгновенно оцепенеет и становится твердой, как палка. Быть может, этим объясняется древнее «чудо», когда в руках Моисея, открывшего источник воды, жезл превратился в змею. Птичка под пристальным взглядом неожиданно появившейся змеи цепенеет и становится ее жертвой, хотя, казалось бы, легко могла улететь и тем избежать гибели. Крупный африканский грызун капибара, несмотря на то что обладает быстрым бегом, точно таким же путем попадает в пасть змеи. Аналогичные примеры оцепенения представляют и более высшие позвоночные, до обезьян включительно. В условиях культурной жизни человека такие явления наблюдаются сравнительно редко, но и здесь мы знаем случаи «остолбенения» или «оцепенения» при внезапно возникающих внешних раздражениях, как, напр., при пожарах и землетрясениях. Вспомним библейское сказание о Сарре, превратившейся при виде гибели Содомы и Гоморры в «соляной» столб. (Название «соляной» здесь употреблено, конечно, в качестве сравнения.)

Спрашивается: каков биологический смысл этих явлений, характеризующихся внезапной скованностью движений? Наблюдения показывают, что они развиваются при внезапном появлении опасности. Но какой же смысл этих реакций и каким образом господствующий в природе естественный отбор мог удержать такое явление? Из вышеизложенного ясно, что во всем животном мире, до человека включительно, мы имеем общий тормозной рефлекс, развивающийся при условиях внезапных раздражений, поражающих мимико-соматическую сферу. Хотя этот рефлекс приводит в отдельных случаях к гибели индивида, в общем, однако, он является защитным, а следовательно, и полезным. Полезность этого тормозного рефлекса видна из того, что состояние оцепенелости является для большинства случаев в полной мере спасительным средством для животного.

Жучок, принимая неподвижное положение, становится менее заметным как цель для хищников. Известны опыты, что даже птенцы легко схватывают

ползущую гусеницу, тогда как спокойно лежащую гусеницу они оставляют в покое. И сама птичка в минуту опасности спасается путем неподвижного положения или состояния оцепенения от хищников. То же самое следует иметь в виду и по отношению к высшим позвоночным.

Если в отдельных случаях развитие этого рефлекса оказывается губительным для индивида, то нельзя упускать из виду, что то же мы наблюдаем и во всех вообще врожденных рефлексах. Они оказываются целесообразными для огромного большинства случаев и могут оказаться как раз нецелесообразными и даже вредными в отдельных случаях. Примером может служить хотя бы мигательный рефлекс: будучи крайне полезен для глаз вообще, так как с помощью его частицы пыли удаляются со слизистых оболочек к внутреннему углу глаза, тот же рефлекс может оказаться и крайне вредным, если какой-либо острый предмет попадет под верхнее веко, ибо при мигании в этом случае возможно тяжелое повреждение роговицы глаза.

Полезность общего тормозного рефлекса с характером оцепенения использована в природе еще и в другом отношении, в интересах воспроизведения потомства, когда самка животных при условиях спаривания должна быть неподвижным существом. Это мы видим на земноводных и даже у птиц. Домашняя курица, на которую вскочил петух, захватив ее клювом за загривок, внезапно оцепеневаает, останавливаясь как вкопанная, и остается без малейшего движения в момент спаривания. Оцепенелость, связанная с появлением внезапных сильных раздражений того или иного рода, может обнаруживаться и под влиянием слабых и монотонных и вообще однообразных раздражителей. Примером может служить известное заволаживание змей звуками флейты, укрощение зверей пристальным взглядом и т. п.

Указанное состояние оцепенелости, наблюдаемое в природе, и есть прообраз гипнотического состояния, которое мы изучаем в лабораториях и клиниках. И то, что мы называем гипнозом, является лишь искусственным воспроизведением общего тормозного рефлекса в

виде сноподобной оцепенелости в той или иной степени.

Для вызывания гипнотического состояния у животных могут быть применяемы разные искусственные приемы, с которыми мы отчасти уже познакомились. Ящерицу, обладающую необычайной бойкостью движений, можно ввести в гипноз с помощью легкого поглаживания по грудке, предварительно закрыв ей глаза. Животное после этого оцепеневает, и ему можно придать, как и лягушке в гипнозе, любое положение, которое оно сохраняет долгое время. Известен старинный (еще с XVI столетия) эффектный опыт Kircher'a над куриными. Если петуха или курицу предварительно успокоить и затем осторожно, пригнув туловище его к доске, провести от головы линию мелом впереди клюва, то птица останется в оцепенелом состоянии со взором, устремленным вдоль проведенной линии. По личному опыту могу сказать, что всякую птицу, даже из певчих, можно загипнотизировать. Для этой цели достаточно, взявши в руки птицу, ее успокоить и, повернув брюшком вверх, поместить на краю стола, оставив голову в свешенном положении за краем стола; затем стоит легонько почесать пальцем шейку птицы, как она со сложенными лапками и крыльями на долгое время останется в неподвижном положении, без всякого движения, причем можно осторожно вытянуть ей лапку, приподнять крыло и даже осторожно воткнуть иглу в ее тело, и она остается без движения.

Наконец, искусственный гипноз может быть вызываем особыми приемами и у млекопитающих. Между прочим, Mangold предложил особый прибор, который мгновенно гипнотизирует животных, таких, напр., как кролик. Прибор необычайно прост и состоит в том, что животное ставится в станок, причем спина его упирается в крышу прибора. Затем с помощью особых лямок животное привязывается к крыше прибора под мышки и за ляжки, после чего при посредстве особого вóрота крыша мгновенно поворачивается на полукруг (180°), и животное благодаря этому оказывается мгновенно лежащим на крыше прибора лапами кверху. Этого маневра достаточно, чтобы животное оказалось

в гипнотическом состоянии. Очевидно, что в данном случае особую роль играет внезапное раздражение полукружных каналов уха как статического органа, поддерживающего равновесие тела, вследствие быстрого смещения содержащейся в них эндолимфы, как, по-видимому, дело обстоит и в случае быстрого сотрясения змеи за хвост.

Что касается человека, то у него мы получаем искусственное состояние оцепенелости или гипноза как с помощью физических приемов, например пассов, так наз. магнетического взгляда или длительных монотонных звуков и т. п., так и с помощью словесного внушения. Последнее имеет место потому, что у человека как существа социального слово как символ играет особо важную роль, замещая собою другие конкретные, т. е. физические, раздражители. Можно даже определенно сказать, что словесные раздражители в человеческом обществе играют гораздо более важную роль, нежели те или иные физические раздражители.

Для вызывания гипноза у человека я пользуюсь обыкновенно комбинированным раздражением, и физическим и словесным одновременно. С этой целью данное лицо усаживается в кресло, ему предлагается смотреть на блестящий кончик врачебного молоточка, после чего тотчас же начинается внушение о приближении сна, о расположении ко сну, о наступлении самого сна и т. д. Обыкновенно эта процедура длится не более одной-двух минут, чтобы с последним словом «засыпайте» человек впал в состояние гипноза той или другой степени, что зависит от индивидуальных условий гипнотизируемого лица.

Таким образом, мы приходим к выводу, что гипноз не является ни болезненным нервным состоянием наподобие истерии, как учил Шарко, ни искусственно вызванным сном или внушенным сном, как учил Бернгейм и как многие его до сих пор понимают, а представляет особое биологическое состояние в виде сноподобного оцепенения как общего тормозного рефлекса, наблюдаемого у различных видов животных, не исключая и человека. Это-то состояние может быть воспроизведено то в большей, то в меньшей мере искусственным

путем, с помощью физических мер у самых различных видов животных, а у человека еще и путем словесных воздействий.

Об объективных признаках внушений, испытываемых в гипнозе *

Как известно, при изучении гипноза немало труда было затрачено на исследование объективных признаков гипнотического состояния. Но помимо вопроса об объективных признаках самого гипнотического состояния немаловажное практическое значение имеет и вопрос о тех объективных признаках, которыми выражается осуществленное в гипнозе внушение. Всякому понятно, что даже в слабых степенях гипноза, когда гипнотизируемый субъект подчинен гипнотизатору, первый из чувства послушания подтверждает все делаемые гипнотизатором внушения, как будто бы они осуществлялись на самом деле, тогда как в действительности это осуществление остается лишь в воображении гипнотизируемого лица или оно осуществляется лишь в слабой мере или даже и вовсе не осуществляется.

Допустим, что мы внушаем анестезию. Загипнотизированный убежден, что анестезия наступила, и даже при исследовании на уколы он утверждает, что не испытывает боли, тогда как по гримасам лица, особенно при неожиданном уколе, нетрудно убедиться, что анестезия на самом деле не наступила или она выражена слабо. При соответствующих расспросах, конечно, не откажется подтвердить это и гипнотизируемый. То же самое может произойти и с другими внушениями, напр. с внушением гиперестезии, галлюцинаций, изменений настроения и т. п.

Ввиду этого и представляет особую важность изучение объективных признаков подействовавшего внушения, тем более что несомненное присутствие этих признаков, свидетельствуя об осуществлении внуше-

* Печатается по: Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1905. Вып. 4.

ния, говорит вместе с тем и о значительной внушаемости гипнотизируемого.

Между тем, если вопрос об объективных признаках самого гипноза имеет уже за собой известный ряд научных наблюдений, вопрос об объективных признаках реализации самих внушений представляется еще крайне мало разработанным, и по нему имеются лишь крайне скудные литературные указания.

Само собою разумеется, что в таких случаях, когда под влиянием внушения в гипнозе происходят изменения сердечной деятельности, остановка кровотоков и даже воспалительные явления на кожной поверхности, не представляется никакой надобности в каких-либо особых приемах для доказательства реального осуществления произведенных внушений. Но совсем иначе дело обстоит, когда мы внушаем галлюцинации, гиперестезию или анестезию, слепоту и т. п.

Здесь, без сомнения, нужны особые приемы для отыскания объективных признаков, убеждающих в том, что внушение осуществилось полностью, т. е. что произошла действительно гиперестезия или анестезия, слепота и т. п., а не имеются эти явления только в воображении лица, подвергнувшегося внушению.

Сравнительная скудость имеющихся литературных данных по занимающему нас вопросу и вынуждает обратиться на него особое внимание.

Мои исследования по занимающему нас вопросу начались еще в начале девяностых годов и были опубликованы впервые в сообщении, сделанном в Казанском обществе невропатологов и психиатров в 1893 г., и затем опубликованы в моих «Нервных болезнях в отдельных наблюдениях» (Казань, 1894)¹.

С тех пор наблюдения мои в этом направлении продолжались с разными перерывами до последнего времени, причем в позднейший период по моему предложению были произведены также исследования над влиянием внушенных в гипнозе эмоций на пульс и дыхание д-ром Лазурским². Кроме того, совместно с д-ром Нарбутом была опубликована мною работа под заглавием «Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе»³. Наконец, в последнее время было

произведено в нашей лаборатории систематическое исследование д-ра Срезневского над внушенными в гипнозе цветами.

До опубликования моих первоначальных исследований в литературе имелись интересные исследования, относящиеся к тому же предмету, Binet и Féré, из которых особенного внимания заслуживает состояние зрачков при внушении летящей птицы. Оказывается, что если заставить гипнотика смотреть на приближающуюся к нему летящую птицу, то вместе с конвергенцией глаз происходит постепенное сужение зрачка.

Со своей стороны я проделал над одной из больных, подвергавшейся гипнозу, следующий опыт, который, на мой взгляд, представляется еще проще, нежели опыт Binet и Féré⁵. Загипнотизировав одну особу и заставив ее открыть глаза в гипнозе, я внушил ей, что она видит вдали от себя светлую точку, и просил ее пристально всматриваться в эту точку. Затем я внушаю больной, что эта точка медленно приближается к ней и наконец находится непосредственно перед ее глазами. При этом можно было убедиться, что по мере кажущегося приближения светлой точки к глазам больной они постепенно сводились внутрь и вместе с тем зрачки их постепенно суживались. Наконец, при внушении, что светящаяся точка находится совсем близко, перед глазами, гипнотизируемая заявляет, что ей смотреть больно, причем можно было убедиться, что глаза ее в этот момент резко скашивались внутрь.

С тех пор как было сделано мною это наблюдение, я повторял тот же опыт и на других гипнотиках с одинаковым успехом. Где этот опыт не удавался, там, наверное, не было и соответствующей галлюцинации в настоящем смысле слова.

Moll считает опыт Binet и Féré одним из ценных объективных признаков последовавшего внушения, и нельзя отрицать, что он представляется легкодемонстрируемым. Но все же я полагаю, что как этот, так и приведенный нами опыт со светящейся точкой не могут быть признаны вполне безупречными для отличия симуляции от действительного внушения, так как кон-

вергенция глаз может достигаться и произвольным путем, сужение же зрачков есть явление, сопутствующее конвергенции.

Таким образом, достаточно, чтобы гипнотик, не видя никакой птицы или светящейся точки, только вообразил движущийся к себе предмет, чтобы получились в отношении глаз и зрачков все те явления, которые наблюдаются и при действительном видении.

Гораздо убедительнее как объективный признак осуществленного внушения представляется, на мой взгляд, следующий опыт, который мной был сделан около того же времени, как и вышеприведенный. В глубоком гипнозе дается внушение, что будут производиться сильнейшие уколы булавки, от которых будет чувствоваться резкая и продолжительная боль. Между тем на самом деле производится надавливание тупым концом булавки на подбородок или другую часть лица при одновременном внушении, что при этом испытывается сильная боль. В результате получается искривление лица, как от боли, иногда даже прилив крови к лицу и ясная болевая реакция зрачков, выражающаяся их расширением.

Равным образом мной были сделаны аналогичные опыты со специальной и общей анестезией. После предварительного исследования зрения исследуемой в гипнозе было внушено, что она совершенно слепа на левый глаз.

Затем специальное исследование с аппаратом Снеллена, предназначенным для раскрытия лиц, симулирующих слепоту, показало, что у погруженной в гипноз обнаруживалась действительная слепота на левый глаз.

Равным образом и исследование с помощью стереоскопического слияния фигур не оставляло никакого сомнения в том, что исследуемая была действительно слепа, а не воображала себя только слепой. Казалось даже, что зрачковая реакция на левый глаз была несколько слабее, чем на правый; но этот факт можно было отнести на недостаток аккомодации вследствие отсутствия зрения.

Другой опыт, который мне удалось сделать над той же особой, состоял в том, что ей была внушена пол-

ная слепота к красному цвету не только во время гипноза, но и по пробуждении от него. Затем, когда по пробуждении ей было предложено смотреть в течение известного времени через красное стекло на пламя свечи, она, конечно, не видела красного пламени, а обыкновенный цвет пламени, только несколько бледнее. Затем, когда зрение ее было достаточно утомлено, ей предложено было перевести взор на светлый потолок, на котором она тотчас же увидела сероватое, а не цветное зеленоватое изображение пламени, как должно бы быть по принципу дополнительных цветов при смотреии на красное пламя.

Таким образом, в отсутствии последовательного дополнительного цвета после смотрения при внушенной цветной слепоте на соответственные цветные предметы мы получаем новый контрольный признак осуществления внушения в виде настоящей цветной, а не воображаемой только слепоты.

В наблюдениях, произведенных у нас над внушенными цветами в гипнозе д-ром Срезневским, оказалось, что после фиксирования внушенной цветной иллюзии получается последовательное цветное пятно, которое в большинстве случаев является вторичной иллюзией подобного же рода, как и первоначальная; в немногих же случаях обнаруживались явления цветной индукции под влиянием внушенной иллюзии, а в одном случае даже удавалось наблюдать в последовательном изображении явление цветных фаз и цветных контрастов. Последние явления также заслуживают известного внимания с точки зрения объективных признаков внушенных явлений.

Далее и для внушенной анестезии могут быть отысканы объективные признаки в реакции зрачка и других органических функций на болевые раздражения. Так, внушив аналгезию на одной половине тела, я убедился, что даже сильные раздражения в области внушенной аналгезии не вызывали болевой реакции зрачка, тогда как последнюю нетрудно было обнаружить при уколах в областях тела с нормальной чувствительностью.

Эти наблюдения над отсутствием болевой реакции зрачков при внушенной аналгезии были впоследствии

проверены мной совместно с Нарбутом на других лицах, подвергавшихся гипнозу, и в общем дали те же самые результаты. Болевые раздражения в области внушенной аналгезии не давали реакции зрачка на свет в тех случаях, где анестезия была полная.

С другой стороны, мы исследовали также влияние раздражений в области внушенной анестезии и внушенной гиперестезии на пульс и дыхание; при этом дыхание и пульс записывались до гипноза, в гипнозе после сделанного внушения, но без раздражения, затем в гипнозе же во время или после раздражения и, наконец, после пробуждения от гипноза. Источником раздражения в этих опытах служил индукционный аппарат с катушкой Dubois Reymond'a; самое же раздражение производилось при посредстве электрода проф. Чирьева, представляющего собою плоскость с рядом окончаний проволок, разделенных друг от друга каучуком. Как области раздражения, так и сила его во всех случаях были одними и теми же. Контроля ради в отдельных случаях внушенной гиперестезии прикладывался электрод к кожной поверхности и пускался индукционный аппарат при незаметно для гипнотизируемого разомкнутой цепи.

Результаты сделанных опытов дали в общем следующее.

В отдельных случаях, где внушенная анестезия оказывалась более или менее полной, болевое раздражение в области внушенной анестезии почти не сопровождалось изменениями в отношении дыхательного ритма и в системе кровообращения или же эти изменения представлялись в общем крайне слабо выраженными.

В других случаях, с менее выраженной внушенной анестезией, реакция при болевых раздражениях обнаруживалась значительно слабее, нежели в бодрственном состоянии. При внушении гиперестезии, наоборот, вместе с болевыми раздражениями обнаруживались резкие изменения как в пульсе, так и в дыхании. При неглубоком же гипнозе, когда внушение анестезии и гиперестезии не достигало цели, и результаты оказывались неопределенными.

Таким образом, и эти наблюдения приводят к выводу, что у лиц, находящихся в глубоких степенях гип-

ноза, внушенная анестезия и гиперестезия есть несомненный и реальный факт, а не продукт их воображения, подобно тому как анестезия и гиперестезия истеричных есть действительная, а не воображаемая только анестезия и гиперестезия.

Должно, однако, заметить, что такие явления, как внушенные галлюцинации, внушенные анестезии и гиперестезии, обычно удаются при более глубоких степенях гипноза; при более же слабых гипнотических состояниях эти явления редко удаются в такой полноте, а потому и вышеуказанные признаки не могут оказать в этих случаях существенной пользы для выяснения последовавшего внушения. Но настроения и эмоции, по моим наблюдениям, легко внушаются даже и при сравнительно слабых степенях гипноза. Вот почему имеет существенное значение вопрос, какие имеются объективные признаки внушенных в гипнозе эмоций и настроения.

В этом отношении я уже давно отметил тот факт, что под влиянием внушения в гипнозе той или другой эмоции или настроения соответственным образом изменяются как ритм дыхания, так и пульсовые волны и ритм сердцебиения. Соответственные кривые мною ежегодно демонстрируются на лекциях о гипнозе, читаемых студентам Военно-медицинской академии вот уже в течение более 10 лет.

Затем предмет этот был предложен к специальной разработке занимавшемуся в нашей психологической лаборатории д-ру Лазурскому, причем его систематические исследования в этом отношении дали в общем те же результаты, как и наши исследования.

Подобно мне, он убедился, что в гипнозе всякое внушенное чувство сопровождается резкими изменениями пульса и дыхания. Особенно сильное влияние обнаруживали в этом отношении страх, гнев и угнетающие аффекты; между тем влияние радости обнаруживалось в значительно менее резкой степени. Почти во всех случаях обнаруживалось как более или менее значительное учащение пульса, так и изменение пульсовой кривой. Изменение дыхания при радости выражалось учащением дыхания и уменьшением его амплитуды, иногда же, как при испуге и гневе, наблюдались не-

правильные и неравномерные дыхательные движения, представлявшиеся то более глубокими, то более поверхностными.

Наконец, существенно важным объективным признаком осуществления внушений, касающихся различного рода эмоций и настроений, а также внушенных ощущений или галлюцинаций приятного и неприятного свойства является соответственное изменение мимики лица. Этот признак, которым я постоянно пользуюсь на своих лекциях о гипнозе для доказательства реального осуществления внушенных состояний, представляется очень ценным ввиду его необычайной наглядности. Если мы будем внушать гипнотику, что он испытывает страх или радость, что ему дают кислое или горькое питье, что он внюхивает приятный или зловонный запах, то мы увидим в случае реализации этих внушений, что сообразно делаемым внушениям мимика его лица будет изменяться.

Особенно эффектно это изменение мимики происходит у лиц, обладающих подвижной физиономией; у лиц же с менее развитой мимикой изменение ее все же с ясностью может быть обнаружено по отношению к неприятным ощущениям (напр., вкусовым, обонятельным), а также по отношению к тягостным душевным аффектам, при внушении которых вообще у всех лиц обнаруживается гораздо более резкое изменение мимики, нежели при аффектах и ощущениях приятного свойства.

Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе ^{1*}

(Академик *В. М. Бехтерева* и д-р *В. Нарбут*)

Симуляция и бессознательное внушение — вот два главных подводных рифа, которых следует избегать при изучении факторов внушения, говорят Бине и Фере в своей монографии о животном магнетизме. Насколько трудно иметь точные измерения психического состояния гипнотика — распространяться не приходится;

* Печатается по: Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1902. № 1, 2 (дается в сокращении).

отличить действительность испытываемого им внушенного настроения по его психическим проявлениям от продукта деятельности его собственного воображения нередко является задачей совершенно неразрешимой. Поэтому целым рядом наблюдателей было обращено внимание на вопрос, не оказывают ли внушения, производимые в гипнозе, то или иное влияние на соматические функции организма, которые можно было бы подвергнуть более или менее точному обследованию. Вопрос этот настолько заманчив и настолько важен в судебно-медицинском отношении, что на разрешение его было затрачено немало труда со стороны ученых. Литература в этом отношении обладает многими ценными работами.

Еще Braid в 50-х годах при помощи довольно точных измерений указал на то, что у загипнотизированных лиц слух бывает в 12 раз чувствительнее, чем в нормальном состоянии, аналогичные наблюдения сделаны были им и в области чувства обоняния и осязания. Braid, между прочим, наблюдал, что загипнотизированный может чувствовать и следить за движениями стеклянной воронки, колеблемой в воздухе на расстоянии 15 футов. Вследствие крайней чувствительности кожи во время гипнотического состояния субъекты могут ходить по комнате, не наталкиваясь на окружающие предметы. По мнению Braid'a, они руководствуются при этом теплопроводностью предметов и сопротивлением воздуха.

В конце 70-х годов благодаря исследованиям Charcot и его учеников вопрос об объективных признаках гипноза был впервые обследован в возможной полноте. Результатом этих исследований явилось, как известно, подразделение гипнотического сна на три фазы: летаргическую, каталептическую и сомнамбулическую — с присущими каждой из них особыми, ей только свойственными объективными признаками гипнотического состояния. Не останавливаясь на описании этих объективных признаков, так как они всем хорошо известны, считаем необходимым только отметить, что уже вскоре, при проверке их Bernheim'ом и его учениками, все построение гипноза в виде трех упомянутых фаз с их объективными признаками было

поколеблено и на первый план была выдвинута *степень восприимчивости к внушению*.

Спор двух упомянутых школ с особенной очевидностью указал на необходимость самого тщательного изучения всех проявлений гипнотического сна.

Мы не намерены входить здесь в детали спора, чем обуславливаются объективные признаки: существуют ли они помимо внушения или всецело зависят от последнего, нам важно указать только, что таковые признаки действительно имеются и в этом отношении наши опыты, о которых ниже мы скажем подробнее, как кажется, достаточно убедительны.

Чтобы исключить притворство гипнотического состояния, мы должны отыскать такие признаки, которые не могут быть воспроизведены произвольно.

Уже Charcot указал, что к числу общих признаков для всех трех стадий гипноза следует отнести изменение мышечного сокращения, а именно время, необходимое для полного периода сокращения (включая и расслабление мышцы), в состоянии гипнотического сна меньше, чем в бодрственном состоянии; характер же самой кривой, по наблюдениям Charcot, изменяется соответственно тому, в какой фазе гипноза мы вызываем это сокращение.

Равным образом и сопротивление гипнотической контрактуры, по мнению Charcot, может с достаточной вероятностью свидетельствовать о том, имеем ли мы перед собой симулянта или истинного гипнотика: в последнем случае насильственное разгибание не производит никакого влияния на дыхательный ритм, тогда как у первого, а равно и в бодрствующем состоянии эти разгибания проявляются резкими колебаниями кривой кимографа.

Что касается состояния чувствительности, то последняя была сравнительно мало обследована авторами более или менее точным образом. Нередко, впрочем, указывалось, что в глубоком гипнозе обнаруживается отсутствие или ослабление болевой чувствительности в коже и оболочках. С другой стороны, нередко вместо наблюдаемой в гипнозе резкой гиперестезии органов чувств (зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания) некоторыми наблюдателями были констатиро-

ваны понижения функциональной деятельности этих чувств до полного уничтожения, но точных экспериментальных исследований в этом направлении было сделано очень мало.

Что касается наблюдения над характером дыхания и кровообращения во время гипноза, то исследования в этом отношении впервые были произведены Tamburini и Scipilli. Работая в этом же направлении почти одновременно с ними, Richet пришел к заключению, что дыхательные движения во время гипноза то ускоряются, то замедляются, то почти совершенно прекращаются. За несколько минут до засыпания дыхательные движения ускоряются, делаясь в то же время все более и более глубокими. В других случаях дыхание становится неправильным, более поверхностным в течение всего времени, пока внимание субъекта фиксируется; иногда даже совершенно прекращается. Но во всех случаях переход ко сну всегда сопровождался глубоким дыхательным движением, большей частью одиночным, иногда лишь двойным.

Richet отмечает случаи, где во время гипноза наблюдались очень поверхностные дыхательные движения, которые дали едва волнистую кривую, прерываемую по местам более резкими падениями; причем начало летаргии было ясно обозначено глубоким дыхательным движением.

При переходе из летаргического состояния в каталептическое Tamburini и Scipilli также находили изменения кривой дыхания, которое становилось более медленным и поверхностным.

В сомнамбулической стадии дыхательный ритм, по наблюдениям Richet, не имеет ничего постоянного: то он скор, то он медлен и более или менее глубок. При этом ритм дыхания изменяется у одного и того же субъекта в различных опытах и даже в течение одного и того же опыта. Начало сомнамбулизма, как и начало летаргии, часто отмечается одним более сильным и глубоким дыхательным движением. Richet обратил также внимание на то обстоятельство, что при надавливании на темя или при сдавлении глазных яблок дыхательный ритм изменяется, либо замедляясь, либо ускоряясь.

На основании своих наблюдений Richet, кроме того, приходит к выводу, что часто во время гипноза существует некоторая независимость в движениях груди и живота, представляющих иногда даже антагонизм. Этот антагонизм, по мнению Richet, связан, по-видимому, с паралитическим состоянием диафрагмы, тогда как неправильность и несоответствие между этими двумя движениями скорее обязаны спазматическому состоянию брюшных мышц. Другими авторами эти наблюдения, однако, не были подтверждены.

Binet и Féfé говорят, что в летаргическом состоянии кривая дыхания довольно правильная; в общем дыхание медленное и глубокое, причем существенно оно не отличается от дыхания в нормальном состоянии. То же самое можно сказать и относительно сомнамбулической фазы; при каталепсии же характер дыхания значительно изменяется: дыхания становятся редкими, поверхностными, медленными и отделены более или менее продолжительными периодами покоя. При этом Binet и Féfé добавляют, что в летаргическом состоянии магнит, приложенный к области *epigastrii*, производит глубокие изменения в кривой дыхания; наоборот, тот же магнит почти не оказывает никакого влияния на кривую дыхания при каталепсии.

В этом последнем явлении наблюдения упомянутых авторов вполне сходятся с данными Tamburini и Sepilli. Но так как деление гипнотического сна на три фазы (летаргическую, каталептическую и сомнамбулическую) имеет чисто искусственный характер, то констатирование отдельных признаков, свойственных той или другой фазе, теряет свое значение.

Функция кровообращения является, по-видимому, наиболее независимой от воли субъекта, почему изменения, происходящие в ней во время гипнотического сна, могут служить лучшим показателем отсутствия симуляции.

Наблюдения Tamburini и Sepilli, произведенные при посредстве плетизмографа Mosso и воздушного сфигмографа, указывают, что в летаргической фазе графическая кривая беспрестанно стремится к поднятию; когда же вызывают каталепсию, кривая медленно опускается; другими словами, при летаргии увеличи-

вается объем предплечья, т. е. происходит расширение сосудов; при каталепсии же происходит обратное, т. е. уменьшение объема предплечья, или сужение сосудов.

Проверка этих наблюдений со стороны Binet и Féfé не подтвердила вполне добытых результатов; последние авторы тем не менее обнаружили, что в периферическом кровообращении во время гипноза происходят изменения, независимые от воли субъекта. Однако Féfé точным образом, посредством приемов, аналогичных Mosso, удалось констатировать, что истеричные, находясь в бодрственном состоянии, простым сосредоточиванием внимания на определенной части своего тела могут изменять объем данной части.

Tamburini и Sepilli отметили также, что пульс при переходе от бодрственного состояния к гипнозу учащается. Другие авторы не дают указаний на такое ускорение.

Очевидно, что и в этой области не имеется еще бесспорных, всеми признанных, объективных данных.

Bernheim полагает, что изменения циркуляции во время гипнотического сна, равно как и изменения дыхания, не могут подчиняться какому-либо закону, что они очень изменчивы и зависят единственно от волнения субъекта и от особенных обстоятельств, сопутствующих периоду внушения.

Moll придерживается того же мнения и добавляет, что «несомненно было бы преувеличением искать в измененной деятельности сердца и дыхания объективные признаки гипноза». Взгляд его, очевидно, слишком пессимистический, доказательством чего может служить, между прочим, дело Румянцевой, в котором изменения пульса, констатированные во время усыпления, помогли выяснить действительность гипноза (см. доклад об этом деле В. Бехтерева в научных собраниях С.-Петербургской психиатрической клиники).

Ввиду того что вопрос о состоянии дыхания и пульса во время гипнотического сна представлялся недостаточно выясненным и исследования различных авторов давали в этом отношении противоречивые результаты, доктора Гизе и Лазурский по предложению В. М. Бехтерева произвели в его психологической

лаборатории ряд исследований в этом направлении. На основании своих данных они пришли к следующему заключению: в большинстве случаев глубокого гипноза дыхание замедляется и делается глубже; гипнотический же сон средней силы обыкновенно сопровождается, наоборот, учащением и более поверхностным дыханием. Однако бывали и противоречивые результаты.

Что касается до пульса, то здесь изменения не имеют такой правильности и часто глубокий сон дает учащение пульса. В общем характер изменений как пульса, так и дыхания в значительной степени зависит от индивидуальности субъекта. Далее, наблюдая дыхание и пульс во время обыкновенного сна, упомянутые исследователи нашли, что они всегда замедляются, что вполне согласуется с мнением всех прежних авторов. Все это, по мнению Гизе и Лазурского, заставляет прийти к заключению, что вопреки мнению Bernheim'a гипноз до известной степени отличается от обыкновенного сна.

В той же лаборатории по предложению В. М. Бехтерева были затем произведены д-ром Лазурским дальнейшие наблюдения в указанном направлении с некоторым только видоизменением постановки опытов; именно д-р Лазурский приступил к исследованию влияния внушенных в гипнозе эмоций на пульс и дыхание. На основании своих наблюдений автор приходит к заключению, что в состоянии глубокого гипноза всякое внушенное чувство сопровождается резкими изменениями пульса и дыхания, что еще ранее того было отмечено В. М. Бехтеревым и демонстрировалось им на кривых студентам Академии; по наблюдениям Лазурского, особенно резкое влияние в этом отношении оказывают страх (испуг) и гнев, затем горе; влияние радости (удовольствия) наименее заметно. Все эти чувствования вызывают в огромном большинстве случаев более или менее значительное учащение пульса, а во многих случаях также и резкие изменения пульсовых кривых; однако между различными эмоциями существует скорее качественная, чем количественная разница. Что касается дыхания, то оно также в большинстве случаев резко изменяется, причем радость сопровождается учащением дыхания и уменьшением его амплитуды.

ды, а при испуге и гневе наблюдаются неправильные и неравномерные дыхательные движения: то чрезвычайно глубокие, то поверхностные.

Так как вне физических признаков нет никакого критерия для правильного суждения о действительности гипнотического внушения и отсутствии симуляции, то все внимание исследователей было направлено на то, чтобы иметь возможно больше таких объективных признаков. В этом отношении Binet и Féfé было указано на зрачковый рефлекс. Сущность дела заключается в том, что субъекта, находящегося в гипнотическом состоянии, заставляют фиксировать глаза на внушенной летящей птице, вследствие чего изменение зрачка происходило одновременно с конвергенцией глаз. Рядом с этим упомянутые ученые указали на явление так наз. поляризации, состоящей в том, что у гипнотика, следящего глазами за мнимой птицей, при приложении магнита к голове как галлюцинация, так и рефлекторные колебания зрачка совершенно исчезали. По мнению Binet и Féfé, магнит оказывает такое же задерживающее влияние и на реальное восприятие. Подобное же сужение зрачков при аналогичных внушениях было наблюдаемо и проф. Бехтеревым².

Указанное зрачковое явление при галлюцинации летящей птицы, по мнению Moll'я, представляет наиболее ценный объективный признак внушения.

Другие соматические функции, как выделение слез, пота и т. д., до сих пор мало обследованы во время гипноза и не могут служить руководящими моментами как объективные признаки гипноза в силу невозможности подвергнуть их точному измерению. Остается область чувствительности, и именно болевой, которая косвенно, через влияние болевых ощущений на кровообращение и дыхание, может представить точные объективные признаки гипнотических внушений. Область эта еще мало исследована, но, по нашему мнению, заслуживает большого внимания ввиду важности ее в практическом отношении.

Bernheim придает особенное значение аналгезии гипнотиков. По его словам, если к гипнотику, которому внушена полная аналгезия, прикоснуться фарадической кисточкой, то он не проявит ни малейшего

признака боли. Едва ли, конечно, найдется притворщик, который был бы в состоянии подавить в себе всякое выражение боли от сильнейших фарадических токов. Подобное же наблюдение было сделано одним из нас (В. М. Бехтеревым). Надо, впрочем, заметить, что такие высокие степени аналгезии очень редки в гипнозе, но тем более ценны наблюдения, сделанные над такими гипнотиками.

Наши наблюдения мы вели главным образом в двух направлениях: 1) мы исследовали влияние внушенной анестезии и 2) внушенной гиперестезии на дыхание и пульс. И то и другое мы исследовали до гипноза, в гипнозе и после пробуждения от гипноза; причем как в бодрственном состоянии, так и в гипнозе мы сперва наблюдали кривую дыхания и пульса без раздражения, а затем во время самого раздражения. Кроме того, мы следили еще за изменением колебаний зрачка до гипноза и во время гипноза, а также в обоих состояниях при внешнем болевом раздражении. Как источником раздражения мы пользовались индукционным током и катушкой Dubois-Raymond'a и электродом проф. Чирьева. Раздражение во всех случаях до, во время и после гипноза было одинаковой силы и производилось всегда в одних и тех же местах. После этого мы усыпляли больного и следили за кривой дыхания и пульса без раздражения, затем с раздражением; далее внушали анестезию, после чего производили раздражение вновь, затем внушали гиперестезию и производили снова то же раздражение, и, наконец, в нескольких случаях мы внушали гиперестезию и прикладывали электроды, не соединенные с катушкой, причем, однако, элемент был в действии, чтобы исследуемый мог слышать, как и прежде, звук молоточка (анестезии слуха у наших больных не было). После пробуждения мы исследовали с помощью тока явления внушенной анестезии в бодрственном состоянии.

Что касается зрачкового рефлекса, то более подробно на нем останавливаться мы не будем, а заметим лишь следующее.

При болевом раздражении в бодрственном состоянии, как известно, наблюдается расширение зрачков. У большинства загипнотизированных этого совершенно

не наблюдается, если им многократно была внушена глубокая анестезия. При внушении гиперестезии никаких уклонений от явлений, наблюдаемых в обыкновенном бодрственном состоянии, мы не наблюдали. У лиц с широкими зрачками было трудно уловить реакцию на болевое раздражение.

Во всяком случае в большом числе наших наблюдений мы получили отсутствие в гипнозе реакции зрачков на болевое раздражение при внушенной анестезии, в какой бы части тела это раздражение ни вызывалось. Здесь припомним, что один из нас (В. М. Бехтерев, еще в бытность свою профессором в Казани) с целью убедиться в возможности подавления путем внушения самих ощущений подверг тщательному исследованию зрение у одной замужней женщины как до гипноза, так и в гипнозе после внушений слепоты на один глаз; при этом зрачковая реакция на свет оказалась явно ослабленной. Вместе с тем исследование с аппаратом Snellen'a показало, что больная была действительно как бы слепа на один глаз. Равным образом и стереоскопическое исследование доказало, что она вовсе не воображала себя только слепою.

Аналогичное состояние у той же больной наблюдалось и при исследовании болевой реакции зрачка: при внушении анестезии, несмотря на сильные уколы в анестезированную область, реакция со стороны зрачка не получалась; наоборот, когда гипнотичке внушались сильные боли при уколах булавкой, то расширение зрачков замечалось уже при давлении тупым концом булавки.

Резюмируя наши наблюдения, мы приходим к заключению, что в большинстве случаев глубокого гипнотического сна дыхание немного замедляется, а самая амплитуда дыхательных волн уменьшается; при переходе же от бодрственного состояния к гипнотическому сну субъект делает несколько глубоких дыханий, причем некоторое время дыхание становится немного ускоренным. Относительно пульса мы не можем высказаться с такою же определенностью. Кроме того, из наших наблюдений мы видим, что при внушении анестезии раздражение электрическим током нередко почти не влияет на ритм дыхания и пульса; тогда как

в бодрственном состоянии при тех же условиях мы замечаем резкие колебания этих функций. Эти данные с достаточной рельефностью свидетельствуют о том, что в гипнотическом состоянии под влиянием внушения сфера чувствительности претерпевает резкие изменения, что может иметь не только глубокий научный интерес, но и практическое значение, так как может служить достаточным основанием для отличия действительности внушения от симуляции.

Обращаясь к отдельным наблюдениям, мы видим, что у субъектов, находящихся в глубоком гипнозе, при различных условиях опыта получают приблизительно тождественные данные. Так, в I наблюдении дыхание в гипнозе замедляется и делается более поверхностным. При внушении анестезии кривая дыхательного ритма не претерпевает никакого изменения, что, очевидно, указывает на то, что анестезия была полная; с другой стороны, в гипнозе при внушении анестезии система кровообращения реагирует значительно слабее, чем в бодрственном состоянии. Происходит это, по-видимому, вследствие того, что болевые ощущения при глубоком гипнотическом сне при внушении анестезии не доходят до сознания, по крайней мере в той степени, как в нормальном состоянии; при внушении же гиперестезии пульсовая волна отражает на себе резкие колебания сердечной деятельности, отмечая их то высоким поднятием кривой, то почти полным отсутствием подъема.

Во II наблюдении мы видим почти тождественные явления.

Что касается III наблюдения, то полученные в нем результаты несколько иные, чем в предыдущих случаях, а именно: под влиянием раздражения нервная система при всяких условиях реагировала на болевые ощущения, но при внушении анестезии реакция проявлялась значительно слабее, чем в бодрственном состоянии. Эти явления, очевидно, можно объяснить относительно слабою степенью гипнотического сна.

IV наблюдение, по нашему мнению, наиболее типично для разбираемой категории явлений. Колебания чувствительности при различных условиях опыта здесь так характерны и получались с таким поразительным

постоянством, что мы решили поместить в приложении кривые дыхания, полученные от этого больного, так как они подтверждают другие наблюдения и сами находят подтверждение в остальных наблюдениях. Равным образом и большинство других наблюдений с глубоким гипнозом давало сходственные результаты; при неглубоком же гипнозе явления представлялись неопределенными.

Полученные нами данные довольно убедительно говорят в пользу того, что у глубоких гипнотиков внушенная анестезия есть действительно реальный факт, а не продукт их воображения, как полагают некоторые.

О лечении навязчивых идей гипнотическими внушениями *

Не очень давно я напечатал клиническую лекцию, в которой изложил применяемый мною способ лечения навязчивых идей самовнушениями в начальных периодах гипноза и привел тяжелый случай навязчивых идей, кончившийся выздоровлением благодаря применению только что сказанного лечения¹. Между прочим, в этой лекции я упомянул, что «в течение нескольких последних лет в своем курсе психиатрии при изложении учения о навязчивых идеях я всегда обращал внимание слушателей, между прочим, и на применение послегипнотических внушений с целью лечения навязчивых идей».

В то время, когда я писал эти слова, мне еще не удалось провести на практике лечение навязчивых идей послегипнотическими внушениями, так как у наблюдавшихся мною больных с навязчивыми идеями хотя и могли быть вызываемы самые начальные явления гипноза, но ни один из больных не мог быть приведен в более глубокие степени последнего, в которых, как известно, лучше всего удаются послегипнотические внушения.

С тех пор, однако, мне представилось несколько случаев с вышеуказанным поражением, в которых можно уже было вызывать степени гипноза, вполне позво-

* Печатается по: Врач. 1892. № 1.

лявшие применение с лечебными целями и гипнотических внушений. При этом я вполне убедился в могущественном влиянии гипнотических внушений на навязчивые идеи. Последние, при всем своем упорстве, заметно ослабевали уже после первого же сеанса и в благоприятных случаях окончательно исчезали после нескольких сеансов; в менее же благоприятных случаях лечение хотя и затягивалось на более продолжительный срок, но все же рано или поздно приводило к благоприятному исходу. При этом успех лечения обуславливался, собственно, не только степенью развития, продолжительностью и упорством навязчивых идей, но и тем обстоятельством, какая степень гипноза могла быть вызвана у больного, в зависимости от чего, без сомнения, изменялось и действие гипнотических внушений. Так как собирание подходящего материала в указанном направлении продолжается мною и по сие время, то я пока и не имею в виду приводить здесь все случаи навязчивых идей, пользованные мною гипнотическими внушениями, и ограничусь лишь одним наблюдением, которое прекрасно поясняет целебное значение гипнотических внушений по отношению к навязчивым идеям.

К., замужняя, 40 лет, дочь очень нервной матери и отца, злоупотреблявшего спиртными напитками. Две сестры ее отличались нервностью. Сама больная в молодости была нервной и в девичьих страдала бледною немочью. Года 4 спустя после выхода замуж, т. е. лет 18 тому назад, у нее впервые обнаружилась припадки большой истерии, бывшие, впрочем, всего раза 2 или 3. Но с тех пор время от времени случаются припадки малой истерии, выражающиеся давлением в горле, сердцебиением и слезами, а изредка и хохотом. Кроме того, больная с давних пор обнаруживает чисто болезненную боязнь некоторых животных, напр. кошек и мышей, боязнь привидений, а иногда и боязнь нечистоты, в силу которой она принуждена часто мыть свои руки. Вместе с тем она поразительно нерешительна во всем и тревожится всякими пустяками. Поводом к тревогам нередко служат даже такие мало-важные события, как посылка куда-нибудь прислуги с самым обыденным поручением. Наконец, по временам у больной бывали и более резкие навязчивые идеи: так, если она бывала в обществе, то ей нередко казалось, будто она обидела то или иное лицо своим разговором. Эти мысли об обиде кого-либо обыкновенно подолгу преследовали больную и нередко приводили ее в сильное волнение. Но особенно резко состояние ее ухудшилось недели за 3 до первого ее визита ко мне в конце декабря. Совершенно неожиданно с ней случилось следующее происшествие, послужившее

поводом к развитию мучительных навязчивых идей: она посоветовала одной из своих родственниц, г-же М., страдавшей уже лет 16 чахоткою, поехать на поклонение к мощам Св. Германа в г. Свяжск. Г-жа М. действительно послушалась ее совета, но случилось так, что, приехав из Казани в г. Свяжск, она умерла как раз у цели своего путешествия, в самой церкви. Известие об этом сильно поразило нашу больную. С тех пор ее стала преследовать мысль, что ее родственница умерла благодаря ее неуместному совету. Несмотря на внутреннее разубеждение самой больной, эта мысль с того времени не оставляла ее в покое почти ни одной минуты; она часто и подолгу оплакивала как свою родственницу, так и свой поступок. Беспокойные ее ранее мысли, вечные сомнения, тревоги и различные страхи теперь отошли на второй план и как бы перестали существовать для больной. Ни развлечения, ни занятия ее уже не успокаивают. Будучи в обществе, она не слышит, что говорят кругом ее, и все думает об одном и том же; хозяйство тоже не идет ей в голову вследствие той же причины. Даже ночью больная нередко видит свою несчастную родственницу в сновидениях; вместе с тем ей часто представляются те или другие события, касавшиеся смерти последней. Поэтому больная спит в высшей степени беспокойно, часто просыпается, тревожась и ночью тою же мыслью.

При объективном исследовании (17/1) найдено следующее. Больная несколько ниже среднего роста, порядочного сложения, с довольно бледными покровами, но достаточно развитым подкожным слоем. Легкие в порядке. В сердце замечается лишь некоторая возбудимость и наклонность к учащенной деятельности. Со стороны кишечника можно отметить некоторую вздутость. Никаких других расстройств внутренних органов не замечается. Чувствительность и двигательная сфера, а равно и рефлексы без существенных изменений.

Назначив больной бромистый натрий, который, впрочем, она и раньше принимала без особенного успеха, я предложил ей, кроме того, лечение гипнозом, на которое она решилась не без колебаний. При первой попытке гипнотизирования больная, наслышавшаяся много о гипнозе, начала обнаруживать сильное волнение; появились даже признаки предстоящего истерического припадка. Ввиду этого я воспользовался самой слабой степенью сна, применив на первый раз описанный мною ранее способ самовнушения. Как только больная сомкнула веки под влиянием пассов, я заставил ее повторять за мною следующие слова: «Отныне я не должна более тревожиться смертью М., потому что она умерла не вследствие моего совета, а вследствие того, что была больна уже давно и могла бы одинаково умереть и дома точно таким же образом». Последствием этого самовнушения было то, что уже на следующий день (18/1) больная чувствовала себя лучше, не плакала вовсе и хорошо спала ночью. Навязчивая мысль, по ее словам, как бы отдалилась от нее. Правда, она еще приходит на ум, но уже не так беспокоит больную и скоро исчезает из сознания. Дальнейшим последствием самовнушения было то, что больная теперь относилась к гипнозу уже без всякого волнения и могла быть действительно в короткое время загипнотизирована с по-

мощью пассивов, причем во время гипноза ей было внушено не мучиться более мыслью о смерти г-жи М. Явления гипноза заключались в том, что больная не могла произвольно открыть глаза; вместе с тем у нее появлялось резкое притупление чувствительности к болевым раздражениям и некоторое расслабление членов.

Для испытания силы внушения в этом относительно легком гипнотическом состоянии я приказал больной сжать в кулак кисть правой руки, заявив после того, что она не может более расправить пальцы; и действительно, больная некоторое время вовсе не могла раскрыть кулака, а затем хотя и раскрыла его, но лишь после долгих усилий. Следует, впрочем, заметить, что подобные же внушения, хотя и в значительно меньшей степени, удаются у больной и в бодрственном состоянии.

На следующий после гипноза день (19/I) больная заявила, что после вчерашних внушений весь день до вечера чувствовала себя хорошо; но с 8 часов вечера вновь появилась мысль о смерти г-жи М., по ее мнению, вследствие того, что она целый вечер оставалась одна. Ночью в сновидении больная тоже видела М., но утром чувствовала себя довольно покойно. Следует заметить, что со вчерашнего дня у больной открылись месячные, во время которых прежде она всегда чувствовала себя несколько хуже и страдала сильнее навязчивыми идеями. Гипноз вызывается теперь заметно глубже прежнего. Внушения сделаны те же.

20/I больная, явившись ко мне на прием, заявила, что весь вчерашний день после гипноза чувствовала себя очень хорошо и навязчивые идеи в течение дня вовсе не появлялись. Ночью спала с 11 до 3 часов, затем проснулась и некоторое время тревожилась прежнею мыслью о г-же М.; к 5 часам заснула, однако, снова и хотя и видела во сне М., но, проснувшись утром, чувствовала себя так же хорошо, как и с вечера. Так как больная должна была дней на пять уехать домой в деревню, то, загипнотизировав ее, я внушил ей, чтобы во время своей отлучки из Казани она не думала вовсе о г-же М. и чувствовала себя также и ночью покойно, не видя вовсе М. и во сне. Гипнотический сон у больной теперь получался уже глубже прежнего, и сила внушений вследствие того изменилась: теперь у больной в состоянии гипноза повторными внушениями можно было вызвать параличи, сведения и полную анестезию, что прежде не удавалось.

Уехав после 20/I, больная вернулась ко мне лишь 12/III с заявлением, что прежние мысли о г-же М. у нее совершенно исчезли вслед за последним сеансом. По ее словам, от прежнего у нее осталось лишь нервное состояние; но зато в последнее время больную вновь стали беспокоить явления, бывавшие у нее до навязчивой идеи о смерти г-жи М. Так, ее смущает поразительная нерешительность во всем: если, например, ей нужно сделать какое-либо распоряжение по хозяйству, то она постоянно сомневается, как правильнее поступить, и долго не может на что-нибудь решиться; решившись же, меняет свои распоряжения раза по три. Кроме того, она по-прежнему стала бояться некоторых животных (кошек, мышей); возвратилась также и боязнь привидений и нечистоты. В силу последней она постоянно моет руки, иногда бесчисленное число раз в сутки; часто даже моется и вся раза по три в день.

Несмотря на усиленные просьбы больной начать немедленно же гипнотическое лечение для избавления ее от только что перечисленных явлений, я должен был, за недостатком времени, отклонить ее просьбу до ближайшего времени, назначив ей микстуру...

В течение следующих пяти дней больная чувствовала себя, однако, во всех отношениях хуже — отчасти, может быть, под влиянием месячных. Сомнения беспокоили ее уже до того, что она не могла написать даже и простого письма без многочисленных колебаний. Ей казалось, что она все перепутала, написала не то, что следует, и потому должна была даже просить других лиц прочесть ее письма для проверки. Под влиянием тех же сомнений больная по многу раз запечатывает и распечатывает свое письмо, прежде чем решиться его послать.

Вместе с тем все ей кажется нечистым: платье, руки и даже то, что ест; при этом она испытывает нередко безотчетный страх по самому незначительному поводу: так, если ей нужно пойти в другую комнату, то она боится отправиться туда одна: ей кажется, что там кто-нибудь стоит и может ее напугать. Сверх того, по временам больная подвергается сильной реактивной тоске.

Ввиду такого состояния больной я решил уже не медлить с гипнотическим лечением и 17/III, загипнотизировав ее, внушил, чтобы она более не мучилась сомнениями, не тосковала и вообще не испытывала никакой боязни, между прочим и боязни нечистоты.

Через день, 19/III, больная сообщила мне, что сомнения ее уже не беспокоят в такой мере, как прежде, боязнь нечистоты меньше и вообще она чувствует себя лучше. Снова сделано внушение в состоянии гипноза.

21/III, прибыв на прием, больная заявила, что последние два дня она чувствовала себя сравнительно очень хорошо; и если прежние явления еще и обнаруживаются, то лишь в весьма слабой степени. Снова сделано внушение в гипнозе и опять с благоприятным результатом.

Оправившись совершенно от мучивших ее навязчивых идей, больная уехала к себе в деревню, где остается и до настоящего времени, не чувствуя потребности в дальнейшем лечении.

Итак, в первый раз, в январе, потребовалось всего четыре гипнотических сеанса (из которых один с самовнушением), чтобы освободиться от мучительной навязчивой мысли, а второй раз, в марте, было достаточно трех гипнотических сеансов, чтобы устранить из сознания больной целый ряд навязчивых идей.

Результат этот, безусловно, говорит сам за себя и не нуждается в особых пояснениях. Во всяком случае, способ лечения навязчивых идей гипнозом, на мой взгляд, заслуживает самого серьезного внимания со стороны врачей-специалистов.

Внушение

Что такое внушение? *

Вопрос, о том, что такое внушение, есть один из важнейших вопросов новейшей психологии и общественной жизни, получивший в последнее время огромное практическое значение благодаря в особенности изучению гипнотизма; тем не менее ныне твердо установлено, что внушение вообще является актом гораздо более широким, нежели собственно гипнотическое внушение, так как первое проявляется в бодрственном состоянии и притом наблюдается в общественной жизни везде и всюду при весьма разнообразных условиях. Несмотря, однако, на огромную практическую важность внушения, его психологическая природа до сих пор еще представляется в такой степени мало изученной, что этому понятию различные авторы придавали и придают весьма различное значение.

Уже в своей работе «Роль внушения в общественной жизни»¹ я обратил внимание на разноречия авторов по этому поводу и на ту путаницу, которая от этого происходит. «Еще недавно этот термин, — говорю я, — не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно специальное научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными. Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения».

* Печатается по: Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 1.

Если мы обратимся к литературе предмета, то мы встретимся с самыми разнообразными определениями внушения. По определению Lefèvre'a², книга которого только что появилась, явления внушения и самовнушения состоят в ассимиляции мыслей, вообще каких-либо идей, допущенных без мотива и случайно, и в их быстром превращении в движения, в ощущения или в акт задержки.

Licbault под внушением признает вызывание словом или жестами в гипнотике представления, следствием которого возникает то или иное физическое или психическое явление.

По Bernheim'у, внушение есть такое воздействие, при посредстве которого представление вводится в мозг и им принимается.

Löwenfeld³ под внушением понимает представление психического или психофизического характера, которое своим осуществлением проявляет необыкновенное действие вследствие ограничения или прекращения ассоциационной деятельности.

Тот же автор в своей книге приводит целый ряд определений внушения, сделанных другими авторами. Из многочисленных определений внушения мы приведем лишь наиболее существенные.

Forcl под внушением понимает вызывание такого динамического изменения нервной системы, когда возникает представление, что это изменение наступило, наступает или наступит.

Moll дает сходственное этому определение. По нему, внушением называется тот случай, когда результат обуславливается тем, что вызывают представление об его наступлении.

По Wundt'у, внушение есть ассоциация с сопутствующим ей сужением сознания по отношению к представлениям, которые, возникая, не дают противоположным связям проявиться.

По Schrenk-Notzing'у, внушение выражается ограничением ассоциаций в отношении определенного содержания сознания.

Vincent говорит, что «под внушением мы понимаем обыкновенно совет или приказание, в состоянии же гипноза внушение есть произведенное на психику впе-

чатление, которое вызывает за собою непосредственное приспособление мозга и всего от него зависящего».

По Hirschlaff'y⁴, под внушением следует понимать со стороны гипнотизера утверждение, немотивированное и не соответствующее действительности, со стороны же гипнотизируемого — реализацию этого утверждения.

Löwenfeld справедливо восстает против этого крайне узкого определения, так как, согласно этому определению, пришлось бы исключить не только все терапевтические внушения, которые, по Hirschlaff'y, должны быть рассматриваемы не как внушения, а как советы, надежды и пр., но и целый ряд явлений, известных под названием противовнушений, также должен быть исключен из области внушения, так как они стоят в соответствии с действительностью.

Да и сколько неопределенного в самом понятии «не соответствующий действительности»! Например, дается спящему внушение: проснувшись, взять со стола папироску и закурить, и он выполняет это по внушению. Спрашивается, много ли тут не соответствующего действительности, а между тем бесспорно, что мы здесь так же имеем дело с внушением, как и в других случаях.

Приведение других определений внушения излишне и бесполезно, так как и вышеизложенного вполне достаточно, чтобы видеть, как много путаницы, неясного и неопределенного вводится в понятие о внушении.

Очень характерно по этому поводу начинает свою книгу Б. Сиддис: «Психологи употребляют термин «внушение» так беспорядочно, что читатель часто не уясняет себе его настоящего значения. Иногда этим названием пользуются для означения тех случаев, когда одна идея ведет за собой другую, и таким образом отождествляют внушение с ассоциацией. Некоторые настолько расширяют область внушения, что включают в нее всякое влияние человека на своих собратьев. Другие суживают внушение и внушаемость до простых симптомов истерического невроза. Так поступают сторонники Сальпетриерской школы. Нансийская

же школа называет внушением причину, вызывающую то особое состояние духа, при котором явления внушаемости чрезвычайно выступают вперед». Само собою разумеется, что столь неясное положение вопроса о внушении приводит, по Б. Сиддису, к большой путанице в психологических исследованиях, относящихся до внушения, с чем нельзя не согласиться.

Сам Б. Сиддис, поясняя внушение на нескольких примерах, останавливается на определении Больдвина⁶, по которому «под внушением понимается большой класс явлений, типическим представителем которых служит внезапное вторжение в сознание извне идеи или образа, становящихся частью потока мысли и стремящихся вызвать мышечные и волевые усилия — свои обычные последствия». Б. Сиддис справедливо считает его недостаточным, он находит во внушении еще другие важные черты, которые состоят в том, что внушение воспринимается субъектом без критики и выполняется им почти *автоматически*.

Но независимо от того во внушении имеется еще элемент, без которого определение является неполным. «Этот элемент или фактор составляет преодоление или обход противодействия субъекта. Внушенная идея насильно вводится в поток сознания, она нечто чуждое, нежеланный гость, паразит, от которого сознание субъекта стремится избавиться. Поток сознания индивидуума борется с внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость равновесия. Этот элемент противодействия имел в виду д-р I. Grossmann, определяя внушение как «процесс, в котором какое-нибудь представление пытается навязаться мозгу»⁷.

В конце концов Б. Сиддис останавливается на таком определении внушения: «Под внушением понимается вторжение в ум какой-либо идеи; встреченная большим или меньшим сопротивлением личности, она наконец принимается без критики и выполняется без обсуждения, почти автоматически»⁸.

Определение это, выраженное в таком виде, стоит довольно близко к сделанному мною ранее определению внушения⁹, но тем не менее оно не может быть признано вполне достаточным. Прежде всего далеко не

всегда внушение встречается тем или другим сопротивлением со стороны личности внушаемого лица. Это наблюдается чаще всего в тех гипнотических внушениях, которые касаются нравственной сферы внушаемого лица или же противоречат установившимся отношениям данного лица к тем явлениям, которые служат предметом внушения. В большинстве же других случаев внушение входит без всякого сопротивления со стороны лица, которому производится внушение, нередко оно проникает в его психическую сферу совершенно незаметно, несмотря даже на то, что действует в бодрственном состоянии.

Что это так, доказывает пример, заимствованный из книги Охоровича «О мысленном внушении», приводимый самим Б. Сиддисом: «Мой друг П., человек столь же рассеянный, сколь и остроумный, играл в шахматы в соседней комнате, а мы, остальные, разговаривали около двери. Я заметил, что мой друг, когда совсем погружался в игру, имел обыкновение насвистывать арию из «Madame Angot». Я уже собрался ему в аккомпанемент отбивать ритм на столе; но в этот раз он стал насвистывать марш из «Пророка».

Послушайте, сказал я товарищам, мы сделаем с П. штуку: мы прикажем ему (мысленно) перейти с «Пророка» на «La fille de madame Angot».

Сначала я стал отбивать марш, потом, воспользовавшись несколькими нотами, общими обоим пьесам, немедленно перешел на более быстрый темп любимой арии моего приятеля. П., со своей стороны, внезапно переменял мотив и начал насвистывать «Madame Angot». Все рассмеялись. Мой друг был слишком занят шахом королевы, чтобы заметить что-нибудь. «Начнем опять, — сказал я, — и вернемся к «Пророку»». Немедленно мы опять услышали замечательную фугу Мейербера. Все, что мой друг знал, было только то, что он что-то насвистывал.

Нет надобности пояснять, что здесь не было мысленного внушения, а было внушение слуховое, которое проникало в психическую сферу совершенно незаметно для внушаемого лица и без всякого с его стороны сопротивления.

То же самое мы имеем и в других случаях. Возь-

мом еще пример из Б. Сиддиса: «У меня в руках газета, и я начинаю ее свертывать; вскоре я замечаю, что мой друг, сидящий против меня, свернул свою таким же образом. Мы говорим, что это случай внушения»¹⁰.

Мы можем привести и много других аналогичных примеров, где внушение входит в психическую сферу незаметно для самого лица и без всякой борьбы и сопротивления с его стороны.

Вообще можно сказать, что внушение, по крайней мере в бодрственном состоянии, гораздо чаще проникает в психическую сферу именно таким незаметным образом и во всяком случае без особой борьбы и сопротивления со стороны внушаемого лица. В этом и заключается общественная сила внушения. Возьмем еще пример из того же Б. Сиддиса: «Среди улицы на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые томы болтовни, лстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено, они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глазет на «чудесные» предметы, выставленные ей на удивление. Еще несколько минут, и толпа начинает покупать вещи, про которые торговец внушает, что они прекрасные, дешевые».

«Уличный оратор влезает на полено или на повозку и начинает разглагольствовать перед толпой. Грубейшим образом он прославляет великий ум и честность народа, доблесть граждан, ловко заявляя своим слушателям, что с такими дарованиями они должны ясно видеть, как зависит процветание страны от той политики, которую он одобряет, от той партии, доблестным поборником которой он состоит. Его доказательства нелепы, его мотивы презренны, и, однако, он обыкновенно увлекает за собой массу, если только не подвернется другой оратор и не увлечет ее в другом направлении. Речь Антония в «Юлии Цезаре» представляет превосходный пример внушения».

Очевидно, что во всех этих случаях действие внушения не осуществилось бы, как скоро было бы замечено всеми, что торговец не в меру расхваливает

свои предметы, что уличный оратор преувеличивает значение своей партии, вздорным образом восхваляя ее заслуги. По крайней мере все, для которых ясна вздорность и лживость уверений, в таких случаях тотчас же отходят от таких ораторов, вокруг которых остается только доверчивая толпа слушателей, мало понимающая в деле, не замечающая ни грубой лести, ни лживых заявлений и потому легко поддающаяся внушению.

Итак, в действиях последнего, по крайней мере в большинстве случаев, нет ничего «насильственного», нет ничего такого, что должно быть «преодолеваемо», наконец, нет и ничего такого, от чего «сознание субъекта стремится избавиться». Все происходит самым обычным, естественным порядком, и, однако, это есть настоящее внушение, которое вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия. Нет, конечно, надобности доказывать, что в отдельных случаях внушение действительно встречает сопротивление со стороны человека, которого оно имеет в виду, и тем не менее оно проникает в сознание, как паразит, после известной борьбы, почти насильственным способом.

Один из прекрасных поэтических примеров внушения, проникающего в сознание после известной борьбы, представляет внушение со стороны Яго на Отелло, который первоначально встречает это внушение сильным сопротивлением, но затем постепенно поддается ему, когда «яд ревности» начинает совершать в душе Отелло свою губительную работу. Также и некоторые из внушений, производимых в гипнозе, иногда встречаются известным противодействием со стороны гипнотизируемого лица. Особенно часто это случается с лицами, которым внушают произвести поступок, противоречащий их нравственным убеждениям. Как известно, некоторые из французских авторов по степени сопротивления лица, которому производятся внушения, противоречащие общепринятым нравственным понятиям, находили возможным даже определять нравственность данного лица.

Очевидно, что в гипнозе личность большей частью не вполне устраняется, она только потухает в из-

вестной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере.

Тем не менее ничего обязательного и даже характерного для внушения в противодействии ему со стороны лица, которому производится внушение, мы не имеем, так как множество внушений вступает в психическую сферу того или другого лица без малейшего сопротивления с его стороны. Одному лицу, находящемуся в бодрственном состоянии, я говорю, что у него начинает стягивать руку в кулак, что всю его руку охватывает судорога и ее притягивает к плечу, и это внушение тотчас же осуществляется. Другому я говорю, что он не может брать рукой окружающих предметов, что она у него парализована, и оказывается, что с этих пор в самом деле он лишился употребления руки. Все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по-прежнему владеют своей рукой. Ни в том, ни в другом случае, как и во многих других случаях, нет и тени сопротивления.

Поэтому мы не можем согласиться с Б. Сиддисом, когда он говорит, что «черта сопротивления есть основная часть внушения» или что «поток сознания индивидуума борется со внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость равновесия». В этой борьбе и в сопротивлении для внушения нет никакой необходимости, вследствие чего сопротивление личности не может и не должно входить в определение внушения. Нельзя также думать, что внушение не допускает критики. Сопротивление внушению, где оно имеется, ведь и основано на критике, на уяснении внутреннего противоречия внушаемой идеи с убеждениями данного лица, на несогласии с ним его «я». Иначе ведь не было бы и сопротивления. Отсюда очевидно, что внушение в известных случаях не исключает даже и критики, не переставая быть в то же время внушением.

Это обычно замечается в слабых степенях гипноза, когда личность еще относится с критикой ко всему окружающему, и в том числе к внушению. Одному лицу я внушаю в гипнозе, что по пробуждении он должен

взять со стола фотографическую карточку, которую он увидит. Когда он проснулся, он почти тотчас же осматривает поверхность стола и останавливает свой взор на определенном месте. «Вы что-нибудь видите?» — спрашиваю я. «Вижу карточку». Я прощаюсь с ним, намереваясь уйти; но он все еще обращает свой взор на стол. «Не нужно ли вам что-нибудь сделать?» — спрашиваю я. «Мне хотелось взять эту карточку, но мне ее не надо!» — отвечает он и уходит, не выполнив внушения и, очевидно, борясь с ним. Очень хороший тому пример мы находим также у Б. Сиддиса. Человеку, находящемуся в слабой степени гипноза, делается внушение, что он, услышав стук, возьмет сигаретку и зажжет ее. «Пробудившись, он помнил все. Я быстро стукнул несколько раз. Он встал со стула, но сейчас же сел опять и, смеясь, воскликнул: «Нет, я не стану этого делать!» «Что делать?» — спросил я. «Зажечь сигаретку, это бессмыслица!» «А вам очень хотелось это сделать?» — спросил я, представляя желание прошедшим, хотя было ясно, что он теперь с ним борется. Он не ответил. Я снова спросил: «Вы очень желали это сделать?» «Не очень», — отвечал он коротко и уклончиво».

Таким образом, «принятие без критики внушенных идей и действий» также не составляет безусловной необходимости для внушения, хотя и бесспорно, что большинство внушений входит в психическую сферу, как о том говорилось ранее, без всякого сопротивления.

Равным образом полного автоматизма мы не находим и в осуществлении внушения. Известно, как часто мы встречаем даже у лиц, погруженных в гипноз, что внушение осуществляется не без некоторой борьбы. То же мы наблюдаем и в случаях послегипнотического внушения. Иногда эта борьба кончается тем, что внушение, бывшее на пути к осуществлению, в конце концов остается не осуществленным вовсе, как это было в только что приведенных примерах. Правда, это противодействие бывает различно, смотря по силе внушения, по его характеру, по тем или другим внешним условиям, тем не менее оно возможно и во многих случаях существует. Следовательно, и двигательный

автоматизм далеко не может считаться неотъемлемой принадлежностью внушения.

Итак, внушение входит часто в психическую сферу незаметно, без всякого насилия, иногда вызывает борьбу со стороны личности внушаемого субъекта, подвергается с его стороны даже критике и выполняется далеко не всегда автоматически.

Надо, впрочем, заметить, что в других случаях внушение действительно входит в психическую сферу как бы насильственным образом и, будучи принято без всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполне автоматически. Примером таких внушений может служить способ внушения аббата Faria, действовавшего одним приказанием. К этому же порядку внушения относится и всем известная команда, которая основана везде и всюду не столько на силе страха за непослушание и на сознании рациональности подчинения, сколько на действительном внушении, которое в этом случае врывается в сознание насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумывания и критики, приводит к автоматическому выполнению внушения.

Очевидно, что сущность внушения заключается не в тех или других внешних его особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления. Вообще говоря, внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое производится намеренно или ненамеренно со стороны внушающего лица и которое может происходить или незаметно для лица, которому производится внушение, или же с его ведома и согласия.

Для выяснения сущности внушения мы должны иметь в виду, что наше восприятие может быть активным и пассивным. При первом обязательно участвует «я» субъекта, которое направляет внимание, сообразуясь с ходом нашего мышления и окружающих условий, на те или другие предметы и явления. Последние, входя в психическую сферу при участии внимания и усваиваясь путем обдумывания и размышления, становятся прочным достоянием личного сознания или нашего «я».

Этот род восприятия, приводя к обогащению нашего личного сознания, лежит в основе наших взглядов и

убеждений, так как дальнейшим результатом активного восприятия является работа нашей мысли, приводящая к выработке более или менее прочных убеждений. Последние, входя в содержание нашего личного сознания, временно скрываются за порогом сознания, но так, что каждую минуту по желанию «я» они вновь могут быть оживлены путем воспроизведения пережитых представлений.

Но, кроме активного восприятия, многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия нашего «я»; когда внимание наше чем-либо занято, напр. при сосредоточении на какой-либо мысли, или когда внимание наше вследствие тех или других причин ослаблено, как это наблюдается, напр., в состоянии рассеянности. И в том, и в другом случае предмет восприятия не входит в сферу личного сознания, а проникает в другие области нашей психической сферы, которые мы можем назвать общим сознанием. Это последнее является достаточно независимым от личного сознания, благодаря чему все, что входит в сферу общего сознания, не может быть нами по произволу введено в сферу личного сознания. Но тем не менее продукты общего сознания могут при известных условиях входить и в сферу личного сознания, причем источник их первоначального возникновения не всегда даже и распознается личным сознанием.

Целый ряд разнородных впечатлений, входящих в психическую сферу при пассивном восприятии без всякого участия внимания и проникающих непосредственно в сферу общего сознания, помимо нашего «я», образует те неуловимые для нас самих воздействия окружающего мира, которые отражаются на нашем самочувствии, придавая ему нередко тот или другой чувственный тон, и которые лежат в основе неясных мотивов и побуждений, нередко нами испытываемых в тех и других случаях. Сфера общего сознания вообще играет особую роль в психической сфере каждого лица. Иногда впечатление, воспринятое пассивно, входит благодаря случайному сцеплению идей и в сферу личного сознания в виде умственного образа, новизна которого нас поражает. В отдельных случаях образ этот,

принимая пластические формы, возникает в виде особого внутреннего голоса, напоминающего навязчивую идею, или даже в виде сновидения или настоящей галлюцинации, происхождение которой обычно лежит в сфере продуктов деятельности общего сознания. Когда личное сознание ослабевает, как это мы наблюдаем во сне или в глубоком гипнозе, то на сцену сознания выдвигается работа общего сознания, совершенно не считающаяся ни со взглядами, ни с условиями деятельности личного сознания, вследствие чего в сновидениях, как и в глубоком гипнозе, представляется возможным все то, о чем мы не можем даже и помыслить в сфере личного сознания.

Вряд ли можно сомневаться в том, что внушение относится именно к порядку тех воздействий на психическую сферу, которое происходит помимо нашего «я», проникает непосредственно в сферу общего сознания. Еще в своей работе «Роль внушения в общественной жизни» (СПб., 1898) я определил внушение после соответствующих разъяснений следующим образом:

«Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания». Я пояснил при этом, что «в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе как при посредстве логического мышления и с участием личного сознания».

Все, что входит в сферу личного сознания, вступает в соотношение с нашим «я», и так как все в личном сознании благодаря отношению к «я» находится в строгом соответствии и координации, служащей выражением единства личности, то очевидно, что все входящее в сферу личного сознания должно подвергаться соответственной критике и переработке, приводящей к убеждению. Но несомненно также, что кроме убеждения, действующего на другое лицо силой логики и непреложными доказательствами и возникающего при

посредстве личного сознания, следует различать внушение, действующее на психическую сферу «путем непосредственного прививания психических состояний, т. е. идей, чувствований и ощущений», не требуя участия личного сознания и логики.

Я и теперь должен поддерживать тот же взгляд и полагаю, что внушение, в отличие от убеждения, проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий вообще предмет пассивного восприятия.

Когда по внушению у человека развивается судорога в руке или, наоборот, рука совершенно парализуется, спрашивается, что обуславливает осуществление этого внушения? Непосредственное проникновение внушаемой идеи в сферу сознания, не координированную с «я» субъекта, вследствие чего последнее не властно над этим внушением и не может ему противодействовать. Но что мешает «я» с его волевым вниманием допустить внушение проникнуть в общее сознание? Отчего оно не вводит его в сферу личного сознания? Оттого, что воля парализуется верой в силу гипноза и внушения и субъект не может на внушении сосредоточить волевого внимания, оно улавливается лишь произвольным вниманием, которое и вводит внушение в сферу общего, а не личного сознания, давая тем самым известный простор автоматизму.

Таким образом, если бы под внушением мы понимали всякое вообще непосредственное влияние на человека помимо его «я» или личного сознания, то мы могли бы отождествить эту форму воздействия на нас окружающих условий с формой пассивного восприятия, происходящего без всякого участия «я» субъекта. Но под внушением обыкновенно принято понимать воздействие одного лица на другое, которое, очевидно, происходит при посредстве пассивного восприятия, т. е. помимо участия личного сознания, или «я», субъекта в отличие от воздействия иного рода, происходящего всегда при посредстве активного внимания, с участием личного сознания и состоящего в логическом убеждении, приводящем к выработке тех или других

взглядов. Внушение и убеждение, таким образом, являются двумя основными формами воздействия одного лица на другое, хотя в числе способов психического воздействия одних лиц на других кроме убеждения и внушения мы можем различать еще приказание как требование, предполагающее за собой силу, способную заставить выполнять приказываемое, и пример, возбуждающий подражание, а также советы, надежды, желания и пр. Но эти формы воздействия одних лиц на других, кроме чисто автоматического подражания, по моему мнению, не могут быть причисляемы к основным, так как при анализе нетрудно убедиться, что как приказание, так и пример действуют частью путем того же убеждения, частью путем внушения. Несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению.

Так, приказ действует прежде всего силой страха за возможные последствия непослушания через сознание необходимости выполнения в силу разумности подчинения вообще и т. п. В этом отношении приказание действует совершенно подобно убеждению. Но независимо от того приказание действует, по крайней мере в известных случаях, и непосредственно на психическую сферу как внушение. Как известно, термин «внушение» до введения его в психологию предпочтительно употреблялся публикой для выражения властного влияния одного лица на другое. Лучшим примером влияния приказа как внушения может служить команда, которая действует, как известно, не только путем страха перед последствиями за непослушание, но и путем прямого внушения, не давая возможности здраво обсудить предмет команды. Точно так же и пример, с одной стороны, действует, несомненно, на разум путем убеждения в полезности того, что человек видит и слышит; с другой стороны, пример может действовать и наподобие психической заразы, иначе говоря, путем прямого внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

В этом отношении мы напомним о заразительном влиянии публичных казней, о самоубийствах из подражания, о передаче путем подражания судорожных болезненных форм и т. п.

Что касается других форм воздействия одних лиц на других, как требование, советы, выражение надежды или желанья, то в сущности они не имеют в виду ничего более, как предоставить материал для суждения другому лицу, а следовательно, имеют в виду поддержать или укрепить в нем определенное убеждение, хотя в известных случаях и эти формы воздействия могут влиять непосредственно на сознание наподобие внушения.

Таким образом, как приказание, так и пример, а равно и другие формы психического воздействия одних лиц на других действуют в одних случаях путем убеждения, в других случаях путем внушения, чаще же они действуют одновременно и как убеждение, и как внушение и потому не могут быть рассматриваемы как самостоятельные способы воздействия одних лиц на других, подобно убеждению и внушению.

Löwenfeld, между прочим, настаивает на различии в определениях самого процесса внушения (*suggestigen*) от результата его, известного под названием собственно внушения (*suggestion*). Само собою разумеется, что то два различных процесса, которые не должны быть смешиваемы друг с другом. Но, по нашему убеждению, только такое определение и может быть признано наиболее подходящим и более правильным, которое обнимает и самый способ воздействия, характерный для процесса внушения, и результат этого воздействия. Дело в том, что для последнего характерен не только результат, но и самый способ, каким он достигнут, равно как для процесса внушения характерен не только самый процесс или способ воздействия на психическую сферу, но и результат этого воздействия. Поэтому-то и в слове «внушать» мы подразумеваем не только особый способ воздействия на то или другое лицо, но и возможный результат этого воздействия, и, с другой стороны, в слове «внушение» мы подразумеваем не только достигнутый

результат в психической сфере данного лица, но и в известной мере тот способ, который привел к этому результату.

По нашему мнению, в понятии внушения прежде всего содержится элемент непосредственности воздействия. Будет ли внушение производиться посторонним лицом при посредстве слова, или воздействие производится при посредстве какого-либо явления или действия, т. е. имеем ли мы словесное или конкретное внушение, оно всегда влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу, помимо сферы личного сознания или по крайней мере без переработки со стороны «я» субъекта, благодаря чему происходит настоящее прививание того или иного психофизического состояния.

Равным образом и те состояния, которые известны под названием самовнушения и которые не требуют посторонних воздействий, возникают обычно непосредственно в психической сфере, когда, например, то или другое представление проникло в сознание как нечто готовое в форме внезапно явившейся и поразившей сознание мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. д. Во всех этих случаях психические воздействия, возникающие помимо постороннего вмешательства, прививаются к психической сфере также непосредственно в обход критикующего и самосознающего «я» или того, что мы называем личным сознанием.

Таким образом, внушать — значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний помимо его «я», т. е. в обход его самосознающей и критикующей личности.

Если внушение есть нечто иное, как воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия личного сознания дан-

ного лица, которому производится внушение, то очевидно, что оно может проявляться легче всего в том случае, когда проникает в психическую сферу или незаметно, вкрадчиво, при отсутствии особого сопротивления со стороны «я» субъекта, или по крайней мере при пассивном отношении последнего к предмету внушения, или же, когда оно сразу подавляет психическое «я», устраняя всякое сопротивление со стороны последнего.

Опыт действительно подтверждает это, так как внушение может быть вводимо в психическую сферу или мало-помалу, путем постоянных заявлений одного и того же рода, или же сразу наподобие повелительного приказа.

Но без сомнения, внушение легче всего удастся в гипнозе, при котором личное сознание утрачивается в большей или меньшей степени и на сцену выступает сфера общего, или безличного, сознания. Когда личное сознание ослабело или утрачено, как в гипнозе, то естественно, что внушение входит непосредственно в сферу общего сознания, минуя «я» субъекта и не встречая с его стороны какого-либо противодействия, по крайней мере в более глубоких степенях гипноза.

Если в некоторых случаях гипноза противодействие внушениям и существует, то степень этого противодействия, во всяком случае, находится в известной зависимости от глубины гипноза. Чем последний глубже, тем и внушение встречает меньше сопротивления. Не подлежит, впрочем, сомнению, что и характер внушения влияет на сопротивляемость субъекта, так как только внушения, противоречащие всему складу данного лица, и особенно его нравственным воззрениям, встречают обыкновенно то или другое противодействие со стороны гипнотизируемого лица. Но это противодействие далеко не такого рода, чтобы опытный гипнотизатор не мог его обойти и преодолеть.

Только что указанный факт объясняется, очевидно, тем, что в менее глубоком гипнозе «я» субъекта, т. е. его личное сознание, если и остается, то в общем далеко не отличается такой стойкостью, как в нормальном состоянии, благодаря чему и противодей-

ствие его не может быть столь полным и совершенным, как при нормальных условиях.

Роль внушения в общественной жизни¹ *

Мм! Гг! Когда на мою долю выпала высокая честь, согласно установившемуся академическому обычаю, произнести речь в торжественном актовом собрании, я после некоторых колебаний решил остановиться на практической теме и выбрал вопрос о внушении как факторе, играющем видную роль в нашей общественной жизни.

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве *contagium vivum*, или физических микробах, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о *contagium psychicum*, приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и невидимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом — где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.

Вот почему мне представляется не только современным, но и небезынтересным остановиться на этом предмете, полном глубокого значения как в повседневной жизни отдельных лиц, так и в социальной жизни народов.

Правда, этот вопрос еще не в достаточной мере освещен наукой, и потому я не могу скрыть от вас опасения, что в короткой беседе вряд ли мне удастся дать полное представление о затрагиваемом здесь предмете, но такова уж природа человеческой мысли: пока вопрос недостаточно изучен, он представляет живой интерес для всех и каждого, но, как только тот же самый вопрос рассмотрен всесторонне в науке и сделался достоянием обширного круга лиц, он уже

* Печатается по: Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1898. № 1, 2, 3.

значительно утрачивает долю своего интереса. Руководясь этим, я полагаю, что не заслужу с вашей стороны большого упрека, если я позволю себе привлечь ваше внимание к вопросу о так называемом психическом внушении и о психической заразе.

Прежде всего мы должны выяснить, что такое само по себе внушение?

Еще недавно этот термин не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии, главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно специальное научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными.

Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения, а потому прежде всего мы должны подумать об определении и точном ограничении этого термина.

Нужно заметить, что уже многие авторы давали этому термину то или другое определение. Но я не хотел бы Вас утомлять перечислением этих определений внушения как психического фактора, а постараюсь сам ввести этот термин в должные рамки, дабы иметь затем ясное понятие о предмете нашей беседы.

Бесспорно, что внушение есть один из способов влияния одних лиц на других, которое может происходить как намеренно, так и ненамеренно со стороны влияющего лица и которое может осуществляться иногда совершенно незаметно для человека, воспринимающего внушение, иногда же оно происходит с ведома и при более или менее ясном его сознании. Для того чтобы выяснить себе роль внушения, необходимо пояснить, что наша психическая сфера имеет один важный фактор, известный под названием личного сознания, или так называемого «я», которое при посредстве воли и внимания обнаруживает существенное влияние

на восприятие нами внешних впечатлений, которое регулирует течение наших представлений и которое определяет выполнение наших действий. Все, что входит в сферу психической деятельности при посредстве личного сознания, усваивается нами путем обдумывания и осмысленной переработки, становясь прочным достоянием нашего «я».

Этот путь воздействия окружающей среды на нашу психическую сферу может быть назван путем «логического убеждения», так как конечным результатом упомянутой переработки всегда является в нас убеждение. «Мы убедились в истине, мы убедились в пользе, мы убедились в неизбежности того или другого» — вот что мы внутренне можем сказать после того, как в нас совершилась упомянутая переработка внешних впечатлений, воспринимаемых при посредстве нашего личного сознания. Но независимо от того в нашу психическую сферу могут входить разнородные впечатления и влияния помимо нашего личного сознания и, следовательно, помимо нашего «я». Они проникают в нашу психическую сферу уже не с парадного хода, а, если можно так выразиться, с заднего крыльца, ведущего непосредственно во внутренние покои нашей души. Это и есть то, что мы называем внушением.

Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания.

Очевидно, что уже в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе как при посредстве логического мышления и с участием личного сознания.

В числе способов психического воздействия одних лиц на других кроме убеждения и внушения мы можем различать еще приказание или пример, но несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут

быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению. Так, команда есть, бесспорно, приказание, а кто не знает, что команда действует не только силой страха за непослушание, но и путем внушения или прививания известной идеи. С другой стороны, и пример помимо своего влияния на разум путем убеждения в полезности того или другого может еще действовать наподобие психической заразы, иначе говоря, путем внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

Кто не знает заразительного действия публичных казней; кому, наконец, не известно заразительное влияние самоубийства?

Итак, необходимо иметь в виду, что вопреки словесному убеждению, обыкновенно действующему на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, т. е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике.

Одним словом, внушение действует прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путем увлекательной и взволнованной речи, путем уговора, жестов и мимики.

Легко видеть отсюда, что пути для передачи психических состояний с помощью внушения гораздо более многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путем убеждения.

Вот почему внушение в общем представляет собою гораздо более распространенный и нередко более могущественный фактор, нежели убеждение.

Последнее может действовать только на лиц, обладающих здоровой и сильной логикой, тогда как внушение действует не только на лиц с сильной и здоровой логикой, но еще в большей мере на лиц, обладающих недостаточной логикой, как, например, детей и простолюдинов.

Несомненно поэтому, что внушение, или прививание психических состояний, играет особо видную роль в нашем воспитании, по крайней мере до тех пор, пока

логический аппарат ребенка не достигнет известной степени своего развития, позволяющего ему усваивать логические выводы не менее, нежели готовые продукты умственной работы других, передаваемые с помощью так называемого внушения, или психической прививки.

Равным образом и в простом классе населения внушение, или прививка идей, играет гораздо более видную роль, нежели логическое убеждение.

Всякий обращавшийся с народом знает это хорошо по собственному опыту и знает цену логических убеждений, которые если и имеют иногда успех, то лишь временный, тогда как внушение или приказание здесь почти всегда действует верно.

Влияние команды в войсках сводится также не к убеждению, а к внушению и приказанию, которые действуют сильнее всякого убеждения. Но и на интеллигентных лиц, обладающих вполне развитой логикой, внушение действует вряд ли менее сильно, нежели на детей и простолюдинов.

Хотя все вышеуказанное достаточно точно определяет самый предмет, тем не менее нельзя не упомянуть, что о действии внушения и о распространении психической инфекции, или заразы, мы не могли составить себе ясного представления до тех пор, пока не были нами ближе выяснены условия, необходимые для осуществления внушения и распространения психической заразы.

Эти условия мы получили возможность выяснить лишь в позднейшее время вместе с развитием учения об искусственном, или намеренном, внушении. Как о распространении физического заражения еще так недавно господствовали самые смутные представления до тех пор, пока не явилась возможность производить чистые культуры микробов и с помощью их производить искусственные прививки болезней, так точно и в вопросе о внушении и психической заразе существовало множество самых сбивчивых и неясных представлений до тех пор, пока не явилась возможность ближе изучить условия искусственного прививания тех или других психических состояний с помощью намеренного внушения.

Опыт показывает, что такое намеренное прививание тех или других психических состояний удастся лучше всего в особом состоянии сознания, которое мы называем гипнозом и которое, на мой взгляд, есть не что иное, как искусственно вызванное видоизменение нормального сна.

Как известно, в гипнозе легко удаются самые разнородные внушения. Ввиду этого гипноз представляет для нас глубокий интерес не с одной только практической стороны, но и в отношении изучения вопроса о наиболее благоприятных условиях внушения. Чем, в самом деле, объясняется то обстоятельство, что в гипнозе хорошо удаются внушения? Можно думать, что гипноз как состояние близкое или родственное нормальному сну сам по себе уже составляет благоприятное условие для внушения. Но опыт показывает нам, что не всегда степень внушаемости идет рука об руку с глубиной сна. Есть очень глубокие степени гипноза, как, напр., «летаргическая фаза Charcot», которые совершенно недоступны внушению. Напротив того, в других случаях уже слабые степени гипноза отличаются необычайною внушаемостью.

Известно также, что и обыкновенный сон большею частью не составляет благоприятного условия для внушения, хотя в некоторых состояниях естественного сна имеются условия, столь же благоприятные для внушения, как и в гипнозе.

Отсюда ясно, что степень внушаемости определяется не самим гипнозом или сном, а тем особым состоянием сознания или психической деятельности, которое мы имеем в гипнозе, а иногда и в естественном сне.

Эти условия, благоприятствующие внушению в гипнозе, заключаются в том, что при изменении нормального сознания, выражающемся большим или меньшим засыпанием «я» и не исключающем общения с внешним миром или по крайней мере не исключающем общения с гипнотизатором, производимые последним внушения входят в психическую сферу непосредственно и независимо от личного сознания гипнотизируемого субъекта, иначе говоря, помимо его «я». Закрепляясь в тех глубинах души, которые мы называем бессознательными и которые вернее было бы назвать скрытыми, эти вну-

шения впоследствии входят сами собой в сферу личного сознания и, не будучи распознаны как посторонние внушения, подчиняют личное сознание в более или менее значительной мере.

По-видимому, таким образом, вся сущность гипнотических внушений заключается в том, что у загипнотизированного наступает особое состояние пассивности, в силу чего внушения и действуют на него столь подавляющим образом.

Не подлежит, однако, сомнению, что состояние пассивности представляет собою лишь одно из благоприятнейших условий для введения внушения в бессознательную сферу. Оно составляет лишь подходящую обстановку для внушения, устраняя в большей или меньшей мере вмешательство личного сознания.

Так как, однако, это состояние пассивности ничуть не идет рука об руку с глубиной сна, а зависит в значительной степени также от индивидуальных условий, то отсюда очевидно, что и степень восприимчивости к внушениям не стоит в прямом соотношении с глубиной гипноза.

Опыт показывает далее, что гипноз не составляет необходимого условия для внушения, что внушение вполне возможно и в совершенно бодрственном состоянии, следовательно, при наличии воли. Есть лица, у которых внушения могут быть производимы в бодрственном состоянии так же легко и просто, как и в состоянии гипноза.

Исследуя сам неоднократно таких лиц, я убедился, что они по существу ничем не отличаются от всех прочих, кроме, быть может, большей нервности и впечатлительности.

При этом не подлежит никакому сомнению, что восприимчивость их к внушениям происходит в нормальном психическом состоянии.

Но суть в том, что эти лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия. Благодаря этому внушения входят в их психическую сферу помимо их «я», точнее говоря, помимо их личного сознания, следовательно, прививаются непосредственно, так сказать в самые недра

психической сферы, помимо всякого участия воли и действуют так же неотразимо на субъект, как и внушения, производимые в гипнозе.

Само собой разумеется, что у такого рода лиц внушением в бодрственном состоянии можно пользоваться для лечения так же, как и внушениями, производимыми в гипнозе.

Примером действительности подобного рода внушений, производимых в бодрственном состоянии, может свидетельствовать следующий случай, недавно представившийся моему наблюдению в клинике.

Осенью 1896 г. мы приняли молодого человека, который страдал тяжелыми судорожными истерическими приступами и полным параличом нижних конечностей, развившимся в одном из истерических приступов.

Этот паралич длился уже более 1½ месяца, не поддаваясь никаким вообще терапевтическим приемам, и грозил, таким образом, перейти в те хронические параличи, которые длятся годами и не поддаются излечению.

Но во время исследования этого больного совместно с врачами клиники он был загипнотизирован простым закрытием глаз и затем благодаря внушению излечен от паралича совершенно и уже в гипнозе начал ходить.

Когда он был разбужен, то, к удивлению своему, убедился, что он стоит на ногах и может свободно ходить.

Больной в восторге отправился сам в свою палату и привел в изумление всех тех, которые за несколько минут перед тем видели его в состоянии полного паралича нижних конечностей, перевозимого лишь на коляске.

С этих пор у больного оставались одни истероэпилептические припадки, которые случались с больным довольно часто и продолжались нередко весьма продолжительное время, если они своевременно не были останавливаемы соответствующими внушениями.

Перед тем как продемонстрировать больного на лекции перед студентами, я исследовал его вновь и убедился, что внушения можно свободно производить ему в

бодрственном состоянии. Тотчас же ему было произведено внушение о прекращении судорожных приступов и о его выздоровлении.

Внушение подействовало на больного так, что он совершенно приободрился и припадки прекратились.

На другой день на лекции можно было больному в совершенно бодрственном состоянии внушать разнообразные судороги, контрактуры и параличи, иллюзии и галлюцинации — словом, все, что угодно.

Я много раз спрашивал больного, как он может объяснить себе действие внушения наяву, но он на это выражал только удивление вместе с другими присутствовавшими лицами.

У этого больного со временем, правда, проявились еще два или три слабых истерических припадка под влиянием особых поводов, но это были лишь изолированные припадки, которые затем, после новых внушений, более уже не повторялись.

Мы сейчас имеем в клинике истерическую больную, у которой в бодрственном состоянии так же легко осуществляются разнообразные внушения, как, напр., иллюзии, галлюцинации и пр., и которая этими внушениями легко излечивается от разнообразных нервных припадков.

Приведенные примеры, подобных которым я мог бы привести довольно много, не оставляют сомнения в том, что внушения в бодрственном состоянии в известных случаях могут быть столь же действительными, как и внушения в состоянии гипноза.

Таким образом, для внушения в сущности не нужно сна, не нужно даже никакого подчинения воли внушаемого лица, все может оставаться как обыкновенно, и тем не менее внушение, входящее в психическую сферу помимо личного сознания, или так называемого «я», при отсутствии психического сопротивления со стороны внушаемого субъекта действует с непреодолимую силою на последнего, подчиняя его внушенной идее.

Для доказательства этой истины нет надобности даже обращаться к тем или другим патологическим примерам, так как подобные и притом не менее яркие примеры мы можем почерпнуть и вне клиники. Извест-

но, какую магическую силу имеют в некоторых случаях заговоры знахарей, сразу останавливающие кровотечения; не менее известно и целительное значение так называемых симпатических средств, к которым так охотно прибегали в особенности в старое время при сильном распространении веры в эти средства. На этом внушении в бодрственном состоянии основано известное целебное значение королевской руки, магическое действие хлебных пилюль, невской воды и других индифферентных средств против многих болезней, магическое слово аббата Faria, одним повелением исцелявшего больных, известное в Париже лечение параличных больных одним зуавом, пользовавшимся для этой цели лишь повелительным внушением, наконец, многие из тех внезапных исцелений, которые нередко ставят в тупик очевидцев и которые повторяются еще и поныне.

Примера ради достаточно указать на недавние подвиги в Америке немецкого эмигранта Шляттера, который, начав башмачником в Данвере, вообразил, что его призвание заключается в том, чтобы просветить всю Америку евангельским учением. С этих пор он закрывает свою торговлю, превращаясь в странника, выдает себя за мессию и исцеляет многих наложением своей руки.

Вскоре молва о производимых им чудесах повлекла за ним толпы приверженцев, на глазах которых совершались чудесные исцеления. К нему стало стекаться множество больных, жаждущих наложения его руки, так что он уже не успевал удовлетворять всех, ищущих его помощи.

Особенной славой он пользовался в штате Колорадо. Затем он отправился в Мексику, после чего вскоре исчез, и никто не знал, что с ним случилось. Его приверженцы уверяли, что он отправился в другие страны для проповеди, другие — что он вознесся на небо. Пользуясь этим, то там, то сям стали являться его подражатели — лже-Шляттеры.

В конце концов скелет настоящего Шляттера был найден совершенно случайно под одним деревом двумя исследователями Сьера-Мадре в 50 милях от *casas grandes* в провинции Чигуагуе.

Этот поражающий пример, взятый из жизни современного общества, показывает нам со всею яркостью, какова может быть сила внушения в бодрственном состоянии при условии слепой веры в силу производимого внушения и в отсутствии психического противодействия по отношению к внушению.

Но не повторяется ли то же самое в большей или меньшей мере и с врачом, подходящим к кровати больного? Всякий знает, какое магическое оздоровляющее действие может приобрести одно утешительное слово со стороны врача и, наоборот, как иногда убийственно в буквальном смысле слова действует на больного суровый, холодный приговор врача, не знающего или не желающего знать силы внушения.

Надо, впрочем, заметить, что далеко не все лица верят слепо в могущество того или другого врача по отношению к своей болезни, а потому и психическое влияние врача на своих пациентов бывает неодинаковым.

Вообще надо признать, что так как большинство лиц не может удержать себя от невольного сопротивления посторонним психическим воздействиям, то естественно, что намеренное внушение в бодрственном состоянии в более или менее резко выраженной степени удастся далеко не у всех.

Но совершенно другое мы имеем, когда дело идет не о намеренном, но о совершенно невольном внушении, производимом при естественном общении одного лица с другим. Это внушение происходит незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере.

Чтобы пояснить этот факт примером, я напомним здесь, какое магическое влияние на всех производит, например, появление одного веселого господина в скучающем обществе. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом, и общество из скучного и монотонного делается очень веселым и оживленным. В свою очередь оживление общества действует заразительно и на ли-

цо, внесшее это оживление, в силу чего его душевный тон еще более приподнимается.

Вот один из многих примеров действия невольного внушения, или естественного прививания психических состояний от одних лиц к другим.

Так как в этом случае дело идет о взаимном психическом влиянии одного лица на других и обратно, то правильнее всего это состояние называть невольным *взаимовнушением*. Нужно при этом иметь в виду, что действие невольного внушения и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала. Оно не ограничивается только отдельными более или менее исключительными лицами, подобно намеренному внушению, производимому в бодрственном состоянии, и также не требует для себя никаких особых, необычных условий, подобно внушению, производимому в гипнозе, а действует на всех и каждого при всевозможных условиях.

Само собою разумеется, что и в отношении произвольного прививания психических состояний существуют большие различия между отдельными лицами в том смысле, что одни, как более впечатлительные, более пассивные и, следовательно, более доверчивые натуры, легче поддаются произвольному психическому внушению, другие же менее; но разница между отдельными лицами существует лишь количественная, а не качественная, иначе говоря, она заключается лишь в степени восприимчивости к ненамеренному или невольному внушению со стороны других лиц, но не более.

Невольное внушение и взаимовнушение, таким образом, как мы его понимаем, есть явление более или менее всеобщее. Возникает, однако, вопрос: каким способом могут прививаться к нам идеи и вообще психические состояния других лиц и подчинять нас своему влиянию? Есть полное основание думать, что это прививание происходит исключительно при посредстве органов чувств.

В науке неоднократно возбуждался вопрос о мысленном влиянии на расстоянии со стороны одного лица на другое, но все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непреложным образом рушатся тотчас же, как только его

подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено в сущности ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний.

Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанною.

Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, т. е. при посредстве органов чувств.

Вряд ли можно сомневаться в том, что главнейшим передатчиком внушения от одного лица другому является орган слуха, так как словесное внушение является, вообще говоря, наиболее распространенным и, по-видимому, наиболее действительным.

Но не подлежит сомнению, что и другие органы, особенно зрение, могут служить также посредниками в передаче внушения. Не говоря о влиянии мимики и жестов, я укажу лишь на тот факт, что весьма немногие лица могут видеть зевоту, чтобы не зевнуть самим; равным образом вид съедаемого лимона вызывает невольное сжимание губ и обильное слюноотделение. Известен анекдот, что этим путем был остановлен целый оркестр одним зрителем, который занялся на глазах музыкантов поеданием лимона.

Все это суть примеры зрительного внушения, которое, как легко видеть, действует в известных случаях не менее верно, нежели внушение слуховое.

Можно привести также примеры передачи внушения при посредстве осязательного и мышечного чувств. Всякий знает, что взаимное пожимание рук нередко является очень действительным средством передачи душевных чувств и симпатии между близкими лицами. Далее известен пример, что один студент-медик испытал сильный страх при мысли, что скальпелем он от-

резал себе палец, тогда как на самом деле по пальцу его скользнула лишь тупая спинка скальпеля.

Другим примером внушения при посредстве осязательного органа может служить известный рассказ о приговоренном к смерти преступнике, которому при закрытых глазах было внушено, что вскрыта одна из вен и что кровь его постоянно истекает. Через несколько минут он оказался мертвым, несмотря на то что вместо крови по телу его струилась теплая вода.

Что касается внушения при посредстве мышечного чувства, то оно изучалось неоднократно на истеричных в Сальпетриере, причем оказалось, что этим путем в известных случаях внушение может производиться весьма успешно. Достаточно истеричной больной в гипнозе сложить руки, как они складываются при молитве, и тотчас же лицо ее принимает выражение мольбы. Если в другом случае сложить ее правую руку в кулак, то лицо ее принимает выражение угрозы.

Очевидно, следовательно, и такой орган, как мышечное чувство, вообще весьма мало приспособленное для общения отдельных лиц, дает возможность передавать внушения. Надо думать, что не составляют в этом отношении исключения даже и такие органы, как орган обоняния и вкуса.

Вообще надо признать, что передатчиками внушения могут служить все вообще органы чувств, не исключая осязания и мышечного чувства, но само собою разумеется, что такие органы, как слух и зрение, как органы, наиболее приспособленные для общения людей друг с другом, являются важнейшими органами, при посредстве которых чаще всего и вернее всего передаются внушения.

В сущности невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действуют везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего общаемся. Подобное прививание психических состояний происходит взаимно между лицами, совместно живущими, иначе говоря, каждая личность в той

или другой мере прививает другой особенности своей психической натуры и, наоборот, принимает от нее те или другие психические черты. Происходит, следовательно, в полном смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней вообще может отражаться влияние психической деятельности.

Это влияние особенно сказывается на мимике, придающей лицу определенное выражение и обрисовывающей в известной мере его черты. Факт этот, между прочим, объясняет нам то обстоятельство, что, как уже давно было замечено, существует в значительном числе случаев большое сходство в чертах мужа и жены, которое, очевидно, более всего зависит от психической ассимиляции путем взаимовнушения обоих лиц, находящихся в сожительстве. В счастливых браках это сходство черт лица встречается, по-видимому, еще чаще, нежели в массе всех вообще браков. Но нет ничего убедительнее в смысле непосредственной передачи психических состояний от одного лица другому, как передача патологических явлений.

Всякому известно, что истерика, случившаяся в обществе, может повлечь за собою ряд других истерик, с другой стороны, заикание и другие судорожные формы легко передаются предрасположенным субъектам совершенно непосредственно, путем невольного и совершенно незаметного прививания, или внушения.

Не менее поучительные случаи мы имеем в массовых самоубийствах и в так называемых случаях наведенного помешательства. В тех и других случаях дело идет о действии внушения, благодаря которому и происходит зараза самоубийств, с одной стороны, и, с другой — передача болезненных психических состояний от одного лица другому.

Известны примеры, что случаи наведенного помешательства наблюдались в целой семье, состоящей из четырех, пяти и даже шести лиц. Эти случаи представляют, таким образом, уже настоящую психическую семейную эпидемию.

С другой стороны, психиатрам давно известен факт, что при совмещении душевнобольных в известных случаях происходит заимствование бреда одними больными от других и в таком случае иногда бред больных соответственным образом видоизменяется, в силу чего и случаи эти получают название видоизмененного помешательства (*folie transformée*).

Известно также, что наилучшим средством устранения такого заимствованного бреда является немедленное обособление больных, влияющих друг на друга.

Можно, конечно, подумать, что в вышеприведенных примерах дело идет о таких патологических случаях, которые отличаются особой восприимчивостью к психическим влияниям со стороны других лиц. Однако не подлежит сомнению, что в некоторых случаях передача психической инфекции представляется крайне облегченной и среди совершенно здоровых лиц.

Особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются, между прочим, иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно.

Эти коллективные или массовые галлюцинации, случающиеся при известных условиях, представляют собой одно из интереснейших психологических явлений. Почти в каждой семейной хронике можно слышать рассказы о видении умерших родственников целой группой лиц.

Известен рассказ об одном поваре на корабле, который неожиданно скончался, что поразило всех пассажиров корабля. Были произведены обычные в таких случаях морские похороны, т. е. труп был спущен в море, и вечером того же дня многие из пассажиров видели умершего повара, идущего за кораблем и ковыляющего на одну ногу. Нечего и говорить, что всех это повергло в неопишуемый страх и что многие пассажиры провели тревожную ночь. Наутро дело разъяснилось: вместо повара оказался обрубок дерева, привязанный к корме корабля.

Рассказывают, что в прежнее время, когда корабли двигались под парусами и когда под тропиками их заставлял штиль и они должны были долгое время оставаться в безбрежном пространстве во время страшного зноя, у пассажиров иногда развивались массовые иллюзии и галлюцинации, причем им нередко казалась вблизи земля с необычайно красивыми видами и живописными очертаниями берегов.

Один из интересных примеров массовых иллюзий и галлюцинаций представляет случай, происшедший с французскими военными судами в 1846 г. Фрегат «Bella-Poule» и корвет «Verseau» были застигнуты страшным ураганом близ островов Соединения. Первый из них вынес ураган благополучно, но потерял из виду корвет «Verseau» и, считая бесполезным разыскивать его в открытом океане, направился к условленному заранее пункту встречи у восточного берега Мадагаскара, к острову Св. Марии. Здесь корвета не оказалось, причем все поиски его вблизи острова были бесплодными. Естественно, что вслед за этим начался для экипажа «Bella-Poule» мучительный период ожидания. Каждый день приносил все более и более беспокойства за судьбу несчастного корвета, экипаж которого состоял из 300 человек. В таком мучительном ожидании прошел целый месяц. Наконец однажды в жаркий солнечный день после полудня сигнальщиком, сидевшим на мачте, был замечен на западе вблизи берега корабль, лишенный мачты. Весь экипаж устремил свои взоры на указанный пункт и убедился, что сообщение сигнальщика было справедливо.

Само собой разумеется, что это событие взволновало всех, причем волнение достигло еще большей степени, когда все увидели перед собой не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый морскими шлюпками, с которых подавали сигналы о гибели. Это видение продолжалось несколько часов, причем с каждой минутой выяснялись все более и более ужасающие подробности этой сцены. На помощь погибавшим по приказу командира был тотчас же отправлен стоявший на рейде крейсер «Archimède». День уже приходил к концу и начинала спускаться

южная ночь, когда «Archimède» подошел к месту своего назначения. Надо заметить, что все это время экипаж крейсера «Archimède» видел погибавших на плоту людей; были даже слышны крики о помощи, заглушаемые плеском весел. Эта поразительная иллюзия рассеялась лишь тогда, когда спущенные с крейсера шлюпки подошли к предмету, принятому за плот с людьми и оказавшемуся массой вырванных с берега огромных деревьев, принесенных сюда течением. Вместе с этим надежда видеть пассажиров разбитого корабля «Vergesau» окончательно погибла и самая их судьба покрылась густым мраком неизвестности.

Нечего и говорить, что в развитии этой массовой галлюцинации, так сказать, сквозит влияние внушения. Несомненно, что бедствия, пережитые в море, сильно возбудили нервы пассажиров. Беспокойство и страх за участь 300 сотоварищей, бывших на «Vergesau», сильно содействовали известному направлению умов.

Естественно, что мысли всех сосредоточивались на предположении возможной гибели своих несчастных сотоварищей. Все разговоры сводились к одной и той же теме. В такое-то время сигналист замечает на горизонте на стороне солнечного заката странный предмет с неясными очертаниями, и под влиянием мысли о крушении корвета в его глазах воссоздается образ последнего. Одних его слов, что вдали виднеется разбитый корабль, было уже достаточно, чтобы внушить всем одну и ту же иллюзию. Далее идет развитие той же самой внушенной идеи. При обмене мыслей о видимом предмете все соглашаются, что это не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый шлюпками, с которых раздаются сигналы бедствия. Такая галлюцинация длится много часов до наступления ночи, когда посланные с крейсера «Archimède» шлюпки врезались в густую листву плавающих деревьев.

Не подлежит сомнению, что подобные же явления возможны и в других случаях и, может быть, даже случаются чаще, чем обыкновенно принимают. Вероятно, многие еще помнят, что при обострившихся отно-

шениях наших с Германией начались странные полеты в Россию прусских воздушных шаров. Целые массы лиц свидетельствовали об одновременном видении этих шаров многими лицами, несмотря на то что современная авиация не давала основания верить в действительность этих полетов. Ввиду этого не без основания была высказана мысль, что эти полеты прусских шаров относились к области массовых галлюцинаций, обусловленных направлением умов в сторону возможных неприязненных действий против нас со стороны Германии.

Не повторяется ли та же история и с шаром Андре? Сколько уже было получено телеграмм из разных концов северного полушария о видении шара Андре целой массой лиц. Не имеется ли и здесь дела с массовой иллюзией или галлюцинацией, подобно тому как это было, по-видимому, с прусскими воздушными шарами? Такое объяснение по крайней мере напрашивается само собой, когда читаешь мельчайшие подробности о видении шара Андре несколькими лицами той или другой местности. Видение это, стереотипно повторявшееся в нескольких местах, было настолько полным, что, как известно, была даже высказана мысль, что оно могло обуславливаться существованием особой не открытой еще планеты, с чем, однако, совершенно не согласуется относительная быстрота движения видимого шара.

Не менее известны исторические примеры множественных галлюцинаций. К числу таких исторических галлюцинаций относится, между прочим, известное видение креста на небе с надписью: «Сим победишь» — видение, испытанное воинами Константина Великого перед началом решительной битвы.

Массовые религиозные видения случались неоднократно и в позднейшее время, особенно в средние века. Они возможны даже и теперь, как показывает случай, описанный Verga.

В период тяжелой холерной эпидемии в 1885 г. жители деревни Корано, близ Неаполя, начали видеть Мадонну в черном одеянии, молящуюся за спасение людей на одном из ближайших холмов, где стояла часовня.

Слух об этом происшествии быстро распространился по окрестностям, и в Корано начало стекаться множество народа.

Видение это продолжалось до тех пор, пока итальянское правительство не приняло решительных мер против дальнейшего распространения этой эпидемической галлюцинации. Часовня была перенесена на другое место, холм же был занят отрядом карабинеров, после чего видение прекратилось.

Подобные видения объяснимы только с точки зрения внушения, совершенно невольного, со стороны одних лиц на других. Когда господствует в населении или в группе лиц то или другое настроение и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица с психической неуравновешенностью особенно легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мыслей, которые тотчас же путем невольного внушения, словесного или иного, сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях.

С той же точки зрения следует объяснить и стереотипные обманы чувств, свойственные лишь известным семьям, в которых этим галлюцинациям придают то или другое, большею частью роковое, значение. Известно, что в Габсбургском доме, например, такую галлюцинацией, которой придают роковое значение предвестника смерти, является видение черной женщины. Появление этой женщины уже издавна считается верным вестником приближения кончины и передается из уст в уста в виде семейной или родовой внушенной идеи, которая и олицетворяется при соответствующих случаях в форме стереотипной галлюцинации.

Изредка в тех или других семьях можно встретиться и с другого рода внушенными идеями, которые также играют немаловажную роль в жизни членов данной семьи. Я имел сведения, например, об одной семье, в которой из рода в род передавалась боязнь к огню из-за возможности погибнуть от него, и, действительно, многие из членов семьи погибли от неосторожного обращения с огнем или даже от самоубийства путем самосожжения. В другом роду удерживалось представление, что смерть его членов происходит от

огнестрельного оружия путем ли самоубийства или той или другой случайности, и оказалось действительно, что даже последние потомки этого рода, несмотря на страшную боязнь, проявляемую ими к огнестрельному оружию, погибали совершенно случайно или намеренно от выстрелов из ружья или револьвера.

Следует иметь в виду, что в подобного рода случаях на помощь внушению идет нередко и *самовнушение*, под которым мы понимаем прививание психических состояний, обусловленное, однако, не посторонними влияниями, а внутренними поводами, источник которых находится в личности самого лица, подвергающегося самовнушению.

Всякий знает, что человек может настроить себя на грустный или веселый лад, что он может при известных случаях развить воображение до появления иллюзий и галлюцинаций, что он может даже вселить в себя то или другое убеждение. Это и есть самовнушение, которое, подобно внушению и взаимовнушению, не нуждается в логике, а, напротив того, нередко действует даже вопреки всякой логике.

Кому не известно, что достаточно дать волю своему воображению и оно готово рисовать всевозможные страшные образы в темноте ночи, несмотря на то что мы можем быть твердо убеждены, что ничего страшного на самом деле не существует?

Но это только один из слабых примеров действия самовнушения, которое в известных случаях может приводить к настоящим обманам чувств. Надо думать, что и стереотипное видение черной женщины перед смертью в доме Габсбургов получает объяснение не в одном только взаимовнушении, но, быть может, и в самовнушении, невольном настраивающем воображение в определенном направлении. Путем невольного самовнушения, по-видимому, могут быть объяснены и некоторые другие темные психические явления, как, напр., предчувствие.

Известно также, что самовнушение в некоторых случаях, подобно гипнотическому внушению, может обнаруживать резкое влияние на сосудодвигательную и растительную сферы организма. Этим путем, между прочим, объясняются различные стигматы и даже пе-

риодические кровоизлияния из тех областей тела из которых сочилась кровь у распятого Христа, как по казывает известный в медицинской литературе и тща тельно проверенный видными научными авторитетами пример Луизы Лато.

Но мы бы отвлеклись далеко в сторону от главного предмета нашей беседы, если бы задались целью подробнее разяснять только что указанные явления нашей психической жизни.

Путем невольного внушения, взаимовнушения и самовнушения без труда объясняются и многие своеобразные стороны нашего сектанства, выражающиеся в крайне грубых формах. Кто не помнит еще так недавно проявившегося изуверства тираспольских беспоповцев погребением и замуровыванием живьем в подземельях 25 человек по их собственному желанию? Читая описание этого потрясающего события, перед которым бледнеет всем известный аскетизм буддистов, невольно приходишь к выводу, что так спокойно шли эти сектанты на верную смерть лишь в силу укоренившейся путем внушения и самовнушения идеи о переселении вместе с этим погребением в лоно праведников.

Ковалев, выполнивший этот обряд погребения в Терновских хуторах над 25 сектантами, в числе которых были его мать, дочь и жена, сам, очевидно, также находился под внушением со стороны монахини скитницы Виталии, которая отдавала ему свои повеления даже в то время, когда уже находилась в числе шести человек в подземной нише и была забрасываема землею.

Бесспорно, что убеждения раскольников, признающих народную перепись за антихристову запись, за отчуждение от Христа и от истинной христианской веры, создают почву для самоистребительных стремлений; но отсюда до массового самоожжения, как это случалось уже не однажды с нашими раскольниками, до закапывания в землю или до так называемого запощения или до уморения себя голодом еще далеко. Не подлежит, однако, сомнению, что раскольничья среда в скитах, в некотором отчуждении от внешнего мира, при постоянном посте и молитвах представляет крайне благоприятные условия для поддержания и развития

религиозного фанатизма. При этих-то условиях самоистребительная проповедь и находит себе благодарную почву. Эта проповедь действует в этих случаях не столько путем убеждения, сколько силой внушения и взаимовнушения, что и приводит к окончательному решению «соблюсти благочестие без отступления», согласно выражению самих раскольников.

Не подлежит никакому сомнению, что в терновских происшествиях роль главного вожака играла Виталия, которая, действуя первоначально по убеждению, в значительной мере укрепляла себя в проповеднической роли благодаря самовнушению. Общая атмосфера скита во время бывшей переписи, постоянные толки и обсуждения последней в ските, общая тревога и страх за последствия переписи поддерживали и укрепляли между членами путем взаимовнушения мысль о необходимости закопаться или запоститься. Исполнитель же закапываний Ковалев, как человек недалекий, находился под внушением как Виталии, так и других лиц, поддерживавших общее настроение раскольникового скита.

Время не позволяет более останавливаться на этом животрепещущем вопросе; но вся картина самоистребительных происшествий в Терновских хуторах решительно не поддается иному объяснению, если не принять в этом деле влияния внушения и взаимовнушения на почве уже укоренившихся суеверий, сыгравших здесь, бесспорно, крупную роль³.

Не менее ярко сила внушения сказывается в так называемых психопатических эпидемиях. На этих психопатических эпидемиях отражаются, бесспорно, прежде всего господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной местности. Но не может подлежать никакому сомнению, что эти эпидемии развиваются главным образом путем взаимовнушения и самовнушения.

Господствующие воззрения являются только более или менее благоприятной почвой для распространения путем невольной передачи от одного лица другому тех или других психопатических состояний. Эпидемическое распространение так называемой бесоодержимости в средние века, бесспорно, носит на себе все следы

установившихся в то время народных воззрений на необычайную силу дьявола над человеком; но тем не менее также бесспорно, что развитие и распространение этих эпидемий обязано главным образом, если не исключительно, силе внушения. Вот, например, средневековой пастор во время церковного богослужения говорит о власти демона над человеком, увещевая народ быть ближе к Богу, и во время этой речи в одном из патетических мест, к ужасу слушателей, воображаемый демон проявляет свою власть над одним из присутствующих, повергая его в страшные корчи. За этим следуют другая и третья жертвы. То же повторяется и при других богослужениях.

Можно ли сомневаться в том, что здесь дело идет о прямом внушении бесоодержимости, переходящем затем и в жизнь народа и выхватывающем из последнего свои жертвы даже и вне богослужесных церемоний.

Когда укоренились известные воззрения о возможности воплощения дьявола в человеке, то это верование само по себе уже действует путем взаимовнушения и самовнушения на многих психопатических личностей и приводит, таким образом, к развитию демонопатических эпидемий, которыми так богата история средних веков.

Особенно большими эпидемиями бесноватых, как известно, славится XVII век. Бесноватость, встречавшаяся во все времена, была в полном смысле слова недугом этого века, подобно тому как колдовство было недугом XVI века, а мания величия и мания преследования являются болезнями нашего столетия.

Благодаря самовнушению те или другие мистические идеи, вытекавшие из мировоззрения средних веков, нередко являлись вместе с тем источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые благодаря господствовавшим верованиям также получали склонность к эпидемическому распространению.

Таково, очевидно, происхождение судорожных и иных средневековых эпидемий, известных под названием пляски Св. Витта и Св. Иоанна, народного танца, носящего название тарантеллы, и, наконец, так называемого квиэтизма. Даже знакомясь с описанием

этих эпидемий современниками, нетрудно убедиться, что в их распространении играло роль взаимовнушение.

Вот, например, небольшая выдержка о средневековых конвульсионерках из Луи Дебоннера. Представьте себе девушек, которые в определенные дни, а иногда после нескольких предчувствий внезапно впадают в трепет, дрожь, судороги и зевоту; они падают на землю, и им подкладывают при этом заранее приготовленные тюфяки и подушки. Тогда с ними начинаются большие волнения: они катаются по полу, терзают и бьют себя; их голова вращается с крайней быстротой, их глаза то закатываются, то закрываются, их язык то выходит наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку. Желудок и нижняя часть живота вздуваются, они лают, как собаки, или поют, как петухи; страдая от удушья, эти несчастные стонут, кричат и свистят; по всем членам у них пробегают судороги; они вдруг устремляются в одну сторону, затем бросаются в другую; начинают кувыркаться и производят движения, оскорбляющие скромность, принимают циничные позы, растягиваются, деревенеют и остаются в таком положении по часам и даже целым дням; они на время становятся слепыми, немыми, параличными и ничего не чувствуют. Есть между ними и такие, у которых конвульсии носят характер свободных действий, а не бессознательных движений⁴. Прочитав это описание современника, кто из невропатологов станет сомневаться в том, что здесь дело идет о припадках большой истерии, развивающейся, как мы знаем, нередко и ныне эпидемически.

Еще более поучительная картина представляется нам в описании судорожных эпидемий, развивавшихся в Париже в прошлом столетии, объединяющим объектом которых явилось Сен-Медарское кладбище с могилой дьякона Пари, некогда прославившегося своим аскетическим образом жизни. Это описание принадлежит известному Луи Филье:

«Конвульсии Жанны, излечившейся на могиле Пари от истерической контрактуры в припадке судорог, послужили сигналом для новой пляски Св. Витта, возродившейся вновь в центре Парижа в XVIII в., с бес-

конечными вариациями, одна мрачнее или смешнее другой.

Со всех частей города сбегались на Сен-Медарское кладбище, чтобы принять участие в кривляниях и подергиваниях. Здоровые и больные, все уверяли, что конвульсионировать, и конвульсионировали по-своему. Это был всемирный танец, настоящая тарантелла.

Вся площадь Сен-Медарского кладбища и соседних улиц была занята массой девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсионировующих как бы вперекор друг с другом. Здесь мужчины бьются об землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие, немного дальше, глотают камешки, кусочки стекла и даже горящие угли; там женщины ходят на голове с той степенью странности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударять их по животу и бывают довольны только тогда, когда 10 или 12 мужчин обрушиваются на них зараз всей своей тяжестью.

Люди корчатся, кривляются и двигаются на тысячу различных ладов. Есть, впрочем, и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются какие-нибудь религиозные мистерии, особенно же часто сцены из страданий Спасителя.

Среди всего этого нестройного шабаша слышатся только стон, пение, рев, свист, декламация, пророчество и мяуканье.

Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духовное лицо, аббат Бешерон, который, чтобы быть на виду у всех, стоит на могиле.

Здесь он совершает ежедневно с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое «па», знаменитый скачок карпа (*saute de Carpe*), постоянно приводящий зрителей в восторг.

Такие вакханалии погубили все дело. Король, получая ежедневно от духовенства самые дурные отзывы о происходившем в Сен-Медаре, приказал полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище.

Однако эта мера не прекратила безумия конвульсионеров. Так как было запрещено конвуль-

сионировать публично, то припадки янсенистов стали происходить в частных домах, и зло от того еще более усилилось. Сен-Медарское кладбище концентрировало в себе заразу; закрытие же его послужило для рассеивания ее.

Всюду на дворах, под воротами можно было слышать или видеть, как терзается какой-нибудь несчастный; его вид действовал заразительно на присутствующих и побуждал их к подражанию.

Зло приняло такие значительные размеры, что королем был издан такой указ, по которому всякий конвульсионированный предавался суду, специально учрежденному при Арсенале, и приговаривался к тюремному заключению. После этого конвульсионеры стали только искуснее скрываться, но не вывелись⁵.

Прочитав эти строки, можно ли сомневаться в том, что эти эпидемии конвульсионированных развивались благодаря взаимовнушению на почве религиозного мистицизма и тяжелых суеверий? Очевидно, подобным же образом объясняется и происхождение колдовства, этой страшной болезни, из-за которой погибло на кострах и эшафотах, наверно, много более народа, нежели во всех, вместе взятых, войнах нынешнего столетия.

Не допустив взаимовнушения и самовнушения, мы не могли бы понять ни столь значительного распространения эпидемий колдовства, проявлявшихся в самых различных частях Европы, особенно в XVI в., ни почти стереотипного описания видений, которым подвергались несчастные колдуны и колдуньи средних веков.

По описанию Реньяра, к женщине, которая обыкновенно подвержена конвульсивным приступам, в один прекрасный вечер является изящный и грациозный кавалер; он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, вырастая как бы из земли.

Вот как описывают его колдуньи на суде: «Он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером, или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по

собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы.

Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать ее могущественной; показывает ей свою шляпу, полную денег; но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от Св. крещения, от Бога и отдаться сатане душой и телом»⁶.

Вот стереотипные описания демонических галлюцинаций, которым подвергались истерические женщины средних веков, или так называемые колдуньи по тогдашним понятиям.

Не ясно ли, что здесь дело идет о галлюцинациях такого рода, которые выливаются в определенную форму благодаря представлениям, упрочившимся в сознании путем самовнушения или внушения, быть может еще с детства, благодаря рассказам и передаче из уст в уста о возможности появления дьявола в роли соблазнителя.

Другое не менее распространенное убеждение в народе, которое получило особенную силу благодаря религиозному мистицизму в эпоху средних веков и последующий за ними период времени, есть так называемая бесоодержимость, т. е. обладание дьяволом человеческим телом. Благодаря самовнушению эта идея нередко является источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые также способны к эпидемическому распространению.

«Первая большая эпидемия этого рода, — по словам Реньяра, — произошла в мадридском монастыре.

Почти всегда в монастырях, и главным образом в женских обителях, религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекли за собою различные нервные расстройства, составляющие в своей совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок, игуменье которого донне Терезе еле исполнилось в то время 26 лет.

С одной монахиней вдруг стали случаться страшные конвульсии. У нее делались внезапные судороги, мертвели и скорчивались руки, выходила пена изо рта, изгибалось все тело в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная

издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал настоящий бред.

Несчастливая объявила, что в нее вселился демон Перегрино, который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями, за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже сделалась жертвой этого недуга.

Тогда начались в обители неопиcуемые сцены: монахини по целым ночам выли, мяукали и лаяли, объявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник Франсуа Гарсиа прибег к заклинанию бесноватых, но безуспешно, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри.

Гарсиа, обнаруживавший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношение с демонами, прежде чем напасть на них»

Бесноватость бенедиктинок наделала много шума, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией луденских урсулинок, беснования которых относятся к следующему 1631 г. «В Лудене существовала община урсулинок, посвятивших себя делу образования. Она состояла из дочерей знатных лиц».

«Приором монастыря был аббат Муссо, вскоре, впрочем, умерший. Спустя непродолжительное время после его кончины он однажды явился к г-же де Бельсьель ночью в виде мертвеца и приблизился к ее постели. Она своими криками разбудила всю обитель. Но после этого привидение стало возвращаться каждую ночь. Монахиня рассказала о своем несчастье товарищам. Результат получился как раз обратный — вместо одной привидение стало посещать всех монахинь. В дортуаре то и дело раздавались крики ужаса, и монахини пускались в бегство. Слово «одержимость» было пущено в ход и принято всеми. Монах Миньон, сопровождаемый двумя товарищами, явился в обитель для изгнания злого духа.

Игуменья мадам де Бельсьель объявила, что она одержима Астаротом, и, как только начались заклинания, стала издавать вопли и конвульсивно биться; в

бреду она говорила, что ее околдовал священник Грандье, преподнося ей розы.

Игуменья, кроме того, утверждала, что Грандье являлся в обитель каждую ночь в течение последних четырех месяцев и что он входил и уходил, проникая сквозь стены.

На других одержимых, между прочим на мадам де Сазильи, находили конвульсии, повторявшиеся ежедневно, особенно во время заклинаний.

Одни из них ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле, в то время как священники со Св. Дарами в руках гнали за ними; изо рта у них высовывался язык, совсем черный и распухший. Когда галлюцинации присоединялись к судорогам, то одержимые видели смущавшего их демона. У мадам де Бельсьель их было 7, у мадам де Сазильи — 8, особенно же часто встречались Асмодей, Астарот, Левиафан, Исаакорум, Уриель, Бегемот, Дагон, Магон и тому подобные. В монастырях злой дух носит названия, присвоенные ему в богословских сочинениях.

В некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других они переходили в сомнамбулизм и бред или в состояние полного автоматизма. Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю».

А вот, между прочим, сцены, которые разыгрывались в том же монастыре под влиянием заклинаний, заимствованные из книги отца Иосифа.

Однажды начальница пригласила отца отслужить молебен Св. Иосифу и просить его защиты от демонов во время говения.

Заклинатель немедленно выразил свое согласие, не сомневаясь в успешности чрезвычайного молитвословия, и обещал заказать мессы с той же целью в других церквах.

Вследствие этого демоны пришли в такое бешенство, что в день поклонения волхвов стали терзать игуменью. Лицо ее посинело, а глаза уставились в

изображение лика Богородицы. Был уже поздний час, но отец Сюрен решился прибегнуть к усиленным заклинаниям, чтобы заставить демона пасть в страхе перед тем, кому поклонялись волхвы.

С этой целью он взял одержимую в часовню, где она произнесла массу богохульств, пытаясь бить присутствующих и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому наконец удалось тихо подвести ее к алтарю.

Затем он приказал привязать одержимую к скамье и после нескольких воззваний повелел демону Исаакоруму пасть ниц и поклониться Младенцу Иисусу; демон отказался исполнить это требование, изрыгая страшные проклятия.

Тогда заклинатель пропел «Magnificat», и во время пения слов «Gloria patri» и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой было действительно переполнено злым духом, воскликнула: «Да будет проклят Бог-Отец, Сын, Святой Дух и все Небесное Царство!» Демон еще усугубил свои богохульства, направленные против Св. Девы, во время пения «Ave Maria Stella», причем сказал, что не боится ни Бога, ни Св. Девы, и похвалялся, что его не удастся изгнать из тела, в которое он вселился.

Его спросили, зачем он вызывает на борьбу всемогущего Бога. «Я делаю это от бешенства, — ответил он, — и с этих пор с товарищами не буду заниматься ничем другим!»

Тогда он возобновил свои богохульства в еще более усиленной форме.

Отец Сюрен вновь приказал Исаакоруму поклониться Иисусу и воздать должное как Св. Младенцу, так и Пресвятой Деве за богохульственные речи, произнесенные против них... Исаакорум не покорился.

Последовавшее затем пение «Gloria» послужило ему только поводом к новым проклятиям на Св. Деву.

Были еще делаемы новые попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакорума повиниться перед Божьей Матерью, во время которых у игуменьи появились такие

сильные конвульсии, что пришлось отвязать ее от скамьи.

Присутствующие ожидали, что демон покорится, но Исаакорум, повергая ее на землю, воскликнул: «Да будет проклята Мария и Плод, который Она носила!»

Заклинатель потребовал, чтобы он немедленно покаялся перед Богородицей в своих богохульствах, извиваясь по земле, как змей, и облизывая пол часовни в трех местах. Но он все отказывался, пока не возобновили пение гимнов. Тогда демон стал извиваться, ползать и крутиться; он приблизился (т. е. довел тело г-жи де Бельсьель) к самому выходу из часовни и здесь, высунув громадный черный язык, принялся лизать каменный пол с отвратительными ужимками, воем и ужасными конвульсиями. Он повторил то же самое у алтаря, после чего выпрямился и, оставаясь все еще на коленях, гордо поглядывал, как бы показывая вид, что не хочет сойти с места; но заклинатель, держа в руках Св. Дары, приказал ему отвечать. Тогда выражение лица его изменилось и стало ужасным, голова откинулась совершенно назад, и послышался сильный голос, произнесенный как бы из глубины груди: «Царица Неба и Земли, прости!»

Нетрудно представить себе, что подобные заклинания не только не действовали успокоительно на окружающих лиц, но еще способствовали большему развитию бешенства у несчастных монахинь. В заключение следует заметить, что луденская эпидемия урсулинок кончилась трагически, так как несчастный аббат Грандье, обвиненный в чародействе, был подвергнут ужасным пыткам и истязаниям и был в конце концов сожжен на костре. Описания пыток и казни Грандье производят потрясающее впечатление, и я, щадя нервы своих высокочтимых слушателей, опускаю их, но всем интересующимся рекомендую прочесть несколько страниц, относящихся к этому предмету, у Реньяра (Умственные эпидемии).

Но как ни тяжела была казнь Грандье, сожженного живым на костре с раздробленными ранее ногами, она не успокоила беснующихся урсулинок, пока не было

приступлено к их изолированию. «После того демоны стали еще преследовать молодых девушек в г. Лудене. Назывались эти демоны: Уголь нечисти, Адский Лев, Ферон и Малон. Эпидемия распространилась на окрестности.

Девушки в Шиноне почти все подпали страшному недугу и обвиняли при этом двух священников в чародействе; к счастью, коадьютор пуатьевского епископства благоразумно повел дело и разъединил бесноватых.

Но еще замечательнее тот факт, что Миньон, искони считавшийся странною пап, переполнился около этого времени одержимыми.

Луденская эпидемия заразила умы и охватила собой большое пространство. Страшная луденская трагедия еще не изгладилась из памяти ее современников; истина относительно мученичества несчастного Грандье едва только успела выясниться, когда разнесся слух, что демоны овладели обителью Св. Елизаветы в Лувье.

Здесь также усердие духовника послужило если не причиной, то по крайней мере точкой отправления для распространения недуга. Лувьевскими монахинями овладело желание посоперничать в деле набожности с своим духовным пастырем.

Они стали поститься по неделям, проводили в молитве целые ночи, всячески бичевали себя и катались полунагие по снегу.

В конце 1642 г. священник Пикар (духовник) внезапно скончался. Монахини, уже и без того близкие к помешательству, тогда окончательно помутились.

Их духовный отец стал являться им по ночам, они видели его бродящим в виде привидения, а с ними самими начали делаться конвульсивные припадки, совершенно аналогичные с припадками луденских монахинь: у несчастных являлось страшное отвращение ко всему, что до тех пор наполняло их жизнь и пользовалось их любовью.

Вид Св. Даров усиливал их бешенство; они доходят до того, что даже плюют на них. Затем монахини катятся по церковному полу и, издавая при этом

страшный рев, подпрыгивают, как будто под влиянием пружин».

Современный богослов Лабретан, имевший случай видеть лувьевских монахинь, дает нам следующее описание их беснований:

«Эти 15 девушек обнаруживают во время причастия страшное отвращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительной смелостью и бесстыдством.

По несколько раз в день ими овладевали сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец.

Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги без помощи рук, так что их тело покоится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть находится на воздухе; они долго остаются в этом положении и часто вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение четырех часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо, даже во время самых жарких летних дней; несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно: обморок начинается с ними в то время, когда их лицо наиболее взволнованно, а пульс становится значительно повышенным. Во время обморока, продолжающегося полчаса и более, у них не заметно ни малейшего признака дыхания.

Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ног, потом ступни и самые ноги, а за ними живот, грудь, шея; во все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным; наконец, оно на-

чинает искажаться, и вновь появляются страшные корчи и конвульсии».

Это описание не оставляет сомнения в том, что дело идет в данном случае о проявлениях большой истерии, хорошо изученной за последнее время, особенно со времени классических трудов Charcot и его учеников.

Наше современное кликушество в народе не есть ли тоже отражение средневековых демонопатических болезненных форм? И здесь влияние внушенных, ранее привитых идей на проявление болезненных состояний неоспоримо.

Известно, что такого рода больные во время церковной службы при известных возглашениях подвергаются жесточайшим истерическим припадкам.

И здесь повторяется то же, что было и в средние века. Несчастные больные заявляют открыто и всегласно о своей бесоодержимости.

Во время отчитываний, которые производятся над такого рода больными, вероятно, еще и теперь в отдаленных монастырях глухой провинции, можно видеть те ужасные корчи, которым подвергаются такого рода бесноватые при производстве над ними заклинаний, причем дьявол, вошедший в человека, может быть вызван на ответы и не скрывает своего имени, горделиво называя себя во всеуслышание Легион или Вельзевул.

Все эти сцены, которых случайным очевидцем мне приходилось быть еще в раннем детстве, без сомнения, являются результатом внушенных идей, заимствованных из Библии и народных верований.

Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы наши кликуши, которых встречается немало в наших деревнях, жили в средние века, то они неминуемо подверглись бы сожжению на костре.

Впрочем, кликушество в народе хотя еще и по сие время заявляет о себе отдельными вспышками в тех или других местах нашей провинции, но во всяком случае в настоящее время оно уже не приводит к развитию грозных эпидемий, какими отличались средние века, когда воззрения на могучую власть дьявола и бесоодержимость были господствующими не только сре-

ди простого народа, но и среди интеллигентных классов общества, и даже среди самих судей, которые были призваны для выполнения над колдуньями правосудия и удовлетворения общественной совести.

Тем не менее до сих пор еще не лишены важного социального значения другого рода психопатические эпидемии религиозного характера, которые выражаются развитием некоторых форм сектантства в народе, носящих явные психопатические черты.

Об одной такого рода психопатической эпидемии религиозного характера, известной под названием малеванщины и развившейся у нас за последнее время на Юге, я могу сказать несколько подробнее, так как самое развитие эпидемии было более или менее близко прослежено врачами — специалистами по душевным болезням.

С самого начала я остановлюсь на виновнике этой эпидемии Кондрате Малеванном, несомненно психически больном субъекте, над которым я читал клиническую лекцию в Казанской окружной лечебнице в течение зимы 1892/93 г., еще до появления прекрасной брошюры проф. И. А. Сикорского⁷, и уже тогда подробно разобрал как самую болезнь К. Малеванного, так и возникшую под влиянием его учения психопатическую эпидемию по присланным в лечебницу документам и собранным сведениям. Благодаря этому я имею возможность представить довольно полную историю болезни этой своеобразной и достойной внимания личности.

Кондрат Малеванный, 48 лет, малоросс, из мещан г. Таращи Киевской губ., неграмотный, женат, имеет 7 детей, колесник, принадлежал к секте штундистов, был доставлен 31 марта 1892 г. в Кирилловские богоугодные заведения, около г. Киева, как больной хроническим помешательством, распространявший среди народа лжеучение, известное под названием секты малеванцев. В брошюре проф. И. А. Сикорского мы находим следующие сведения о Малеванном, почерпнутые на основании данных исследования в Кирилловских богоугодных заведениях.

«Малеванный — человек худощавый, высокого роста, с резкими чертами лица и резкими решительными

жестами, говорит плавно, отчетливо, неудержимо увлекаясь потоком собственной речи.

Родители Кондрата Малеванного злоупотребляли спиртными напитками; сам он начиная с молодых лет тоже предавался весьма неумеренному употреблению спиртных напитков, что продолжалось до сорокалетнего возраста его жизни.

Малеванный всегда был чувствительным к действию спиртных напитков, издавна страдал бессонницей, частыми приступами тоски, и ему нередко настойчиво приходила в голову мысль о самоубийстве.

С появлением в Юго-Западном крае штундовства Малеванный, томившись чувством болезненного беспокойства, искал перемены, и казалось ему, желаемый исход находится в этой новой вере. Малеванный оставил православие и с 1884 г. стал штундистом.

Он сделался ревностным последователем секты, перестал злоупотреблять спиртными напитками, усердно предавался штундовским религиозным упражнениям и среди молитвы и пения легко доходил до экстаза.

Состояние возбуждения, к которому его организм издавна привык и которое в течение многих лет достигалось употреблением спиртных напитков, теперь стало заменяться религиозным упражнением, проповедью и экстазом.

После нескольких лет такой жизни Малеванный стал страдать галлюцинациями обоняния и общего чувства. Это случилось в 1889 или в 1890 годах.

Ему часто во время молитвы чувствовались запахи, не сравнимые ни с какими ароматами на земле, и Малеванный объяснял это необычайное явление близостью Св. Духа. Это был, по мнению Малеванного, запах Св. Духа.

Вскоре затем Малеванный стал испытывать во время молитвы необычайную радость и чувство особенной легкости тела; ему казалось, что он отделяется от земли, вследствие чего он стал во время молитвы невольно поднимать руки как бы с целью содействовать этому необыкновенному подъему. По словам Малеванного, и сам он чувствовал свой подъем, и окружающие видели, что он отделяется от земли вершков на пять.

Вскоре у Малеванного сформировался бред. Он убеждал, что в нем находится Св. Дух и что все, что он делает и говорит, исходит от Св. Духа.

Он также находится в постоянном и непосредственном общении с Отцом (т. е. Богом-Отцом).

Кроме того, Малеванный считает себя Иисусом Христом, Спасителем мира. Евангельский же Христос, по его мнению, не был исторической личностью, и все сказания о евангельском Христе суть только пророчества о нем — Малеванном. Доказательства своей божественности Малеванный видит в появлении того, что он называет *свидетельствами*, а именно в поднятии его тела на воздух, в появлении божественных запахов и в появлении ярких звезд, которых никогда раньше не было видно и которые видел как он сам, так равно видели в 25 государствах, что, по словам Малеванного, и описано в газетах целого света.

Уже в 1890 г. у Малеванного во время молитвы и поднятия рук стали дрожать руки, а затем дрожания и судороги распространились и на другие части тела.

Малеванный объяснял это вхождением в него Св. Духа, так как, по его словам, он был совершенно непричастен этим движениям, происходившим помимо его воли.

Дрожание и трясение Малеванного, которое нередко было ритмическим, производило большое влияние на простодушных окружающих Малеванного его поклонников.

Во время общих молитв, в ту пору, когда Малеванный начинал дрожать («*трястись*», по местному выражению), у некоторых присутствующих, особенно женщин, являлись также вздрагивания и судороги.

С этого времени вздрагивания сделались почти неизбежной принадлежностью молитвенных собраний, имевших место в присутствии Малеванного, отчасти и без него.

Уже с 1890 г. Малеванный стал заменять молитву, которой прежде предавался, проповедью, в которой он утверждал, что он Спаситель мира, что скоро наступит Страшный Суд, в котором он будет судить людей, и потому он приглашал всех к покаянию.

В 1891 г. Малеванный был по распоряжению властей освидетельствован относительно умственных способностей и помещен в психиатрическое отделение при Кирилловских богоугодных заведениях в Киеве.

По тщательном исследовании он оказался страдающим паранойей, уже перешедшей в хроническое состояние.

В течение своего более нежели годичного пребывания в больнице Малеванный постоянно обнаруживал описанные выше идеи бреда, по временам был подвержен галлюцинациям и, приходя в возбужденное состояние, импровизировал или чаще цитировал отрывки из того, что когда-либо было им читано и усвоено заучиванием.

Речь его носит характер автоматического потока фраз, сопровождаемых одними и теми же движениями, жестами и интонацией.

Течение его мыслей лишено последовательности. Такой же характер носит и так называемое Евангелие Малеванного — это записанная его поклонниками с его слов импровизация, не лишенная лирического оттенка, но лишенная последовательности, логического и грамматического смысла.

При исследовании физического состояния Малеванного обращает на себя особенное внимание извилистость черепных сосудов и налитие их кровью, что особенно резко выражается, как только Малеванный начинает говорить или проповедовать, хотя он при этом и не бывает возбужден. Очевидно, что это налитие кровью не есть следствие эмоционального возбуждения, а должно быть отнесено к другим причинам (вероятно, к алкоголизму, которым страдал сам Малеванный и его родители)».

Так как последователи не оставляли Малеванного в покое и во время пребывания его в Кирилловских богоугодных заведениях приходили слушать его проповедь к окнам и заборам больницы, то Малеванный по распоряжению начальника края был выслан из г. Киева этапным порядком в г. Казань для помещения в окружную лечебницу, где он и был всесторонне исследован как врачами лечебницы, так и мною.

Здесь мы дополним вышеприведенные данные лишь сведениями из скорбного листа психиатрической клиники при Казанской окружной лечебнице, могущими служить пополнением характеристики болезненного состояния Малеванного, упуская все то, о чем было уже упомянуто нами ранее.

Речь Малеванного и здесь сохранила вышеописанный характер, она была несколько ускорена, не всегда последовательна, пересыпалась иногда извращенными текстами из Священного писания и вообще носила на себе характер проповеди или поучения. С врачами Малеванный всегда охотно беседовал.

О себе он передал, что с детства был внимательным и задумчивым. Когда он вырос и стал понимать отношения людей друг к другу, то они казались ему странными, повсюду он видел ложь и обман, и это обстоятельство его нередко волновало, и в его уме являлись вопросы: почему люди живут так безнравственно, где же Бог, могущий устранить все это и заставить людей жить в мире и согласии?

Недовольный христианской религией, он 10 лет тому назад перешел в секту штундистов и стал еще более задумываться о безнравственной жизни окружающих. Многих из них он старался помирить; стал восставать против дурных людских отношений и проповедовал всеобщий мир и любовь.

Окружающие стали над ним подсмеиваться и мало-помалу начали его преследовать. Так, напр., когда он шел по улице, он замечал, что над ним насмеваются, издеваются, хулят его, клеветуют на него и вообще его преследуют.

Это преследование распространялось не только на него, но и на его жену и детей, когда, напр., они отправлялись за водой, их бранили и били.

По словам больного, он чувствовал призвание к своей проповеднической деятельности уже 6 лет назад, но в то время не мог еще хорошенько понять, что он будет иметь такое великое назначение и обладать такой божественной силой, какая в нем теперь имеется.

В 1887/88 г. к нему часто являлись различные лица, по его выражению — философы и миссионеры, то

под видом священников, то чиновников из Петербурга и вели с ним беседы.

Во время этих бесед его душа испытывала особенно радостные ощущения, а у беседовавших часто капали слезы от жалости к нему за перенесенные и испытываемые им страдания.

На расспросы о своих преследованиях он иногда заявлял, что все будет подробно описано в пророчествах и что Дух Божий его называет сыном и уговаривает его без боязни идти всюду, куда бы его ни повели. После этого он стал еще усерднее проповедовать свое учение, заявляя, что все, о чем он говорит, принадлежит не ему, а духу, поселившемуся в нем. С этим духом он вел и теперь еще часто ведет беседы, причем дух говорит ему обыкновенно не прямо, а примерами.

Полагает, что преследования его происходят главным образом со стороны попов, которые неоднократно приходили к нему, уговаривая принять от них благословение. Но так как все эти уговоры оказались напрасными и совратить с истинного пути его не удалось, то им стало досадно, что Христос проявился не в их среде, а в нем, простом человеке.

Он уверяет, что по подстрекательствам попов народ стал преследовать не только его, но и его последователей, а полицейские забирали этих последователей и убивали. Они бы убили и его, если бы имели на то силу. Нередко его уводили в участок и там подвергали мукам.

Однажды его в участке били в продолжение четырех часов, до тех пор пока сами не устали. Били жестоко, дергали его за голову, за зубы и пр. Видя, что это не приводит ни к чему, они стали ему совать в нос табак и другие гадости, и, несмотря на все эти мучения, он лежал недвижим, и тело его было неуязвимо.

После этих мучений четыре гонителя уверовали в него и заявили, что это не простой человек. Об этом факте, как и о многих других, было предсказано в пророчествах.

Сущность учения Малеванного, как она выясняется по его заявлениям во время пребывания в Казанской окружной лечебнице, заключается в следующем.

Дух Божий от сотворения мира носился над вселенной, отыскивая безгрешного человека. Этот Дух Божий нередко спускался на некоторых людей и отчасти соединялся с ними, вследствие чего они приобретали дар пророчества и писали пророческие изречения, но это соединение было временное, и Дух Божий опять витал над вселенной.

Теперь этот Дух Божий сошел и поместился в нем, Кондрате Малеванном, почему он и есть истинный Спаситель мира — Иисус Христос.

Вследствие этого соединения он получил особенную Божественную силу: он, Малеванный, может, напр., говорить и проповедовать на всех языках, он обладает способностью угадывать мысли и желания всех окружающих людей и т. п. Все, что бы он теперь ни говорил или делал, принадлежит не ему, а поместившемуся в его теле высшему духу.

Находясь под непосредственным покровительством этого духа, он решил обратить в истинную веру всех неверующих-раскольников.

Раскол, уже приведший к различным религиям на земле, произошел следующим образом.

Было Священное писание и пророчества, но уже в этих пророчествах вкрались ошибки, и одна из самых главных ошибок заключается в том, что везде поставлено слово «было» вместо «будет». Сказано: «Был Христос, страдал и умер», а надо читать: «Будет Христос, будет страдать и т. д.»

Это Священное писание всем простым и неопытным людям читать не следует, так как в нем они, как в море или в пустыне, могут заблудиться или утонуть, а потому люди должны слушать только то истинное толкование, которое дает им он.

Вследствие упомянутой неясности и извращенности пророчества произошло то, что нашлись люди, которые из этого Писания начали выбирать только те «штрихи», которые им нравились и были полезны, все же другое, не подходящее, они отбрасывали в сторону.

Таких людей нашлось много, и каждый из них образовал новую, конечно извращенную, религию и стал зазывать к себе в последователи доверчивых людей.

Таким образом сложились магометанская, еврейская, «польская», немецкая, православная и многие другие религии, а их хитрые руководители назывались мулла, раввин, ксендз, поп и т. д.

Люди, как овцы, шли, гонимые каким-нибудь одним заблудившимся пастухом, или как целое стадо овец, манимое маленьким кусочком хлеба, не зная куда и зачем, быть может на бойню, где «толстошейный» поп или ксендз высосет из них кровь в свою пользу.

Далее Малеванный осуждает поступки и действия этих пастырей и ставит вопрос: «Какие же они руководители? Каждый начальник прежде всего должен быть строг и справедлив. Посмотрите, каждый полицейский за какой-нибудь безнравственный поступок тащит человека в часть и там возлагает на него наказание. А поп что делает? Какие грехи ему ни говори — он все произносит: «Прощаю и разрешаю — Бог простит». Что же из этого выходит? Выходит только то, что он потворствует злу».

Малеванный проповедует, что скоро наступит кончина мира, вся жизнь каждого человека, его поступки и грехи будут ясны для всех, как солнечный свет, и они понесут должное наказание; желая спасти этих несчастных, он и обращается к ним с проповедью. Все умершие не воскреснут, а последователи его будут жить вечно.

Он уговаривает всех жить в мире и согласии, ввиду скорой кончины не заботиться о материальном благосостоянии: все лишнее продать, иметь общую братскую кассу, из которой каждый неимущий мог бы брать, сколько ему нужно; оставить полевые и другие работы и все время посвящать молитве и слушанию его божественного слова. Такие последователи нашлись и, собираясь в его доме, подолгу молились. 15 ноября 1889 г. во время такой усердной молитвы со своей братией (человек 18) на нем проявилось чудо — ниспослание Святого Духа. Малеванный поясняет, что это было в присутствии полицейских и других посторонних лиц,

причем исполнилось все в точности, как сказано в пророчестве.

Вдруг его голова стала отделяться от тела и невидимою, как бы электрическою силою подниматься кверху, тело же оставалось на месте, и руки продолжали быть сложенными на молитву. В сердце ощущалось какое-то особенное радостное трепетание, а в глазах разливался темный цвет; затем голова опустилась снова на свое место, и он продолжал молиться.

На дворе в это время был туман, и, несмотря на то, ясно были видны звезды, и особенно одна, о которой говорится в Священном писании, что ее видели волхвы (по Малеванному, неверно; надо читать «увидят»). Эта звезда была видна во всех 25 государствах, и действительно, волхвы-астрономы ее не просмотрели: вскоре из Африки и Америки были получены телеграммы, что появилась новая звезда, доказывающая появление Христа, и мы-де веруем. Эта Вифлеемская звезда стояла над его городом три месяца. Эта звезда, как особая благодать Божия, переселилась потом в его тело. Затем впоследствии, когда он был арестован, в киевских газетах было пропечатано, что мы приняли Христа, называемого Кондрат Малеванный.

Далее Малеванный рассказывает, что за 40 дней до этого чудесного над ним проявления он молился и постился. С этого времени он окончательно бросил все свое домашнее хозяйство, потому что при всяком физическом труде у его появлялась сильная слабость и дух, поселившийся в нем, не позволял сосредоточиваться над работой.

Через неделю после первого проявления Божественной благодати над ним совершилось второе: его тело начало распинаться; руки были как бы прибиты, а самое туловище как бы поднималось в воздухе и слегка покачивалось. В сердце в это время ощущались вопросы и ответы, напр. вопрос: какая будет кончина мира? Ответ: будет Новый завет и новая жизнь, бесконечная и радостная... В прошлом году, когда он особенно сильно страдал, 17 мая померкла луна, а 25 мая — солнце, это продолжалось недолго и

сменилось видением столба, одна половина его была совершенно черного, как смола, цвета, а другая темно-огненная («как будто огонь был смешан с сажей»). При этом видении в него уверовали некоторые полицейские и сказали: «Действительно, он святой человек».

В последнее время появилось четыре новых звезды, расположенных на небе крестообразно. Все эти чудеса и знамения предвещают скорую кончину мира. Об этом Малеванный рассуждает так: сейчас, по божеству, ночь, люди ходят и живут, не зная своего пути — как ночью, но скоро придет время, когда поступки всех людей так же ясно будут видны, как днем мы видим дорогу, тогда они все познают Бога и будут испытывать духовную борьбу, т. е. муку о своих грехах.

Люди грешные и строптивые будут испытывать эту борьбу в течение 6 лет, а люди, уверовавшие в него, только в течение одного года, потому что их страдания искупил он — Христос, который в течение 40 лет за них проливал в молитве пот и слезы.

По истечении 6 лет, проведенных в посте и молитве, все получат обновление, узнают, что душа их бессмертна, и войдут в Божий мир. Тогда явится Божественная сила, не описанная ни в какой книге, брэнное тело исчезнет, души не будут переселяться в новые брэнные тела, а будут только видимы друг для друга, как звезды небесные в бесконечные времена и на бесконечном пространстве.

Все живущее на земле умрет, и останутся только тела нетленные (камни, деревья и травы). Видимые ныне звезды — это души небесные. В прошедшие времена они иногда испускали свои лучи на избранных людей — пророков, и вследствие вхождения этих лучей во внутренность таких избранных они получали дар предсказания.

После вышеуказанных видений и наития на Малеванного Св. Духа число его последователей еще более увеличилось, они шли напролом, не обращая внимания на приставленную к его дому стражу. В силу этого по распоряжению киевского генерал-губернатора он был

взят и посажен в Кирилловское богоугодное заведение.

Малеванный сообщил далее, что он имеет жену и 7 детей в возрасте от 7 до 20 лет. Все его дети обладают пророческим духом, и, несмотря на то, что они учились только в простой школе, они обладают большей премудростью, чем все прочие люди, обучавшиеся в высших учебных заведениях. Далее он заявляет, что ежедневно он испытывает на себе проявление благодати Божией. На вопрос, в чем эта благодать выражается, он ответил, что ежедневно он в сердце и внутренностях испытывает до 1000 изменений: то скорбь, то радость безграничную, то муки. Ежедневно он по нескольку раз как бы умирает и воскресает; когда у него является тоска, то это состояние он отождествляет со смертью, наоборот, радость — с воскресением.

Его душа ежедневно невидимо обновляется, и из его тела расходится особенный, наподобие электричества, свет, видимый только истинно верующим на несколько тысяч верст; этот свет напоминает им о тех муках, какие он за них испытывает.

Среди окружающих он не имеет ни одного последователя, их сердца настолько загрубели, что они не в состоянии понять его божественные слова; это его еще более мучает, и жить среди этих чудовищ, как он выражается, крайне тяжело. Он успокаивает себя только мыслью, что скоро наступит Страшный Суд и будет представлена книга, в которой с замечательной точностью будут описаны все его мытарства.

Окружающие суть не люди, а чудовища, надевшие только маску человека. Если бы эти чудовища были дикие животные, без речи, он жил бы с ними дружно, как с овцами, но так как они ежечасно произносят яд своими языками (ругаются), то он не может с ними жить в дружбе.

Но еще хуже «этого яда языка» их помыслы и желания, которые ему так же ясны, как и их дерзкие слова. Хотя он и находится здесь, в казанской лечебнице, тем не менее его дух постоянно раздает приказания во все концы мира, и все они исполняются; летом он слышит исполнение своих приказаний в громах и

молнии, теперь же, когда этих явлений природы нет, ему сообщает об этих исполнениях тот же дух, который в нем поселился. С этим духом он ведет постоянную беседу и получает ответы, ощущаемые, однако, не органом слуха, а умом.

Малеванный заявляет, что если бы он запел в присутствии своей братии, то врач и вся вселенная затрепетали бы, но без его последователей ему запретил петь Тот, Кто в нем находится, — Бог-Отец, Сын и Дух Святой.

Врачу он это сообщил под некоторым секретом, будто бы из нежелания самого себя прославлять; об этом засвидетельствуют и скажут другие.

Далее Малеванный сообщил, что еще в 1891 г., в мае месяце, он видел, как его руки поднимались высоко в воздух, они касались даже туч, воздух при этом был темно-красного цвета. Вначале была полная тишина, потом послышался голос: «Готовься к смерти!» При этих словах его рубашка моментально была с него снята воздухом. Потом снова голос: «Приготовь и семью твою, пусть наденут белые рубашки, хотя и тяжело мне, но я погублю весь мир, а тебя с твоим семейством восхищу в неприступный свет, и ты будешь жить, как свет Солнца, Луны и звезд».

Это говорил какой-то дух, который то входил, то исходил из его тела.

При этом духи моря, молнии, громов, ветра и др. говорили ему, Малеванному, что им приказано не спасать живущих на земле людей, а губить.

Когда он услышал эти слова, у него явилось сильное сожаление, и он в течение 40 дней и ночей постился и молился и вот вследствие этой молитвы сначала выхлопотал спасение только своим последователям, а в 40-й день — спасение и всей России.

Надо заметить, что, какую бы тему ни взять для разговора, Малеванный непременно постарается перевести ее на духовное содержание и тогда, переходя от одного вопроса к другому, готов беседовать по целым часам.

Будучи спрошен, например, об окружающих больных, он ответил, что смотрит на них как на отступников Божиих; по его рассуждению, в каждом человеке долж-

на присутствовать искра Божия, и вот от некоторых людей эта искра отступилась вследствие их греховности, от других — вследствие греховности их родителей. Такие люди без этой искры не могут рассуждать по закону и вследствие этого размещаются по сумасшедшим домам, тюрьмам и острогам. Это «клятвопреступники, одержимые бесом». Когда его спросили, зачем же он помещается здесь, Малеванный с улыбкой ответил, что он помещается совсем по другому поводу, во-первых, потому, что он должен испытать все муки и гонения, а во-вторых, так сказано в пророчествах, он должен помещаться в казанской лечебнице.

Это он выводит следующим образом: «Были пророчества и *предсказания*», в этом-то последнем слове и есть уже намек на его помещение в казанской лечебнице: *предсказание, сказание, казание, Казань*.

Когда зашел разговор о других физических заболеваниях, то Малеванный объяснил их следующим образом: «Когда человек живет в грехе, он редко страдает телесно, но вот у него начинается внутренняя борьба, наступает раскаяние в грехах, он колеблется, ему хочется жить духовно, но его преодолевает телесная немощь, вследствие этой борьбы он теряет сон, аппетит, его здоровье вследствие этого расстраивается, кровь волнуется, появляется воспаление костей и крови, а вследствие всего этого уже какое-нибудь физическое заболевание — тиф, горячки, лихорадки, нарывы и т. п. Видя припадок эпилепсии, Малеванный заявляет, что душа этого человека, почувствовав близость его, т. е. Малеванного, желает избавиться от своей темницы, т. е. грешного тела; это она трепещет и радуется, желая снова обращаться в звезду той или другой ясности».

Нужно заметить, что звезды более ясные, по Малеванному, — это души более добродетельных людей, менее ясные — менее добродетельных.

Появление холеры Малеванный объясняет наказанием Божиим, она поражает только клятвопреступников и вообще людей грешных, она будет продолжаться до тех пор, пока он — Христос — не погубит ее. На вопрос,

скоро ли это случится, уверенно отвечает, что скоро.

Холере дана власть царствовать на земле, пока Христос не прославится в славе Божией. Он скоро будет исцелять не только холерных, но и одержимых всеми другими заболеваниями, хромым, слепых и увечных.

Говорит, что откровений у него и в настоящее время имеется много, но заявлять он может только о прошедших, о настоящих же и будущих ему пока еще запрещено говорить. Беседуя с врачом, он полагает, что это дух врача желает обновиться его божественным словом и желает, как всякий беседующий с ним, избавиться на Страшном Суде от мук.

У Малеванного имеется много и других бредовых идей, напр. о переселении душ; о том, почему все государства названы женскими именами: Россия, Англия, Америка, Азия и пр. Его дух может назваться премудрым плавальщиком, он носился над всеми государствами и везде тем или иным способом проявлял себя в различных мудрых лицах, теперь же, как предсказано в пророчествах, вселился в него, по телу простого человека, Кондрата Малеванного. Это дух Сына Божия, дух Христа вселенской церкви, как называет его вся община истинной веры.

Кроме того, Малеванный рассказывает, что 6 лет тому назад к нему приходил Иоанн Креститель под видом кронштадтского солдата. Этот солдат показывал ему свой билет и просился переночевать. Что это Иоанн Креститель, ему тогда сказал его Дух.

Слыша церковное пение в лечебнице, Малеванный осуждает обрядовую его сторону, говорит, что это делается с целью, чтобы предоставить ему больше муки, и вообще многие факты окружающей его жизни он старается связать с своим религиозным бредом. Он держит себя крайне однообразно — работой не занимается, только с некоторыми из больных, которых он признавал за здоровых, вел беседы духовного содержания, советуя вести себя скромно, помогать друг другу. Насчет духовенства говорит, что оно извратило религию, что не нужно креститься, так как это противно Евангелию. О себе заявляет, что он негра-

моген, но что вследствие божественного наития он обладает такой премудростью, что если бы в числе его последователей нашлись лица, не знающие русского языка, то Дух вразумил бы его и он заговорил бы на неизвестных ему языках. С врачом охотно беседует, выдавая себя за проповедника. Ждет скорой кончины мира; тогда, по его мнению, для всех будет ясно, что он Христос — Спаситель мира.

Будучи приглашен в конце января на обычное совещание врачей, где производится разбор больных лечебницы, Малеванный с чувством рассказывал о своей проповеднической деятельности.

Из предварительных сведений, присланных в Казанскую окружную лечебницу, отметим следующее: «Ранее Малеванный помещался в киевском Кирилловском богоугодном заведении, куда был доставлен 31 марта 1892 г. за лжеучение так называемой секты малеванцев.

Вследствие его учения его последователи оставили все свои полевые работы, распродали имущество, проводили время только в еде и молитве и ожидали скорой кончины мира.

Одна женщина в припадке фанатизма задушила свою шестилетнюю дочь. Последователей Малеванного было более тысячи, и они считали Кондрата за Христа.

В скорбном листе киевской лечебницы отмечено, что *проповедовать он начал после внушения этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особой силы.*

Вскоре после наития на нем проявилось знамение его божественного избрания, выразившееся, по его словам, в том, что он незримою силою был поднят от земли вершков на пять, что будто бы видели и окружающие.

Во время самого знамения и два дня спустя он испытывал особенно радостное ощущение в своем сердце, в последующие же дни появилась тоска. После этого знамения число его последователей заметно увеличилось».

Нужно заметить, что изложенный выше бред представляет собой несколько скомбинированный результат многократных бесед с Малеванным, так как речь его

часто не имеет строгой логической связи и он не в состоянии в течение продолжительного времени поддерживать один связный разговор.

В приведенных выдержках из истории болезни Малеванного яркими красками обрисовывается его религиозный бред, который с течением времени под влиянием тех или других окружающих условий, понимаемых Малеванным как знамение свыше, еще более укрепился и развился в разных направлениях, сохранив, однако, все свои основные черты.

Мы не будем касаться здесь вопроса о происхождении и развитии бреда и галлюцинаций у Малеванного, страдавшего так называемым первичным сумасшествием или паранойей, так как вопрос этот может интересовать более всего специалистов, но отметим здесь приведенное выше указание, что «проповедовать начал Малеванный после *внушения* этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особенной силы».

Очевидно, что мы имеем здесь дело с внушающим влиянием обманов чувств, которое наблюдается и в других случаях и на которое я обратил внимание в одной из недавних своих работ⁸.

Нельзя сомневаться в том, что обманы чувств, возникая из бессознательной сферы, нередко действуют на психическую сферу, подобно всякому постороннему внушению, и вызывают влечения и побуждения, против которых человек не в состоянии бороться, как и против действительных внушений.

Очевидно, что в этом отношении и галлюцинации Малеванного, действуя на его психическую сферу, подобно внушению, и подчиняя его сознание, привели его к тому проповедничеству, последствия которого мы знаем.

Если бы мы ближе вошли в развитие бреда Малеванного, то мы заметили бы, что эти галлюцинации, в свою очередь, до известной степени обязаны *самовнушению*.

Будучи субъектом, предрасположенным уже с раннего возраста, он ослабил свою нервную систему злоупотреблением спиртными напитками, после чего, перешедши в штундизм, начал усиленно предаваться мо-

литве и религиозным упражнениям, причем здесь во время молитвы и религиозного экстаза начали у него впервые появляться обманы чувств в виде запахов, не сравнимых ни с какими ароматами на земле.

Таким образом, долго работавшая в религиозном направлении мысль во время подъема душевной деятельности, обусловленного религиозным экстазом, вылилась в форме, соответствующей религиозному чувству галлюцинации, которая, таким образом, является обязанной самовнушению, обусловленному господством в сознании религиозных идей. Последовавшие затем галлюцинации об отделении тела от земли, очевидно, также обязаны в значительной мере самовнушению, поддерживаемому чувством особой легкости тела, сопровождающей религиозный экстаз и умиление.

Таким образом, здесь, как и в других подобных случаях, обманы чувств обязаны своим происхождением в значительной мере самовнушению, и нужно иметь в виду, что этот род происхождения обманов чувств в той форме болезни, которою страдает Малеванный, представляется далеко не редким, на что, однако, до сих пор недостаточно обращалось внимания.

Появление такого рода обманов чувств, в свою очередь, действует на сознание, подобно внушению, и, укрепляя бред, вызывает побуждения, которым больной вполне подчиняется.

Таким образом, явление, в известной мере обусловленное самовнушением, само действует, подобно внушению. Но таков уж закон взаимодействия явлений в нашем организме, благодаря которому развивается столь губительно действующий *circulus vitiosus*.

Как бы мы вообще ни смотрели на основной характер болезни Малеванного, нельзя не признать, что в отдельных ее проявлениях играло известную роль самовнушение или внушение и, между прочим, склонность к проповеднической деятельности обязана внушающему влиянию обманов чувств, которым он был подвержен.

Для всякого непосвященного наблюдателя может, конечно, показаться странным, что заведомо душевнобольной, каким является Малеванный, мог найти себе поклонников, хотя бы и из простого народа.

Как бы ни был неразвит наш народ, но он чуток к основным религиозным догматам и логическим путем всегда с негодованием отвергнет мысль, что какой-то безграмотный мещанин является Христом, Богом-Отцом, Духом Святым, а евангельский Христос есть только миф.

Но внушение делает другое и вопреки здравой логике укрепляет в окружающих Малеванного лицах, склонных к религиозным возбуждениям, те самые мысли, которые проповедует Малеванный как по отношению к самому себе, так и по отношению к окружающим. В результате развивается психопатическая эпидемия, принявшая грозные размеры и потребовавшая вмешательства властей.

По описанию проф. И. А. Сикорского, эта эпидемия, охватившая население до 1000 человек, проявилась в ненормальном настроении духа, выразившемся необычайным благодушием, нередко переходившим в экзальтированное радостное состояние, не обусловленное какими-либо внешними мотивами, вообще жизнерадостным настроением и особенно чувствительностью.

Точнее выражаясь, малеванцы чувствовали себя как беззаботные дети, находящиеся в радостном или праздничном настроении духа.

Их идеи, а равно и поступки и действия вполне соответствуют их жизнерадостному настроению. Считая Малеванного за Спасителя и веря его проповеди, они живут в ожидании кончины мира, которую признают благоприятной переменой своего существования. Человек тогда не будет умирать, не будет ни заботиться, ни трудиться, так как все за него будет устроено Богом.

Они признают себя избранниками ввиду того, что они первые приняли новую веру и поэтому получат лучшую участь в будущем, тогда как все те, кто не хотел уверовать, будут осуждены на Страшном Суде.

В силу этих ожиданий Страшного Суда они отказываются от труда и заботы, предоставляя и то и другое неверующим; они продали или раздарили свое имущество, дабы не иметь в этом отношении никаких забот.

Свои поля они оставили необсемененными под влиянием той же идеи предстоящего Страшного Суда. Дело дошло до того, что многие даже продали молочный скот и стали покупать молоко для своих детей у православных.

На вопрос о причине безделья со стороны малеванцев можно было получить иногда следующий характерный ответ: «Если в мое сердце Отец или Дух (т. е. Отец небесный или Дух Святой) вложит желание, я исполню это желание».

Точно так же в объяснение своих нелепых или бессмысленных поступков нередко можно было слышать не менее характерное заявление: «Я чувствую, что Отец внушил мне, я чувствую, что Он побуждает меня так поступить, и т. п.».

Дальнейшей особенностью малеванцев является состояние психической усталости, пассивности или задержки воли с преобладанием над ней чувства. В силу этого малеванцы отличаются уступчивостью, слабостью, бездеятельностью, недостатком сдерживающей воли и неспособностью подавлять слезы. Душевнобольной Малеванный, по мнению малеванцев, есть истинный Бог и Спаситель мира, который установит новый порядок устройства вселенной, в силу чего Малеванный сделался предметом богопочитания. Вместе с тем резкую болезненную особенность малеванцев представляют обманы чувств и судорожные движения.

По словам проф. И. А. Сикорского, «размеры, в которых малеванцы подвержены галлюцинациям, можно назвать исключительными. Галлюцинации относятся главным образом к сфере обонятельной. Таких лиц среди малеванцев, которые не имели бы галлюцинаций, немного; большая часть имеет галлюцинации по временам».

Нередко галлюцинации обоняния будят спящего человека, и он просыпается, чувствуя дивные запахи и испытывая необыкновенную радость. Обыкновенно появившееся таким образом радостное состояние уже не покидает человека. У многих галлюцинации повторялись часто.

В общем «до 80% исследованных лиц имели галлюцинации обоняния, из которых многие описывают свои

галлюцинации весьма подробно». «Случалось, что в присутствии комиссии, посещавшей малеванцев, особенно среди религиозного или молитвенного настроения, многие из них одни за другими начинали жадно обнюхивать свои руки, свое платье, окружающий воздух и прочие предметы, ища источник приятных запахов, которыми, как им казалось, наполнено было помещение. По рассказам всех имевших обонятельные галлюцинации, запахи были приятными. Одни называли эти запахи сладкими, другие — ароматическими, иные — неземными, божественными, иные, наконец, заявляли, что пахнет Св. Духом».

«Второе место после обонятельных галлюцинаций у малеванцев занимали галлюцинации общего чувства, напр. чувство легкости, воздушности своего тела, или его бестелесности, чувство как бы отделения от земли и поднятия на воздух.

У некоторых малеванцев случались галлюцинации слуха и зрения (слышание повелений Бога, шепот Св. Духа, видение отверстого неба и его небожителей, появление звезд разнообразных цветов необыкновенной величины и ярких или необычное озарение и прыгание звезд и т. п.).

У большей части малеванцев галлюцинации являлись эпизодически, один-два раза, и затем исчезали, а у некоторых галлюцинации возобновлялись от времени до времени; у немногих, наконец, галлюцинации оставались в виде постоянного симптома».

Наблюдаемые у малеванцев «судорожные движения проявляются в трех видах. Наименее частый вид судорог — это крик, хохот, всхлипывание, судорожные слезы, икота, отрыжка и иные судорожные формы, свойственные малой истерии.

Но самой частой формой судорог являются также свойственные большой истерии разнообразные ритмические и раздражительные движения, соответствующие различным профессиональным и привычным движениям и жестам, большею частью однообразным у одного и того же лица.

Хотя истерические судороги весьма различны по своему внешнему виду, но наиболее часто наблюдается следующая общая картина.

Среди общего шума, крика и беспорядка одни падают, как сраженные молнией, другие восторженно или жалобно кричат, плачут, прыгают, хлопают в ладоши, бьют себя по лицу, дергают себя за волосы, стучат в грудь, топают ногами, пляшут, издают всевозможные звуки и возгласы, отвечающие разнообразным эмоциональным состояниям — радости, счастью, отчаянию, страху, ужасу, удивлению, мольбе, выражению физической боли, обнюхиванию, смакованию и т. д., то, наконец, подражают собачьему лаю, конскому ржанию и другим диким звукам». «Судорожные движения нередко длятся до изнеможения субъекта».

Нетрудно видеть, что как настроение духа, так и ряд бредовых идей, а также обманы чувств и, наконец, судорожные проявления в общем носят такое сходство как между собой, так и с явлениями, обнаруживаемыми распространителем секты Малеванным, что не подлежит сомнению, что мы имеем здесь дело с явлением прививным, т. е. обусловленным преимущественно взаимовнушением и самовнушением.

Проф. И. А. Сикорский, бывший на самих радениях или молитвенных собраниях малеванцев, сам высказывается в том смысле, что, вероятно, у некоторых субъектов, особенно среди общих молитвенных собраний, обонятельные галлюцинации возникают путем внушений. Но, прибавляет он, «несомненно, что у весьма многих малеванцев галлюцинации совершенно самостоятельны и непосредственны и обуславливаются лишь состоянием организма и нервных центров, а не внешними воздействиями».

С этим последним объяснением, однако, вряд ли можно согласиться безусловно. Не подлежит сомнению, что состояние организма и нервных центров составляет благоприятную почву для развития психопатических явлений, но характер последних, т. е. настроения, бредовых идей и галлюцинаций, в данном случае представляет в такой степени стереотипное сходство даже в мелочах, что признать их самостоятельными, а не обусловленными по крайней мере в значительной мере взаимовнушением или самовнушением представляется невозможным. Равным образом и проявление судорог носит несомненные признаки зависи-

мости их от взаимовнушения и самовнушения, как видно из самого развития их на молитвенных собраниях.

По заявлению проф. И. А. Сикорского, «сами малеванцы придают значение судорожным проявлениям, считая их несомненным действием Божественного начала в человеке.

Находясь на молитвенных собраниях, они ждут наступления судорог у кого-либо из присутствующих, радуются виду судорог, оживляются и восторгаются картиною судорог, и при первом появлении судорог во всем собрании начинается общий подъем возбуждения и ликования.

Обыкновенно судороги появляются у малеванцев, когда они становятся на молитву, реже при других условиях.

Но особенно часты и сильны бывают судороги в собраниях; всего же резче они проявляются в общих молитвенных собраниях», когда условия для взаимного внушения становятся наиболее благоприятными.

О значении самовнушения и внушения в развитии судорог свидетельствует, между прочим, и тот факт, что, несмотря на заразительность истерических припадков для взрослых, особенно мужчин, на детях они отражаются весьма мало, в особенности в возрасте от 3 до 8 лет. Это обстоятельство легко уяснить себе, если принять в соображение, что дети в вышеуказанном возрасте не могут проникнуться тем же религиозным возбуждением, как и взрослые, и, само собою разумеется, не могут также усвоить себе идею, что судороги являются свидетельством сошествия Св. Духа на человека.

Равным образом, следя за развитием отдельных случаев помешательства во время этой психопатической эпидемии, нетрудно убедиться, что благодаря необычайной психической восприимчивости и здесь большое значение имеет как внушение, так и самовнушение. Прежде всего, читая описание этих случаев, нетрудно убедиться в большом сходстве психопатических явлений, особенно бредовых идей и обманов чувств, наблюдаемых у различных лиц, с теми явлениями, с которыми мы познакомились у душевнобольно-

го Кондрата Малеванного. С малыми различиями здесь дело идет также о повышенном настроении духа, об ощущении радости в сердце, о превращении своей личности в святого или пророка, о слышании приятных неземных запахов, об отделении тела от земли, о тех или других видениях на небе, о слышании небесного голоса, о просветлении ума и об уразумении евангельских и библейских истин, о призывании к покаянию, о повелении проповедовать и пр. и пр. Благодаря восприимчивости такого рода психических натур нетрудно проследить и в отдельных случаях, какую огромную роль играет внушение или самовнушение в развитии их болезненных проявлений.

Вот, напр., образчик внушающей силы галлюцинаций, которым был подвержен один из малеванцев, крестьянин Ефим К. В течение около 5 лет подвергаясь волнениям и колебаниям по вопросу о переходе в штундизм, из которого затем в апреле 1892 г. он перешел в малеванство, в мае 1892 г., вскоре после перенесенного им сочленового ревматизма, он начал подвергаться зрительным галлюцинациям. Однажды ему показалась на небе синяя книга с большими буквами; в другой раз он видел, как звезды сблизились и сгруппировались в одну корону. Со времени перехода его в малеванство, т. е. с апреля 1892 г., его часто начали тревожить сновидения, происходившие в состояниях неглубокого сна, во время которых он видел Спасителя, т. е. Малеванного.

Во время одного из таких сновидений он услышал голос: «Пойди зажги свою избу и гумно, и тогда все уверуют, что эта вера (т. е. малеванщина) есть вера истинная». Это повеление начало тревожить его сердце в такой степени, что он среди дня произвел поджог, от которого сгорела его усадьба вместе с избой соседа.

Очевидно, что галлюцинация здесь подействовала совершенно подобно внушению, и трудно было бы найти какое-либо различие между искусственно произведенным внушением и тем внушением, которое производят галлюцинации. Можно разве допустить, что галлюцина-

ции благодаря совершенно скрытому от субъекта их происхождению еще сильнее подчиняют сознание, нежели посторонние внушения.

Вообще надо заметить, что как в отдельных случаях, так и в целой массе развитие психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, в значительной мере обязано внушению, взаимовнушению и самовнушению. При этом мы ничуть не отрицаем важности влияния целого ряда указываемых проф. И. А. Сикорским нравственных и физических факторов (развитие штундизма, алкоголизм населения и пр.), составляющих благоприятную почву для развития эпидемии в населении; но несомненно, что непосредственным и главным толчком к развитию последней на подготовленной уже почве служило внушение в той или другой форме. Только этим путем и можно объяснить себе тот с первого взгляда непонятный факт, что родоначальником малеванщины и ее распространителями явились лица помешанные. Как справедливо замечает проф. И. А. Сикорский, «население, увлеченное брожением, усвоило себе парадоксальное параноическое мышление и логику помешанных и в силу этой болезненной логики стало разрешать основные вопросы жизни и религии при помощи сравнений и пустой игры слов».

Бред и болезненная логика помешанных явились образцом мудрости и подражания для населения, которое раньше обнаруживало здравую логику и здоровое мышление.

Это объединение здоровых с помешанными на почве болезненной логики является в истории человеческой мысли фактом глубоко интересным и в некоторых отношениях загадочным. То, что случилось на наших глазах, случалось и раньше, и, чтобы не приводить многих примеров, сошлемся на факт, что некоторые действия Парижской коммуны 1871 г. были плодом распоряжения помешанных, которым толпа повиновалась слепо (Laborde).

Мы не без цели остановились несколько дольше на этой своеобразной, так недавно пережитой нами психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, так как и сам Малеванный, основатель

секты малеванцев, был подробно мною изучен как душевнобольной при чтении клинического курса в Казанской окружной лечебнице и, с другой стороны, развитие всей эпидемии на месте было так подробно и обстоятельно изучено проф. психиатрии И. А. Сикорским.

Таким образом, эпидемии этой, в смысле ее изучения, посчастливилось, наверное, более, чем какой-либо другой. А между тем составляет ли она что-нибудь исключительное, не повторявшееся в другие времена и при других условиях? Ничуть не бывало. В этом отношении я вполне разделяю мнение проф. И. А. Сикорского, по которому нечто вполне аналогичное мы встречаем у некоторых наших сектантов, особенно хлыстов, духоборцев и скопцов. Знакомясь ближе с так называемыми радениями у хлыстов, нетрудно усмотреть в них сходственные и даже в известном отношении тождественные явления с тем, что представляет проявление большой истерии на радениях малеванцев. Следя за описанием радений и плясок хлыстов, мы встречаемся здесь с тем же повышением душевного настроения, с развитием психического экстаза и судорог такого же рода, какие мы встречаем и у малеванцев⁹. У хлыстов мы встречаем даже радения и пророчества, вполне напоминающие нам вышеописанные радения малеванцев. Равным образом и описание радений и кружений с прорицаниями, судорожными и обморочными припадками у скопцов совершенно напоминает нам явления, наблюдавшиеся у малеванцев¹⁰.

Существует даже тождество в основных верованиях малеванцев и хлыстов, а именно в возможности непосредственного общения человека с Богом в форме вхождения Св. Духа в человека во время истерических конвульсий. По словам И. А. Сикорского, «этого входящего духа чувствуют одинаково и хлысты, и малеванцы. По мнению тех и других, дух обозначается судорогами и трепетанием. Весьма интересно, что даже возгласы, употребляемые в экстазе малеванцами: «Ой дух, ой дух!», тождественны с хлыстовскими». По мнению этого автора, как у малеванцев, так и у хлыстов радения и религиозные упражнения стоят в

тесном соотношении с истерией, которая, как мы знаем, благоприятствует развитию галлюцинаций, судорог и иных нервных припадков, признаваемых теми и другими за наитие Св. Духа, и которая дает столь благоприятную почву для внушения. Радения же этих сект составляют весьма благоприятную почву для развития как путем внушения, так и путем самовнушения истерических болезненных проявлений, признаваемых божественными.

Нам кажется, что в этом взаимовнушении заключается не несущественная доля той притягательной силы, какую имеют радения для малеванцев, хлыстов и скопцов — этих представителей секты, имеющих несомненно патологическую основу.

Обыкновенно принимают, что страсть к этим радениям объясняется перспективой ожидаемого экстаза радости.

Это объяснение, бесспорно, имеет свою реальную основу, но вряд ли только одной перспективой ожидаемого экстаза радости, обуславливаемого, как думают некоторые, движением, может быть объяснено неудержимое влечение этих сектантов к своим радениям.

По крайней мере не меньшую роль играет в этом отношении, на мой взгляд, то взаимовнушение, которое на таких радениях производится отдельными членами друг на друга и которое поднимает чувство восторга и упоения в них до необычайного напряжения, не достигаемого при иных условиях отдельными членами. Это же взаимовнушение сплачивает отдельных членов сект на радениях в одно целое, в одну личность, живущую одной мыслью, произносящую одни и те же возгласы, исполняющую одинаковые по существу жесты и телодвижения.

Естественно, что это целое, являющееся источником недостижимых наслаждений, столь притягательно для отдельных членов, что заставляет их, несмотря на строгий запрет закона, под тем или другим предлогом устраивать свои радения и являться на них даже за десятки верст.

С другой стороны, в этой притягательной силе радений и молитвенных собраний вышеуказанных сек-

тантов заключается, между прочим, в значительной мере и необычайное упорство этих грубых сект, с которыми оказывается бессильною борьба правительства и духовенства.

Быть может, найдутся лица, которые в развитии вышеуказанных эпидемий будут обвинять прежде всего невежество грубых масс народа, нашу культурную отсталость. Несомненно, что эти условия имеют неоспоримое влияние на развитие психопатических эпидемий, подобных вышеуказанным. Но они отражаются лишь на внешней форме и на внутреннем содержании таких явлений, но не более.

При большем умственном развитии, при большей культурности населения подобного рода психопатические явления с таким, если можно так выразиться, грубым содержанием, без сомнения, невозможны. Но в другой форме психопатические эпидемии являются вполне возможными и в интеллигентной части общества.

Всякий, вероятно, помнит, с какой чудовищной силой еще так недавно начал развиваться мистицизм в интеллигентной части нашего общества и как быстро вместе с тем начала развиваться настоящая спиритическая эпидемия. А между тем что такое спиритизм и его позднейшее видоизменение, известное под названием теософизма? Не есть ли это также своеобразное общественное явление, которое если не по внутреннему содержанию, то по внешности родственно сектам хлыстов, духоборцев и малеванцев, допускающим реальное общение с Духом. В этом отношении нельзя не согласиться с метким сравнением, которое сделано проф. И. А. Сикорским:

«Вера спиритов в духов, в возможное общение с ними и в существование способов узнавать через посредство духов прошедшее, будущее и недоступное настоящее — вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна с догматикой скопцов, хлыстов и малеванцев.

Вера спиритов в духов основывается, как и у сектантов, на факте экстатических состояний, в которых медиумы могут писать, произносить слова или делать что-либо недоступное им в обыкновенных состояниях,

и это недоступное спириты приписывают манипуляциям постороннего духа, действующего через организм медиума или иным путем.

Подобно тому как хлысты или малеванцы, прорицая, произнося известные слова и делая телодвижения, не сознают их или по крайней мере не признают как собственные, а, напротив, признают их чуждыми себе, совершающимися волею вошедшего извне духа, так же точно и пишущий или вертящий столом спирит не признает этих действий за свои, а относит их к действию постороннего духа, который управляет им, как простым орудием».

«Относя к одной общей категории малеванцев, хлыстов и спиритов, мы не можем не закончить этого сравнения сопоставлением скопческих и хлыстовских прорицаний с откровениями спиритов. Если первые большей частью лишены смысла или по крайней мере не возвышаются над уровнем заурядного человеческого разума, то и все то, что успели сообщить спиритам их духи, совершенно посредственно или ничтожно и, по справедливому замечанию английского мыслителя, «не может быть поставлено выше самой пошлой болтовни» (Карпентер)».

Итак, возникновение психопатических эпидемий, подобных вышеописанным, возможно и в интеллигентном классе общества, в котором одним из стимулов к их развитию и распространению служит также внушение, производимое устно и печатно. Надо, однако, иметь в виду, что психическая зараза проявляется не только распространением психопатических эпидемий, но и распространением психических эпидемий, которые не могут считаться патологическими в узком смысле слова и которые, несомненно, играли большую роль в истории народов. Такого рода психические эпидемии происходят и в современном нам обществе, и притом не особенно редко. Один из ярких примеров психических эпидемий, правда кратковременного свойства, представляет то, что называется паникой. Эта психическая эпидемия развивается в народных собраниях, когда вследствие тех или других условий к сознанию массы прививается идея о неминуемой смертельной опасности.

Кто переживал вместе с другими панику, тот знает, что это не есть простая трусость, которую можно побороть в себе сознанием долга и с которой можно бороться убеждением. Нет, это есть нечто такое, что охватывает, подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которой совершенно бессильно убеждение и которая получает объяснение только во внушении этой идеи, путем ли неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление пожара, неприятельских войск и пр.) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу. Из лиц, бывших на театре последней русско-турецкой войны, многие, вероятно, вспомнят при этом случае о тех паниках, которые неоднократно охватывали население Сисова во время нашего Плевненского сидения.

Так как паника касается чувства самосохранения, свойственного всем и каждому, то она развивается одинаково как среди интеллигентных лиц, так и среди простолюдинов. Условиями же ее развития должна быть неожиданность в появлении всеми сознаваемой опасности, на каковой почве достаточно малейшего толчка, действующего, подобно внушению, чтобы развилась паника. Так как чувство самосохранения свойственно и животным, то понятно, что паника возможна и среди животного царства. В этом случае могут быть приведены поразительные примеры развития таких паник при известных условиях среди домашних животных, которые называются стампедами и которые приводят к не менее печальным последствиям, нежели людская паника. Известны примеры, что целые стада домашних животных под влиянием таких стампед погибали в море. Но возвратимся к паникам, развивающимся при известных условиях среди людей.

Однажды мне самому во время моего студенчества пришлось вместе с другими товарищами пережить панику, и я думаю, что хотя бы краткое описание этого случая не лишено известного интереса в связи с рассматриваемыми нами явлениями.

Дело было в течение зимы 1875/76 г., когда произошел взрыв от случайного воспламенения 45 тысяч пудов пороха на пороховом заводе близ Петербурга.

Все жившие в то время в Петербурге, вероятно, помнят тот страшный звук, который произошел от этого взрыва и от которого полопались стекла в значительном числе домов на набережной Большой Невы. Мы сидели в то время на лекции покойного профессора Бессера в аудитории одного из деревянных барачков, занятых его клиникой.

Вдруг во время полного внимания всей аудитории раздается оглушительный звук, потрясший все здание барака до его основания. В эту минуту никто не мог понять, что такое случилось. Мне показалось, что должен рухнуть потолок здания, и я, сидевший впереди всех у окна, невольно поднял на мгновение голову к потолку; тотчас же после этого я услышал непонятный для меня шум в аудитории, и, обернувшись, я увидел, что все сидевшие в аудитории оставили скамьи и ринулись к дверям, давя друг друга и перепрыгивая по скамьям. Увидев всех бегущими, я сам направился к дверям, хотя проникнуть через них вследствие большого стеснения товарищей в дверях не представлялось уже возможным. Впрочем, паника прекратилась тотчас же, как только аудитория почти вполнину очистилась. Тогда, очнувшись, никто не знал, в чем дело, и никто не мог себе отдать ясного отчета, почему он бежал вместе с другими. Все сознавали, что, однако, произошло что-то такое, что, казалось, могло угрожать разрушением всего здания. К счастью, все обошлось благополучно, и лишь некоторые пострадали при давке, отделавшись ушибами, вывихами рук и другими несерьезными повреждениями.

В этом случае причиной паники явились два момента: внезапный и сильнейший стук, потрясший все здание и вселивший ужас в массу слушателей, и, с другой стороны, невольный взгляд одного из слушателей к потолку, внушивший или укрепивший идею о разрушении здания.

Подобные паники случаются вообще нередко при всевозможных случаях, внушающих мысль о неминуемой опасности, и, как известно, нередко являются причиной огромных бедствий. Всякий знает, что в театрах, церквях и в других многолюдных собраниях достаточно произнести слово «пожар!», чтобы вызвать целую эпи-

демию страха или панику, быстро охватывающую все собрание и почти неминуемо приводящую к тяжелым жертвам. Случившаяся недавно катастрофа на благотворительном базаре в Париже дает наглядное представление о тех ужасных последствиях, к которым приводит паника.

Так как паника является следствием внушенной или внезапно привитой мысли о неминуемой опасности, то очевидно, что никакие рассуждения и убеждения не могут устранить паники до тех пор, пока сама очевидность не рассеет внушенной идеи. Вот почему военачальники более всего опасаются развития паники в войсках, обычно ведущей к печальным последствиям.

В зависимости от условий, содействующих устранению внушенного представления о неминуемой опасности, стоит и продолжительность паники; иногда она является лишь кратковременною, в других случаях более продолжительною и, следовательно, более губительною.

Но кроме такой астенической эпидемии, выражающейся в панике, мы знаем психические эпидемии другого рода, выражающиеся активными явлениями и сопровождающиеся более или менее очевидным психическим возбуждением. Такие эпидемии под влиянием соответствующих условий иногда охватывают значительную часть населения и нередко приводят к событиям, чреватых огромными последствиями.

Одушевление народных масс в годину тяжелых испытаний и фанатизм, охватывающий народные массы в тот или другой период истории, представляют собой также своего рода психические эпидемии, развивающиеся благодаря внушению словом или иными путями.

Один из ярких исторических примеров таких психических эпидемий мы видим в крестовых походах, являвшихся последствием несомненно привитой или внушенной идеи о необходимости освобождения Святого Гроба. Вспомните несчастный крестовый поход детей, предводительствуемых галлюцинантом, и вы легко уясните, какую силу приобретало в то время внушение и взаимовнушение, находившее себе благоприятную почву в господствовавших в то время религиозных заблужде-

ниях, и почему оно было в состоянии подвинуть народные массы того времени на отдаленные и разорительные походы.

В чем же кроется причина развития подобных явлений и чем обуславливается столь могущественное действие психической инфекции — этого психического микроба, лежащего в основе психических эпидемий?

Мы уже упоминали выше, что распространению психической инфекции, как и развитию обыкновенной физической заразы, способствует более всего известная подготовленность психической почвы в населении или в известном круге лиц. Другим важным фактором в этом случае являются скопления народных масс или народные сборища во имя одной общей идеи, которые сами по себе часто представляют уже результат психической инфекции.

В этом случае должно строго отличать простое собрание лиц от сборища лиц, воодушевленных одной и той же идеей, волнующихся одними и теми же чувствами.

Такого рода сборища сами собою превращаются как бы в одну огромную личность, чувствующую и действующую как одно целое. Что, в самом деле, в этом случае связывает воедино массу лиц, незнакомых друг другу, что заставляет биться их сердца в унисон одно другому, почему они действуют по одному и тому же плану и заявляют одни и те же требования? Ответ можно найти только в одной и той же идее, связавшей этих лиц в одно целое, в один сложный и большой организм. Эта идея, быть может, вселена в умы некоторых лиц путем убеждения, но она для многих лиц в таких сборищах, без сомнения, является внушенной идеей. И когда подобное сборище уже сформировалось, когда оно объединилось под влиянием одного общего психического импульса, тогда в дальнейших его действиях главнейшая руководящая роль уже выпадает на долю внушения и взаимовнушения.

Почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своего вожака, почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде?

Этот вопрос занимал умы многих авторов, вызывая довольно разноречивые ответы. Но было бы излишне входить здесь в какие-либо подробности по этому поводу; достаточно заметить, что нет никакого основания придерживаться заявленного в литературе мнения об особых «психических волнах», распространяющихся на массу лиц одновременно и способных при известных условиях даже к обратному отражению.

Такие «волны» никем и нигде не были доказаны; но не может подлежать никакому сомнению могущественное действие в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени.

Благодаря этому взаимовнушению отдельные члены как бы наэлектризовываются и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления.

Одним из примеров таких исторических подвигов народных масс, воодушевленных одной общей идеей, может служить взятие Бастилии и отпор на границах Франции европейских войск, окруживших последнюю в период Великой революции.

Без сомнения, та же самая сила внушения действует и в войсках, ведя их к блестящим победам.

Нельзя, конечно, оспаривать того, что дисциплина и сознание долга создают из войск одно могучее, колоссальное тело, но последнее для того, чтобы проявить свою мощь, нуждается еще в одухотворяющей силе, и эта сила заключается во внушении той идеи, которая находит живой отклик в сердцах воюющих. Вот почему умение поддержать дух войск в решительную

минуту составляет одну из величайших забот знаменитых полководцев.

Этой же силой внушения объясняются геройские подвиги и самоотвержение войск под влиянием одного возбуждающего слова своего любимого военачальника, когда, казалось, не было уже никакой надежды на успех.

Очевидно, что сила внушения в этих случаях берет верх над убеждением и сознанием невозможности достигнуть цели и ведет к результатам, которых еще за минуту нельзя было ни предвидеть, ни ожидать. Таким образом, сила внушения берет перевес над убеждением и волей и приводит к событиям, свершить которые воля и сознание долга были бы не в состоянии.

Но в отличие от последних внушение есть сила слепая, лишенная тех нравственных начал, которыми руководятся воля и сознание долга. Вот почему путем внушения народные массы могут быть направляемы как к великим историческим подвигам, так и к самым жестоким и даже безнравственным поступкам. Поэтому и организованные толпы, как известно, нередко проявляют свою деятельность далеко не соответственно тем целям, во имя которых они сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудил в толпе низменные инстинкты, и толпа, объединившаяся благодаря возвышенным целям, становится в полном смысле слова зверем, жестокость которого может превзойти всякое вероятие.

Иногда достаточно одного брошенного слова, одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась рефлексивно жесточайшим злодеянием, перед которым бледнеют все ужасы грабителей.

Вспомните сцену из «Войны и мира» на дворе князя Ростопчина, предавшего толпе для спасения себя одного из заключенных, вспомните печальную смерть воспитанника Военно-медицинской академии врача Молчанова во время возмущений в последнюю холерную эпидемию!

Вот почему благородство и возвышенность религиозных, политических и патриотических целей, преследуемых людьми, собравшимися в толпу или орга-

низовавшимися в тайное общество, по справедливому замечанию Тарда, нисколько не препятствуют быстрому упадку их нравственности и крайней жестокости их поведения, лишь только они начинают действовать сообща¹¹. В этом случае все зависит от направляющих толпу элементов.

До какой степени быстро, можно сказать мгновенно, часто по внушению толпа изменяет свои чувства, показывает рассказ Ph. de Ségur¹² об одной толпе 1791 г., которая в окрестностях Парижа преследовала одного богатого фермера, будто бы нажившегося на счет общества. В ту минуту, когда этому фермеру грозила уже смерть, кто-то из толпы горячо вступился за него, и толпа внезапно перешла от крайней ярости к не менее крайнему расположению к этому лицу. Она заставила его петь и плясать вместе с собою вокруг дерева свободы, тогда как за минуту перед тем собиралась его повесить на ветвях того же самого дерева.

Таким образом, в зависимости от характера внушения толпа способна проявлять возвышенные и благородные стремления или, наоборот, низменные и грубые инстинкты. В этом именно и проявляются характеристические особенности в действиях толпы.

Не подлежит вообще никакому сомнению, что объединенные известной мыслью народные массы ничуть не являются только суммой составляющих их элементов, как иногда принимают, так как здесь дело идет не об одном только социальном объединении, но и о психическом объединении, поддерживаемом и укрепляемом главнейшим образом благодаря взаимовнушению.

Но то же самое, что мы имеем в отдельных сформировавшихся толпах, мы находим в известной мере и в каждой вообще социальной среде, а равно и в больших обществах.

Отдельные члены этой среды почти ежеминутно инфицируют друг друга и в зависимости от качества получаемой ими инфекции волнуются возвышенными и благородными стремлениями или, наоборот, низменными и животными. Можно сказать более. Вряд ли вообще случается какое-либо деяние, выходящее из ряда

обыкновенных, вряд ли совершается какое-либо преступление без прямого или косвенного влияния посторонних лиц, которое чаще всего действует, подобно внушению. Многие думают, что человек производит то или другое преступление исключительно по строго взвешенным логическим соображениям; а между тем ближайший анализ действий и поступков преступника нередко открывает нам, что, несмотря на многочисленные колебания с его стороны, достаточно было одного подбодряющего слова кого-либо из окружающих или примера, действующего, подобно внушению, чтобы все колебания были сразу устранены и преступление явилось неизбежным.

Вообще надо иметь в виду, что идеи, стремления и поступки отдельных лиц не могут считаться чем-то вполне обособленным, принадлежащим только им одним, так как в характере этих идей, стремлений и поступков всегда сказывается в большей или меньшей мере и влияние окружающей среды.

Отсюда так называемое затягивающее влияние среды на отдельных лиц, которые не в состоянии подняться выше этой среды, выделиться из массы. В обществе этот психический микроб, понимаемый под словом «внушение», является в значительной мере нивелирующим элементом, и, смотря по тому, представляется ли отдельное лицо выше или ниже окружающей среды, оно от влияния последней делается хуже или лучше, т. е. выигрывает или проигрывает.

В этом нельзя не видеть важного значения внушения как условия, содействующего объединению отдельных лиц в большие общества.

Но кроме этой объединяющей силы внушение и взаимовнушение, как мы видели, усиливает чувства и стремления, поднимая до необычайной степени активность народных масс.

И в этом другое важное значение внушения в социальной жизни народов. Не подлежит никакому сомнению, что этот психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы время от времени к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой сторо-

ны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений.

И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых физическим микробом во время народных эпидемий.

Тем не менее нельзя не признать, что внушение в других случаях является тем могущественным фактором, который способен увлечь народы как одно целое к величайшим подвигам, оставляющим в высшей степени яркий и величественный след в истории народов.

В этом отношении, как уже ранее упомянуто, все зависит от направляющей силы, и дело руководителей народных масс заключается в искусстве направлять их чувства и мысли к возвышенным целям и благородным стремлениям.

Отсюда очевидно, что внушение является важным социальным фактором, который играет видную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов.

Как в биологической жизни отдельных лиц и целых обществ играет большую роль микроб физический, будучи иногда фактором полезным, в других же случаях — вредным и смертельным, уносящим тысячи жертв, так и «психический микроб» в известных случаях может быть фактором в высшей степени полезным, в других случаях — вредным и губительным.

Можно сказать, что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором более или менее видная роль не выпадала бы на долю внушения и самовнушения.

Уже многие крупные исторические личности, как Жанна д'Арк, Магомет, Петр Великий, Наполеон Первый и пр., окружались благодаря народной вере в силу их гения таким ореолом, который нередко действовал на окружающих лиц, подобно внушению, невольно увлекая за ними массы народов, чем, без сомнения, в значительной мере облегчалось и осуществление принадлежащей им исторической миссии. Известно далее, что даже одного ободряющего слова любимого полководца

достаточно, чтобы люди пошли на верную смерть, нередко не отдавая в том даже ясного отчета.

Не менее видная роль на долю внушения выпадает, как мы видели, и при всяком движении умов, и в особенности в тех исторических событиях, в которых активной силою являлись народные сборища.

Ввиду этого я полагаю, что внушение как фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение.

В заключение я должен сказать, что избранная мною тема не могла быть исчерпана в короткой беседе, так как она всеобъемлюща, но те несколько штрихов, которые вы, быть может, уловили в моей речи, имеют по крайней мере канву для размышления о том значении, которое имеет внушение в социальной жизни народов, и о той роли, какую оно должно было играть в моменты важнейших исторических событий древних и новых времен. Между прочим, время не позволило мне остановиться на одном в высшей степени важном вопросе, о котором так много было споров еще в самое последнее время. Я говорю о роли отдельных личностей в истории.

Как известно, многие были склонны отрицать совершенно роль личности в ходе исторических событий. По ним личность является лишь выразителем взглядов массы, как бы высшим олицетворением данной эпохи, и потому она сама по себе и не может иметь активного влияния на ход исторических событий. Последние силою вещей выдвигают ту или другую личность поверх толпы, сами же события идут своей чередой вне всякой зависимости от влияния на них отдельных личностей.

При этом, однако, забывают о внушении, этой важной силе, которая служит особенно могучим орудием в руках счастливо одаренных от природы натур, как бы созданных быть руководителями народных масс. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себе является отражением данной среды и эпохи, нельзя также отрицать и того, что ни одно историческое событие не может осуществиться, коль скоро

не имеется для того достаточно подготовленной почвы и благоприятствующих условий, но также несомненно и то, что в руках блестящих ораторов, в руках известных демагогов и любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих правителей, наконец, в руках известных публицистов имеется та могучая сила, которая может объединять народные массы для одной общей цели и которая способна увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются на ряде грядущих поколений.

Внушение и воспитание¹ *

Вряд ли нужно доказывать, что развитие человеческой личности нуждается в самом старательном воспитании, а между тем как мало внимания в жизни уделяется этому делу. Мы воспитываем старательно каждое плодородное деревцо и даже простой цветок, мы воспитываем всякое домашнее животное и в то же время мало заботимся о воспитании будущего потомства и, что еще хуже, при незнании основ воспитания нередко уродуем будущую личность человека, воображая, что делаем нечто особо полезное.

К тому же в повседневной литературе так мало уделяется места вопросам воспитания, что самый предмет не всем кажется ясным. Мы привыкли говорить о нравственном, умственном и физическом воспитании; но спросите молодых супругов, что следует понимать под нравственным воспитанием, и вы убедитесь, что далеко не все вам ответят, что под этим следует понимать развитие чувства социальной любви и сострадания, и развитие чувства правды и уважения ко всему общественно ценному, хорошему, и развитие чувства долга или обязанности, а между тем в развитии этих именно сторон личности, как всем, должно быть, ясно, и заключается основа взаимоотношений между людьми.

Спросите кого угодно из публики о том, что такое умственное воспитание, и можно быть уверенным, что

* Печатается по: *Бехтерев В. М. Внушение и воспитание.* СПб., 1912.

он вряд ли правильно разграничит это понятие от образования, а между тем развитие ума, которое достигается воспитанием, вовсе не представляется тождественным с приобретением познаний, тем более что можно быть человеком достаточно образованным и в то же время умственно мало развитым.

Равным образом и по отношению к физическому воспитанию многие полагают, что оно состоит в простом укреплении тела, забывая, что оно играет выдающуюся роль в развитии энергии, находчивости, решительности, способности к инициативе и стойкости, т. е. развитию тех качеств, которые обнимаются общим понятием воли и самостоятельности — этого ценного дара человеческой личности.

Нечего говорить, что воспитание играет огромную роль не только в развитии характера, но и в охране здоровья, и притом как физического, так и умственного.

Мы не будем здесь распространяться на тему о значении воспитания в отношении приучения человека к труду, порядку, физическим занятиям и гигиене, что так важно для физического здоровья человека. Это должно быть очевидно для всех и каждого и без лишних пояснений. Но мы не можем здесь не отметить значения воспитания в вопросе, ближе касающемся нашей специальности, — в вопросе об охране умственного здоровья.

Для всех должно быть ясно, что правильно поставленное воспитание, выработка характера и создание столь важных в жизни идеалов не могут не быть признаны важным пособием в охране душевного здоровья.

Если принять во внимание, как часто душевное здоровье подрывается вследствие нарушения основных правил гигиены, вследствие слишком изнеженного воспитания, когда личность является не способной к труду, а следовательно, и не переносливой к тем или иным хотя бы в малейшей степени неблагоприятным условиям жизни, а также когда личность вследствие отсутствия идеалов и неприспособленности к жизненной борьбе и проведению их в жизнь теряет душевное равновесие, становясь разочарованной, то всем

должна быть понятна связь между недостатком воспитания и развитием душевных расстройств.

Но существует и прямая связь между развитием психозов и неправильным воспитанием, на что мне уже приходилось обращать внимание при другом случае.

Неправильное воспитание, особенно в раннем возрасте, уже само по себе может быть причиной душевной болезни. По крайней мере психиатрическая практика не оставляет сомнения в том, что в иных случаях, несмотря на благоприятные условия наследственности и столь же благоприятные дальнейшие жизненные условия, душевная болезнь может развиваться под влиянием дурных воспитательных условий, сложившихся в раннем детстве.

Да может ли быть иначе, если ребенок, будучи здоровым от рождения, с первых шагов своего земного существования будет неудовлетворен в своих насущных потребностях и потому будет почти постоянно находиться в неблагоприятных не только физических, но и нравственных условиях, если он будет хронически болеть кишечными расстройствами и если будет почти постоянно в слезах не только от несвоевременного удовлетворения его физических нужд, но и под влиянием бессмысленных угроз няни или матери?

Можно ли вообще ожидать, чтобы эти и подобные им условия, действующие в течение многих лет в наиболее нежном периоде жизни, не отразились на душевном здоровье будущей личности самым губительным образом?

Нечего говорить, что дурные примеры старших и прививание этим путем нездоровых привычек к детскому организму, глубокое, ничем не оправдываемое и крайне вредное для здоровья пугание детей старшими, а также всякое попускание легко прививающимся в возрасте первого детства дурным инстинктам и неустранение их своевременными воспитательными усилиями не могут не способствовать развитию навязчивых состояний, неуравновешенности, приводящей затем и к развитию душевных недугов.

В этом вопросе вряд ли возможны какие-либо сомнения, если мы примем во внимание особо восприимчивую и впечатлительную душу ребенка.

Эту исключительную впечатлительность ребенка никогда не следует забывать в такого рода вопросах, как охрана душевного здоровья, и так как эти же условия дают основу и для здорового воздействия на ребенка путем примера, возбуждающего подражание, и путем внушения, то мы и остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Всем общеизвестен факт, что из возраста первого детства, когда память уже начинает сохранять впечатления, некоторые события, почему-либо особо выделившиеся из многих других, остаются в виде воспоминаний на всю жизнь и оживляются в пожилом возрасте иногда с такою яркостью, как бы эти впечатления вновь переживались. Уже это обстоятельство ясно показывает о повышенной детской впечатлительности.

Можно привести и много других примеров, где проявляется необычайная детская впечатлительность и внушаемость. Достаточно бывает иногда неосторожно произнесенного при ребенке слова о совершенном убийстве или каком-либо другом тяжелом происшествии, и ребенок будет уже тревожно спать ночь или даже подвергнется ночному испугу или кошмару. Вот почему обстановка и в особенности окружающая среда всегда оказывают на воспитание ребенка огромное влияние.

Baginski² в своей небольшой статье приводит целый ряд примеров, где детская впечатлительность благодаря действию окружающей среды сказалась самым ярким образом.

Особая впечатлительность детей стоит в тесной связи и с необычайной их внушаемостью, благодаря которой ребенку легко прививается как все дурное, так и хорошее.

Как велико значение внушения в детской жизни, показывает, между прочим, тот факт, что маленькие дети легко успокаиваются после ушиба, коль скоро подуть на ушибленное место.

Известно, что ребенок Baldwin'a в первые месяцы мог быть с постоянством усыпляем, если его клали лицом вниз и легонько похлопывали по нижней части позвоночника.

Известно далее, что маленькие дети успокаиваются в присутствии близких им лиц и тотчас же быстро засыпают.

Поразительно также, как легко дети подвергаются чувственному внушению. Достаточно, чтобы окружающие обнаруживали веселое настроение, и это настроение тотчас же заражает и детей; с другой стороны, испуг и растерянность старших тотчас же передается и ребенку.

Wittasck³ сообщает, что при рассматривании картин ему удалось прививать детям по желанию ту или другую чувственную реакцию в зависимости от того, обнаруживал ли он сам удовольствие или неудовольствие при представляемом предмете.

Plecher⁴ также имел аналогичные наблюдения. Поставив стакан на стол, наполненный не совсем крепким уксусом, он выпивал его в присутствии маленькой девочки со всеми признаками удовольствия, после чего и девочка просила о том же и выпивала полстаканчика. Хотя лицо девочки при этом стягивалось, но она произносила «хорошо» и требовала вскоре после того еще и остаток. В другом случае на вопрос: «Хороша ли твоя кукла?» — получался энергичный ответ: «Да», но, когда автор отходил с замечанием, что кукла дурная и что она злая, девочка клала куклу со страхом или бросала ее в угол, хотя в другое время она ее обожала.

Благодаря поразительной внушаемости и свидетельские показания детей страдают неправдивостью, в чем согласно большинство авторов.

Plecher приводит поразительный пример внушаемости детей из своей собственной практики, иллюстрирующий только что сказанное.

Он спросил около 11 часов дня своих учеников: не видал ли кто из них что-либо лежавшее на его столе? Никто ничего не сообщил. На его дальнейшие вопросы, не видал ли кто-либо положенный им ножик, из 54 учеников 29, т. е. 57%, ответили, что они его видели, и притом ответило таким образом известное число таких учеников, которые со своего места не могли ничего видеть; 7 учеников видели даже, как он ножом

резал бумагу и после того положил ножик, 3 — как он чинил карандаш и 1 — как он отрезывал резинку для физических опытов. На объяснение Plecher'a, что ножик после перерыва в занятиях исчез со стола, первоначально было молчание, затем стали выяснять, что мальчик Г., который за короткое время перед тем обвинялся в воровстве, во время перерыва в занятиях держался вблизи стола, как бы желая осмотреть поставленные аппараты. В действительности автор в течение всего предобеденного времени не вынимал ножа из своего кармана. Ученик Г. вышел из комнаты в числе первых и во время перерыва находился все время на школьном дворе в непосредственной близости с ним.

Как велико внушающее влияние на детей даже простых вопросов, показывают известные опыты Stern'a⁵, показывающие, между прочим, как и предыдущий случай, какую ценность могут иметь свидетельские показания детей на суде. Автор предъявлял испытуемым детям картинку в течение $\frac{3}{4}$ секунды и требовал от детей, чтобы они сообщили о виденном, после чего предлагал им заготовленные ранее вопросы.

Оказалось, что при простом сообщении число ложных ответов достигало 6%, при опросах оно достигло 33%.

Этот результат объясняется тем, что всякий вопрос до некоторой степени оказывает уже внушающее влияние на испытуемого.

Если же при опытах давалось Stern'ом известное число внушающих вопросов, то результаты оказывались еще более поразительными, так как правильных ответов получилось всего 59%.

Lipman⁶, делая специальные опыты над влиянием внушающих вопросов на детей, убедился, что у детей меньшего возраста внушаемость значительно больше, нежели у детей большего возраста.

Kosog⁷ проделывал над 9-летними детьми опыты со специальной целью выяснить внушаемость по отдельным органам.

При этом оказалось, что при испытании осязания внушающее влияние можно было установить в 45%, в

органе зрения — в 55, в области слуха — в 65, в области обоняния — в 72,5–78,75, в области вкуса — 75%.

Все же 600 отдельных опытов дали 390, или 65%, удавшихся внушающих влияний. При этом внушаемость, по автору, больше обнаруживалась у более способного ученика, нежели у среднего, а у последнего больше, чем у менее способного; но автор допускает в этом случае возможность случайности.

Поразительной детской внушаемостью объясняются, между прочим, и такие явления, как детские психические эпидемии, и в числе их одно из поразительных явлений этого рода представляет собою детский крестовый поход 1212 г. Можно ли в самом деле иначе объяснить, как силой внушения, странное влечение детей, которые вопреки воле родителей выскакивали из окон, чтобы присоединиться к проходящим детским толпам, направлявшимся в Святую Землю с целью освободить Гроб Господень.

Сумасшедшая идея освободить Святой Гроб с помощью детских рук подавляла совершенно в детях всякий страх перед неизвестностью и увлекала их под видом чарующей воображение мнимой божественной миссии на путь верной гибели и рабства.

С тех пор столь грозных детских эпидемий не случалось в истории отчасти, может быть, потому, что дети ныне живут обыкновенно в условиях, исключающих большое их скопление на улицах.

Однако в школах детские психические эпидемии случаются сплошь и рядом.

Они описывались многими авторами, и вряд ли нужно приводить здесь примеры таких школьных эпидемий. Чаще всего они выражаются в распространении среди детей судорожных и иных форм истерии и истерической хореи.

Хотя в происхождении этих детских психических эпидемий играют роль такие явления, как наследственное расположение, малокровие и т. п., но, собственно, непосредственной причиной здесь все же яв-

ляется психическая зараза, основанная на внушающем действии примера и переживании соответствующей эмоции.

Всем известно, что достаточно одного истерического или эпилептического приступа среди детей, чтобы в известных случаях развилась целая судорожная эпидемия, захватывающая нескольких школьников.

Влияние внушения на детский ум доказывают и случаи тайного бегства детей для выполнения отдаленных путешествий, например в Америку или к Северному полюсу, под влиянием чтения книг Майна Рида, Жюль Верна и др. Так, два маленьких 13-летних баварца, начитавшись книг, захватили тайно от родных деньги и оружие и отправились в путешествие к Северному полюсу чтобы охотиться за белыми медведями (Pfecher)

Чтение книг, действующих на воображение, вообще оказывает на детей огромное внушающее влияние. Известны примеры, что дети совершали тяжкие преступления исключительно под влиянием чтения книг, в которых описываются преступления и где сами преступники являются героями. Так, четыре 13-14-летних мальчика под влиянием чтения разбойничьих историй основали воровскую шайку и совершили ряд больших краж (Pfecher).

Тот же автор сообщает, как в 1908 г. после наделавшей большого шума истории с вымогательством посредством угрожающих писем, направленных к одному богатому мюнхенцу с требованием 100 000 марок, последовал целый ряд подобных же историй с вымогательством путем угрожающих писем и в других местах Германии, причем виновниками всех этих историй оказались дети в возрасте, не превышавшем 15 лет. Нет надобности говорить, что в России в период экспроприаций эти явления были обычными и, вероятно, из России они и распространились на Германию.

В России они нередко совершались также подростками и детьми из подражательности и под влиянием описаний, которыми в то время были наполнены столбцы газет.

Эти подражательные детские преступления случаются у нас в изобилии еще и в настоящее время. Мы то и дело читаем о детских играх в «стражников» и в «экспроприаторов», об играх в «смертные приговоры» и в «самоубийство».

Еще недавно газетные известия со станции Провенишки сообщили о результате детской игры в «Столыпина» и «Богрова» и осужденному «Богрову» была накинута детьми веревка на шею, которую зацепили за забор на высоте 2 арш. «Богров» сорвался и повис на веревке. Когда прибыл отец, повешенный ребенок оказался уже мертвым. По тем же газетным известиям, в Саратове три ученика рисовального училища в возрасте от 14 до 16 лет оказались серьезными экспроприаторами. Один из этих мальчиков, 14-летний Коля, неожиданно исчез. Вскоре получилось письмо в дому, что «Колю держат члены организации социалистов-революционеров», требуя «выслать 5300 р. за выкуп». Авторами этого письма оказались два товарища Коли, Петя Власов и Сережа Баукин. Образовав шайку экспроприаторов, они приобрели себе браунинги и кинжалы. Посвященный в это дело Коля будто бы стал «пробалтываться». Тогда двое товарищей решили с ним покончить. Они потребовали, чтобы он взял у отца браунинг и кинжал, и заявили ему, что покажут ему фокус в загородной пещере, где решили собраться для экспроприации. Когда пришли в пещеру, Коле было приказано играть похоронный марш на мандолине и смотреть на ожидаемый фокус, а в то же время Сережа Баукин, зайдя сзади, выстрелил ему в затылок. Несчастный Коля упал навзничь, после чего Сережа Баукин еще выстрелил ему два раза в лоб. Нечего говорить, что подметное письмо о 5300 р. было подброшено нарочно, для отвода глаз.

Рецидивизм в преступлении также в известной мере основан на внушении и подражательности.

По Guau, число рецидивизма колеблется в зависимости от организации тюрем. Так, например, в Бельгии рецидивизм достигает 70%, во Франции — 40%. С введением одиночного заключения рецидивизм пони-

жается до 10%, а через индивидуализированные наказания — до 2,68%⁹.

Ясно, что высокие цифры рецидивизма при общем тюремном содержании детей зависят от повышенной детской внушаемости*.

Равным образом известны и самоубийства под влиянием тех же условий. Н. Plecher¹⁰ рассказывает, как одна 17-летняя девушка, Fanny Schneider из Wilhelmshafen, решила покончить с собою, открывши кран газового рожка. Причиной было то, что она начиталась романа, под влиянием которого ей захотелось однажды «так же прекрасно» умереть, как описывалось в этом романе. Будучи уже мертвой, она еще держала в правой руке книгу своего романа.

Внушение как причина самоубийства в юношеском возрасте отмечается весьма многими авторами. Один из поразительных примеров, где одной из причин самоубийства явилось внушение, представляет следующий случай. Молодая девушка 25 апреля 1890 г. бросилась на рельсы пред локомотивом и была раздавлена. При ней была найдена записка, в которой говорилось, что она уже давно преследовалась мыслями о самоубийстве. Причина этого заключается в том, что ей еще в детстве предсказано, что она сама себя лишит жизни. «Это верно, но не надо было мне об этом говорить», — значилось в записке¹¹.

Еще более яркими примерами детской внушаемости являются патологические случаи, особенно же случаи развития нервных состояний под влиянием внешних впечатлений. Всем известно, например, что испуг, простой испуг, служит одной из частых причин развития падучей, которая в таких случаях нередко остается на всю жизнь.

* Было бы, однако, неправильно делать отсюда вывод о преимуществах одиночного заключения для малолетних, как и для взрослых, преступников. Притупляющее влияние одиночного заключения на умственное развитие настолько значительно, что не может быть и речи о том, чтобы применение его в какой-либо мере можно было оправдывать не только в применении к детям, но и к взрослым. Для детей-преступников во всяком случае наиболее благонадежным средством является лишь перевоспитание их в хорошо устроенных детских колониях.

Также нередко под влиянием пережитого страха дети подвергаются заиканию, которое с течением времени закрепляется и при новых волнениях еще более усиливается.

Далее известно, что ребенок, раз увидевши судороги, иногда и сам подвергается судорожным состояниям. Таким образом часто развиваются у детей хореические и истерические судороги. Полагаю, что эти факты настолько общеизвестны, что совершенно излишне здесь приводить им примеры.

Не менее часты случаи параличей, развивающихся у детей по внушению. Можно было бы привести многочисленные примеры развития у детей таких параличей, которые, раз развившись, также быстро исчезали при соответственном внушении.

Вот, например, мальчик 9–10 лет, доставленный в клинику с диагнозом «расширение спинного мозга». У него оказался вялый паралич обеих ног и другие сопутствующие явления. Ошибочность диагноза, однако, обнаружилась тотчас же, как только приступили к электрическому исследованию, так как ребенок внезапно спрыгнул с кровати и побежал. Оказалось, что мальчик как-то был сброшен и при этом он слышал рассказ, как другой ребенок после такого падения сделался несчастным.

Вследствие этого походка его становилась все хуже ¹² и хуже, пока дело не дошло до паралича ног.

Таких или подобных случаев с истерическими расстройствами того или иного рода у детей можно было бы указать множество ¹³. Но я приведу здесь лишь еще один случай, бывший под моим наблюдением.

Девочка около 12 лет, бегая по комнатам во время игры, случайно наткнулась одной стороной живота на угол рояля. Самый ушиб не имел бы, вероятно, последствий вследствие его незначительности, если бы не испуг ребенка и оханье и аханье над ним взрослых. В результате девочка заболевает параличом нижних конечностей с контрактурой, от которых она освободилась лишь спустя несколько

месяцев путем простого внушения в гипнозе о возможности ходьбы.

Не менее убедительным доказательством детской внушаемости является развитие половых извращений. Хотя многими признавалось и признается, что половые извращения являются результатом неблагоприятной наследственности и прирожденных уклонений, но несомненно, что кроме условий невропатической наследственности большинство из них обуславливается главным образом детской впечатлительностью, приводящей к тому, что однажды пережитые впечатления, почему-либо сопровождавшиеся эротическим возбуждением, сохраняются в виде прочной ассоциации наподобие сочетательного рефлекса, благодаря чему иногда на всю жизнь упрочивается связь двух явлений — данного внешнего впечатления и эротического возбуждения — в такой мере, что каждый раз вместе с возникновением того же впечатления наступает и эротическое возбуждение, с повторением же этого возбуждения при необычных условиях нарушается и даже утрачивается возможность нормальной половой функции.

Можно было бы привести из своей практики множество экзотических случаев этого рода, но полагаю, что в этом нет большой надобности, ибо вопрос и так представляется ясным.

Вряд ли нужно здесь входить в подробности того, чем обуславливается вообще детская впечатлительность и поразительная детская внушаемость. Достаточно сказать, что основой ее, как надо думать, являются, с одной стороны, недостаточно развитые задерживающие механизмы в центрах и, с другой — недостаточная опытность, отсутствие прочно сложившегося мировоззрения, а также слабо развитая критическая способность детей, благодаря чему они легко принимают на веру то, что взрослые встречают с критикой рассудка. В помощь этому служит также привычное признание авторитетности за старшими, действия и слова которых обычно и служат предметом детской подражательности и внушения.

Заслуживает внимания также недостаток активного внимания у детей, способствующий повышенной их впе-

чатлительности и внушаемости. Как пример, иллюстрирующий недостаток активного внимания у детей, можно привести следующее указание Plecher'a¹⁴. При входе в школу, который должны были проходить все мальчики, находилась черная доска, на которой каждый день можно было читать метеорологические указания насчет состояния температуры и определения времени и направления ветра. При неожиданном опросе учеников 13-14-летнего возраста оказалось, что ни один из них не знал о содержании надписи.

Все вышеизложенное не оставляет сомнения в том, как велико вообще значение внушения в психической жизни ребенка, какое влияние оно оказывает вообще на детей и к каким последствиям оно может приводить в известных случаях.

Отсюда понятно и значение внушения в воспитании.

Нетрудно представить себе, что ребенок может оказаться нравственным уродом только потому, что он вырос в соответствующей среде.

Вот почему ребенок благодаря своей необычной впечатлительности должен быть оберегаем от всего, что так или иначе может пагубно отразиться на его детской природе.

A. Boginski¹⁵ повторяет в сущности избитую истину, говоря, что под влиянием дурной среды создаются дурные привычки, дурные нравы, ложь, преступность и обратно — созданные под влиянием дурной среды дурные привычки и понятия благодаря применению и улучшению среды исчезают и сменяются лучшими.

Значение внушения для воспитания, сколько известно, впервые было указано Verillon'ом в его докладах еще в 66 и в 87 годах. Позднее и другие врачи и педагоги останавливались на значении внушения в деле воспитания. Между прочим, Forel признает внушение за основной руководитель правильного воспитания. «Добрая часть педагогики, — по его словам, — покоится на правильно понятом и выполняемом внушении».

Trömpner в своем сочинении о гипнотизме¹⁶ говорит: «Меня удивляет, как мало интереса уделяют даже

мудрые педагоги учению о внушении даже теперь, когда обнаруживается оживление идей гуманности, признание известного уважения к жизни и личности детей, хотя уже признается, что все воспитание состоит не в выработке послушания и в дрессировке памяти, а в развитии духовного организма в определенном направлении, установленном законами жизни».

Между прочим, Тгöпнер считается с возражением, что путем воспитания должны создаваться не «внушаемые» характеры, а, наоборот, характеры, не поддающиеся стороннему влиянию. По этому поводу он говорит, что вообще все люди способны к влиянию и сохраняют эту способность даже после лучшей школы, и притом без ущерба для своей жизни. С другой стороны, педагогическое внушение, если оно целесообразно и правильно применяется, может быть только полезным, так как каждое внушение не только может вызывать желаемое изменение, но в то же время устраняет все другие явления, которые ему противодействуют.

По Verworn'у, все воспитание покоится на внушении. Дитя воспринимает представления, которые мы ему даем, без дальнейшего, не проверяя и даже не имея возможности проверить, в какой мере правильны и соответственны те представления, которые мы у них возбуждаем и которые они усваивают. Мы говорим ребенку: этого ты не должен, этого нельзя, так нужно делать, это хорошо, это дурно и т. д. Дитя принимает сказанное, не вникая в него, и таким образом получает первые основные эстетические понятия.

Первоначальные ступени духовного развития состоят вообще в усвоении такого рода внушений. Но все эти внушения продолжают действовать также и в дальнейшей жизни взрослых, ибо, что ребенок себе усвоил, то, как известно, много прочнее, чем то, что приобретает во взрослом состоянии или в позднейшем возрасте¹⁷.

Особую важность внушения в воспитании и педагогике отмечают также Lay¹⁸, Barth¹⁹ и Plecher²⁰. Последний автор, признавая внушение за важный фактор в воспитании, говорит, что многое из того, что ребенок выучивает, он выучивает подражанием, но

подражание основывается главным образом на внушающем влиянии воображения.

Не подлежит вообще сомнению, что уже в обыкновенных условиях воспитания психическое воздействие в форме внушения и примера, возбуждающего подражание, играет видную роль.

Наше воспитание вообще основывается в значительной мере на внушении и вызывании подражания как неизбежных способах воздействия родителей и вообще старших лиц на детей и подростков.

Ребенок всегда склонен воспринимать более при посредстве прямого перенимания и безотчетного подражания, нежели путем осмысленного усвоения. Вот почему и на применение внушения к воспитанию следует смотреть как на один из воспитательных приемов, предназначенных наряду с другими способами для вкоренения тех или других положительных сторон личности и исправления недостатков ребенка, привившихся к нему путем дурных условий и по другим причинам.

Особенно важную роль внушение играет при воспитании в возрасте первого детства.

Но нельзя сомневаться в том, что внушение в широком смысле слова представляет собою важный фактор и в школьном воспитании. В этом отношении уже Grosseg признавал, что внушение в воспитании играет полезную роль, хотя к образованию будто бы оно, по его мнению, не применимо ни при каких условиях. Против последнего положения, однако, Plescher не без основания возражает, говоря, что в школе образование и воспитание неразделимы.

Вследствие этого и в образовании роль внушения не может быть вполне исключаема.

В этом отношении должно принимать во внимание, с одной стороны, влияние школьной среды на обучающихся, с другой стороны, имеет значение и влияние массы лиц на отдельного воспитанника.

Ввиду этого целесообразное воспитание требует прежде всего устранения всего, что путем внушения может вредить ребенку и поддерживать все то, что может ему быть полезным.

В этом отношении должно быть обращено особое

внимание на обстановку, на окружающих лиц, на самого воспитателя и на способ преподавания.

Вряд ли нужно доказывать, что та обстановка, в которой ребенок живет, отражается на психическом складе его в гораздо большей степени, нежели на взрослых. Ребенок как губка впитывает в себя все, что он видит, все, что он слышит, и потому-то Рёскин прав, проповедуя создание эстетической обстановки в детских, которая должна быть обязательна и в школе. Нечего говорить, что придется еще много человечеству поработать над тем, чтобы не только обставить детскую изящными картинами, но и дать соответствующие возрасту ребенка рассказы с изящными рисунками, а также дать ему подбор художественных игрушек.

Но эта эстетическая обстановка, выполняемая с помощью детской живописи, нуждается в естественном дополнении, в подборе подходящих для детей музыкальных пьес и песенок, которыми должен услаждаться слух ребенка с первых дней его жизни. Такие инструменты, как цимбалы и армоника, уже всегда были в обиходе детских, но этого мало, необходимо, чтобы все лучшее в музыкальных произведениях, что соответствует детскому слуху и что может облагораживать душу ребенка, было ему предоставлено, тем более что слух у детей вообще развивается очень рано. Особенно полезны в этом отношении специальный набор песен, а также некоторые из других музыкальных произведений; но, по моему мнению, решительно не подходят здесь романсы, возбуждающие не соответственно возрасту чувственность в ребенке.

Само собой разумеется, что большое значение для ребенка имеет музыкальность самих родителей или няни и воспитательницы. В таком случае они сумеют передать ребенку все доступное ему музыкально-художественное в своих песнях. Но так как музыкальность есть ничуть не общее свойство людей и к тому же музыкальные знания никогда не могут быть всеобъемлющими, то особенной помощью в этом деле может служить граммофон с тщательным подбором пластинок с детскими или доступными детскому слуху и соответствующими его возрасту песнями.

При этом нужно иметь в виду, что с музыкальным воспитанием достигается не одно только развитие слуха, что вообще чрезвычайно важно, а гораздо больше: этим достигается и лучшее настроение, и опозитизирование окружающей природы, равно как и облагораживание взаимоотношений между людьми, что возвышает нравственную сторону будущей личности.

Чрезвычайно жаль, что до сих пор на эту сторону воспитания мало обращают внимания и в школах, и в дошкольном семейном и общественном воспитании, а между тем к созданию детских музыкальных пьес нужно бы привлечь лучших композиторов мира, ибо нет более значительной цели музыки, как облагораживание души, а она достигается легче всего в детском возрасте.

Но раньше и прежде всего должен быть лучший пример для ребенка в окружающих лицах, особенно же в наставниках. Пример для ребенка всё, и он, естественно, является подражателем и повторителем всего, что видит и слышит.

Вот почему живая среда или товарищество в воспитании приобретают особенно важную роль. Благодаря товариществу легко прививается непосредственно путем внушения всё: и хорошее и дурное; к сожалению, чаще всего этим путем прививаются самые дурные привычки. Здесь, между прочим, сказывается импонирующее влияние массы лиц на отдельных воспитанников.

Особенно сильно это сказывается в отношении половой сферы, которая в школьном возрасте начинает впервые заявлять о себе и, не будучи предметом воспитания, служит объектом поразительного и грубого извращения.

В этом отношении всем известно повальное распространение онанизма в закрытых школах, где товарищеское воздействие в форме внушения прямого и косвенного играет особенно видную роль. В этом отношении раскрываются из жизни интернатов поразительные явления, которым трудно было бы поверить, если бы они не были действительностью²¹.

Против этого зла надежными средствами являются соответственное половое воспитание и своевременное

ознакомление детей со значением половой функции и с последствиями нарушения в области половых отправления и, наконец, моральное влияние самого воспитателя, которого авторитет может победить влияние товарищества и в то же время может подействовать и на всю массу облагораживающим образом.

Устранение дурного влияния массы на отдельных лиц и облагораживание самой массы возможны при том условии, если в свободное от занятий время дети будут находиться в присутствии и по возможности под руководством старших. Необходимо, однако, чтобы присутствием последних они не были стеснены и чтобы старшие в этом случае были не их начальниками, а их друзьями.

Личность воспитателя в известных случаях вообще имеет еще большее значение, нежели влияние среды. Авторитет его представляет во всяком случае один из важных факторов в школьной жизни и даже преобладает над авторитетом родителей.

Личность учителя для детей обыкновенно оказывает больше влияния, нежели родители, которых дети знают не только с хороших, но и со слабых сторон, тогда как слабые стороны учителя для них остаются скрытыми или малоизвестными. По Plecher'у, три главных условия внушения: подражание, утверждение и повторение — действуют в личности учителя. Дети принимают слова учителя в большинстве случаев за безусловную истину. Если же они будут достаточно часто повторяться, то не может быть больше для него никакого сомнения. Самая личность учителя обнаруживает влияние, особенно в истории, Библии, в рассказах и чтении. В этих случаях настроение учителя часто непосредственно передается ученикам.

На этом пункте мы сталкиваемся с вопросом о роли внушения в самом преподавании. Нет надобности говорить, как много зависит внушающий элемент в преподавании от самого учителя, от его авторитетности, умения влиять на учеников и своим примером и способом изложения. Но без сомнения, известная роль принадлежит и самой методе преподавания.

Прежде всего остановимся на отрицательных сторонах преподавания, нарушающих благоприятные ус-

ловия непосредственного воздействия на учеников в школе.

Само собою разумеется, что из системы преподавания должно быть прежде всего устранено все то, что угнетает впечатлительность ребенка и не дает ему правильно воспринимать преподаваемое. Такими угнетающими моментами в преподавании является страх. Вот почему строгость учителя, переходящая границы, никогда не может быть полезным педагогическим условием.

Равным образом нельзя не признать в этом отношении существенный вред экзаменационной системы в низших и средних школах. Экзамен, в особенности в условиях той обстановки, как он обыкновенно производится, не может не сопровождаться сильной эмоцией, которая у огромного большинства детей переходит в состояние страха, и одна мысль о возможном провале на многих уже действует парализующим образом, и они пасуют на экзамене, тогда как на те же вопросы они могут дать вполне соответствующие ответы несколько времени спустя при нормальных условиях.

Plecher²², подробно разбирая вопрос об экзаменах с этой стороны, между прочим, задал непосредственно после испытаний сочинение на тему: «Наши школьные испытания», причем все ученики, кроме одного, писали о том страхе, который они испытывали и который нарушал возможность с их стороны правильного исполнения задач.

О других неблагоприятных сторонах экзаменационной системы здесь не место распространяться. В этом отношении периодическая проверка знаний в течение года, как лишенная необычных условий, связанных с экзаменами, имеет несомненное преимущество пред экзаменационной.

Далее, в отношении преподавания следует иметь в виду, что общеупотребительная форма преподавания — вопросная — является возбудителем бодрости у детей, но имеет и дурные стороны, что зависит от формы вопросов. Последние в известных случаях могут быть так направляемы, что скорее ослабляют бодрость учеников. Лучшим средством против этого может быть

только ограничение, развитие и усиление демонстрационного преподавания.

Далее, ожидание является одним из условий, содействующих внушению, и необходимо, чтобы каждый учитель принимал этот фактор во внимание.

Ожидание может быть полезным, если учитель предварительно подготавливает учеников к наиболее важному пункту своего изложения; но ожидание может быть и вредным, так как оно может содействовать ошибочному усвоению путем самовнушения.

Борьба с последним возможна только путем самостоятельной работы детей. Нужно приучать детей, чтобы они проверяли все сами и чтобы все сами видели и ко всему относились бы с критикой. В этом отношении особенно полезно введение такого принципа в школьном преподавании, чтобы в приобретении знания участвовали по возможности все органы чувств, а не один только слух. Кроме того, полезно детей приучать к критическому обсуждению усвоенного.

Человек есть продукт среды, но человек есть и продукт воспитания, которое должно умерять неблагоприятное влияние внушения и в то же время должно пользоваться внушением, где оно полезно.

Самостоятельная работа делает также ученика независимым не только от самовнушения, но и от влияния учителя и учебного материала. Она развивает в ребенке самоопределение своей силы и создает доверие к себе, что влияет в свою очередь на характер и волю.

Своевременное поощрение словами и своевременное же устранение колебания путем внушения играет во всякой массовой работе также огромную роль.

Но как ни важно поддерживать и развивать самостоятельную работу мысли путем убеждения и развития критики, необходимо иметь в виду, что материал для той сферы психики, которая ложится в основу характера, дается внушением как непосредственным прививанием идей и чувств.

С другой стороны, во всех тех случаях, в которых дело идет уже о привившихся дурных привычках или других каких-либо ненормальных проявлениях, необходимо по возможности немедленно прибегнуть к систе-

матическому врачебному внушению, которое может быть, смотря по случаю, гипнотическим внушением, или же просто внушением в бодрственном состоянии, или тем или иным видом психотерапии.

Что касается гипнотического внушения, то оно уже успешно применялось некоторыми авторами в случаях тех или других ненормальных состояний у детей.

Так, уже Berillon приводит случай излечения у 14¹/₂-летней наследственно обремененной девочки онанизма, начавшегося с 4 лет, и одновременно с тем упорного грызения ногтей. Тот же автор сообщает об излечении с помощью гипнотического внушения склонности к воровству у одного мальчика. В другом случае тем же путем был избавлен мальчик 12 лет от навязчивого страха, имевшего предметом смерть бабушки. Доктор Wetterstrand излечил 9-летнюю девочку гипнотическим внушением от произвольного ночного недержания мочи (Rude). Доктор Liebscault с успехом пользовался гипнотическим внушением мальчика от лени. Даже один идиот, не имевший возможности вследствие недостаточного внимания научиться ни читать, ни считать, благодаря систематическим гипнотическим внушениям, производимым Liebscault спустя два месяца мог выучиться читать и вместе с тем мог обходиться с четырьмя правилами арифметики.

Доктор Rude также сообщает о случае с мальчиком, у которого он путем гипнотического внушения возбудил не существовавший ранее интерес к химии, поддерживавшийся в течение нескольких дней; тому же мальчику автор с успехом путем внушения прививал также интерес к орфографии, к этимологии, к псалмам и к библейской истории.

Уже вышеизложенные примеры показывают, что гипнотическое и вообще врачебное внушение является существенным и даже необходимым пособием при исправлении ненормальных детских характеров, дурных привычек и других необычных и болезненных проявлений. В сущности говоря, в такого рода случаях простого воспитания, как бы старательно оно ни велось, недостаточно, чтобы достигнуть желаемых результатов. Неизбежность применения в подобного рода слу-

чаях специальных способов внушения тем именно и обуславливается, что эти случаи суть уже болезненные случаи, нуждающиеся не в воспитании только, но и в лечении.

Собственно, применение гипнотического внушения по отношению к детям, вообще говоря, легко осуществимо. Необходимо только устранить волнение ребенка перед необычным для него приемом гипнотического внушения.

Поэтому, если ребенок волнуется, надо прежде всего его успокоить и лишь после того прибегать к внушению. Часто ребенок настолько волнуется, что применение гипнотического внушения возможно осуществить только в присутствии матери, против чего, конечно, нет основания возражать.

Глубина сна и степень внушаемости детей, как и у взрослых, неодинаковы. Поэтому нельзя предвидеть число необходимых сеансов в каждом данном случае, тем более что это зависит и от упорства и давности того или другого состояния, подлежащего исправлению. Но во всяком случае, в подходящих случаях можно всегда рассчитывать на успех при систематическом применении гипнотического внушения.

Если применение гипноза почему-либо может оказаться нежелательным, следует пользоваться внушением в бодрственном состоянии, для чего ребенку предлагают лишь закрыть глаза и затем начинают с ним вести беседу, как и при обыкновенном гипнотическом внушении.

Я считаю крайне важным как в том, так и в другом случае не пользоваться формой приказа, а влиять скорее на чувство ребенка и действовать убеждением, представляя ребенку в доступной для него форме, с одной стороны, вред той привычки, с которой приходится бороться путем внушения, и необходимость во что бы то ни было от нее освободиться, с другой стороны, необходимо внушить ребенку, чтобы он всемерно отвлекал от нее свое внимание, при этом необходимо укрепить его волю, внушив ему, что он может и должен воздерживаться от своей привычки во что бы то ни стало. Вместе с этим желательно дать ребенку идеалы хорошего поведения и

хорошей жизни. В этом заключается способ лечения перевоспитанием²³.

Кроме того, в подходящих случаях надлежит внушение совмещать и с другими приемами лечения, действующими против излишней возбудимости нервной системы, как, например, гидротерапия, бромиды и пр.

Лечение внушением у детей применимо в самых разнообразных случаях. Разберем их по порядку.

Крайне важно в воспитательных целях бывает устранить онанизм, который часто прививается к детям в очень раннем возрасте.

Само собою разумеется, что каждый случай онанизма должен быть подробно обследован, причем необходимо, чтобы были устранены те или другие физические состояния, приводящие к раздражению половых органов, например мелкие глисты (*oxiuris vermi*) или экзема. Равным образом могут быть применены и другие содействующие устранению половой возбудимости средства (прохладные ванны, препараты камфоры, брома и т. п.). Но за всем тем необходимо психическое воздействие, которое и должно состоять в применении внушения.

Последнее должно состоять в том, чтобы, разъяснив ребенку вред онанизма, отвлечь внимание его от половой сферы, чтобы он никогда не вспоминал о ней и не думал, чтобы не создавал в то же время никаких соблазнительных представлений и чтобы при всяком случае отклонял от себя все мысли, возбуждающие половую сферу. В то же время необходимо укрепить его волю, чтобы он ни в каком случае сам не допускал физического раздражения половой сферы и чтобы устранял даже возможность случайного ее раздражения, устраивая ночью свои руки подалеже от половых органов.

Само собою разумеется, что эти внушения необходимо производить систематически в несколько сеансов, сначала чаще, со временем же все реже и реже, причем закончить лечение можно лишь тогда, когда явится уверенность, что онанизм устранен окончательно.

Кроме онанизма могут быть и другие извращения с половым характером у детей даже раннего возраста, с

которыми трудно бороться иначе как психотерапией и внушением.

Я помню мальчика 7 лет, который проявлял уклонения полового инстинкта, выразившиеся в том, что он обнюхивал тело своей мамы и няни с выражением особенного удовольствия или ошупывал у них мягкие части бюста. Этого мальчика, которого не удавалось отучить от нехорошей привычки никакими воспитательными усилиями, можно было исправить совершенно в течение нескольких сеансов внушений и психотерапии.

Далее заслуживают большого внимания различного рода нравственные уклонения, которые легко прививаются детям, особенно нервным. Так, могут быть случаи kleptomании или наклонности к воровству, которые также обыкновенно неустраняемы обыкновенными воспитательными усилиями и которые легко устраняются путем внушения. В этом отношении я мог бы привести несколько примеров полного устранения у детей kleptomанических поступков, не поддававшихся обычным воспитательным приемам.

Очень нередки случаи детской лжи, которая прививается иногда детям с самого раннего возраста и с которой борьба опять-таки возможна главным образом путем психотерапии.

Равным образом и другие противонаравственные склонности, не устраняемые путем обыкновенных воспитательных усилий, легко устраняются под влиянием систематически проводимого внушения и психотерапии.

Возьмем другие привычки, с которыми приходится считаться воспитателю.

Всем известно, что некоторые из детей приучаются грызть ногти, и эта привычка, не устраненная вовремя, может вкорениться столь прочно, что остается нередко на всю жизнь. Попробуйте ее искоренить обыкновенными воспитательными усилиями. Можно быть уверенным, что в огромном большинстве случаев они не приведут ни к чему. Между тем достаточно несколько сеансов внушения, чтобы эту привычку искоренить навсегда.

В других случаях дети благодаря дурному примеру приучаются к курению табака или даже к вину.

И здесь при укоренившейся привычке обыкновенными воспитательными усилиями нелегко бывает добиться благоприятных результатов, тогда как систематически проведенное внушение и психотерапия устранят вполне вкоренившуюся привычку.

Нужно, однако, иметь в виду, что отучение от курения табака, если оно сильно вкоренилось, правильное и при внушениях отнимать не сразу, а в два, три или несколько приемов, предоставляя на каждый день все меньшее и меньшее количество папирос, тогда как вино предпочтительнее отнимать сразу, без малейших послаблений.

Далее, в известных случаях мы встречаемся с нарушением речи в виде заикания, приобретенным вследствие подражания или испуга. Оно обыкновенно также поддается внушению, особенно не в запущенных случаях, и почти вовсе не поддается другим воспитательным усилиям.

Затем могут быть случаи застенчивости детей или особой конфузливости, которая вкореняется нередко в самый характер ребенка, становясь иногда упорным навязчивым состоянием, не поддающимся никаким воспитательным усилиям, тогда как под влиянием систематически примененного внушения и психотерапии и эти нарушения обыкновенно исчезают совершенно.

Спрашивается, могут ли внушения оказывать влияние на степень внимания к занятиям, на развитие к ним интереса и большую степень усвоения?

И в этом отношении, как показывает опыт, внушение и психотерапия могут оказать свое влияние. По крайней мере я имел многих молодых людей, обращавшихся за укреплением их памяти и за большей продуктивностью и интереса к занятиям, и, поскольку это зависело не от органических причин, успех всегда достигался в той или другой степени.

Наконец, и непослушание, этот бич учителей и воспитателей, имеющих дело с испорченными уже детьми, может быть исправляем путем психотерапии.

В этих и подобных им случаях было бы ошибочно думать, что дело исправляется путем простого внушения: «Слушайте своего учителя». Напротив того, психотерапия будет лишь тогда успешной, если соот-

ветственным образом подготовить ребенка к усвоению им мысли о необходимости послушания, убедить его, что от этого зависит все его будущее, и все с большей и большей настойчивостью укрепить идею о полезности и значении в жизни послушания. При этом нужно подробно изучить все индивидуальные особенности ребенка, вникнуть в причины непослушания и, сообразуясь с данными условиями, направить соответственным образом и психотерапию.

В заключение скажем, что применение внушения и психотерапии к воспитанию никогда не должно быть шаблонным. Везде и всюду требуется внимательное отношение к ребенку, к его складу ума и к условиям происхождения тех или иных уклонений и недостатков, дабы можно было с успехом воспользоваться психическим воздействием на ребенка в соответствующих случаях.

При этом нельзя упускать из виду, что лечение тех или иных ненормальных состояний, привившихся детям, относится, собственно, уже к медицине, которая в этих случаях приходит на помощь педагогике. Тем не менее в состояниях отсталости, зависящей от каких-либо индивидуальных условий, а также в случаях каких-либо иных психических отклонений у детей одно простое воспитание оказывается почти всегда бессильным и лишь психотерапия оказывается тем приемом, который исправляет иногда даже очень тяжелые и запущенные воспитанием случаи.

Внушение и чудесные исцеления*

— Напрасно, все напрасно! Мне не изгнать душевных мук! И вот лежу, хотелось мне смеяться, и слышу конки звон и дребезжанье рам. — «Вы погрузились в сон, теперь вы в гипнотизме. Страдания прекратятся, пусть не вдруг». — И что же? Тяжесть век, немение рук мне говорят о силе месмеризма...

Таковыми или приблизительно такими словами описывал свое состояние один из больших скептиков, под-

* Печатается по: Вестник знания. 1925. № 5.

вергавшихся словесному внушению, пожелавший обрисовать в стихах воздействие на себя внушающего лица.

Внушение представляет собою один из способов воздействия одного лица на других, которое намеренно или ненамеренно производится со стороны воздействующего лица, и притом незаметно для внушаемого или же с его ведома и согласия. Испытуемый же может воспринимать воздействие на него другого лица непосредственно, без всякого размышления, критики и сосредоточения на предмете, а, так сказать, пассивно, в состоянии рассеянности и отвлечения. В таком способе воздействия одного лица на другое заключается сущность того влияния, которое оказывает на человека применение внушения. Поэтому последнее можно определить как прививание внушаемых лицу тех или других состояний и поступков помимо активного отношения самого внушаемого к предмету внушения и, что заслуживает особого нашего внимания, при отсутствии суждения и критики. Внушенное, будучи пассивно воспринятым, большею частью осуществляется затем без сопротивления, иногда даже с непреодолимой навязчивостью.

О силе внушения, зависящей и от умения внушающего лица, и от степени восприимчивости к внушению стороннего лица, можно составить себе представление по ряду фактов из жизни прошлой и настоящей.

Целебное значение внушения известно со времен глубокой древности. В древние времена им пользовались жрецы при храмах, связывая силу внушения с религиозными церемониями. В евангельские времена на каждом шагу производились исцеления бесноватых и одержимых, которых наука признает ныне за больных истерическим психозом. Такие больные среди религиозно настроенного населения, верящего в силу дьявола, встречаются и у нас в деревнях под названием порченных и клякуш.

Литература средневековья, особенно XV и XVI вв., изобилует тяжелыми картинами «бесоодержимости». Приведем одно из наиболее ярких описаний этого рода, оставленных нам очевидцем Лабертоном. Речь идет о пятнадцати «одержимых» лувьевских монахинях.

«Эти 15 девушек, — пишет Лабертон, — обнаруживают во время причастия строгое отвращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительною смелостью и бесстыдством.

По несколько раз в день ими овладевали сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец.

Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги без помощи рук, так что их тело поконится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть находится на воздухе; они долго остаются в этом положении и часто вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение 4 часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо, даже во время самых жарких летних дней; несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно: обморок начинается с ними в то время, когда их лицо наиболее взволновано, а пульс становится значительно повышенным. Во время обморока, продолжавшегося полчаса и больше, у них не заметно ни малейшего признака дыхания.

Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ног, потом ступни и самые ноги, а за ними живот, грудь и шея; во все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным; наконец, оно начинает искажаться, и вновь появляются страшные корчи и конвульсии».

Что касается порчи и кликушества, равно как и бесноватости, то, как я писал в одной из своих работ¹, «психическая» их сторона черпает свои особенности в своеобразных суевериях и религиозных верованиях народа. Этим объясняется не только характер бредовых идей о порче и о вселении нечистой силы вовнутрь тела, но и все другие характерные явления в поведении кликуш, порченных и бесноватых. Таковы, напр., их своеобразная боязнь всего, что верою народа признается святым, наступление припадков в церкви при пении «херувимской», при известных молитвословиях во время служения молебнов и при отчитывании, склонность некоторых из кликуш к прорицанию и т. п.

Сюда же нужно отнести и отвращение к табаку, наблюдаемое у некоторых кликуш и, несомненно, заимствованное от сектантов. Известно, что курение та-

бака, по взгляду многих сектантов, которых народ вообще именует еретиками, есть дело рук антихриста, а потому они не только не употребляют табака, но и не допускают в своих жилищах. Поэтому боязнь табака у кликуш выражает как бы принадлежность их к ереси, что в глазах простого народа почти равносильно богоотступничеству.

Чтобы исцелить от бесоодержимости, порчи и кликушества, обычно прибегали к религиозным воздействиям, а именно: отчитывали подобных «одержимых» молитвами, произносили в церкви заклинания дьяволу — поклониться богу и оставить «одержимую», на что обыкновенно со стороны последней получался или ряд кощунственных слов и движений, еще более резких, или новый припадок с конвульсиями.

Если мы зайдем в современную психиатрическую больницу, то встретим там больных под названием истеричных или страдающих истеро-эпилепсией. Болезненные проявления их совершенно сходны с теми проявлениями, какие описаны у бесоодержимых — с тою только разницею, что демон уже не фигурирует в бреде больной. Но мы видим у больных ту же типичную «арку», когда истеричка выгибается в виде дуги так, что больная касается постели только пятками и темнем, и контрактуру, проявляющуюся в верхних и нижних конечностях.

Лечение здесь уже иного, конечно, рода, вместо заклинаний — научная терапия.

В прежние времена подобные случаи исцелялись силой внушения, связанной с религиозным подъемом. В настоящее время они поддаются лечению внушением же, производимым со стороны врача, умеющего вселить веру в грядущее исцеление. Точно так же в начале нашей эры производилось исцеление «сухоруких» и «расслабленных», иначе параличных и «мнимоумерших». Есть полное основание утверждать, что под общим названием сухоруких и расслабленных в древние времена понимались все вообще параличные, в том числе и пораженные истерическим параличом рук или ног, вообще, как известно, поддающиеся целительному внушению.

Секрет целительного внушения был известен также

и многим лицам из простого народа, в среде которого он передавался из уст в уста в течение веков под видом знахарства, колдовства, заговоров и т. п. Особенно известны заговоры крови знахарями.

Далее, в истории последних столетий известны так называемые магнетизеры, заявлявшие обыкновенно об особой присущей им силе, часто именуемой животным электричеством, и пользовавшиеся внушениями с корыстными для себя целями. Сюда относится, например, Калиостро, подвизавшийся в конце XVIII в., Месмер — в начале XIX в. и Ганзен — в 70-х годах XIX в. Особой популярностью и до сих пор пользуется имя Месмера, слава которого в Париже дошла было до того, что он не успевал принимать всех обращавшихся к нему больных. И чтобы освободить себя от притока неимущих пациентов, он однажды заявил, что им заворожено растущее на улице дерево, к которому должны были прикасаться бедняки, чтобы получить исцеление.

Парижская Академия, запрошенная по поводу происходивших явлений, будто бы обусловленных особою флюидической силою и получивших название месмеризма, не увидела ничего необыкновенного в достижениях Месмера, приписав новые для того времени, оказавшиеся чудесными явления и случавшиеся вместе с тем исцеления силе воображения. Месмер, потеряв с этого времени всякий кредит в сферах, вынужден был покинуть Париж, и удивлявшие публику явления не подверглись дальнейшему исследованию. Но в 1841 г. английский доктор Бред, намеревавшийся было разоблачить проделки подобного же гипнотизера в Женеве Лафонтена, присутствуя на его магнетических сеансах, признал подлинность показываемых явлений и ввел впервые в науку понятие об искусственно вызываемом сне, назвав самое явление гипнотизмом (гипнос — по-гречески сон).

Вполне естественно, что долго еще в умах ученых продолжалась неуверенность в действительности «чудесных явлений», пока наконец во второй половине 70-х годов истекшего столетия работами проф. Шарко над явлениями гипноза истеричных и исследованиями проф. Бернгейма не было установлено огромное научное значение внушения и гипнотических явлений.

Справедливость требует сказать, что еще лет за двадцать до этих научных исследований д-р Льебо в Нанси (небольшой университетский город около Парижа) уже ввел внушение в свою медицинскую практику, изложив свой метод лечения в особой книге. Так возникло научное изучение и применение во врачебной практике внушения и гипноза, оказывающее благотворное влияние на весьма многие нервные расстройства, особенно из числа тех, которые относятся к так называемым общим неврозам, в частности к истерии.

Врачебное применение внушения в бодрственном состоянии осуществляется с большою легкостью у некоторых лиц, особенно впечатлительных и обладающих повышенной внушаемостью. Благодаря этому достаточно с ними говорить повелительным тоном, чтобы вызывать у них этим путем и параличи, и судороги, и другие нервные явления и таким же образом освобождать или исцелять их от того и другого. Но чтобы внушаемое возымело свое действие, необходимы и благоприятные к тому условия, и первым из них является вера в грядущее исцеление со стороны самого больного. При данных условиях последнее отражается соответственным подъемом энергии, а в этом заключается залог успеха. Затем ввиду склонности человека преклоняться перед всем таинственным при внушении могут иметь значение, с одной стороны, соответственная обстановка, с другой — те или иные приготовления или приспособления. Так, напр., Ventra, изучая вопрос о внушении, имел в руках железную дугу, мнимо изображавшую магнит, недействовавшую электрическую машину, двояковыпуклую чечевицу и игральные карты, и ему удавалось не только внушать мнимые мышечные, осязательные и зрительные впечатления (напр., заставляя через линзу видеть на простой чистой бумаге целые здания), но и излечивать неврастению, нервную рвоту и приступы грудной жабы.

Наряду с внушением нередко действует и самовнушение, когда человек и сам уверует в чудодейственную силу какого-либо средства. Так, путем самовнушения объясняется, напр., действие многих так называемых симпатических средств, оказывающих нередко то или другое целительное действие. Ferragus,

напр., излечивал лихорадку с помощью бумажки, на которой были начертаны два слова: «Против лихорадки», и больной должен был каждый день отрывать по одной букве. Известны случаи целебного свойства «хлебных пилюль», «невской воды», простого «наложения рук» и т. п. И это объясняется тем, что у некоторых лиц благодаря их необычайной внушаемости по одному слову, произнесенному достаточно внушительным тоном, можно производить все те превращения в параличных, хромых, конвульсионерах и бесноватых, которыми так богата история древних и особенно средних веков благодаря распространенной в то время вере в бесовскую силу. Поэтому у внушаемых лиц легко производить и исцеления теми или другими, безразличными по существу средствами.

Однако следует иметь в виду, что, хотя внушаемость при некоторых условиях, напр. в толпе и при соответствующей обстановке, может повышаться, все же легкая внушаемость в бодрственном состоянии составляет исключение из общего правила. В силу этого современная медицина пользуется для внушения гипнотическим состоянием, в котором, как показывает опыт, внушаемость всегда повышается до значительной степени, причем делаемые в этом состоянии внушения могут оказывать и оказывают соответствующее воздействие и на послегипнотическое время, осуществляя нередко так называемые чудесные исцеления.

Под гипнотическим состоянием, или, проще, гипнозом, понимают состояние, близкое к сну и напоминающее в природе живых существ, с одной стороны, так называемую мнимую смерть, или, лучше было бы сказать, «замирание», или, еще вернее, оцепенение, обнаруживающееся у всех вообще животных при внезапных внешних воздействиях, а с другой стороны, всем известное засыпание при нежных или слабых, но однообразных и длительных раздражениях (напр., журчанье ручья, тиканье часов, шум мельничного колеса и т. п.).

Дело в том, что после соответствующего изучения оказалось возможным вызывать искусственно гипнотическое состояние как у животных, так и у человека различными приемами. Наиболее употребительными для человека приемами гипнотизации в настоящее время

считаются, при условии полной неподвижности гипнотизируемого, так называемые пассы в виде легких поглаживаний руками гипнотизирующего врача по лицу и конечностям, сосредоточивание его взора на блестящем предмете и словесное внушение, состоящее в прививании процесса засыпания словами: «Думайте о сне, веки ваши тяжелеют, вы засыпаете» и пр. По прошествии нескольких минут таких воздействий результат обыкновенно не замедляет выразиться развитием гипнотического состояния той или другой глубины, начиная от состояния, близкого к дремоте, до глубокого гипноза без возможности давать затем отчет о всем испытанном, бывшем во время последнего. Это различие степени гипноза зависит главным образом от свойств личности самого гипнотизируемого, отчасти же и от искусства гипнотизирующего — довести гипноз до возможно большей глубины.

Когда усыпление достигнуто, врач делает соответствующие лечебные внушения, действие которых рассчитано не только на время гипноза, но и, что особенно важно, на послегипнотическое состояние. Такого рода сеансы могут быть повторяемы то или другое число раз, смотря по случаю и в зависимости от внушаемости данного лица, стоящей, в свою очередь, в некоторой зависимости от глубины гипноза.

Если гипноз глубок, то внушения могут быть воспринимаемы заснувшим только от гипнотизирующего лица (так наз. раппорт), причем загипнотизированный буквально становится как бы машиной, заводные ключи от которой находятся в руках гипнотизатора. Это-то состояние и дает возможность осуществлять в клиниках и даже в частной врачебной практике те поразительные исцеления, которые практиковались жрецами, так называемыми святыми и церковнослужителями вообще и которые ранее признавались за чудеса, обусловленные будто бы особой сверхъестественной силой. Между тем с развитием учения о гипнозе эти так наз. чудеса сделались прочным достоянием науки и осуществляются в клиниках врачами в виде исцеления от параличей, судорог, слепоты и других расстройств, главным образом истерического происхождения.

В целях пояснения примерами приведем лишь некоторые из многих случаев исцелений таким путем в клиниках.

Пролежавший полтора месяца в клинике больной, не имевший возможности вследствие внезапно развившегося вслед за истерическим припадком паралича передвигаться на ногах в течение более 9 месяцев, однажды был привезен в тележке для осмотра ко мне в аудиторию. Здесь достаточно было закрыть ему глаза, внушить ему, что он спит, затем, путем внушения же, поставить его на ноги и провести по комнате, сказав, что паралича больше уже нет и он может ходить свободно и по пробуждении. Пробужденный от гипноза больной в восторге пошел в свою палату, чем привел в изумление всех соседей-больных, наполнявших данное отделение клиники и признавших в факте его выздоровления совершившееся «чудо». Тому же больному в другой раз в совершенно бодрственном состоянии было произведено внушение о прекращении бывавших с ним еще судорожных истерических приступов, после чего он от них окончательно освободился.

Другой случай — девушка, бегавшая во время игры по комнате, случайно наткнулась боковой частью живота на рояль, и с тех пор у нее развилось сведение соответствующей ноги с параличом ног. Это состояние держалось несколько месяцев без перемен, несмотря на применяемые врачебные меры (электризация, лекарственное лечение и др.). Но достаточно было эту девушку подвергнуть гипнозу, заставить в последнем встать на ноги, провести по комнате, внушив, что паралич ее исчез, и затем разбудить, чтобы девушка стала совершенно здоровой.

Далее, у больной крестьянки было длительное сведение руки (так наз. контрактура). Когда же в гипнозе я выправил руку, эта «сухорукая» крестьянка по пробуждении, перебегая от одних лиц к другим, показывала всем поднимаемую ею вверх руку с неудержимыми от радости возгласами: «А ведь здоровая, глядите, глядите, совсем здоровая!»

Наконец, укажу еще на недавно происшедший факт излечения внушением наследственной слепоты. Случай этот, бывший в моей практике, поразил даже опытных

врачей по глазным болезням, не допускавших возможности устранения слепоты в этом случае какими-либо лекарственными средствами.

Нет надобности умножать здесь другие примеры. Но мы скажем обще, что из болезненных состояний можно с успехом излечивать гипнотическими внушениями.

Прежде всего внушением излечиваются, как видно и из вышеприведенных примеров, истерические нервные состояния, как истерические припадки, параличи, сведения (контрактуры) и судороги, а также разнообразные нарушения чувствительности и т. п. Из других нервных расстройств внушением с успехом излечиваются заикание, развивающееся на почве истерии или неврастении, затем часто наблюдаемые при неврозах раздражительность, головные и иные невралгические боли, развивающиеся не на почве органических поражений нервной системы, головокружения, нервные расстройства, сердцебиения, нервная одышка, нервная рвота, ночное недержание мочи, припадки сомнамбулизма, недостаток и отсутствие аппетита, половая слабость нервного происхождения, бессонница, в некоторых случаях маточные кровотечения, нервные сыпи и многое другое. До какой степени поразительны могут быть результаты внушения в нервных состояниях, видно, между прочим, кроме вышеуказанных случаев из следующего примера. Проф. Бернгейм, располагая небольшим количеством минут до отхода поезда, успел загипнотизировать обратившуюся к нему больную крестьянку и вылечить ее внушением от истерического сведения руки. Точно такой же случай был описан и мною².

Внушение в гипнозе крайне благотворно действует и на различные приобретенные в силу привычки болезненные влечения, как-то: пьянство, морфинизм и все вообще виды наркомании, не исключая и привычного употребления табака. Много есть уже примеров излечения от клептомании (страсти к воровству), и не только временного, но и прочного. Можно привести затем целый ряд благоприятного действия внушения на онанистов и при разнообразных формах полового извращения, против которых почти нет иных действительных врачебных средств.

Из так наз. психических расстройств могут быть излечиваемы с помощью гипнотических внушений все навязчивые состояния (мания счета, бродяжничества, боязни острых предметов и т. п.). Затем существенную пользу приносит внушение при болезненно удрученном состоянии, в особенности вследствие тяжелых потрясений и вследствие тех или других мнимых или болезненных состояний, а также при многих других болезненных процессах, связанных с нарушением деятельности нервной системы.

Самый гипноз как сноподобное состояние применяется ныне с лечебной целью при операциях, родах и в некоторых других случаях, но этот вопрос не входит в наше рассмотрение в данный момент.

В заключение заметим, что так как гипноз является далеко не безразличным средством, то пользование гипнозом как лечебным средством допустимо только врачами, и притом врачами, знакомыми с нервными болезнями, ибо лечение болезни требует предварительно точного распознавания ее природы и характера, притом же самое гипнотизирование, как и применение гипнотических внушений, требует известной осторожности, особенно у лиц, отличающихся большою нервною, а также и у сердечных больных.

Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение *

Учение о гипнозе и внушении за последнее время достигло такого развития, что нелегко было бы дать обзор всему, что в этой области имеется ценного в научном отношении. Но область врачебного применения гипноза и внушения особенно выделяется по своей практической важности, и эту-то область мы постараемся рассмотреть возможно кратко, не вдаваясь в большие подробности.

Знакомство с нею тем более важно, что именно в этой области в изобилии распространяются различными лицами шарлатанские брошюры в духе неомесмеризма и старого учения о животном электричестве, поддержи-

* Печатается по: *Бехтерев В. М. Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. СПб., 1911.*

вающие совершенно ненаучные взгляды о существовании особой внутри нас содержащейся силы, которую будто бы исключительные личности, именующие себя магнетизерами, обладают в особенно сильной степени, дающей возможность магического воздействия на других.

Само собою разумеется, что мы не войдем в рассмотрение этой литературы, рассчитанной на невежество широких кругов публики в данной области и поддерживаемой различными соображениями, не имеющими ничего общего с истинным знанием, а постараемся ограничиться в области, нас интересующей, только одной, строго научной стороной дела.

Факты из древней истории, относящиеся к внушению. Целебное значение внушения вообще и гипнотического в частности известно со времен глубокой древности. Знатоками силы внушения в древности являлись большей частью жрецы, которые обыкновенно связывали силу внушения с религиозными церемониями. Таким образом, знакомясь ближе со способами исцеления в древних храмах Египта, а также в древних греческих храмах Эскулапа, нетрудно усмотреть, что уже тогда секрет внушения был известен жрецам, состоящим при храмах, куда стекались богомольцы и другие лица, искавшие исцеления. Можно с достоверностью утверждать, что в древние времена внушением различного характера в подходящих случаях пользовались довольно широко. Между прочим, внушение играло роль и при гаданиях древних, особенно же в прорицаниях. Указания на пользование внушением можно найти, между прочим, и в книгах Ветхого завета.

В последнее время гипнологическая литература пополнилась исследованиями, относящимися до применения внушения в евангельские времена в соответствующих случаях с особенным успехом.

Известно, что в евангельские времена на каждом шагу производились исцеления бесноватых и одержимых, которых наука ныне признает за больных истерическим психозом и которые в религиозно настроенном населении, уверовавшем в силу дьявола, всегда встречаются в изобилии. Позднее много было таких

бесноватых или одержимых в средние века. Ныне в интеллигентных слоях населения случаи такого рода уже почти исчезли, но в некультурных слоях еще до сих пор много верующих в колдовство, порчу и бесовскую силу, и немало встречается еще и ныне так называемых бесноватых под названием порченных и кликуш.

Как в евангельские времена эти случаи исцелялись силой внушения, связанной с сильной религиозной эмоцией, так и ныне они поддаются лечению внушением и еще больше — внушением, связанным с эмоцией грядущего исцеления, основанной на вере. Таким же точно образом производилось в эту эпоху исцеление сухоруких и расслабленных.

Но ввиду особого интереса мы считаем небезполезным ознакомиться с приемами, которыми пользовался Иисус при своих исцелениях. Некоторые описания, сделанные евангелистами, достойны того, чтобы на них остановиться. В этом отношении поучительным может явиться, между прочим, случай исцеления сухорукого, описанный тремя евангелистами (Матф. XII, 9-13; Марк III, 1-8; Лука VI, 4-10).

Вряд ли нужно говорить здесь, что под общим названием сухоруких в евангельские времена понимались вообще больные с недеятельностью руки от паралича и атрофии. К таковым, без сомнения, относились, между прочим, и случаи истерического паралича, также при долговременном развитии сопровождающегося атрофией от недеятельности. Нечего говорить, что и в числе расслабленных имелись случаи истерического паралича нижних конечностей.

В упомянутом случае нетрудно узнать истерический паралич еще и потому, что дело шло об изолированном параличе руки. Исцеление происходило в субботу, когда по старому закону и требованию фарисеев евреи не могли ничем заниматься. Но Новый Учитель, как известно, устранял ненужные отжившие формы, которых крепко держались фарисеи вопреки даже старому закону. Так случилось и на этот раз при совершении исцеления. В синагоге в субботу находился человек, рука которого была «сухая». Присутствующие, естественно заинтересованные борьбой нового учителя

со старым, ожидали, что Иисус непременно приступит к исцелению сухорукого в субботу же. Нечего и говорить, как должен был желать своего исцеления несчастный больной, который, очевидно, уже давно уверовал в чудодейственную силу Иисуса.

Иисус, в которого вера была уже упрочена, войдя в синагогу, велит выйти больному на середину, перед всеми, что должно было еще усилить эмоцию больного и укрепить веру в ожидаемое им. Затем возникает коварный вопрос со стороны тех, которым исцеление могло только помешать: «Можно ли исцелять в субботу?» Но этот вопрос фарисеев был тотчас же отпарирован встречными вопросами со стороны Нового Учителя: «Должно ли в субботу добро делать или зло? Душу спасти или погубить?» Фарисеи не знали, что сказать. «Кто из вас, — продолжилось нравоучение, — имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколь же лучше человек овцы? Итак, можно в субботу делать добро».

Нечего и говорить, что эта нравственная победа Нового Учения над фарисейским могла только усилить его ореол среди окружающих и не могла не воздействовать и на самого больного.

После этой разговорной прелюдии Иисус, посмотрев на фарисеев, «с гневом скорбя» (Марк), обращается к больному: «Протяни руку твою» — и исцеление происходит (Марк).

Не менее поучителен другой подробно описанный евангелистами случай исцеления расслабленного в Капернауме. Случай этот описан теми же тремя евангелистами. Вряд ли нужно говорить здесь, что под расслабленным опять-таки следует понимать истерически-паралитичного.

В то время, когда Иисус учил в Капернауме, собралось много фарисеев и книжников из различных мест — Галилеи, Иудеи и из Иерусалима. Сюда же принесли и расслабленного на постели. Нет надобности говорить, что он был привлечен сюда как своею верою в Иисуса, так и верою окружающих его лиц. Но оказалось, что стечение народа было столь значительно, что прожикнуть, да еще с постелью, сквозь массы народа не было никакой возможности. Но вера делает

свое, и обращаются к героическому средству: раскрывают крышу и этим необычным способом доставляют расслабленного на постели непосредственно к ногам Нового Учителя (Лука).

Нет надобности говорить, что и громадное стечение народа, и столь необычный прием в доставлении расслабленного к ногам Иисуса не могли не подготовить пациента к исцелению. Видя веру их, Иисус, обращаясь к больному, говорит: «Прощаются тебе грехи твои». И, заметив, очевидно, недоумение на лицах окружающих его книжников и фарисеев, которых такое обращение не могло не поразить, и как бы читая их мысли, говорит им то, что одновременно должно было относиться и к самому больному: «Что вы помышляете в сердцах ваших? Что легче сказать: «Прощаются тебе грехи твои» или «Встань и ходи?»» Это косвенное, но сильное внушение подействовало на верующего больного, и совершается чудо, поразившее всех¹.

Вера и слава Нового Учителя обеспечивают то, что уже одних громких и повелительных форм внушения, как «исцелись», «встань и ходи», «я хочу», достаточно, чтобы исцеление действительно наступило. В иных случаях Иисус еще усиливает свою повелительную формулу, требуя не только чтобы пациент встал и шел, но и чтобы он взял с собою и постель свою и нес ее сам: «Встань, возьми одр свой и иди за мною!»

Не менее поразительны случаи исцеления прокаженных, под которыми, как утверждают некоторые авторы, понимались в древности больные, страдавшие песью, или *vitilligo*, которая, по народному поверью, распространенному и ныне на Востоке, должна была олицетворять собою духовную нечистоту, вследствие чего люди, страдавшие такой сравнительно невинной болезнью, считались отверженными отовсюду, пока не очистятся².

Одинаковыми приемами пользовались и апостолы. В этом отношении заслуживает внимания исцеление с помощью религиозного внушения и веры Петром и Иоанном хромого нищего, описанное в Деяниях апостолов (III, 1-8). Увидев возле храма среди других нищих просящего милостыню хромого, Петр, будучи вместе с

Иоанном, всмотревшись в больного и, очевидно, распознав исцелимую форму паралича ноги, обратился к нему: «Взгляни на нас». И тот стал всматриваться пристально, уже поддавшись внушению. В эту минуту Петр решительно заявляет: «Сребра и злата нет у меня, а что имею — даю тебе. Во имя Иисуса Христа Назаря встань и ходи». Он при этом берет его за руку, и исцеление происходит.

Со времен древности чудесные исцеления, основанные на вере, производятся подобным же образом и позднейшими целителями, как показывают некоторые страницы Четьи-Минеи.

Но секрет внушения был известен также и многим лицам из простого народа, в среде которого он передавался из уст в уста в течение веков под видом знахарства, колдовства, заговора, порчи, сглаза и т. п.

Применение гипноза и внушения разными гипнотизерами. Время от времени гипноз и внушение проникали и в более интеллигентную среду под видом разного рода оккультических знаний, игравших особенно видную роль в средние века и позднее, как, напр., черной и белой магии, учения о животном магнетизме, так называемого месмеризма с его флюидической силой и т. п.

Нет надобности говорить, что, эксплуатируемые с корыстной целью, эти учения часто сопровождалось различного рода шарлатанскими приемами воздействия на людей, вследствие чего, естественно, солидные умы должны были отворачиваться от этих учений.

Тем не менее нельзя не отметить, что такие «магнетизеры», как Гритрекс, живший в XVII столетии, Калиостро, действовавший в конце позапрошлого столетия, Гаснер и современник его Месмер, делавший сеансы во Франции в течение первой четверти истекшего столетия, сильно возбуждали умы в населении и, естественно, привлекали к себе внимание ученых.

Слава Месмера в Париже, напр., дошла до того, что он не успевал принимать всех обращавшихся к нему, и, чтобы освободить себя от притока неимущих

пациентов, он загипнотизировал на улице дерево, к которому должны были прикасаться бедняки, чтобы получить исцеление. Надо, впрочем, заметить, что это уже было началом конца его славы.

В это время парижская Академия, запрошенная по поводу явлений месмеризма, дала ответ, неблагоприятный для Месмера, признав, что в его действиях нет ничего необыкновенного, а то, что есть действительного, может быть сведено на воображение (imagination). Это решило участь Месмера, который потерял кредит в обществе и уже не мог оставаться в Париже. Говоря о Месмере, нельзя не упомянуть и о маркизе Пюanzeгюре, лечившем во Франции магнетизмом одновременно с Месмером, но известном своим бескорыстием и открывшем, между прочим, явления сомнамбулизма.

Родиной современного гипнотизма признается Восточная Индия с ее таинственными факирами, где гипноз составляет как бы народное достояние и где «чудеса» гипнотизма показываются в больших городах, часто на рыночных площадях, за небольшую, собираемую тут же плату. Естественно, что, когда с прорытием Суэцкого канала Индия стала ближе к Европе, в последнюю стали проникать и более полные сведения о гипнозе. Тем не менее толчком к новейшему развитию учения о гипнотизме опять-таки послужили сеансы известного магнетизера Ганзена, который, как сообщали о нем газеты, ознакомился с явлениями магнетизма в Африке.

Явившись в Европу в конце 70-х годов, Ганзен стал, как и многие из завзятых гипнотизеров, эксплуатировать гипнотизм с корыстной целью, заявляя в то же время об особой принадлежащей ему силе. Устраиваемые им специальные сеансы на квартирах оплачивались довольно дорого: в Петербурге, например, не менее 200 руб. за вечер.

Эти сеансы на Западе заинтересовали и некоторых ученых, напр. Шарко, Гайденгайна и др.; но у нас к ним отнеслись иначе.

Сеансы Ганзена и здесь привлекли внимание интеллигентных, особенно аристократических, слоев населения, и в приглашениях Ганзена на сеанс, несмотря

на их огромную стоимость, не было недостатка. Но вот его специально приглашают в один дом, близкий к высшим медицинским сферам того времени, и туда же приглашают почти всех тогдашних психиатров с профессором Мержеевским во главе. Приемы гипнотизации Ганзена, как я мог убедиться на этом сеансе, были очень примитивны и состояли из применения простого стеклянного граненого щарика, на который Ганзен предлагал смотреть в течение многих минут. К сожалению, вышеуказанный сеанс оказался неудачным. По крайней мере ни одно из многих лиц, желавших быть загипнотизированными, не впало в гипноз. Положение ухудшилось еще тем, что некоторые из врачей, будучи заранее предубеждены против гипнотизма как реального научного факта, притворились загипнотизированными и ввели в обман самого Ганзена. Хотя последний пытался затем представить присутствующим на этом сеансе заранее подготовленных им для таких сеансов двух лиц, на которых он желал продемонстрировать разнообразные явления гипноза, но недоверие к нему, а следовательно, и к лицам, которые им были привезены на сеанс, возросло до такой степени, что все более авторитетные психиатры отказались смотреть демонстрацию явлений гипноза на посторонних лицах. Таким образом ставка Ганзена была проиграна, и этот вечер решил его участь в России.

Сеансы его были запрещены, не возбудив в специалистах никакого научного интереса к явлениям гипнотизма. В то же время мой уважаемый учитель проф. И. П. Мержеевский вошел с соответственным представлением в Медицинский совет, результатом которого явилось запрещение публичных сеансов гипнотизма. При этом Мед. сов. постановил, что врачам разрешается применять гипноз к больным под теми же самыми условиями, установленными законом, которые относятся к производству операций, т. е. с обязательным присутствием при сеансе другого врача. При этом же гипнотизирующий врач должен был предварительно озаботиться соответственным разрешением на лечение внушением.

Если первое постановление действительно вызывалось потребностью времени, то надо сильно пожалеть

о втором постановлении, равносильном почти полному запрету врачам применять в практике гипноз, так как всякому ясно, что сеанс гипноза не есть операция и нельзя требовать от больных, нуждающихся в подобных сеансах, чтобы они оплачивали труд двух врачей, не говоря о том, что благодаря условиям жизни сельского населения России часто совершенно немислимо иметь двух врачей, когда иногда и одного найти трудно.

В этом постановлении, кроме того, скрывалась одна дурная сторона: врачи, желавшие применять гипноз, были поставлены под подозрение, подобно лицам, могущим эксплуатировать гипноз с преступной и своекорыстной целью. Если в вопросе об операциях имеется вышеуказанное положение, то оно объясняется просто тем обстоятельством, что, как всякий понимает, нельзя одновременно хлороформировать и оперировать, а поручать хлороформирование не врачам, без сомнения, рискованно. Таким образом, здесь сама необходимость привела к изданию закона, который тем не менее, как всем известно, не исполняется по нашим деревням и селам в силу прямой невозможности его исполнять.

Но спрашивается, был ли какой-нибудь смысл запрещать свободно пользоваться гипнозом с лечебной целью врачам, которым вверяют гораздо более рискованные и опасные средства, как всевозможные яды и анестетические вещества, и которые кроме своего образования и диплома связаны в своей деятельности не только всем известной клятвой Гипократа, но и профессиональной этикой и товарищеским мнением, не говоря уже о возможных уголовных карах?

Последствия такого отношения не заставили себя ждать.

Серьезные врачи отказались от применения гипнотизма в своей практике, потому что никому из них не было охоты рисковать своим положением и добрым именем, а это привело к тому, что гипноз как лечебное средство вскоре перешел у нас в руки профессиональных гипнотизеров-шарлатанов и вообще таких лиц, которым нечего терять.

Это запрещение вызвало известную реакцию и на Западе, так как в Германии была издана книга, в которой были собраны мнения многих известных авторов трудов по гипнотизму, которые, естественно, осудили распоряжение русских бюрократических сфер.

Но это не оказало воздействия на последние, и развитие учения о гипнотизме и внушении у нас в России было в корне убито вплоть до конца истекшего столетия.

Поводом к пересмотру вопроса о гипнотизме и внушении была репрессивная мера, принятая врачебной инспекцией по отношению к доктору М., осмелившемуся применить гипноз без соблюдения опубликованных правил. Это послужило толчком. Доктор М. написал маленькую брошюру о своем деле и передал рассмотрение вопроса на Пироговский съезд. Последний передал в свою очередь вопрос на рассмотрение специальных психиатрических обществ, которые все без исключения высказались в пользу устранения пут, которыми окружили в России без нужды применение гипноза во врачебной практике. После собрания всех этих мнений один из следующих Пироговских съездов возбудил ходатайство об изменении упомянутых постановлений, касающихся гипноза. Когда ходатайство это достигло Медицинского совета, мне посчастливилось в качестве докладчика перед Медицинским советом содействовать устранению стеснительных постановлений в отношении гипноза и вместе с тем освобождению русских врачей от подозрительного к ним отношения со стороны властей в вопросе о гипнозе.

Такова печальная история врачебного применения гипноза в России, сильно задержавшая, как сказано выше, и научное развитие у нас учения о гипнозе.

Начало научного изучения гипноза и внушения.
Обращаясь к вопросу о том, кто ввел гипнотизм в науку, иначе говоря, кто впервые сделал гипнотизм предметом серьезного научного изучения, необходимо заметить, что еще англичанин Бред в середине истекшего столетия дал вполне научное исследование явлений гипнотизма.

Англичанин доктор Бред из Манчестера в 1841 г. наблюдал магнетический сеанс женевского профессора Лафонтена с целью разоблачить его проделки. Но вместо предполагаемых разоблачений шарлатанства он усмотрел на этих сеансах нечто, ранее им и не подозреваемое, и признал подлинность наблюдаемых явлений. Он ввел, таким образом, впервые в науку понятие об искусственно вызванном сне, назвав самое явление гипнотизмом, что удержалось до наших дней. Он также впервые доказал, что в гипнозе некоторые из мозговых функций достигают такой силы, которая не свойственна здоровым лицам в бодрственном состоянии, и что самый гипноз обязан внушению, а не флюидам Месмера и не особой одической силе, свойственной будто бы гипнотизерам.

Однако и после Бреда в науке господствовал еще повсюду скептицизм в отношении гипнотических явлений. Как это часто бывает при недостаточной подготовке научной мысли, новые исследования не получают достаточно широкого распространения. Так случилось и с книгой Бреда. О гипнотизме опять скоро забыли.

Во всяком случае и после Бреда гипнотизм представлял собою для большинства ученых и врачей такую область, которой избегали касаться серьезные научные деятели, благодаря тому что большинство даже высокоинтеллигентных лиц и представителей науки признавало в нем долгое время или простое шарлатанство, или сферу, полную таинственности, в которой нечего делать истинному ученому. Так дело обстояло до тех пор, пока учение о гипнотизме не было вновь выдвинуто на арену научного развития благодаря трудам Шарко и его учеников.

Такой факт нетрудно понять, если принять во внимание, что гипноз в то время если и был кому-либо известен, то признавался нередко темной силой, занятие с которой налагало известную тень на репутацию врача. И, без сомнения, нужно было иметь столь авторитетное имя, каким являлось имя французского клинициста-невролога Шарко, чтобы выдвинуть гипнотизм на арену строго научного исследования и освободить самое учение гипноза от целого ряда предубеждений, господствовавших тогда среди врачей.

Успеху распространения знаний о гипнотизме среди врачей содействовало и то обстоятельство, что явления гипноза на истеричных Сальпетриера демонстрировались на лекциях Шарко перед множеством врачей всех стран, съезжавшихся в Париж для изучения наук и посещавших лекции профессора Шарко. На этом основании честь введения гипнотизма в науку многими и приписывается Шарко.

В указанном отношении заслуга Шарко, без сомнения, должна быть признана огромной. Но в отношении практического применения гипноза с лечебной целью нельзя не оценить и заслуги нансийского профессора Бернгейма, который также много содействовал изучению гипноза как лечебного средства среди врачей.

В то самое время, как Шарко демонстрировал врачам всего мира явления гипноза на истеричных Сальпетриера, во французском городе Нанси, расположенном недалеко от Парижа, развилась так называемая Нансийская школа во главе с Бернгеймом, который вообще много содействовал научному освещению фактов гипнотизма.

Вместе с этим выяснилось, что в Нанси д-р Льебо уже давно применяет гипноз к лечению своих больных и еще лет за 20 до известных исследований Шарко по гипнотизму написал подробное научное сочинение о явлениях гипноза и применении его к врачебной практике. В свое время эта книга опять-таки не обратила на себя особого внимания, тем более что серьезные врачи относились нередко с усмешкой к новому лечению, где, по их мнению, трудно разграничить серьезное дело от шарлатанства.

Но когда возгорелся спор между Сальпетриерской и Нансийской школами о сущности гипнотизма, — спор, о котором речь будет ниже, тогда имя Льебо вышло из неизвестности, и за ним признали бесспорное право на первенство в вопросах, относящихся к врачебному применению гипноза.

Итак, при выяснении вопроса о том, кому принадлежит честь введения гипноза в науку вообще и во врачебную практику в частности, мы должны остановиться на четырех именах: Бреда, Льебо, Шарко и

Бернгейма, из которых каждый внес часть своей энергии в дело первоначального научного изучения гипноза и внушения.

В числе других деятелей, содействовавших распространению знакомства с гипнотизмом среди врачей на материке Европы, надо упомянуть также о Фореле, который в этом отношении, впрочем, следовал по стопам своего учителя Бернгейма.

Из других лиц, научно разрабатывавших учение о гипнотизме или способствовавших своими трудами распространению здравых понятий о гипнотизме среди врачей, необходимо здесь упомянуть о Н. Tück'e, Heidenhain'e, Beaunis, Richet, Luys'e, Berillon'e, Krafft-Ebing'e, Schrenk-Notzing'e, Moll'e и некоторых других.

В настоящее время знакомство с учением о гипнотизме признается уже необходимым в курсе медицинского образования, и еще на Парижском гипнологическом конгрессе 1889 г. состоялось постановление, чтобы изучение гипнотизма и его применение было введено в преподавание медицинских наук. И действительно, с тех пор в некоторых научных центрах Европы стали вводить преподавание гипнотизма в курсы медицинских знаний.

До настоящего времени литература о гипнозе уже разрослась до такой степени, что, без сомнения, нет возможности ее охватить в кратком изложении. Немало появляется также разных брошюр и книг, посвященных так называемым чудесам гипнотизма в форме популярного изложения. Но при всем том до настоящего времени не могут считаться окончательно решенными некоторые из существенных научных вопросов, касающихся гипнотизма.

Разноречия в учении о природе гипноза. Уже в самом начале научного развития учения о гипнотизме и внушении два наиболее видных авторитета и основоположника этого учения, Шарко и Бернгейм, разошлись во взглядах на самую природу гипнотизма, в силу чего они и признаются представителями двух различных школ, Нансийской и Сальпетриерской. Так как противоречия этих двух школ, в сущности и до сих

пор еще не окончательно устраненные, особенно содействовали развитию учения о гипнотизме и выяснению явлений, известных под названием гипноза и внушения, то мы вкратце изложим здесь существенные стороны разноречий между обеими школами.

По характеру взглядов на природу гипнотизма одна из этих школ, известная под названием Сальпетриерской, во главе которой стоял Шарко и продолжателями которой являются его ученики, может быть названа физиологической; другая, Нансийская, с Бернгеймом во главе, получила название психологической*.

Согласно взгляду Шарко, гипнотическое состояние является не чем иным, как искусственным или экспериментально вызванным нервным состоянием или искусственным неврозом, разнообразные проявления которого обнаруживаются по воле наблюдателя, способы же вызывания его могут быть физические и психические. Самый гипноз, по взгляду этой школы, состоит, собственно, из трех фаз: летаргической, каталептической и сомнамбулической.

Летаргическая фаза характеризуется дряблостью членов, повышенной нервно-мышечной возбудимостью и невосприимчивостью к внушениям. Каталептическая фаза характеризуется каталептическими явлениями, склонностью к параличам и внушаемостью. Наконец, сомнамбулическая фаза характеризуется склонностью к контрактурам при кожных раздражениях, причем по внушению в этом состоянии вызываются разнообразные автоматические действия.

* Этими двумя школами, собственно, и исчерпывается разноречие взглядов на природу гипнотизма между научными представителями гипнологии. Прежде еще можно было говорить о третьей школе, флюидической, ведущей начало со времен Месмера и поддержанной в позднейшее время Люисом. Но так как эта школа не дала в пользу своего взгляда на природу гипноза, вызываемого будто бы истечением флюида из рук гипнотизера, ни одного убедительного и непреложного доказательства, то она уже ныне утратила научное значение и в действительности со смерти Luys'a не имеет среди своих представителей уже ни одного серьезного научного деятеля. Зато она очень охотно поддерживается разными лицами, ищущими в гипнозе нечто таинственное, а также невежественными гипнотизерами, которые пользуются гипнозом с своекорыстными целями.

Каждая из этих фаз, по учению Шарко, может развиваться первоначально, и, с другой стороны, можно различными приемами переводить гипнотиков из одной фазы в другую. Достаточно, например, лицу, находящемуся в летаргической фазе, открыть глаза — и он становится каталептиком. С другой стороны, если летаргику потереть позвоночник, он переходит в сомнамбулизм.

Должно при этом иметь в виду, что по учению Сальпетриерской школы эти фазы далеко не составляют обычного явления. Они скорее встречаются нечасто, но зато отличаются будто бы типичностью, подобно тому как полный истерический припадок встречается много реже более вульгарных форм истерии, хотя и признается типическим.

В конце концов, между гипнозом и истерией имеется близкое родство, вследствие чего и применение гипноза не может быть безразличным для здоровья больных.

По взгляду Нансийской школы, гипноз есть особое душевное состояние или сон, вызванный путем внушения. Внушение в этом случае, по взгляду этой школы, все объясняет. Без внушения нет ни одного явления в гипнозе. Родство между истерией и гипнотизмом не признается — по крайней мере в той форме, как понимает его школа Шарко. Степени гипноза различаются по глубине сна и по восприимчивости к внушениям. Внушениям доступны гипнотики вообще во всех фазах, но в различной степени. Внушенная каталепсия может быть вызвана во всех стадиях, исключая первую, выражающуюся легкой дремотой.

По Бернгейму, если субъект загипнотизирован и его глаза открыты, то его внимание приковано к экспериментатору. Он слышит последнего и подчиняется внушениям. При этом повышенной нервно-мышечной возбудимости не обнаруживается. Для того чтобы вызвать у гипнотика каталептические явления, нет надобности открывать ему глаза; достаточно лишь сделать соответствующие внушения. Точно так же для выяснения сомнамбулизма нет надобности тереть позвоночник, как делали в Сальпетриере; достаточно с гип-

нотиком лишь говорить, и он подчиняется делаемым внушениям.

Все те физические манипуляции, которыми пользовались в Сальпетриере для вызывания тех или других явлений у гипнотиков, по учению Бернгейма, действуют также путем внушения — тем более что благодаря постоянному упражнению и примерам у истеричных Сальпетриера явилась, так сказать, своего рода выучка в этом отношении. Если гипнотику ничего не говорить, то, по взгляду Бернгейма, одних манипуляций совершенно недостаточно для вызывания тех или других явлений.

Школа Нансийская также классифицирует различные степени сна, но по его глубине, по воспоминанию или способности к восприимчивости. Такие классификации были даны Льебо, Бернгеймом, Форелем и др.

Проще всех из них классификация Фореля, которая различает три степени гипноза.

При 1-й степени субъект испытывает лишь слабое влияние гипнотизации и способен противостоять внушениям и даже может открывать глаза. Это состояние скорее похоже на дремоту, чем на сон.

При 2-й степени имеется легкий сон, или так называемая гипотаксия, характеризующаяся пассивностью. В этом случае субъект не может открыть глаз и вообще способен подчиняться всем или некоторым внушениям, за исключением внушения беспамятства. Воспоминание вообще не утрачивается.

При 3-й степени имеется глубокий сон, или сомнамбулизм в собственном значении этого слова. В этой степени имеется полная амнезия по пробуждении и могут быть вызваны так называемые постгипнотические явления.

По учению психологической школы гипноз есть состояние, ничего болезненного не представляющее и обусловливаемое исключительно внушением. При этом самый гипноз может быть вызван у огромного числа совершенно здоровых лиц, хотя и в неодинаковой степени, но без всякого для них вреда, причем благодаря восприимчивости к внушениям гипноз может быть очень важным и действительным средством к излечению разнообразных болезненных расстройств.

Критика того и другого взгляда. Нет никакого сомнения, что некоторые из этих разноречий в настоящее время уже устранены научной критикой, но основное разногласие в воззрениях на природу гипнотизма до сих пор остается еще не окончательно устраненным. Поэтому возникает прежде всего вопрос: как следует относиться к этим разноречиям в области научного изучения гипнотизма?

Прежде всего можем ли мы признать, согласно учению физиологической школы, или школы Шарко, что гипноз есть искусственно вызванный невроз или особое нервное состояние, родственное с истерией?

Не подлежит никакому сомнению, что эта точка зрения грешит против истины тем, что в таком случае почти всех или по крайней мере очень многих пришлось бы признать истеричными. Независимо от этого в настоящее время доказано, что хотя истеричные и могут проявлять классические формы гипноза, тем не менее гипноз в его резких проявлениях может быть вызван и нередко вызывается у тех лиц, которые никогда не были истеричными и у которых нет никаких указаний на присутствие истерии. Сюда относятся, напр., алкоголики.

С другой стороны, и точка зрения психологической школы является безусловно односторонней. Сводя все явления в гипноз и самое появление гипноза на словесное внушение, эта школа отчасти игнорирует все факты, добытые физиологической школой, отчасти объясняет их путем внушения же. А между тем многие из этих фактов, несомненно, не мирятся с теорией внушения, т. е. одного так называемого психического воздействия, и не могут быть им объяснены.

Так, известно, что людей легко гипнотизирует в известных случаях методически-однообразное тиканье часов, журчание ручья, шум мельничного колеса, мерцание света перед глазами и т. п. Но представители Нансийской школы не признают убедительности этих явлений в смысле влияния физиологических факторов на развитие сна. Они полагают, что эти явления потому усыпляют, что будто бы вместе с ними прививается идея сна и что будто бы эта идея, а не физическое раздражение приводит к усыплению. Почему

именно вышеизложенные раздражения, а не какие-либо другие вызывают идею сна, остается невыясненным. Но не проще ли вместо прививаемой идеи сна говорить о непосредственном влиянии монотонных раздражений на нервную систему и вызывании этим путем гипнотического сна? Ведь угнетающее влияние однообразных слабых внешних раздражений — в настоящее время твердо установленный в науке факт. Но имеются факты, относящиеся к взрослым людям, которые не оставляют сомнения в том, что в известных случаях физические явления вызывали гипноз при таких условиях, когда нельзя было объяснить появление гипноза посредствующим влиянием каких-либо идей. В этом случае я могу сослаться на два своих наблюдения, где до очевидности ясно гипноз вызывался чисто физическими причинами без всякого участия внушения.

В одном случае, например, образованный врач, страдавший раком позвоночника с полным параличом и анестезией нижних конечностей, которому по терапевтическим показаниям производилась пассивная гимнастика нечувствительных стоп в течение 15–20 мин., впал при этом в глубокий гипнотический сон, в котором производимое затем, обыкновенно в бодрственном состоянии, крайне болезненное насильственное растяжение контрактур в коленях оказывалось совершенно нечувствительным. Сам больной при этом неоднократно выражал удивление, что на него может оказывать усыпляющее влияние пассивное движение его стоп, состоявшее в простом вращении их в голеностопном сочленении.

Случай этот заслуживает тем большего внимания, что усыпление больного с помощью словесного внушения по способу Бернгейма вызывало лишь легкие проявления сна, во время которого насильственное разгибание контрактур в коленях, подобно тому как и в бодрственном состоянии, сопровождалось резкими болезненными ощущениями.

Другое заслуживающее внимания наблюдение сделано мною над безграмотным новобранцем, страдавшим неполным двигательным и чувствительным параличом обеих нижних конечностей вследствие бугорчатого поражения позвоночного столба, выразившегося выпя-

чиванием нескольких грудных позвонков. В этом случае с целью исследования рефлексов я должен был производить больному продолжительное однообразное поколачивание врачом молоточком по передней поверхности большой берцовой кости. По истечении нескольких минут, к удивлению своему, я заметил, что больной впал в гипноз, в котором можно было производить с успехом различные внушения и даже вызывать внушенные обманы чувств, или галлюцинации. То же самое наблюдалось и в другие разы при подобном же исследовании больного, который, как необразованный человек, не имел вообще никакого понятия о способах вызывания этим путем гипноза, а следовательно, и не мог вызывать в своем воображении никакого самовнушения сна при поколачивании молоточком по большой берцовой кости.

С другой стороны, разве мы сами на себе не испытываем усыпляющее влияние журчащего ручья, шума мельничного колеса, монотонного пения и падающей воды без всяких внушений о сне? О возможности самовнушений в этом случае говорить неосновательно уже потому, что те же самые или сходные условия производят одинаковое влияние и на младенцев. Да и не знаем ли мы примеров, когда наши дети, не имеющие решительно никакого понятия о гипнозе и способах его вызывания, совершенно невольно засыпают, например, при продолжительном созерцании блестящих предметов или при убаюкивании однообразным мотивом колыбельной песни.

Далее мы должны иметь в виду усыпляющее действие некоторых физических приемов у новорожденных детей, как, например, однообразной колыбельной песни, похлопывания по телу, поглаживания по животу и т. д.

Наконец, и явления гипноза у животных в виде укрощения диких зверей пристальным взглядом, известный *experimentum mirabile* над петухами, явления каталепсии у лягушек, некоторых ящериц и других низших позвоночных, вызываемые особыми физическими приемами (проф. Я. Данилевский, д-р Попов) и, кстати сказать, легко демонстрируемые, а также известное завораживание змей с помощью звуков флейты доказывают, что явления гипноза или, по крайней мере,

состояния, близкие к ним, могут вызываться одними физическими явлениями без всякого влияния совместно прививаемой идеи или внушения.

Должно заметить, что увлечение так называемыми психическими воздействиями на развитие гипноза доходило до того, что и появление обыкновенного сна, и пробуждение от него по утрам стали ставить в зависимость от идеи или внушения. Но вряд ли нужно говорить, что здесь сказалось известное увлечение гипотезой, так как сон есть явление всеобщее среди животных, обладающих нервной системой, и притом наблюдается как у взрослых, так и у новорожденных и у последних еще в большей мере, нежели у взрослых.

Следует иметь в виду, что самое понятие психического теперь ввиду монистических воззрений должно быть видоизменено, и ныне с ним также связывается известное физическое воздействие на нервную систему, оставляющее в ней известный материальный след, который затем и оживляется, возбуждаясь новыми впечатлениями при посредстве репродуктивной и сочувственной деятельности нервной системы. Другими словами, когда говорят о значении психических воздействий, то в этом случае не исключается, собственно, и физическая сторона воздействия, так как везде, где дело идет о психических явлениях, необходимо подразумевать собственно нервно-психические явления³.

Руководствуясь всем вышеизложенным, мы признаем, что гипноз не есть одно лишь психическое явление и не вызывается только психическими воздействиями, хотя бы и понимаемыми в смысле нервно-психических явлений.

Но гипноз нельзя также рассматривать как явление чисто нервное, или невроз, согласно взгляду Сальпетриерской школы, так как в пользу такого расширения понятия о неврозах вообще и в частности об истерическом неврозе не может быть приведено никаких веских соображений.

Таким образом, не правы и те, которые причину вызывания гипноза сводят главным образом на влияние физических агентов, действующих через периферические нервные окончания или даже, как думают некото-

рые, прямо на мозг; в самом деле, нельзя отрицать, что у человека внушение является одним из могущественных агентов, быстро приводящих к усыплению; с другой стороны, и во многих других употребительных способах гипнотизации влияние внушения если и может быть устранено вполне, то лишь в сравнительно редких случаях.

Итак, по нашему мнению, следует придерживаться взгляда, что гипноз может быть вызываем различными способами, а именно: как физическими, т. е. непосредственно действующими на нервную систему, агентами, так и психическим путем — с помощью внушения, причем для вызывания гипноза с лечебной целью внушение, особенно в содействии с некоторыми физическими приемами (см. ниже), как по быстроте своего действия, так и по удобству его применения в настоящее время безусловно заслуживает предпочтения пред всеми остальными приемами гипнотизации; но все же нельзя пренебрегать и некоторыми физическими приемами, способствующими воздействию внушения, как, напр., сосредоточение зрения на том или другом предмете.

Сближение гипноза с обыкновенным сном. На гипноз, по нашему мнению, следует смотреть как на своеобразное видоизменение естественного сна, и, как сон не есть только психическое явление и не вызывается одними только психическими воздействиями, но обуславливается также и определенными физическими влияниями, так и гипноз может быть вызываем как с помощью так называемых психических приемов внушения, так и с помощью тех или других физических влияний.

Известно, что обыкновенный сон, выражаясь определенными явлениями со стороны психической сферы, в то же время выражается и целым рядом явлений в сфере физической, как-то: изменениями со стороны чувствительности рефлексов, вазомоторной сферы и пр. Хотя существенная причина сна для нас остается еще неизвестной, тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что сон, сопровождаясь определенными изменениями мозгового кровообращения, обуславливается

не одними лишь психическими, но и известными физическими условиями, и прежде всего утомлением. Что дело заключается не в одном утомлении, ясно из того, что мы в известной мере можем сами противодействовать сну и, с другой стороны, мы можем иногда вызывать у себя сон путем самовнушения при убеждении в необходимости заснуть в данное время. Кому не известно, с другой стороны, что естественный сон мы можем прерывать по заранее задуманному плану, причем мы пробуждаемся именно в тот час, когда это для нас необходимо? В этом отношении в литературе имеются даже исследования (проф. Чиж), доказывающие возможность пробуждения в определенный час, согласно заранее принятому в этом отношении решению. Очевидно, таким образом, что обыкновенный сон допускает по отношению к себе воздействие как физическими, так и психическими, или, собственно, нервно-психическими, агентами. Равным образом и гипноз как видоизменение сна может быть вызываем не исключительно только психическими моментами, напр. внушением, но и чисто физическими агентами.

Доказательством последнего кроме уже вышеприведенных данных является то обстоятельство, что в некоторых случаях одно внушение далеко не вызывает столь глубокого гипнотического сна, как внушение, сопровождаемое физическими приемами. Я знал, например, одну женщину, которая не усыплялась иначе как с помощью направленного в ее глаза сильного снопа лучей с помощью зеркала. Эта женщина при применении такого именно приема засыпала столь глубоким сном, что разбудить ее словесным внушением уже не удавалось и требовалось сильно расталкивать ее вместе с криком, а когда это не помогало, то приходилось даже применять электрический ток на те или другие отделы кожных покровов и этим путем выводить ее из глубокого гипнотического состояния.

Равным образом известно, что более глубокому гипнотическому усыплению способствует иногда склонность к естественному сну, вызванная его недостатком или сильным утомлением. Кроме того, известно, что и предварительное применение фармакологических успокаивающих и снотворных, как, напр.,

большого количества бромов с хлоралом, особенно же сомнофора, содействует развитию более глубокого гипнотического сна.

Так как гипноз, с нашей точки зрения, есть не что иное, как видоизменение естественного сна, то отсюда понятно и его всеобщее распространение не только у людей, но и в обширном ряде животных, имеющих сон.

Известно, что в нормальном сне слух засыпает позднее других органов чувств и пред окончательным, т. е. полным, сном всегда есть известный период, когда уже мозг на самом деле спит и в нем началось развитие грез, в то время как слух еще бодрствует и легко воспринимает внешние впечатления. При полном же сне усыпляется и слух, причем заснувший, отрешившись от внешнего мира, вполне отдается течению своих сновидений. Существуют, кроме того, и более слабые степени сна, которые называются легким или слабым сном, обычно предшествующим более глубокому засыпанию. Самые же слабые проявления сна мы называем дремотой.

Известно также, что степень, или глубина, сна в нормальном состоянии не только различествует в зависимости от тех или других условий и периода или продолжительности сна, но и представляется далеко не одинаковою у различных лиц. Некоторые лица почти никогда не спят полным, или глубоким, сном, а засыпают лишь так, что малейший шорох их будит, и сон их напоминает дремоту. Весьма многие спят не очень глубоким сном, в котором нерезкие внешние впечатления уже не воспринимаются, но в котором поражает обилие грез и сновидений. В некоторых случаях подобного рода легко удаются и внушения во сне. Наконец, в иных случаях человек засыпает весьма глубоким, или так называемым мертвым, сном, в котором сновидений нет или их мало и они не вспоминаются по пробуждении.

Если теперь мы попытаемся сравнить с нормальным сном гипноз, то убедимся, что в последнем как бы повторяются все явления нормального сна.

Как известно, гипноз может быть различной степени. В одних случаях это не что иное, как состоя-

ние простой дремоты; в других случаях гипнотизируемый испытывает состояние легкого сна, в котором личность еще бодрствует и воздействует на процессы психической сферы, хотя и не в той мере, как в бодрственном состоянии. При этом загипнотизированные лица слышат все, что кругом их говорят окружающие, отвечают на их вопросы и вообще довольно сносно ориентируются в окружающем мире, но сами большею частью не могут открыть глаз и проснуться, по пробуждении же большею частью сохраняют воспоминание о происходившем в гипнозе, хотя и не совсем полное.

Описанное состояние сопровождается всегда более или менее ясным понижением чувствительности и дает возможность производить с успехом внушения, хотя эти внушения и менее действительны, нежели внушения в более глубоких степенях гипноза. Последние характеризуются более или менее полным усыплением личной сферы, отсутствием воли и всех вообще движений, кроме рефлекторных и внушенных, более или менее резкой анестезией тела и, наконец, полным запоминанием всего, чему подвергается субъект в гипнозе. В этом более глубоком состоянии гипноза усыпленный уже не воспринимает внешнего мира, за исключением всего того, что исходит от усыпителя. Он вполне подчинен воле последнего и легко поддается внушениям. Наконец, в особенно редких случаях гипноз, как я убедился, бывает еще глубже, когда внушения уже не удаются и самый гипноз напоминает собою обыкновенный глубокий сон, из которого можно вывести субъекта лишь с помощью тех или других, иногда только сильных, внешних раздражений.

Таким образом, по силе или степени развития различные состояния гипноза могут быть вполне уподоблены различным степеням естественного сна. При этом явления, наблюдаемые в гипнозе, большею частью могут быть обнаружены и в обыкновенном, или естественном, сне. Поразительная внушаемость, проявляемая в известной степени гипноза, не может служить отличием последнего от естественного сна, так как известны примеры, что и в естественном сне у некоторых лиц внушаемость наблюдается в резкой степени. К

тому же внушения возможны и в бодрственном состоянии.

Сами внушения в состоянии глубокого гипноза суть не что иное, как сновидения, которые являются в голове усыпленного по желанию или внушению усыпителя. С другой стороны, и работа мысли, проявляемая в гипнозе самостоятельно или же по желанию усыпителя, как всем известно, наблюдается и в нормальном, или естественном, сне. Что это так, достаточно припомнить некоторые из опытов над нормальным сном, сделанных Мори (Сон и Сновидение). Известно, что этот автор предлагал во время своего сна вызывать у него те или другие внешние впечатления и затем через некоторое время будить. При этом оказывалось, что стеклянка с одеколоном, поднесенная к носу спящего, вызывала сновидение о парфюмерном магазине и затем о Востоке, Каире, парфюмерной Жана Фарине. Шипок в затылок спящего вызвал сон о нарывном пластыре на голове, а затем о д-ре, лечившем Мори когда-то, и т. п. Лиц, мало посвященных в исследования, относящиеся к гипнозу, и не знакомых с ним ближе, более всего поражают обыкновенно так называемые послегипнотические внушения, которые считаются своеобразной особенностью гипнотического сна. Но как ни поразительны явления после гипнотических внушений, они, как увидим ниже, ничуть не представляют исключительной особенности гипнотического сна, так как подобные же явления наблюдаются иногда и в обыкновенном сне. Сюда относится, напр., известное всем дурное настроение, вызванное тяжелым сном. Особенностью гипноза является скорее всего то своеобразное отношение между усыпленным и усыпителем, которое наблюдается в глубоких степенях гипноза, и запоминание всего внушаемого в гипнозе, так как ни того, ни другого мы не встречаем в обыкновенном сне.

Но эти особенности вполне удовлетворительно объясняются тем, что гипнотический сон вызывается искусственно, а не является сам собою, как естественный сон. Последний происходит путем естественного засыпания, без посторонних внушений или влияний, путем, следовательно, самоусыпления, в котором продукты воспоминаний и последние внешние восприя-

тия, возбуждающие сновидения, все еще связаны с личностью заснувшего лица, и потому, когда он просыпается, то путем сцепления идей припоминается и сновидение. С другой стороны, сновидения в естественном сне нередко возникают под влиянием тех или других болезненных ощущений в организме. В этом случае также создается почва для воспроизведения в памяти сновидений по пробуждении. Но конечно, далеко не все сновидения связаны с последними внешними впечатлениями, с болезненными ощущениями или воспоминаниями, связанными с личностью, и потому есть сновидения, которые мы не можем воскресить в своей памяти по пробуждении без особых искусственных приемов, которые открываются так называемым самоанализом. Кроме того, запомывание, или так называемое засыпание, сновидений обусловливается иногда тем обстоятельством, что, проснувшись на некоторое время среди ночи и припомнив сновидения, человек снова засыпает, причем у него возникают новые ассоциации и сновидения, прежние же не могут быть воспроизведены главным образом благодаря отсутствию их связи с новыми сновидениями.

Несколько иначе дело представляется в гипнозе. Здесь сон внушается или вызывается посторонним лицом, причем субъект засыпает с мыслью о влиянии на него усыпителя, и это-то приводит к своеобразному отношению между усыпленным и усыпителем во время самого гипноза. Внушенные сновидения усыпленного вносятся в его личность как нечто совершенно постороннее, не связанное ассоциативно с его личностью, или его «я», и потому по пробуждении последнего наблюдается запомывание всего того, что происходило в гипнозе. Что это на самом деле так, доказывается очень легко тем фактом, что амнезия в гипнозе легко устраняется с помощью внушения: «Все помнить по пробуждении». Это внушение, без сомнения, заставляет усыпленного тотчас же ввести испытанные им внушения в соотношение со своим «я», чтобы затем припомнить их по пробуждении, что на самом деле и происходит.

В своеобразном видоизменении сна, связанного с эмоцией, которое мы называем гипнозом, возможны и

сновидения. По крайней мере я имел полную возможность наблюдать в отдельных случаях существование сновидений и в гипнозе.

Так, одна из дам, которую я лечил от болей с помощью гипнотических внушений, иногда, будучи в гипнозе, без всяких внушений сама вставала со стула и шла вперед, не открывая глаз. Оказалось, что она действовала в этом случае под влиянием сновидений. Однажды на мой вопрос, куда она направляется, она объяснила, что видит впереди себя прекрасную рощу, куда она должна пойти.

В другом случае больной, долго остававшийся в гипнозе, от которого он даже нелегко освобождался обычными приемами, вдруг сам внезапно просыпается в испуге. Оказалось, что он увидел сон, будто проваливается в какую-то пропасть, и это его разбудило.

Итак, все заставляет признать, что гипноз есть не что иное, как вызываемое особыми приемами видоизменение обыкновенного, или естественного, сна.

Сообразно тому и свойственные ему явления суть явления двух порядков: физического или, точнее, физиологического и психического, понимаемого в том условном значении этого слова, которого придерживается защищаемая и разрабатываемая мною объективная психология, или психорефлексология. Первые привлекли к себе главным образом представителей Сальпетриерской школы и послужили основанием многочисленных работ, внушенных идеями этой школы; вторые были подробно и старательно изучены Нансийской школой.

Каждая школа, однако, преувеличила значение исследуемых ею явлений и желала объяснить со своей точки зрения и те явления, которые ею не объясняются и относятся совершенно к другой категории.

Таким образом, мы должны признать на основании, между прочим, и своих личных наблюдений ряд фактов, открытых в изучении гипнотизма Сальпетриерской школой. С другой стороны, бесспорно, что внушение в гипнозе играет много более выдающуюся роль и в проявлении разнообразных физических изменений по сравнению с тем, как относилась к нему Сальпетриерская школа.

Сближение гипноза с болезненными изменениями сна. Однако с признанием гипноза видоизменением естественного сна не совсем исключается и сближение гипноза, особенно глубоких его степеней, с неврозом. Дело в том, что нам известны первые состояния, представляющие собою видоизменения сна, которые должны быть родственны гипнозу. Такое состояние известно под названием естественного сомнамбулизма. Последний представляет собою явление хотя и самостоятельно возникающее, но несомненно родственное гипнозу, вызываемому искусственными приемами. Это доказывается не только тем, что в гипнозе по внушению, как я убедился, вызываются все решительно явления, которые мы наблюдаем и в естественном сомнамбулизме, но еще и тем, что больные, бывшие в припадке естественного сомнамбулизма, обыкновенно, придя в себя, не припоминают ни одного из своих действий, совершенных в этом припадке, но если их привести затем в гипнотическое состояние, то они в состоянии решительно все воспроизвести из того, что с ними было в течение сомнамбулического состояния.

В этом отношении я могу привести один из поучительных примеров, уже давно мною описанный, но тем не менее не потерявший еще своего интереса и в настоящее время⁴. Дело шло о женщине, которая под влиянием внушения легко впадала в гипноз, но у нее же наблюдались и припадки естественного сомнамбулизма в ночное время. Во время одного из этих припадков больная свихнула себе большой палец, причем на постели она нашла себя в платье, на котором оказались высохшие листья деревьев, и по этому обстоятельству — так как она хорошо помнила, что накануне легла, раздевшись, — она могла заключить, что она вставала ночью и где-то ходила между деревьями. В другой раз она проснулась с отмороженными пальцами. Дело было зимой. Это опять-таки служило указанием, что больная ночью где-то бродила вне дома, но где именно — она *сказать, как и вообще что-либо припомнить*, не могла. Таких припадков сомнамбулизма с больной случалось немало — тем более что она страдала ими еще с юношеского возраста.

События, бывшие с нею во время припадков сомнамбулизма, однако тотчас же разъяснились, как только я подверг больную сеансам гипноза. В состоянии гипноза она могла рассказать свои ночные путешествия со всеми мельчайшими деталями. Оказалось, что в первом случае больная, встав ночью, оделась и направилась в сад, где имелся старый закрытый колодец. Она вознамерилась покончить с собою, бросившись в колодец, но оказалось, что крышка была прихлопнута плотно, и тут при безуспешных попытках открыть старый колодец она свихнула себе большой палец, после чего вернулась домой и легла в постель в платье. Во втором случае больная вышла из дому в зимнюю стужу недостаточно тепло одетой. Шла по улицам довольно далеко, вышла за город и затем вернулась домой, познобив себе пальцы.

Таким образом, очевидно, что между состоянием естественного сомнамбулизма и состоянием глубокого гипноза имеется столь близкая аналогия, что состояние психической сферы может быть признано и там и здесь одинаковым, если принять во внимание, что воспроизведение внутренних переживаний по известному психологическому закону возможно только в одинаковых психических состояниях. Ведь и воспроизведение из состояния глубокого гипноза возможно лишь в подобном же состоянии глубокого гипноза.

Отсюда очевидно, что между естественным сомнамбулизмом и гипнозом можно провести такое сближение: и сомнамбулизм, и глубокий гипноз — оба представляют собою видоизменения обыкновенного сна, причем одно развивается самостоятельно, как необычное или ненормальное состояние сна, вызываемое болезненными его нарушениями, часто наблюдаемое, между прочим, в юношеском возрасте, второе же вызывается искусственно с помощью особых приемов.

Это сближение может быть проведено еще дальше, если мы примем во внимание, что может развиваться так называемый автогипноз, т. е. больные, подвергавшиеся сеансам гипноза, сами иногда впадают в гипноз. В этом случае, следовательно, последний развивается уже самостоятельно, как и обыкновенный сон.

Следует также отметить, что во время гипноза мы можем путем внушения воспроизвести все явления естественного сомнамбулизма и, с другой стороны, путем внушения же в гипнозе мы можем устранить и естественный сомнамбулизм, т. е. излечить его.

Таким образом, аналогия между гипнозом и естественным сомнамбулизмом представляется почти полной. Но естественный сомнамбулизм — явление ненормальное и в известных случаях болезненное, представляющее собою как бы болезнь сна.

С другой стороны, в известном родстве с естественным сомнамбулизмом стоит и такой невроз, как истерия, припадки которой также представляют собою снопоподобные состояния и даже как бы патологические состояния сна. Возьмем, например, состояние, известное под названием истерического сна, которое в значительной мере напоминает собою действительный сон. Да и другие истерические состояния с так называемым помрачением сознания вполне напоминают собою сновидные состояния. И из истерического припадка, как и из естественного сомнамбулизма, опять-таки можно вызвать воспроизведение в состоянии гипноза, а с другой стороны, с помощью внушения в гипнозе можно вызвать все проявления истерических припадков и, само собою разумеется, устранить их.

Что касается другого более тяжелого общего невроза — эпилепсии, то хотя и можно здесь найти внешнее сходство между так называемым эпилептическим автоматизмом и глубоким гипнозом и даже, как показывают позднейшие исследования, произведенные во Франции и у нас в клинике, имеется возможность до некоторой степени постепенно устранить при посредстве глубокого гипноза и путем целого ряда настойчивых и последовательно проводимых в гипнозе внушений амнезию этих состояний, но несомненно, что эпилептические приступы не могут быть воспроизводимы в настоящем виде с помощью гипноза, как не могут они быть и устраняемы гипнозом, откуда очевидно, что дальше естественного сомнамбулизма и истерии сближение глубокого гипноза вести нельзя.

Говоря о сближении глубокого гипноза с сомнамбулизмом и истерией, конечно, мы ничуть не разделяем

взгляда Шарко, понимавшего гипноз как состояние нервное, или невроз, подобный истерии.

Как уже сказано ранее, мы рассматриваем гипноз как видоизменение обыкновенного сна. Но так как естественный сомнамбулизм, как болезнь сна, и истерический припадок, как сноподобное состояние, родственны обыкновенному сну, то отсюда нетрудно понять, почему могут быть установлены точки сближения между гипнозом и естественным сомнамбулизмом и истерией, как имеются точки сближения между обыкновенным сном и сомнамбулизмом и истерическими припадками, хотя никто не станет отождествлять обыкновенный сон ни с сомнамбулизмом, ни тем более с истерией.

О природе гипноза как видоизменения сна. Возникает вопрос: в чем же, в сущности, состоит видоизменение сна, которое мы называем гипнозом?

Принимая во внимание те особенности, которые отмечаются как особенности гипнотического сна, мы имеем основание полагать, что гипноз не есть только внушенный сон, как полагает Бернгейм, а является своеобразным видоизменением сна, связанным с эмоцией, вызванной самим усыплением.

Рассмотрим еще раз последовательно вышеуказанные отличия гипноза от обыкновенного сна.

Первая особенность, состоящая в том, что с за-гипнотизированным лицом можно говорить и можно делать ему различные внушения, которым он повинуетя, как известно, встречается иногда и при обыкновенном сне. Есть лица, которые постоянно спят таким образом, что с ними можно говорить, получать от них ответы, можно им то или другое внушать и таким путем заставлять проделывать то или другое. Как известно, такого рода лица иногда служат предметом забавы их сотоварищей, которые проделывают над ними те или другие шутки.

Некоторые полагают даже, что можно из обыкновенного сна приводить людей в гипнотический сон. Тем не менее ясно, что обыкновенный сон, кроме исключительных случаев, не сопровождается явлениями внушаемости, но если мы представим себе, что усып-

ляемый в гипнозе засыпает с эмоцией, вызванной усыпляющими приемами гипнотизатора, то все явления внушаемости вполне объяснимы, так как именно эмоция сопровождается таким состоянием, которое чрезвычайно располагает к внушаемости. Известно, напр., как легко прививаются путем самовнушения различные навязчивые состояния при пережитой эмоции страха и как легко осуществляются целебные самовнушения при религиозной эмоции, связанной с ожиданием исцеления.

Если мы обратимся к вопросу об амнезии, то нужно опять-таки иметь в виду, что амнезия не свойственна в полной мере обыкновенному сну. Мы обыкновенно можем рассказать те сновидения, которые испытываем во сне пред самым пробуждением, но эмоция обыкновенно сопровождается запоминанием всего происшедшего.

Что касается особенности глубокого гипнотического состояния, заключающейся в установлении особого отношения между гипнотизатором и усыпленным и характерной для глубокого гипноза, то хотя она и не наблюдается в обыкновенном сне, но ведь обыкновенный сон, как мы уже говорили выше, и не вызывается посторонним лицом по внушению, как гипноз, а представляется явлением, развивающимся самостоятельно при известных условиях, и потому естественно, что в нем не может быть вышеуказанной особенности, свойственной глубокому гипнозу как сну, связанному с эмоцией ожидания, обусловленного приемами усыпления и направляющего сосредоточение на гипнотизатора.

В согласии с этим стоит и то обстоятельство, что вышеуказанная особенность, объясняемая условиями вызывания гипноза, сопровождающегося сосредоточением со стороны усыпленного на личности гипнотизатора, не наблюдается в случаях менее глубокого гипноза, когда сосредоточение не вполне поглощается личностью гипнотизатора и его действиями.

Таким образом, из всего вышеизложенного нетрудно усмотреть, что различия между обыкновенным сном и гипнозом в сущности объясняются условиями вызывания гипноза как искусственного усыпления, связанного с эмоцией.

Что касается других явлений, наблюдаемых в гипнозе, как, напр., ослабление чувствительности, общее ослабление двигательной сферы, закрытие глаз, некоторое повышение сухожильных рефлексов при ослаблении кожных рефлексов и пр., то они представляют аналогию с теми изменениями, которые в этих функциях наблюдаются при обыкновенном сне; но некоторые явления соответствуют состоянию эмоции: так, напр., пульс в гипнозе, по исследованиям, производившимся у нас, является несколько учащенным (д-р Лазурский), что представляет различие от обыкновенного сна, объясняемое участием эмоции, связанной с усыплением. Также и в дыхании можно обнаруживать иногда явления, соответствующие эмоции.

Прежде чем покончить с вопросом о природе гипнозизма, необходимо еще остановиться на одном мнении, которое рассматривает гипноз просто как эмоцию.

Хотя это мнение и заявляется некоторыми из авторов, но я не вижу основания, чтобы долго задерживаться на этом взгляде. По моему убеждению, это мнение не опирается ни на один достоверный факт. Если гипноз есть только эмоция, то спрашивается, почему обыкновенный сон не эмоция? И затем, если гипноз есть только эмоция, то возникает вопрос, какая это эмоция и какое биологическое значение она имеет, так как все вообще эмоции имеют всегда известное биологическое значение. Если гипноз есть только эмоция, то спрашивается, где и при каких условиях она наблюдается в природе? Если гипноз есть только эмоция, то почему при нем глаза остаются закрытыми? Наконец, известно успокаивающее влияние гипноза, которое нельзя также согласовать с предположением о гипнозе как простой эмоции.

Различные фазы гипноза и его классификация. Теперь наступил момент спросить себя: если гипноз есть видоизменение обыкновенного сна, связанное с эмоцией, то существуют ли три фазы гипноза, согласно учению Сальпетриерской школы? Признав открытые этой школой факты реальными, необходимо в то же время иметь в виду, что такие фазы, которые различаются Сальпетриерской школой, могут быть наблю-

даемы только в случаях истерического гипноза, если можно так выразиться, причем они обусловлены в значительной мере невольным внушением или самовнушением истеричных, подвергавшихся частым сеансам гипноза. Всеми, однако, ныне признается, что, как правило, эти фазы в действительности не существуют. Впрочем, и представители Сальпетриерской школы не отрицают, что случаи гипноза, где имеются описанные три фазы, редки; но Шарко признавал в них как бы наиболее полное выражение гипнотизма, а потому рассматривал эти случаи как типичные и, следовательно, наиболее подходящие для изучения. Однако вряд ли кто-нибудь согласится с тем, что редкие случаи должно рассматривать как случаи типические. Наконец, и истерический невроз может вносить и, несомненно, вносит в явления гипноза свои особенности, свой отпечаток, иначе говоря, на истеричных мы можем встретиться с гипнозом, как бы осложненным истерическими проявлениями, а поэтому такие случаи истерического гипноза уже по тому одному не могут быть рассматриваемы как типические случаи гипноза, что и для истеричных эти случаи являются далеко не частыми.

Итак, описанные Шарко три фазы гипноза суть не что иное, как фазы истерического гипноза, или гипноза истеричных⁵, при котором немало явлений выпадает на долю самовнушения и невольного внушения со стороны гипнотизатора, причем, и для истеричных эти фазы вряд ли также являются типичными, особенно если истерию рассматривать с той широкой точки зрения, которой научил нас держаться сам Шарко, — если, словом, к истерии причислять не только случаи так называемой большой истерии, но и случаи обыкновенной, или малой, истерии и даже все случаи с так называемыми истерическими признаками, или стигматами.

Надо, однако, заметить, что если классификации Сальпетриерской школы не находят защитников ввиду некоторой искусственности и необычайной редкости тех явлений, которые легли в основание ее учения, то все вообще классификации Нансийской школы, не исключая и Форелевской, отличаются недостаточной

определенностью. Сам Бернгейм о своей классификации с 9 степенями гипноза, в основании которой лежит сохранение или отсутствие воспоминания по пробуждении, говорит: «Все эти степени — чисто искусственные и суть не что иное, как точки опоры при описании. Но ошибочно думать, что всякий субъект непременно подходит под один из этих классов. Психическое состояние, определяющее у каждого эти явления, бесконечно разнообразно. Здесь все индивидуально».

Это замечание одинаково относится также и к другим классификациям Нансийской школы.

В настоящее время вообще нет удовлетворительной классификации гипноза. И в самом деле, как можно классифицировать не имеющие строгих границ и постепенно переходящие друг в друга степени одного и того же состояния, притом в различных случаях проявляющегося далеко не одинаковым образом? Вот почему все классификации подобного рода не могут не быть искусственными, и мы только ради практических интересов можем остановиться на той или другой классификации.

Мы думаем, что правильнее всего ради практических целей различать пока малый гипноз, средний гипноз и глубокий гипноз.

При малом гипнозе глаза закрыты, но они могут быть открываемы по произволу, хотя обыкновенно и с некоторыми усилиями. Подчинение воле исследователя имеется, но оно не настолько значительно, чтобы гипнотизируемый не мог бороться с внушениями. Отношение к внушениям зависит в этом случае главным образом от личности и отношения ее к гипнотизирующему. Внушения, следовательно, могут быть действительны в этом случае лишь при отсутствии сопротивления со стороны гипнотизируемого лица и при вере в их действие. При этом большая часть сделанных внушений припоминается по пробуждении от гипноза.

При средней степени гипноза, или так называемом очаровании (гипотаксии), гипнотизируемый уже не может выйти сам из гипноза, он подчиняется внушениям по крайней мере в такой мере, в какой они не

расходятся с его основными нравственными воззрениями. При этом во время гипноза он ориентируется в отношении окружающего и по пробуждении в большинстве случаев мало помнит о сделанных внушениях.

Глубокий гипноз характеризуется более или менее полным подчинением личности, осуществлением самых разнообразных внушений по выходе из гипноза и, наконец, нередко особым отношением к гипнотизатору со стороны спящего; при этом обыкновенно ни одно из внушений не помнится загипнотизированным по выходе из гипноза, если, конечно, не сделано специального внушения помнить все и вне гипноза.

Само собою разумеется, что эти три степени гипноза различествуют не только в отношении психических явлений, но и по своим физическим признакам.

При малом гипнозе физические явления весьма незначительны: можно констатировать лишь некоторую пассивность членов и отяжеление век и затем ничего другого со стороны двигательной сферы.

При средней степени наблюдается уже легкая анестезия и притупление функций органов чувств, более или менее значительная пассивность всех членов и невозможность открывать глаза.

При глубоком гипнозе наблюдается более или менее глубокая анестезия, повышение рефлексов и значительное понижение функции воспринимающих органов, за исключением того, что в отношении гипнотизирующего и его внушения может появляться даже повышенная чувствительность (так называемый избирательный сомнамбулизм).

Способы вызывания гипноза. Обращаясь к вопросу о вызывании гипноза, необходимо иметь в виду, что для этого с пользою могут служить различные способы, из которых одни могут считаться физиологическими, так как они действуют непосредственно на те или другие из воспринимающих органов и последовательно на мозг, тогда как другие суть так называемые психические приемы, так как они рассчитаны на действие при участии репродуктивно-сочетательной деятельности высших центров.

Рассмотрим с самого начала физиологические возбудители гипноза, не предрешая, впрочем, способность их влияния исключительно только в физиологическом смысле, против чего высказывается Нансийская школа.

Можно вызвать гипноз действием на различные воспринимающие органы, причем по характеру эти раздражения могут быть слабые и продолжительные или, наоборот, сильные и внезапные. Так, в отношении зрения можно пользоваться фиксацией взгляда на блестящем предмете или вообще фиксацией взгляда на помещенном перед глазами предмете; с другой стороны, мы можем пользоваться внезапным возгоранием магния, внезапно брошенным в глаза электрическим или солнечным снопом света.

В органе слуха приемом для усыпления может служить всякий вообще однообразный убаюкивающий звук, но для той же цели могут служить и внезапные и сильные раздражения звуками тамтама и других инструментов, которыми пользовались в Сальпетриере.

В органе осязания хорошими усыпляющими приемами являются пассы, продолжительное сжимание пальцев, методическое массирование и пр. С другой стороны, гипноз является и при внезапном давлении на особые чувствительные области, называемые истерогенными или гипногенными (у истеричных).

Из влияний на мышечное чувство можно отметить методические пассивные движения членов как метод, вызывающий гипноз.

Можно ли вызвать гипноз действием на органы обоняния и вкуса, не удалось еще показать, хотя Бине и Фере склоняются в пользу такой возможности.

Из психических приемов наиболее существенным является внушение, которое состоит как бы в прививании идеи сна; наиболее действительным в этом отношении, без сомнения, является словесное внушение, которое опять-таки может быть производимо или в виде постепенного возбуждения ассоциаций о сне с помощью заявлений, что гипнотизируемый чувствует отяжеление век, рук и ног, что сон приближается, что сон наступает и т. п., или же его можно вызывать простым повелительным заявлением: «Спите!»

Почему именно эти два различных приема — медленных и методических воздействий, с одной стороны, и внезапных и сильных — с другой, — приводят к развитию гипноза, нетрудно догадаться. Дело в том, что и та и другая форма внешних раздражений действует угнетающим образом на психику, что, очевидно, и способствует развитию гипнотического состояния.

Здесь важно отметить, что строгое разграничение между физиологическими и психическими приемами гипнотизации не может быть проведено, так как и с физиологическими воздействиями может связываться ассоциация о сне. Представители Нансийской школы, как мы видели выше, утверждали даже, что все так называемые физиологические приемы везде и всюду возбуждают гипноз не иначе как путем прививания идеи сна.

Действительно, можно опытным путем доказать, что он может быть вызван тем или иным влиянием, с которым связана мысль о сне. Сюда относится, напр., сочетание по счету. Приблизительно заявляется, что данное лицо заснет при счете на 10-й цифре, причем безразлично, будет ли счет предоставлен самому гипнотизируемому лицу, или же его будет вести гипнотизер, но на 10-й цифре сон обыкновенно наступает, по крайней мере у тех лиц, которые уже раньше подвергались гипнозу.

Само собою разумеется, что вместо счета может быть взято для усыпления и всякое другое раздражение, с которым предварительно будет связана мысль о засыпании. Таким образом, самый факт возможности вызывания гипноза психическим путем, т. е. путем ассоциации, но при посредстве тех или других внешних физиологических воздействий, представляется несомненным.

Но всегда ли дело обстоит именно таким образом?

Мы уже видели, что это на самом деле не так. Дело в том, что и у лица, не имевшего никакого понятия о гипнозе, методическое поколачивание по большой берцовой кости вызывало гипнотический сон. С другой стороны, пассивное методическое движение стоп в голеностопном сочленении вызывало у интеллигентного больного с параличом ног глубокий гип-

ноз, в то время как словесное внушение могло вызвать лишь слабый гипноз.

В подтверждение сказанного я могу еще указать на одну больную, которая быстро впадала в глубокий гипноз под влиянием сильного освещения ее глаз с помощью зеркала и которая в то же время путем внушения не могла быть приведена в глубокий гипноз, а обнаруживала лишь легкую дремоту.

Из наиболее удобных в практическом отношении и наиболее простых психических приемов гипнотизации должно быть признано словесное внушение с постепенным прививанием ассоциации сна. При этом субъекту внушается, чтобы он сосредоточился на том, что он засыпает, что он при этом все более и более погружается в сон и что уже начинает спать. Из физических же приемов более простым является фиксация какого-либо, всего лучше небольшого, блестящего предмета, напр. хотя бы металлической головки врачебного молотка. Но первый способ, в отдельности применяемый, иногда требует более или менее продолжительного времени для осуществления. Второй способ с фиксированием блестящего предмета имеет то существенное неудобство, что при продолжительном смотрении обуславливает значительное утомление глаз, приводящее иногда к тем или другим нервным проявлениям, а между тем усыпление почти никогда при этом способе не наступает скоро.

По моим наблюдениям, гипноз скорее всего наступает, если мы будем для усыпления совмещать тот и другой способ. Поэтому в своей практике я пользуюсь обыкновенно головкой врачебного молоточка, на которую предлагаю гипнотизируемому смотреть, и вместе с тем тотчас же приступаю к словесному внушению, предлагая сосредоточить мысль на том, что он начинает засыпать, что он уже чувствует приближение сна, что он засыпает и т. п. Если в течение нескольких секунд глаза гипнотизируемого лица не закрываются при постепенном прививании ассоциации о сне и при фиксировании предмета, то я устраняю головку молоточка от глаз и делаю тотчас же внушение: «Закрывайте глаза и спите», которое обычно и приводит к желаемому результату. Вся операция с вновь

гипнотизируемыми лицами не требует времени больше нескольких секунд, самое большее одной-двух минут.

Что же касается тех лиц, которые гипнотизировались раньше, то дело обстоит еще проще. Им достаточно бывает произнести несколько слов внушения и приставить головку молоточка к глазам, чтобы усыпление уже наступило. У испытанных гипнотиков, конечно, можно ограничиваться и одним повелительным «Засните!».

Должно иметь в виду, что усыпление весьма мало зависит от желания или нежелания заснуть. Намеренное желание достигнуть сна скорее вредит наступлению гипноза и во всяком случае ему не содействует. С другой стороны, скептицизм по отношению к гипнозу и уверенность больного, что он не может поддаться гипнозу, ничуть не препятствуют развитию гипноза. Один пациент в этом отношении недурно выразил в нескольких строфах, как его скептицизм был разбит силою действительности:

Вчера я в первый раз испытывал гипноз.
 Артист в душе, я верю месмеризму.
 Сперва лег на диван, фиксировал свой нос
 И перестал вдруг верить гипнотизму.
 Лежал, закрыв глаза, но слышал все прекрасно:
 И ровный тембр врача, и пассы его рук —
 И думал про себя: «Напрасно, все напрасно,
 Мне не изгнать моих душевных мук».
 И вдруг услышал я: «Страданья прекратятся.
 Хотя не вдруг, но будет легче вам».
 А я лежал, хотелось мне смеяться.
 И слышал конки звон и дребезжанье рам.
 Лежал так пять минут. Вдруг тяжесть в организме,
 Отек в руках, ногах почувствовал я вдруг.
 «Вы погрузились в сон. Теперь вы в гипнотизме».
 И что ж, не мог поднять никак своих же рук.
 Что ж это — сон? Иль, может, онеменье?
 Но я уверен в том, что я тогда не спал.
 «Ах, как желал бы выяснить сомненье,
 Решить — то был гипноз, иль только я устал.
 Болезни нервные гипнозу поддаются,
 Уверен в том. Я верю в месмеризм!
 Но сила Месмера лишь избранным дается,
 Итак, еще сеанс — и к черту пессимизм.

Об условиях, затрудняющих развитие гипноза, и о распространенности гипноза. Здесь необходимо ска-

зать о некоторых индивидуальных и внешних условиях, которые препятствуют развитию гипноза.

В числе этих условий следует упомянуть о сильной эмоции больного, вызванной каким-либо посторонним влиянием и не устраненной во время процесса гипнотизирования.

В числе других эмоций следует иметь в виду и желание иметь сон во что бы то ни стало. Так, некоторые не засыпают потому, что усиленно хотят заснуть, и волнуются тем, что они не могут заснуть.

В пояснение сказанного необходимо здесь привести пример Ч. Дарвина с чиханием. Известно, что Дарвин держал пари с 12 лицами о том, что они не будут чихать от щепотки нюхательного табаку. Все уверяли, что они всегда чихают под влиянием нюхательного табаку, но когда пришлось чихать на пари, то под влиянием усиленного желания чихнуть на самом деле и боязни, что это им не удастся, оказалось, что у всех 12 лиц чихания от табаку действительно не наступило, и всеми ими пари было проиграно.

Эмоция сомнения и боязни, связанная с сильным желанием, здесь привела к угнетению рефлекса и как бы парализовала самый акт чихания.

То же может случиться и с гипнотизируемыми лицами. Горя сильным желанием сна и боясь, что они могут не заснуть, они и действительно не засыпают.

Вопрос, все ли лица подвергаются гипнозу, на практике решается, за некоторыми исключениями, в положительном смысле; правильнее будет сказать, что гипноз может быть вызван у огромного числа лиц. Надо, однако, сказать, что те редкие лица, которые не могут быть загипнотизированы обычными приемами, имеют, как я убедился, твердое убеждение, что они не могут заснуть, и в то же время боятся самого усыпления. Вообще при первых же попытках гипноза у них появляется ассоциация, связанная с соответствующей эмоцией страха, которая настолько противодействует внушению и другим употребляемым приемам гипнотизации, что они

оказываются в таком случае бессильными. Это, конечно, не значит, что тех же лиц нельзя было бы усыпить другими приемами или при других условиях. Все дело в том, чтобы побороть и ослабить идею страха, противодействующую гипнотизации. С другой стороны, развитию гипноза нередко оказывает пользу предварительное применение гипнотических средств, а также большее или меньшее расположение ко сну, утомление умственное и физическое и пр. Наконец, и личность гипнотизирующего, его большая или меньшая авторитетность в глазах больных, его приемы и некоторое искусство при существовании уверенности в своих действиях, без сомнения, не остаются без значения в отношении большего или меньшего успеха при гипнотизации.

Благодаря этим условиям цифры, которыми обозначают число лиц, подвергаемых гипнозу, у различных исследователей представляются неодинаковыми.

На основании личного опыта я прихожу к заключению, что огромное большинство лиц может быть усыпляемо теми или другими известными нам приемами. Однако степень, или глубина, сна у различных лиц далеко не одинакова. К сожалению, у многих лиц мы имеем неглубокие степени сна. И хотя у некоторых удается первоначально слабую степень сна перевести при последующих сеансах в более глубокую, однако это далеко не может считаться правилом, и многие лица, таким образом, навсегда остаются при слабых степенях сна, которыми, впрочем, также можно пользоваться с терапевтическими целями.

Об объективных признаках гипноза и внушения. Возникает далее вопрос, в чем заключаются объективные признаки гипноза. Вопрос этот в прежнее время имел большое значение, так как некоторые скептики ставили вообще под сомнение самую реальность гипноза как известного явления. Ныне, конечно, таких лиц не имеется или почти не имеется. Тем не менее вопрос об объективных признаках гипноза не лишен значения и ныне в судебно-психиатрическом отношении.

Дело в том, что гипноз может быть орудием для совершения преступления. Известно уже несколько дел, в которых гипнотическое внушение играло роль как средство, возбуждающее любовь женщин к мужчине и тем самым приводящее к их изнасилованию. С другой стороны, бывали примеры, что женщины ложно обвиняли тех или других лиц в гипнотизации их с целью лишения чести. Кроме того, и по другим основаниям гипноз может быть предметом судебно-психиатрического исследования. В таких случаях, конечно, должны иметь особую цену так называемые объективные признаки гипноза и осуществления производимых в нем внушений.

Для выяснения объективных признаков гипноза много сделано Сальпетриерской школой, отчасти и Нансийской (например, Beaunis), однако в этом вопросе многое еще остается сделать. Что касается тех фаз, о которых говорит Сальпетриерская школа, то обыкновенные признаки их состоят в следующем: при летаргии явления повышенной нервно-мышечной возбудимости служат, по Рише, несомненным признаком этого состояния, так как вызываемые контрактуры совершенно будто бы отвечают анатомическим и физиологическим данным. Что касается каталептической фазы, то, по наблюдениям Шарко и Рише, чертежи, получаемые с удерживаемого на весу члена каталептиков или притворщиков, дают существенную разницу в том, что в первом случае линия выходит прямою, а во втором случае — ломаную*. Также и в дыхании имеется существенная разница между тем и другим состоянием.

Объективным признаком сомнамбулической фазы опять являются контрактуры, вызываемые при поверхностных раздражениях. Обращали внимание также на электрические явления в мышцах загипнотизированных. По указаниям Мендельсона, скрытый период сокращения мышцы в гипнозе будто бы короче, нежели в бодрственном состоянии.

* Значение этого наблюдения, впрочем, оспаривается другими авторами.

Но все эти признаки, очевидно, относятся к тем формам истерического гипноза, которые вообще, как мы видели, представляют собою явление относительно редкое.

Гораздо важнее иметь в виду те признаки, которые изобличают наступление обыкновенных форм гипноза.

В этом отношении, на мой взгляд, заслуживают внимания следующие признаки:

1) изменение в глубоком гипнозе тембра голоса, который обыкновенно становится более глухим и более слабым, что указывает на изменение тонуса гортанных мышц в смысле их расслабления;

2) более или менее ясное понижение чувствительности, объективно проверяемое по реакции зрачка;

3) более или менее заметное повышение сухожильных рефлексов и понижение кожных рефлексов;

4) ослабление и некоторое ускорение пульсовой волны, которая, с другой стороны, при нормальном учащении становится более медленной;

5) более ровное и спокойное дыхание.

Большинство этих признаков, однако, нелегко уловимо без соответствующих записывающих приборов, что лишает их в значительной мере практического значения. Ввиду этого особенно важным доказательством наступления гипнотического состояния является внушаемость, которая должна быть доказана объективным путем.

Что касается осуществления внушений, то об этом мы можем судить по тем или иным внешним реакциям. В числе этих внешних реакций в практическом отношении особую цену имеют изменения со стороны дыхания и пульса, а также изменения в мимике лица, которые особенно ярко бывают у нервных лиц с подвижными чертами лица.

Для того чтобы извлечь пользу из тех изменений, которые наблюдаются под влиянием внушений, полезно вообще регистрировать пульс и дыхание с помощью записывающего метода. Затем можно делать те или другие внушения в виде мнимого впечатления, производимого на воспринимающие органы загипнотизированного, или же внушения, возбуждающие ту или другую эмоцию. Например, внушается, что человек испытывает

сильную боль, видит перед собою страшную картину, видит злую собаку, змею, ползущую неподалеку от него, и т. п.

Нет надобности говорить, что все эти внушения резко отражаются как на пульсе, так и на дыхании, причем изменения этих функций могут оказаться очень демонстративными, особенно со стороны дыхания, на котором отражается почти всякое внешнее воздействие в той или иной степени, а эмоция выражается всегда крайне резким изменением дыхания.

Что касается мимики, то, как я убедился, она также представляет в известных случаях важный объективный признак осуществления внушения, особенно при внушениях вкусовых, обонятельных и эмоциональных. Само собою разумеется, что изменение мимики может быть зафиксировано с помощью фотографии. Но мимика служит прекрасным объектом исследования лишь у известного числа лиц, у которых она отличается живостью и в нормальном состоянии. У лиц же с малоподвижной мимикой она и в гипнозе не отличается большою живостью, и дело с фотографированием мимики при соответствующих внушениях хотя и может дать убедительные картины, но далеко не столь демонстративные, как в первом случае. Впрочем, различие здесь, по-видимому, зависит и от действия самого внушения на гипнотизируемого.

О природе гипнотического внушения. Хотя выше мы и определили гипнотизм как видоизменение естественного сна, связанного с эмоцией ожидания; но это определение еще не выясняет нам природы гипнотического внушения, которая до сих пор остается не выясненной работами авторов, писавших о гипнозе.

Чтобы определить ближе, что такое гипнотическое внушение с психологической стороны и в чем сущность его влияния, необходимо иметь в виду двойственную природу раздражений, достигающих мозга, и вместе с тем двойственный характер восприятия, о которых я подробно говорю в другом месте⁶. Одни раздражения приходят к мозгу от внутренних областей тела и обусловлены разнообразными органическими процессами. Они возбуждают в мозгу различного рода

органические впечатления, оставляющие в мозгу известные следы, способные к оживлению. Совокупность же этих следов образует органическую основу личности, или — в субъективном восприятии — основу «я».

Другой порядок раздражений притекает в мозг от воздействий, идущих извне организма и влияющих на мозг при посредстве так называемых внешних воспринимающих органов. Они являются материальной основой внешних впечатлений, субъективным показателем которых служат ощущения. Эти внешние впечатления в свою очередь оставляют по себе известные следы в центрах. Часть этих следов вступает в соотношение со следами, входящими в органическую основу личной сферы. Остальная часть внешних следов, не входящая в соотношение с органической основой личности, остается до поры до времени вне личной сферы; но при тех или других случаях путем сложной ассоциативной деятельности и эти следы от внешних раздражений могут входить в сферу личности, наполняя ее своим материалом; многие же из этих следов остаются надолго, а в известных случаях и навсегда вне сферы личности.

Так как органические раздражения подходят к мозгу непрерывно под влиянием постоянно совершающихся органических процессов, и притом начиная от первых начатков жизненных проявлений, то естественно, что органическая основа личности является постоянно оживляющейся группой следов, с которой связываются путем сочетания все реакции организма, направленные к обеспечению органических потребностей организма и к устранению от него вредных влияний. Точно так же и подготовительная реакция в виде сосредоточения стоит в тесной связи с непрерывно возникающей группой органических следов личной сферы.

Собственно, из внешних впечатлений и образуемых ими следов лишь те, которые возбуждают ту или другую органическую реакцию, вступают в соотношение со сферой личности и становятся ее достоянием, другие же внешние впечатления и их следы, как мы уже говорили, до поры до времени не входят в сферу личности.

В этом случае собственно вышеуказанные органические реакции или, точнее говоря, получаемые от них впечатления и их следы и служат посредствующими ассоциациями, устанавливающими сочетание между внешними впечатлениями и их следами и сферой личности. Остальные впечатления и их следы, оставаясь вне сферы личности, тем не менее возбуждают те или другие внешние двигательные или иные реакции, которые в большинстве случаев не вступают в соотношение с личностью, иначе говоря, остаются не замеченными нами.

Сюда относится целый ряд психорефлекторных двигательных реакций, как наша ходьба, мимические движения и множество других движений, которые принято называть автоматическими.

Надо, впрочем, иметь в виду, что с момента, когда эти движения возбуждают реакцию сосредоточения, они вступают уже в соотношение со сферой личности и становятся в прямую от нее зависимостью.

Равным образом и происходящая вне сферы личности ассоциативная деятельность, вступая путем внутреннего сосредоточения (внимания) в соотношение со сферой личности, становится как бы ее достоянием и становится от нее зависимой в том смысле, что может быть оживляема под влиянием личных потребностей.

Так как органические раздражения, следы которых входят в сферу личности, являются выразителями состояния органических функций организма и его потребностей, то очевидно, что сфера личности является главным руководителем действий и поступков человека, направление которых находится в зависимости от органических потребностей организма, тогда как цель определяется теми внешними впечатлениями, которые стоят в ближайшей ассоциативной связи с этими потребностями.

Равным образом и управление ходом ассоциаций стоит в значительной мере в соотношении со сферой личности и регулируется также личными потребностями, возникающими на почве органических раздражений. Благодаря этой регуляции ассоциативной деятельности не только ход многих ассоциаций направляется соответственно личным потребностям, но и

становится возможным то планомерное их течение, которое известно под названием суждения.

Такова в общих чертах схема нашей психики в бодрственном ее состоянии, как мы ее понимаем на основании данных объективной психологии⁷. Но как известно, бодрственное состояние сменяется сном. В чем же состоит перемена, наступающая вместе со сном, которому человек уделяет около $\frac{1}{3}$ своей жизни?

Мы не войдем в рассмотрение того, какими физиологическими условиями, связанными с деятельным состоянием организма, обуславливается сон, являющийся защитой организма от крайнего переутомления, и даже чем он непосредственно обуславливается. Таким образом, мы оставим в стороне различные теории сна, но здесь постараемся выяснить те особенности, которыми характеризуется сон с психологической стороны.

Прежде всего с внешней стороны сон характеризуется пассивностью двигательной сферы, но эта пассивность зависит от полной невозможности произвести хотя бы одно личное движение, тогда как все другие движения, как, например, рефлекторные и даже психорефлекторные (например, чесание, смех, плач, стон и пр.), в случаях внешних раздражений или под влиянием возникающих внутренних импульсов остаются сохранными.

Так как личные движения, лежащие в основе так называемых поступков и действий, как мы уже знаем, находятся в прямой зависимости от сферы личности, то ясно, что наиболее существенная особенность сна заключается если не в полном подавлении личности, то во всяком случае в таком ее угнетении, которое устраняет всякую власть над движениями. Вместе с тем подавляются, очевидно, и все ассоциации, стоящие в связи со сферой личности. Тем не менее ассоциации не вполне исключаются во время сна. Как мы знаем, и в бодрственном состоянии впечатления и следы не всегда возникают в тесной связи со сферой личности, но вступают в последнюю как бы извне.

Так же точно и во сне, несмотря на подавление личности, возможна ассоциативная игра, развивающаяся независимо от самой личности, а в связи с

теми или иными внешними раздражениями. Что касается ассоциаций, то во время сна вместе с подавлением личности и регуляция их представляется существенно нарушенной, вследствие чего во сне ассоциации принимают совершенно беспорядочный характер, причем и самокритика, правильно оценивающая отношение личности к окружающему, а также отношение других к самому себе, совершенно утрачивается.

Дальнейшая особенность, которую мы должны отметить во сне, — это необычная яркость оживляемых следов, или сновидений, уподобляемая галлюцинаторным образам и выражающаяся иногда в резких изменениях сердцебиения и дыхания и в развитии секреторных отправлений (пот, поллюции) и пр. Эта особенная живость следов, оживляющихся во сне путем ассоциативной деятельности, должна быть поставлена в связь с подавлением сферы личности, действующей, как можно полагать на основании целого ряда данных, задерживающим образом на многие нервно-психические отправления и вместе с тем на яркость оживляемых следов. Отсюда понятно, что оживляющиеся следы под влиянием игры ассоциаций достигают живости, далеко превосходящей ту, которую мы наблюдаем в бодрственном состоянии при оживлении следов, исключая патологические случаи с галлюцинациями, в большинстве также связанными с подавлением личности.

Таким образом, характеристикой сна является подавление личности, приводящее к устранению личных движений и развитию пассивности, к устранению ее регулирующего влияния на течение ассоциаций, которое становится беспорядочным и вместе с тем сопровождается устранением самокритики, и к устранению угнетающего ее влияния на оживление следов, благодаря чему последние при оживлении достигают яркости галлюцинаторных образов или внешних впечатлений.

Что касается развития сна, то хотя он несомненно стоит в связи с известными фазами физиологических процессов, но, с другой стороны, в развитии сна играет роль целый ряд побочных условий и даже такие психические моменты, как возможное устранение вся-

ких внешних раздражений при подавлении всех личных движений*.

С этими сведениями о сне обратимся опять к гипнозу, который, как мы уже ранее говорили, представляет собою не что иное, как видоизменение естественного сна, связанное с эмоцией ожидания.

Имея в виду все те данные, которые относятся ко сну, мы теперь легче уясним себе и природу гипноза.

Очевидно, что и гипноз представляет собою не что иное, как подавление личной сферы, благодаря чему в нем, подобно тому, как и во сне, наблюдается более или менее полная пассивность двигательной сферы с утратой личных движений; другие же движения, как рефлекторные и психорефлекторные, сохраняются. Но при этом психорефлекторные движения могут быть вызваны путем игры ассоциаций, возбуждаемой извне при помощи внушений, т. е. путем беседы с загипнотизированным лицом.

Благодаря этому загипнотизированный в силу возбуждаемой извне игры ассоциаций производит как бы автоматически движения ходьбы, подъемы, спуски по лестнице, прыжки через рвы, мытье рук и пр. Точно так же по возбуждаемой извне игре ассоциаций загипнотизированное лицо будет обнаруживать как бы судорожное сжимание мышц, контрактуры членов или — напротив того — их полный паралич, благодаря тому что игрой ассоциаций подавляются двигательные или, точнее, мышечно-суставные следы движения данных членов.

В иных случаях подавляются следы не всех вообще движений, а только определенных, и в таком случае мы имеем как бы утрату способности воспроизводить следы этого движения и, следовательно, утрату и самого движения.

Подобным же образом путем подавления следов от внешних раздражений устраняются в значительной мере и те рефлекторные явления, которыми они сопровож-

* Доказателен в качестве эксперимента в этом случае известный пример слепого больного с анестезией и односторонней глухотой, исследованного Штрюмпелем и засыпавшего вместе с затыканием здорового уха.

даются. По крайней мере произведенные нами исследования не оставляют сомнения в том, что резкие кожные раздражения, обусловленные действием сильного электрического тока, обыкновенно возбуждающие у всех бодрствующих лиц резкие изменения со стороны дыхания и сердцебиения и возбуждающие подобные же явления, хотя и в несколько меньшей степени, во время самого гипноза, почти совершенно устраняются или, по крайней мере, существенно ослабляются вслед за соответствующим внушением о нечувствительности и неспособности воспринимать внешние раздражения.

Словом, в гипнозе дело идет о возбуждении следов и ассоциаций или подавлении их, но и то и другое происходит независимо от личности, которая остается подавленной, а путем словесного внушения, иначе говоря, благодаря импульсам, приходящим извне.

Нетрудно уяснить себе также, что благодаря подавлению личности может быть возбуждаема в гипнозе такого рода ассоциативная игра, которая в бодрственном состоянии благодаря самокритике возбуждает внутренний отпор со стороны личности и подавляется, тогда как в гипнозе она получает свое развитие. Известно, что с усыпленным можно побывать и на Северном полюсе, и на Луне, и где угодно.

Что оживление следов по внушению здесь может достигать яркости галлюцинаторных образов, представляется вполне понятным после того, что мы говорили о сне и что нам известно о сновидениях.

Тою же живостью следов, вызываемых по внушению, объясняется возбуждение рефлексов в органической и двигательной сфере под влиянием ничтожных внешних раздражений, а иногда и при посредстве внушаемых, в действительности же мнимых раздражений. Находящемуся в гипнозе можно внушить резкую боль от давления тупым концом булавки, и у него возникнут не только рефлекторные оборонительные движения, но и расширение зрачка, а также наступят резкие изменения со стороны дыхания и деятельности сердца.

Равным образом, возбуждая устрашающие галлюцинации, напр. видение злой собаки, змеи и т. п., мы вызовем все признаки переживаемой загипнотизирован-

ным эмоции, сопровождаемой не только игрой мимики, но и соответствующими изменениями со стороны дыхания и сердцебиения.

Нам остается еще сказать несколько слов об амнезии, наблюдаемой в глубоких степенях гипноза.

Об этом явлении мы уже говорили выше, но теперь мы рассмотрим его с точки зрения наших взглядов на природу сна и гипноза.

Прежде всего следует иметь в виду, что воспроизведение в бодрственном состоянии в одних случаях стоит в зависимости от личной сферы и обуславливается установлением прочной связи между следами и личной сферой; во всех же других случаях воспроизведение происходит по игре ассоциации, независимо от связи следов с личной сферой.

Так как только первое воспроизведение может осуществляться по личным импульсам или по произволу, говоря языком субъективной психологии, второй же способ воспроизведения находится не во власти личности, то вполне понятно, что, выходя из состояния, в котором личность остается подавленной, человек не в состоянии воспроизвести все, что с ним творилось во время гипноза, по внушению извне; но достаточно установить связь между личностью больного и бывшими в гипнозе явлениями путем словесного внушения: «Помнить все и по пробуждении», чтобы припоминание всего бывшего в гипнозе в бодрственном состоянии было полное.

Лечебное применение гипноза и выяснение роли внушения. В лечебном отношении пользуются гипнозом, собственно, в двух направлениях: 1) пользуются самим гипнозом с той или другой лечебной целью, напр. для производства операций, для устранения острых болей, обусловленных теми или другими процессами, напр. родами, для предупреждения истерических припадков, для устранения раздражительного состояния больных и т. п.; 2) пользуются гипнозом для производства в нем тех или других внушений.

Как ни важно бывает в известных случаях применение самого гипноза как искусственно вызванного сна с той или другой лечебной целью, нельзя, однако, не

признать, что в настоящее время чаще всего приходится пользоваться гипнозом с целью производства тех или других внушений, и в этом именно отношении гипноз получил наиболее широкое применение. Ввиду этого мы остановимся здесь на так называемых послегипнотических внушениях и их значении во врачебной практике.

Не подлежит никакому сомнению, что внушаемость есть явление, свойственное всем и каждому. Оно глубоко коренится в природе человека и основано на непосредственном влиянии слова и других психических импульсов на ход ассоциаций, на действия и поступки и на различные отправления организма.

Спрашивается, что же такое внушение? По этому вопросу можно встретить в книгах самые разнородные определения, и ни одно из них не может нас удовлетворить.

По моему мнению, внушение есть не что иное, как искусственное прививание путем слова или другим каким-либо способом различных психических явлений, например настроения, внешнего впечатления, идеи или действия, другому лицу при отвлечении его волевого внимания или сосредоточения.

В известных пределах внушение возможно не только в гипнозе, но и в бодрственном состоянии, и притом оно осуществляется в большей или меньшей степени у всех вообще лиц. Конечно, личная сфера и связанная с ней здоровая критика в бодрственном состоянии устраняют многие из идей, которые вольно или невольно внушаются нам окружающими лицами. Но некоторые из здоровых лиц настолько податливы к внушениям в бодрственном состоянии, что им легко могут быть внушаемы настроения, впечатления и действия без всякого с их стороны противодействия.

Эта легкость внушения в бодрственном состоянии объясняется тем, что благодаря индивидуальным особенностям внимание у некоторых лиц может быть легко отвлекаемо и потому внешние впечатления могут воздействовать на психику при отвлечении личного (произвольного) сосредоточения, благодаря чему внушения действуют помимо личной сферы, а потому и не могут быть устраняемы последнею.

Таким образом, внушение идей есть не что иное, как вторжение в психическую сферу данного лица помимо его воли посторонней идеи при посредстве слова или заменяющих его движений. Так как внешние впечатления действуют на нас через специальные органы, при участии мышечного чувства, то естественно, что и внушение может быть произведено при посредстве различных способов воздействия на воспринимающие органы, как, напр., путем слова или жестов, производимых перед субъектом, подвергаемым внушению, и т. п.

Благодаря особому значению слуха и зрения в развитии нашей психической сферы они служат обыкновенно главными посредниками внушения, причем наиболее выдающееся значение по своей силе, как и должно быть, получает словесное внушение. Почти все наше воспитание или по крайней мере многое из того, что достигается воспитанием, основано на таком внушении. Точно так же и взрослый человек весьма нередко подвергается внушению. Не подлежит поэтому сомнению, что внушение играет видную роль в социальной жизни народов. Распространение религиозных учений, многие из крупных социальных событий, даже умственный прогресс народов были бы немислимы без внушения. Сила примера, значение авторитетов, влияние моды, увлечение массы лиц, идущих на верную смерть вследствие одного слова команды, — все это в известной мере есть не что иное, как различные проявления внушения.

Знаменитые полководцы, как и знаменитые демагоги, обязаны своими успехами не только силе своего ума, но, без сомнения, до известной степени и внушенной ими другим, в силу необычных качеств своей личности и в силу своего авторитета, уверенности в достижении той цели, которую они преследуют.

У большинства людей, однако, внешнее впечатление нередко привлекает к себе и сосредоточение, руководимое личной сферой, следовательно, внушение встречает в этом случае соответствующий отпор со стороны личности, чем и устраняется обязательность его влияния.

Значение гипнотического внушения. Поэтому гипноз, в котором личная сфера находится в подавленном состоянии, представляется для большинства лиц особенно подходящей почвой для действительности внушения.

Нет надобности доказывать, что хотя в гипнозе личная сфера и не исчезает совершенно, но ее регулярная деятельность существенно ослабляется, и поэтому внушение должно оказывать гораздо более могущественное влияние, нежели в бодрственном состоянии. При этом опять-таки степень влияния внушения находится в известной зависимости от глубины сна. При известной глубине последнего вообще внушение получает неотразимую силу. Таким образом, лицам, находящимся в гипнозе, можно внушать те или другие настроения, ложные и мнимые впечатления, иначе — иллюзии и галлюцинации в различных органах чувств, так называемые отрицательные галлюцинации и отсутствие видимых предметов, беспомыслие, ложные воспоминания или так называемые ретроактивные галлюцинации, навязчивые идеи и побуждения, изменения в сосудистой и секреторных сферах, а также те или другие патологические состояния, напр. параличи, анестезии, изменения пульса и дыхания; наконец, в исключительных случаях можно получать даже кожные сыпи, такие, напр., как крапивница.

Babinski в последнее время стал подвергать сомнению случаи кожных поражений, обусловленных внушением. Однако в этом вопросе необходимо отличать случаи симуляции от действительных влияний путем внушения на кожные покровы. Возможность такого влияния доказывает, напр., будто бы строго проверенный случай Луизы Лато, у которой под влиянием религиозного экстаза благодаря самовнушению сочилась по пятницам кровь из тех областей тела, которые были местом пригвождения Иисуса Христа.

Должен сказать, что мне за время моей практики не удалось наблюдать ни одного аналогичного факта; а наоборот, мною наблюдалось несколько случаев симуляции на этой почве. Мне известен, напр., случай появления менструального кровотечения из глаза, который, кажется, был даже опубликован одним из

глазных врачей как случай заменяющего менструального кровотечения из глаза; но подробное исследование этого случая мне показало, что дело шло здесь, несомненно, о симуляции, так как, смыв кровавое пятно, можно было видеть место укола булавкой, из которого сочилась кровь. Когда больная заметила, что ее проделка не осталась незамеченной, она стала просто намазывать себе под глазом свою менструальную кровь. Когда и этот обман был обнаружен, кровотечение больше не повторялось.

Мною был описан также случай, когда больная под влиянием внушения, что ей на плечо сзади приставлен горчичник и что в результате будет ожог, в действительности получила ожог, но от раскаленной вилки, приложенной ею к соответствующей области, в чем можно было убедиться и по форме самого ожога, и затем по признанию самой больной, заявившей, что она не могла воздержаться от причинения себе ожога. В другом случае было сделано внушение в гипнозе, что произведен на предплечье левой руки ожог и что за ночь он должен проявить свое действие. На другой день я увидел у больной действительно ожог на соответственном месте; но по его форме нетрудно было догадаться, что больная произвела его искусственно. И действительно, больная тотчас же призналась, что она обожгла себе левую руку о горячую трубу ванны, а на вопрос: зачем она это сделала? — она отвечала, что не могла от этого воздержаться. Далее, на спине истеричной больной были наклеены две почтовые марки с внушением, что одна из них представляет сильную мушку, которая должна за ночь хорошо нарвать. На другой день ко мне больная пришла с действительным пузырем под одной из марок, но оказалось, что тут же виднелись следы действительной мушки. Не было сомнения, что за ночь была приложена больной на то же место настоящая мушка, которая и произвела свой эффект.

Эти факты вынуждают меня, согласно с некоторыми из авторов, отрицать возможность получения при посредстве внушения тех или других трофических расстройств на коже в виде, напр., ожога, нарывов и т. п. Но нельзя забывать, что сосудодвигательная

сфера представляет собою вообще область, легко поддающуюся гипнотическому воздействию. Известны уже давно так называемые заговоры крови, сводящиеся к внушению.

Этим воздействием внушения на систему кровообращения мы и должны объяснить влияние его на кожные сыпи нервного происхождения. Само собою разумеется, что это влияние в тех случаях, где оно вообще может быть наблюдаемо, оказывается индивидуально различным в отношении степени и размеров. Если мы знаем нервных лиц, у которых при малейшем волнении появляются сыпи и волдыри на теле, у которых от волнения появляются местные отеки, то что удивительного, что в гипнозе в подобных случаях под влиянием внушения могут появиться сходственные явления? Аналогичным влиянием внушения на кожные покровы объясняется и успешное иногда лечение нервных сыпей внушением, которое было в последнее время доказано несколькими несомненными фактами, между прочим, работавшим у нас доктором Агаджановым на материале сыпной клиники*.

Особенное значение в терапии имеет то обстоятельство, что внушения сохраняют свою силу и по пробуждении от гипноза и даже могут быть выполняемы в определенный срок. Эти так называемые послегипнотические внушения обыкновенно поражают всякого наблюдателя. Как, спрашивают себя, можно допустить, чтобы у человека, вполне бодрствующего и здраво рассуждающего, могла, напр., осуществиться галлюцинация под влиянием внушения, сделанного в гипнозе, или чтобы он наперекор своей воле и вопреки желанию выполнил то или другое действие? А между тем это на самом деле представляет собою совершенно обычное явление в практике гипноза. Это-то нам и доказывает, что кроме личной сферы имеется еще другая сфера невропсихики, из которой помимо воли самого лица благодаря сделанному внушению вводятся в лич-

* Подъяпольский не очень давно на основании одного наблюдения доказывал возможность влияния путем внушения на зачатие двойнями. Такого рода факты могут быть признаны установленными, однако, лишь при достаточном числе наблюдений, а никак не на одном случае.

ную сферу мнимые впечатления или чуждые ему ассоциации, которые приобретают свою неотразимую силу, удивляя само лицо, подвергавшееся внушению, тем более что происхождение их для внушаемого лица остается неизвестным.

Мнимая опасность гипнотизма. Еще не так давно было распространено мнение об опасности гипноза. Это мнение, по-видимому, берет начало из страха перед той таинственностью, ореолом которой еще так недавно был окружен гипнотизм. Надо, впрочем, заметить, что это мнение отчасти поддерживалось и врачами, знавшими о гипнозе лишь понаслышке.

На самом деле гипнотический сон как сон ничуть не опаснее обыкновенного сна, и, как обыкновенный сон с течением времени прекращается сам собою, так и гипнотический сон с течением известного времени прерывается без каких-либо посторонних воздействий.

Сколько раз я гипнотизировал лиц с целью испытать продолжительность гипнотического сна, не производя им никаких внушений, и убедился, что сон у лиц загипнотизированных прерывается сам собою чрез известный промежуток времени, продолжительность которого зависит от индивидуальности, степени гипноза и многих других отчасти внешних условий. В общем, по-видимому, можно считать правилом, что более глубокий сон длится более долгое время, но и он обыкновенно не продолжается более нескольких часов, если, конечно, не сделано внушения не просыпаться по своей воле до определенного времени. В последнем случае у хороших сомнамбул сон может быть продлен на очень продолжительный срок, даже на много дней, если, конечно, больных возьмут за правило будить для еды и выполнения естественных потребностей и затем вновь усыплять.

С другой стороны, в публике распространено мнение, что в известных случаях можно впасть в гипнотический сон, а выйти из него будто бы трудно или невозможно и что, следовательно, врач может оказаться в таком положении, что он загипнотизирует больного, а между тем не будет в состоянии его раз-

будить. И это мнение я считаю своей обязанностью решительно опровергнуть.

Вывести больного из гипноза в огромном большинстве случаев несомненно легче, чем загипнотизировать; по крайней мере у большинства людей для развития сна требуется некоторое время, тогда как пробуждение может быть достигнуто моментально одним возгласом: «Проснитесь!»

Само собою разумеется, что в тех случаях, когда усыпленный находится в исключительном подчинении гипнотизатору, разбудить его может только сам гипнотизатор. Во всех остальных случаях освобождение от гипноза может быть произведено любым из присутствующих.

Самый обыкновенный прием для выведения усыпленного из его сна есть внушение. Я уже упомянул, что для большинства лиц достаточно произнести слово «проснитесь», как они тотчас же освобождаются от гипноза. Но я не очень рекомендую этот способ пробуждения, так как быстрое пробуждение от гипноза вообще нежелательно. Дело в том, что в некоторых случаях после такого быстрого освобождения от гипноза больные чувствуют головную тяжесть, иногда же у них появляется чувство общей слабости, склонность ко сну, сердцебиение и пр.

В этом отношении я вижу аналогию между обыкновенным сном и гипнотизмом. Обыкновенный сон при внезапном его прерывании может дать в общем сходственные же явления. В предупреждение этих нежелательных последствий и необходимо вызывать пробуждение не внезапно, а исподволь, как бы приготовляя к нему усыпленного.

Для этой цели можно просто внушить усыпленному, что он должен через такой-то срок проснуться, и он действительно пробуждается в данное время, очевидно умственно подсчитывая назначенный ему для пробуждения срок. Другой весьма простой способ для пробуждения — это заставить усыпленного считать громко или про себя, внушив ему, что он на определенном числе проснется. То же самое может быть достигнуто, если счет будет производить гипнотизатор, а усыпленному будет лишь сделано

внушение, что при произнесении известного числа он должен проснуться.

Все эти способы пробуждения суть психические, но имеются и физические приемы. Эти физические приемы весьма разнообразны. Наиболее обыкновенным приемом является внезапное обдувание лица — прием, однако, по известным основаниям не удобный. Другой прием состоит в сильном стуке, в опрыскивании водой лица, в сотрясении тела рукою, в применении электрического тока и пр., и пр.

Само собою разумеется, что в этих случаях физические приемы могут быть применяемы одновременно с психическими, т. е. можно применять, напр., механическое сотрясение или толкание тела рукою, положенной на плечо усыпленного, одновременно с возгласом «проснитесь».

Все эти физические приемы по многим причинам менее удобны, чем психические, отчасти вследствие того, что они быстро приводят к пробуждению, тогда как для многих случаев, как я уже упоминал, быстрого пробуждения следует избегать.

Но, во всяком случае, эти физические приемы следует иметь в виду, так как есть действительно случаи, где одного психического внушения для пробуждения бывает недостаточно. Такие случаи встречаются изредка в числе тех случаев, в которых усыпление производится под влиянием физических приемов.

Я помню одну сомнамбулу, которая засыпала глубоким сном под влиянием сильного освещения глаз зеркалом, простым же внушением она глубоко никогда не засыпала. Ее нельзя было разбудить обыкновенным внушением, а требовалось каждый раз довольно сильное и продолжительное расталкивание тела с окриком, и даже приходилось прибегать к сильной фарадизации тела, которая в таких случаях, по моим наблюдениям, является одним из наиболее верных средств пробуждения.

Другой из моих больных засыпал от фиксации глаз столь глубоким сном, что для того, чтобы его разбудить, требовалось очень много усилий в виде расталкивания, окриков и т. п.

Очень возможно, что подобные случаи и служили поводом к созданию легенды о том, что возможно впасть в гипноз и затем не проснуться. Хотя этого на самом деле не бывает, однако несомненно, что в случаях, подобных вышеуказанным, человек, недостаточно сведущий, может не найтись и растеряться, а это всегда действует угнетающе на окружающих лиц, свидетелей сеанса.

Другие случаи, когда человек, недостаточно знакомый с нервными состояниями, может оказаться в затруднительном положении, представляются более серьезными. Сюда принадлежит развитие на месте гипноза истерического припадка, или, собственно, истерического сна, из которого больные могут быть выводимы часто лишь по истечении известного времени.

С истеричными вообще нередко случается, что при первых же попытках гипнотизирования у них развивается истерический припадок, который может перейти в истерическую летаргию или истерический сон, иногда длящийся несколько дней. Вероятно, эти случаи более всего способствовали легенде, что в гипнозе можно заснуть так, что потом нельзя будет усыпленного разбудить никакими силами.

Действительно, это возможно с истеричными, но этот сон, в который они впадают, не есть уже гипнотический, а есть настоящий истерический припадок, из которого больные, конечно, выйдут, но спустя более или менее долгое время при применении тех или других врачебных мероприятий или сами собою. Я помню истеричную больную, которая устроила этот сюрприз одному из врачей нашей клиники. В ту минуту, когда он попытался загипнотизировать эту истеричку, лечившуюся амбулаторно при клинике, без соответствующей осторожности, она впадала в истерический приступ и перешла в истерическую летаргию. Так как все средства, приложенные гипнотизировавшим врачом, тотчас же вывести больную из истерического летаргического сна оказались безуспешными, то он испросил разрешение принять больную в нашу клинику. Здесь эта «спящая красавица», как ее прозвали окружающие больные, продолжала спать еще около недели, ибо ее и не старались скоро разбудить, а оставили в клини-

ке для наблюдения. В течение всей недели в клинике ее искусственно кормили, и, наконец, под влиянием соответствующих внушений она была мною выведена из своего истерического сна.

Отсюда должно быть ясно, что гипнотизировать может и имеет право только врач, и притом врач, хорошо знакомый с нервными болезнями, причем ни в каком случае не допустимы сеансы гипноза и внушения лицами несведущими, а тем более не врачами.

Вопрос о вреде гипнотических сеансов. Очень существенным является, без сомнения, для всякого врача вопрос о том, может ли быть какой-либо вред от гипнотизма. Сам по себе гипноз как сон, весьма близкий к естественному, не представляет собою никакого существенного вреда или опасности для здоровья. Но нужно считаться с тем отношением или, вернее говоря, предубеждением, которое заставляет некоторых больных волноваться при одной мысли о гипнозе. Само собою разумеется, что гипнотизирование в этом случае, после того как дано на то согласие лица, подвергаемого гипнозу (без какого согласия гипнотизирование по известным основаниям признается вообще непозволительным), может приводить его в сильное волнение. Возможность этого волнения и следует иметь в виду, когда хотят приступить к гипнотизированию.

Само собою разумеется, что это волнение сильнее всего обнаруживается при первом опыте гипнотизирования. Его уже много меньше или даже вовсе нет, когда начинают гипнотизировать во второй и третий раз.

Сообразуясь с этим состоянием возможного волнения при начале гипнотизирования, и нужно иметь известную осторожность при гипнотизировании лиц, на которых такое волнение может оказывать известное нежелательное или даже вредное влияние, напр. лиц с тяжелыми пороками сердца, с склонностью к легочным кровотечениям и т. п.

С другой стороны, необходимо считаться с этим условием волнения и при некоторых неврозах, особенно при истерии, так как само волнение может

послужить толчком к развитию истерического приступа.

Итак, следует иметь в виду возможность подобных случаев с истерическими больными, вследствие чего нельзя прибегать без достаточной осмотрительности к гипнозу там, где самое гипнотизирование приводит больных в сильное волнение, и это еще раз говорит за то, что гипнотизировать позволительно только врачу, и притом имеющему известный в этом отношении опыт.

Само собою разумеется, что в случаях, подобных вышеуказанному, должно прежде всего успокоить волнение больного, объяснить, что гипноз есть самый обыкновенный сон, что от него не может быть никаких последствий и т. п.

Самое гипнотизирование нужно сопровождать успокоительными внушениями, что наступит самый спокойный сон, что успокоение уже наступает и т. п., и, во всяком случае, при сильном волнении нежелательно идти с дальнейшими приемами гипнотизации, пока не достигнуто успокоение больного.

Если успокоить больного не удастся, лучше временно оставить попытку гипнотизировать и постараться соответственным образом подготовить больного, чтобы он менее волновался в другой раз.

Наиболее действительным средством в этом случае является разубеждение в опасности или вреде гипнотизма. В случае надобности полезным может оказаться пример гипнотизации других лиц в присутствии такого больного.

Если, однако, побороть волнение пред гипнотизмом не удастся никакими средствами, а между тем от внушения можно ожидать полезного действия, то следует приступить к внушению в бодрственном состоянии, и это внушение может оказаться очень действительным, иногда даже не менее, нежели внушение в гипнозе, особенно у лиц нервных и впечатлительных. При всем том и в этом случае нельзя приступать к внушению без предварительного успокоения и согласия самого больного. Я знаю по крайней мере один случай, где внушение, произведенное несколько лет назад известным гипнотизером

не врачом Ф. одной истеричной больной без предварительной ее подготовки, привело к навязчивой мысли, что это внушение повлияло на ее дыхание, и с тех пор уже в течение многих лет эта болезненная навязчивая идея о недостатке дыхания не оставляет больную до настоящего времени.

Нельзя отрицать, что существуют более или менее редкие случаи с признаками дегенерации, где применение гипноза, как я убедился, может временно вызвать нервное состояние или даже состояние кратковременного психического возбуждения, обманы чувств и т. п., но верно и то, что эти случаи вообще редки, и притом вышеуказанные явления никогда не бывают продолжительными. Они обыкновенно исчезают сами собою, большею частью уже по истечении нескольких часов, не оставляя за собою вообще никакого следа.

Затем случается, что применение гипнотизма, если оно производится часто над одним и тем же лицом, отличающимся притом особенной нервностью, может в некоторых, в общем довольно редких, случаях привести к одному нежелательному явлению: к самостоятельному появлению гипноза время от времени. Случается это, по моим наблюдениям, преимущественно у лиц, сильно предрасположенных к нервным расстройствам, в особенности у истеричных. Тем не менее и с этим явлением нетрудно справиться опытному лицу: достаточно внушить в гипнозе, чтобы больной или больная никогда не впадали в гипнотический сон без особого словесного внушения, сделанного врачом, и появление самостоятельного гипноза обычно прекращается.

Таким образом, врач, опытный в применении гипноза и сведущий в нервных болезнях, всегда может предупредить все нежелательные явления при гипнотизировании соответствующими мерами, напр. предварительными заявлениями успокоительного свойства относительно последствий гипноза, выбором наиболее подходящих способов гипнотизации или даже внушением, которое оказывает свое магическое действие не только в самом гипнозе, но нередко и при начале гипнотизации.

Итак, при осторожном, умелом пользовании гипнотизмом со стороны врача, сведушего в этом отношении, не может быть никаких опасений за последствия лечения гипнозом. Одно верно, что лечить гипнозом может лишь врач, знакомый с проявлениями гипноза, и притом по преимуществу невропатолог, так как ему должны быть хорошо известны как те нервные расстройства, которые нуждаются в лечении гипнозом, так и те результаты, на которые можно рассчитывать при этом способе лечения, не говоря уже о том, что только врач может противодействовать с успехом случайностям, могущим встретиться при гипнотизировании, и оказать свое содействие к их устранению.

В этом, и только в этом, на наш взгляд, могут заключаться ограничения, относящиеся к лечению гипнозом.

Должно иметь в виду, что у истеричных особ иногда развивается особая, не совсем нормальная подчиненность гипнотизируемого лица гипнотизатору и в бодрственном состоянии. Это выражается в том, что пациент не только всегда чувствует над собою власть гипнотизирующего его лица, но и обнаруживает к нему как бы известное тяготение и привязанность. Нетрудно видеть, что явление это представляет некоторое неудобство для обеих сторон, т. е. для гипнотизируемого и для гипнотизирующего.

Небольшие стихи, которые сочинила на этот счет одна пациентка, подарив эти стихи гипнотизатору, покажут, о каком деликатном вопросе здесь идет речь.

Моему гипнотизатору

Когда подходите вы к ложу моему,
 Супруг духовный мой и мною столь желанный,
 И руку властную тихонько я пожму,
 Душа наполнится какой-то негой странной.
 Внушения таинственную сладость
 Узнала с вами я; вы предо мной открыли
 Надежды дверь и влили в сердце радость,
 И сладостны минуты эти были.
 Но прелесть гипнотического брака

Уколом ревности порой омрачена.
Склонив глаза, исполненные мрака,
С досадой думаю, зачем у вас я не одна!

Пациентка

Нет надобности говорить, что нужно быть очень осторожным при развитии таких отношений гипнотизируемых к гипнотизирующему врачу.

Положение осложняется еще тем, что некоторые из истеричных, по склонности этих больных к наветам, могут подать повод к обвинению крайне неприятного свойства против врача.

Чтобы устранить эти нежелательные явления, сеансы должны быть по возможности редкими, в случае надобности должно быть делаемо внушение не чувствовать никакой привязанности к гипнотизатору и в то же время быть совершенно самостоятельным вне сеансов гипноза. Кроме того, ради осторожности в таких случаях необходимо сеансы гипноза и внушения производить при свидетелях.

Выше было упомянуто, что и пробуждение от гипноза может сопровождаться иногда нежелательными нервными явлениями. Так, в некоторых случаях, особенно при быстром пробуждении, у больных могут обнаруживаться головная тяжесть, иногда головные боли, головокружение, общая тяжесть и склонность к засыпанию. Все это напоминает собою явления, наблюдаемые и при быстром пробуждении от естественного сна. И в самом деле, если лиц, находящихся в гипнозе, будить не сразу, а постепенно, то эти явления обычно предупреждаются. Кроме того, и внушение их легко устраняет.

В своей практике, если я встречаюсь с подобными явлениями, я тотчас же вновь прошу больных закрыть глаза и затем внушаю им устранение всех вышеуказанных явлений, причем вывожу из гипноза в таком случае лишь с крайней медленностью в течение нескольких секунд.

Вообще в случае надобности повторное внушение устраняет все нежелательные явления, явившиеся последствием гипноза.

В публике очень распространено мнение, что гипнотизм расслабляет волю лиц, часто подвергающихся гипнотизации.

Мнение это имеет основание в том обстоятельстве, что в гипнозе личность является подчиненной гипнотизатору. Но это влияние гипноза если и возможно, то лишь в том случае, если гипноз производится без цели и без соответствующих терапевтических внушений, и притом в случаях вызывания его у нервных лиц, воля которых и без того отличается слабостью, но в известной мере замещается привычкой и воспитанием. Если, таким образом, от беспорядочного и нерационального применения гипноза нервность усилится, то может казаться, что гипноз повлиял на волю.

Но, с другой стороны, несомненно, что гипноз и внушение при правильном их применении могут только содействовать укреплению воли.

Несомненно, по крайней мере, что в гипнотическом внушении мы имеем действительное средство бороться против слабости воли, которая свойственна многим, особенно же лицам, создавшим себе те или другие болезненные привычки, напр. к онанизму, курению табака, пьянству и т. п.

Всякий, без сомнения, согласится с тем, что все эти болезненные состояния предполагают известную слабость воли, которая вполне подчиняется данной привычке. И между тем против этих пагубных привычек, пользуясь укреплением воли, мы боремся с помощью гипнотического внушения, устраняя их совершенно. Отсюда очевидно, что при правильном применении гипноза и внушения мы имеем в них одно из важных средств, служащих не к ослаблению, а к укреплению воли.

Послегипнотические внушения. Мы уже говорили выше, что особенно ценным является то обстоятельство, что в гипнозе мы можем производить послегипнотические внушения, т. е. такие внушения, действие которых рассчитано на последующее за гипнозом время.

Возникает при этом практический вопрос: через какие сроки следует делать внушения больным?

Вопрос этот в сущности не может быть решаем теоретически. Здесь все зависит от самого характера заболевания, от его тяжести и от большего или меньшего влияния внушения на больного. Можно считать правилом, что для прочного восстановления здоровья требуется делать ряд внушений, которые опять-таки распределяются во времени в зависимости от случая и от тех или других обстоятельств, относящихся к условиям лечения больного. Во всяком случае, при лечении внушением всегда надлежит сообразоваться с длительностью действия внушения, что определяется лишь чисто практическим путем.

Особенную важность я придаю необходимости при лечении внушением сообразоваться с индивидуальными особенностями болезненного состояния в каждом отдельном случае. Для этой цели я считаю необходимым, прежде чем приступить к лечению внушением, подробно исследовать каждый случай и расспросить об обстоятельствах, приведших к развитию болезни, и о разнообразных ее проявлениях. Вместе с тем обычно я прошу больного самого изложить мне письменно свою историю болезни с самого возникновения последней.

Нечего и говорить, что во многих случаях больной письменно излагает более вдумчиво проявления своей болезни и более отдается анализу своего болезненного состояния, а это в лечении внушением очень важно. Узнав внешние поводы к развитию болезни и разнообразные ее проявления в нервно-психической сфере, необходимо внушение сообразовать со всеми особенностями данного случая, приняв во внимание и степень образования, характер взглядов или мирозерцание больного.

Могущественное действие внушения в гипнозе зависит, с одной стороны, от того обстоятельства, что в гипнозе рассудок и воля усыпленного почти бездействуют, с другой стороны, от того, что внушение в этом случае принимает немедленно характер более яркого чувственного образа, уподобляясь сновидению во время естественного сна, и, наконец, от того, что гипнотизатор уже в силу достигнутого усыпления подчиняет себе волю усыпленного, пользуясь с его стороны непререкаемым доверием.

Так как при этом и внешние впечатления без особого внушения не могут быть воспринимаемы усыпленным, то очевидно, что последний в буквальном смысле слова находится во власти гипнотизатора. Само собою ясно, что такие условия являются более благоприятными для действительности внушения, которое, не встречая никакого противодействия (или только относительно слабое) со стороны личности усыпленного, беспрепятственно овладевает им и вызывает все необходимые последствия. В этом случае действие внушения может быть уподоблено искусственно вызванному в мозге усыпленного сновидению, картины которого, как известно, не знают никаких преград в условиях времени и пространства и в то же время кажутся спящему вполне реальными.

Но если выполнение внушения рассчитано на послегипнотический период бодрствования, то по пробуждении усыпленного внушенная идея, казалось бы, должна встретить во всеоружии его волю и, будучи освещена критикой рассудка, должна бы, казалось, быть отвергнута как нечто чуждое и постороннее для него. Ничуть не бывало. Опыт показал, что импульс, данный внушенной в гипнозе идеей, по пробуждении заснувшего таится в наиболее скрытых тайниках его души, в таких глубинах психической сферы, которые совершенно независимы от личности и воли и не участвуют в деятельности рассудка, а потому этот импульс и в бодрственном состоянии может совершенно беспрепятственно осуществлять свое действие. Сообразно характеру внушения данный импульс, таким образом, возбуждает мнимое впечатление или галлюцинацию, ложное или мнимое воспоминание (так наз. ретроактивную галлюцинацию), подавляет существующие мнимые или действительные впечатления, будь это боли, галлюцинации или другие явления, устраняет впечатление (так наз. отрицательные галлюцинации), побуждает к осуществлению того или иного действия, временно изменяет личность усыпленного, нарушает ход его идей, вызывает то или иное настроение духа и аффекты, как смех, плач и т. п., или, наконец, возбуждает реакцию в сосудодвигателях и в тех или иных секреторных функциях, которые хотя и совер-

шенно независимы от воли, но, как мы знаем, весьма легко возбуждаются под влиянием произвольных психических импульсов в бодрственном состоянии и под влиянием соответствующих сновидений во время нормального сна.

Поразительным, хотя и несомненным, является тот факт, что если внушение произведено таким образом, что осуществление его должно произойти не тотчас по пробуждении, а по истечении известного промежутка времени, то оно осуществляется именно в назначенный срок, несмотря на то что содержание внушения остается вне ведения самого лица за весь промежуток времени, истекший между пробуждением от гипноза, в котором сделано внушение, и сроком его осуществления. У одной из моих больных внушение осуществлялось более чем по истечении полугода, и, вероятно, оно могло бы осуществиться чрез более долгий срок, если бы было сделано соответствующее испытание. В литературе имеются примеры, когда осуществление внушения происходило год и более спустя после гипнотического сеанса в полной точности, как следовало это по внушению (Liebault, Bernheim, Liegeois); выполнение же внушения, назначенного на более или менее короткие сроки, как известно, может быть наблюдаемо у всякого хорошего сомнамбула. Некоторые авторы (Бернгейм, Фореель) объясняют это явление тем фактом, что гипнотизированный за весь период времени между сделанным внушением и сроком его выполнения думает о нем, хотя сам и не сознает этого; иначе говоря, в голове гипнотизированного все это время идет подсознательная работа мысли о сделанном внушении и его выполнении.

Когда дело идет о внушениях на короткий срок, то, без сомнения, возможно, что мы имеем дело с подобным бессознательным процессом мысли, приводящим к выполнению внушения в назначенный срок, но никак нельзя согласиться с тем, чтобы при внушениях на более длинные сроки все время до осуществления внушения поддерживалась бессознательная работа мысли в направлении сделанного внушения. Гораздо проще и вполне удовлетворительно с психологической точки зрения может быть объяснено

осуществление внушения в какой-либо отдаленный срок, как мы уже упоминали, при посредстве того факта, что путем внушения здесь устанавливается прочная ассоциативная связь между внушением и сроком его выполнения, причем с наступлением этого срока само собою по ассоциации с ним оживляется и сделанное внушение.

Предположим, что загипнотизированному лицу мы внушаем явиться к нам через много месяцев в такой-то день и час с известным заявлением. В то время как мы делаем это внушение, в голове гипнотизируемого прочно устанавливается определенная ассоциация между назначенным временем и необходимостью явиться к врачу *. Ассоциация эта затем по пробуждении загипнотизированного, как и все вообще установившиеся в мозгу ассоциации, остается до времени скрытою, т. е. бездеятельною, и для самого лица остается даже неизвестною в силу того, что она установилась без участия его личности. Следовательно, сам человек не может воспроизвести этой ассоциации, т. е. припомнить то, что ему внушено сделать в известный срок.

Но вот наступает назначенный день и час, благодаря чему воскресает один из членов внушенной ассоциации; тогда обязательным образом сам собою, без всякого участия личной сферы, оживляется и другой член ассоциации, т. е. необходимость осуществления сделанного внушения, чем и объясняется тот факт, что внушение в подобных случаях не ослабевает в своей силе от протекшего времени. В сущности, и в обыкновенных послегипнотических внушениях, осуществление которых должно начаться со времени пробуждения загипнотизированного субъекта, дело также идет о внушенной ассоциации между наступающим пробуждением и необходимостью немедленного осуществления сделанного внушения.

* Если время выполнения внушения не называется, а обозначается лишь срок, через который оно должно осуществиться, то обыкновенно в этом случае сам гипнотизируемый невольно высчитывает время выполнения сделанного внушения, вследствие чего сущность дела от этого ничуть не меняется.

Бернгейм и Форель подкрепляют свою теорию бессознательного мышления о сделанном внушении на срок до времени его выполнения тем фактом, что если в промежуток времени между сделанным внушением и сроком его выполнения вновь загипнотизировать субъекта и спросить его, что он должен сделать к тому или иному сроку, то он обыкновенно знает это хорошо. Но этот факт, без сомнения, ничего не обозначает, кроме того общеизвестного явления, что загипнотизированный обыкновенно может хорошо припоминать в гипнозе все то, что с ним происходило в прошлые сеансы гипноза, несмотря на то что в бодрственном состоянии он не сохраняет воспоминания обо всем происшедшем с ним во время сеансов гипноза.

Следует, впрочем, заметить, что последнее справедливо лишь в том случае, если в гипнозе сделано внушение ничего не помнить по пробуждении. В противном случае и в бодрственном состоянии путем напоминания можно оживить внушенную в гипнозе ассоциацию. Так, в случаях из своей практики я неоднократно убеждался, что если то или другое лицо, которому в гипнозе сделано внушение, долженствующее быть осуществленным при известных условиях, по пробуждении от гипноза спросить: «Что должно последовать при таком-то случае?», то в громадном большинстве случаев оно обыкновенно, не задумываясь, ответит правильно, повторяя слова внушения, между тем как самого процесса внушения оно совершенно не помнит.

Так как при послегипнотическом внушении, будет ли оно произведено на известный срок или же без каких-либо указаний на срок выполнения внушения, установление внушенной ассоциации совершается независимо от личности субъекта, в силу чего оно и остается вне сферы ее влияния, то и осуществление вызванных им явлений для самого лица в большинстве случаев остается совершенно необъяснимым и непонятным и в то же время является непреодолимым, подобно какой-либо органической потребности. Поэтому лица, подвергавшиеся гипнозу, обычно удивляются осуществлению послегипнотических внушений не менее всех окружающих.

Когда осуществление внушения задевает такие области нервно-психической сферы, которые находятся в полном подчинении личности, как, напр., выполнение того или другого действия, то импульс, данный внушением, воспринимается лишь как необъяснимое для самого лица влечение, борьба с которым тем труднее, что источник этого влечения остается скрытым от его личной сферы. В некоторых случаях, впрочем, внушение оживляется в виде более или менее постоянно присутствующей навязчивой мысли, невольным образом приводящей к осуществлению внушения.

Не подлежит, впрочем, сомнению, что импульс, данный внушением, далеко не всегда воспринимается в виде неодолимого стремления или навязчивой мысли. Иногда он возникает в виде галлюцинаторного образа, и в таком случае больные в назначенный, согласно внушению, срок как бы слышат голос, побуждающий их к выполнению внушения. Это явление наблюдается, впрочем, относительно редко. Чаще случается, что внушение оценивается больными как внутренний голос, в виде приказания со стороны гипнотизирующего лица, которому противиться они не могут. Но в других случаях внушение все время остается вне сферы бодрственного состояния, и больные сами не знают, что подвергались тем или другим внушениям. Все эти различия в проявлениях внушения, очевидно, стоят в прямой зависимости от личных, или так называемых индивидуальных, особенностей того или другого лица.

Что касается осуществления таких внушений, которые затрагивают не подчиненные личной сфере болезненные расстройства и отправления организма, как, напр., прекращение или ослабление болезненных ощущений, улучшение походки у больных, исправление нарушенной деятельности мочевого пузыря, прекращение сердцебиения, устранение обманов чувств и припадков сомнамбулизма, то оно обычно происходит вне личной сферы, так как больные сами не могут дать никакого отчета о действии внушения даже и в том случае, если осуществление последнего им известно.

Спрашивается теперь, на что можно рассчитывать при лечении гипнозом, т. е. в какой степени и в

каких случаях можно ожидать благоприятных результатов от этого лечения и какие должны быть показания к его применению?

Влияние внушения на патологические расстройства. По вопросу о значении гипноза как лечебного приема опять-таки делались преувеличения не меньшие, чем и относительно предполагаемого вреда применения гипноза с лечебной целью.

Утверждали, что нет такой функции организма, на которую нельзя было бы существенным образом воздействовать с помощью гипноза, и в доказательство этого приводили случаи, когда путем внушения на поверхности тела вызывались даже воспалительные процессы. Но такие случаи, как мы уже говорили, подвергаются ныне сомнению даже и теми, которые признавали их реальность. Нельзя отрицать, что, как есть лица, могущие по своему произволу ускорять или замедлять сердцебиение, как есть субъекты, у которых при самых незначительных психических волнениях появляется крапивная сыпь на теле, так возможны и такие случаи, в которых внушения оказывают до такой степени резкое влияние на функцию кровообращения, что по желанию гипнотизатора у больных могут быть вызываемы в любой части тела местные сосудодвигательные явления. Но и такие случаи, будучи исключительными, не могут идти в общий счет и на основании их нельзя делать каких-либо обобщающих заключений.

Вообще, что касается влияния гипнотических внушений на те или другие функции организма, по видимому, огромную роль играет не только глубина вызываемого гипноза у различных лиц, но и индивидуальность лица, подвергаемого гипнозу. У двух лиц, находящихся в одной и той же степени гипнотического сна, внушения могут оказываться далеко не одинаковыми по силе своего действия и по влиянию на различные функции организма.

Руководясь своими личными наблюдениями, я могу сказать, что гипнотические внушения оказывают решительное влияние на весьма многие нервные расстройства, не обусловленные органическими поражениями, как, напр., конвульсивные истерические и иные при-

падки, истерические параличи и контрактуры, заикание, особенно в тех случаях, когда оно является симптомом истерии или неврастения, разнообразные расстройства чувствительности, наблюдаемые при неврозах, как-то: гиперестезии, парестезии и невралгии, затем на столь часто наблюдаемую при неврозах общую нервную раздражительность, головные боли, головокружения, нервные расстройства сердцебиения и дыхания, нервную одышку, рвоту, ночное недержание мочи, припадки сомнамбулизма, недостаток и отсутствие аппетита, бессоницу и расстройства в отделении месячных, навязчивые идеи, навязчивые страхи и волнения. В некоторых из подобных случаев достаточно бывает двух-трех гипнотических сеансов, чтобы совершенно устранить путем внушения упорнейшие нервные припадки, длившиеся весьма продолжительное время.

Даже такие нервные расстройства, как приступы сердцебиения при базедовой болезни, несомненно облегчаются, т. е. ослабляются, при лечении гипнозом.

Влияние же гипнотических внушений на истерические контрактуры и параличи может быть признано прямо магическим.

До какой степени поразительны могут быть результаты внушений в случаях подобного рода, видно, между прочим, из одного примера Liebault, который, располагая небольшим количеством времени до отхода поезда, успел загипнотизировать обратившуюся к нему больную крестьянку и вылечить ее от истерического сведения руки. Аналогичные случаи столь быстрого успеха гипнотических внушений при истерических сведениях и параличах имелись и в моей практике. Точно так же многократно мне случалось излечивать и тяжелые истерические параличи с помощью внушения в гипнозе, что немало удивляло самих пациентов. Не менее эффективна бывает остановка, под влиянием внушений, судорожных истерических приступов, а также обильных маточных и иных кровотечений. Одна из моих больных находила в гипнотическом лечении единственное средство для остановки беспокоивших ее маточных кровотечений. В другом известном мне случае простого наложения руки на живот в бодрственном состоянии

одним высокопоставленным лицом достаточно было для остановки обильного маточного кровотечения, не уступавшего никаким другим средствам. Очевидно, что и здесь дело сводилось главным образом к внушению.

Одна из моих пациенток, резюмируя результаты лечения внушением, пишет в письме ко мне следующие строки: «Итак, ни перебоев сердца, ни истерики, ни удушья, ни чувства усталости и слабости, ни слабой воли — ничего этого больше нет, и я больше не стою в рядах вредных психофизических уродов — неврастеничек. Внушение сорвало с меня эту кандалную цепь — истероневрастении. Довольно она уже измучила меня».

Особенно следует обратить внимание на то, что гипноз и внушение оказываются полезными при тех или других болезненных склонностях, которые становятся привычными у дегенератов. В этих случаях обыкновенно никакие воспитательные усилия не оказываются достаточными, чтобы устранить эти привычки, и только внушение в гипнозе может их устранить полностью, как свидетельствуют о том многочисленные примеры. По личному опыту я могу утверждать, что внушения в гипнозе действуют крайне благотворно на различные приобретенные в силу привычки или явившиеся под влиянием природной склонности болезненные влечения, как-то: пьянство, морфинизм и все вообще виды наркомании, не исключая и привычного употребления табака. Можно было бы привести много примеров, где болезненные влечения того или иного рода, не поддававшиеся вообще никаким лечебным средствам, уступали вполне действию внушений в гипнозе, производимых в два, три или несколько сеансов. В последнее время эта область применения гипнотических внушений, особенно по отношению к привычному пьянству, получает все более и более широкое применение в специально устраиваемых амбулаториях.

С другой стороны, я мог бы привести много примеров излечения от kleптомании — и не только временного, но и прочного. Равным образом можно было бы привести целый ряд случаев благоприятного влияния внушений на онанистов при отучении их от вкоренившейся привычки. Но так как все эти наблюдения до-

вольно однообразны, то я и ограничусь лишь рекомендацией гипноза как весьма действительного средства против этих состояний и вообще против болезненных влечений. Даже разнообразные формы половых извращений, против которых мы почти не имеем действительных лечебных средств, как показал им личный опыт, уступают действию систематически произведенных внушений, не исключая даже тех случаев, которые развиваются на почве неблагоприятной наследственности, как показывает один из описанных мною случаев⁸. Надо заметить, однако, что в тяжелых случаях целесообразнее совмещать систематически проводимые внушения с другими лечебными мероприятиями.

Из других психических расстройств, как мне показал опыт, могут быть излечиваемы с помощью гипнотических внушений навязчивые идеи и различные виды патологического страха, затем существенную пользу внушение приносит при болезненно-удрученном настроении, при обманах чувств, в особенности у истеричных, при ипохондрических идеях, при состояниях, выражающихся вялостью мышления, ослаблением памяти и воли, наблюдаемых при общих неврозах и психоневрастенических состояниях.

Наилучшие результаты при всех вообще психических расстройствах гипноз оказывает, по-видимому, при навязчивых состояниях, и мне уже не раз приходилось указывать в литературе на излечение с помощью гипноза упорных случаев различных навязчивых состояний⁹. К сожалению, и здесь в отдельных случаях успех лечения гипнозом в значительной степени зависит от многих индивидуальных условий и степени внушаемости данного больного.

Выше мы видели, что инервация кровообращения представляет собою одну из тех функций организма, на которую гипнотическое внушение оказывает чрезвычайно резкое влияние. Этим, по всей вероятности, и следует объяснить столь могущественное влияние, оказываемое внушениями на многие функциональные расстройства нервной системы.

Очень может быть, что при посредстве этого же влияния внушений на состояние сосудовдвигателей достигаются и лично мне известные успешные влияния

гипнотического внушения на боли в сочленовном и мышечном ревматизме.

Несомненно, далее, что лечению гипнозом доступны и различные органические поражения нервной системы. Но, само собою разумеется, было бы совершенно неуместно думать о возможности излечения с помощью гипнотизма таких нервных недугов, которые обусловлены дегенеративными или воспалительными процессами нервной ткани, как органические параличи движения и чувствительности, стойкие органические поражения воспринимающих органов, атаксия движений при спинной сухотке, атрофические параличи и т. п. Так как, однако, при всяком органическом заболевании нервной системы имеются расстройства, обусловленные сопутствующими функциональными изменениями соседних или более удаленных участков нервной ткани, имеющими в основе своей более или менее временные или, по крайней мере, нестойкие нарушения кровообращения и питания, то этим самым и дается возможность некоторого влияния гипнотических внушений на нервные поражения органического происхождения.

Кроме того, известно всем, какое влияние на развитие и усиление последних оказывает удрученное настроение, обусловленное чаще всего сознанием неизлечимости или тяжести недуга, так называемый упадок духа вообще и неизбежно следующая за ним апатия, а все эти явления, как мы видели, прекрасно поддаются гипнотическим внушениям, и, таким образом, с этой стороны также дана возможность влияния гипнотизма на органические нервные болезни. Не чем другим, как влиянием на настроение, внимание и волю и вместе с тем на кровообращение, я могу, напр., объяснить себе поднятие физической силы, наблюдавшееся мною под влиянием гипнотических внушений в парализованных членах при хронических спинно-мозговых болезнях и даже в одном случае амиотрофического бокового склероза, а также наблюдавшееся в нашей клинике уменьшение области анестезии при несомненной сиригомиелии. Подобным же образом, без сомнения, следует объяснить и указываемое некоторыми авторами (Liebault, Bernheim и др.) влияние гипнотических внушений на ускорение течения инфекцион-

ных лихорадочных процессов, напр., острого воспаления легких, малярии и пр.

Таким образом, и в органических процессах лечение гипнотизмом находит себе иногда довольно благодарную почву, которая, по всей вероятности, расширится еще со временем при дальнейшем изучении гипнотического врачевания.

Но несомненно, что область чудесных излечений с помощью внушений есть область неврозов по преимуществу, в особенности же истерии. Давно было известно, что долголетние истерические параличи и контрактуры чудесным образом излечиваются и сами собою при том или другом случае, вызывающем сильное душевное волнение у больных, напр., при испуге во время пожаров и т. п. Но если мы в гипнотизме имеем такое средство, которое может с успехом заменить психическое влияние моментов, приводящих истеричных в испуг и тем излечивающих долголетние их параличи и сведения, то, очевидно, с изучением гипнотического врачевания мы не имеем уже надобности предоставлять страдающих целыми годами истеричных игре случая, которого может не наступить в течение многих месяцев и даже целого ряда лет.

Имея в виду, что гипноз, как известно, вызывается не у всех людей в достаточно глубокой степени, прославляемое же некоторыми из французских авторов, изучавших истерию, постепенное приучение к гипнотизму и к вызыванию все более и более глубоких его степеней имеет значение далеко не во всех случаях, некоторые авторы направили внимание на отыскание таких средств, которые наиболее верно содействовали бы вызыванию более глубоких степеней гипноза. В этом отношении предварительные приемы гипнотических средств (хлорала, сульфонала и пр.) существенно содействуют вызыванию и отчасти усилению гипноза, но и в этом случае лиц, у которых вызываются лишь слабые степени гипнотического сна, далеко не всегда удается привести в более глубокие состояния гипноза. По-видимому, много лучше в этом отношении действует сомнофор.

Но в тех случаях, где не удастся вызвать глубокого сна, мы можем пользоваться не без успеха и

более слабыми степенями гипноза для исцеления недугов с помощью внушений, так как опыт показывает, что и в этих случаях последние оказываются действительными, если они проводятся настойчиво и систематически. Даже в наиболее слабых проявлениях гипнотизма, выражающихся простою дремотою, внушения, многократно повторяемые гипнотизатором, оказывают существенную пользу и даже излечивают такие упорнейшие психические расстройства, как навязчивые идеи, длившиеся в течение многих месяцев, и др.

О лечении внушением в бодрственном состоянии. Должно иметь в виду, что в последнее время развились и другие способы психотерапии, родоначальником которых явилось гипнотическое внушение. И здесь необходимо на них остановиться несколько — тем более что некоторые болезненные состояния предпочтительно лечатся не гипнозом, а иными способами психического воздействия, которые объемлются одним понятием психотерапии.

Здесь прежде всего следует упомянуть о лечении одним внушением или о лечении внушением в бодрственном состоянии. Оно основано на том, что собственно внушение осуществляет свое действие и вне гипноза. В пользу этого говорят уже известные исторические факты с религиозными внушениями, производившимися жрецами древних времен, различного рода чудесные исцеления при различных религиозных церемониях, магическое влияние симпатических средств и т. п.

Так называемые наговорщики и знахари в народе и невежественные шарлатаны в более интеллигентном классе населения, не имеющие ничего общего с медициной, намеренно или ненамеренно пользуются также внушением как средством врачевания недугов. Этим объясняются засвидетельствованные случаи целебного действия хлебных пилюль, гомеопатических приемов, даже простой воды. Практиковавшееся некогда лечение прикосновением так называемой чудотворной королевской руки основано на том же внушении.

Должно при этом иметь в виду, что некоторые лица отличаются поразительной внушаемостью, ничуть не

меньшей, чем внушаемость в гипнозе. С такими лицами в их бодрственном состоянии достаточно говорить, чтобы осуществлялось все то, что им внушается. Достаточно сказать такому лицу, что его руку сводит судорога, что он разбит параличом, что он подвергается галлюцинациям, и все эти явления он будет испытывать самым реальным образом. Такие явления не составляют частого явления, но они все же встречаются в известном проценте случаев.

От вышеуказанной категории лиц до лиц обыкновенных внушаемость представляет собою разнообразные степени. Но будет ли она большей или меньшей, она во всяком случае имеется в той или иной степени, и потому лечение внушением в бодрственном состоянии представляется возможным у всех вообще лиц, хотя оно требует обыкновенно более значительного времени и больших усилий у лиц, слабо поддающихся внушению.

Лечение внушением в бодрственном состоянии основано на том, что многие из явлений при неврозах, особенно таких, как истерия, психастения и неврастения, объясняются либо самовнушением, либо невольным внушением. Отсюда понятно, что необходимо применить противовнушение или терапевтическое внушение, чтобы устранить наиболее тягостные симптомы болезни. Это и достигается путем систематического лечения внушением в бодрственном состоянии.

Что касается техники лечения внушением, то необходимо иметь в виду следующее. При лечении внушением в бодрственном состоянии я считаю прежде всего необходимым достичь пассивности внушаемого лица, с каковой целью его необходимо усадить неподвижно в кресле или уложить на диван или кушетку и затем следует предложить ему закрыть глаза и сосредоточиться всего лучше на сне или на экспериментаторе, причем я всегда прошу, чтобы пациент не старался в то же время прислушиваться к внушениям, которые сами по себе окажутся действительными, что для большей убедительности я всегда говорю своим пациентам. Затем следует приступить к внушениям, излагая их по возможности в убедительной форме.

Должно иметь в виду, что лечение внушением почти никогда не сопровождается какими-либо неприятными и

тем более тягостными проявлениями, а напротив того, при умелом применении внушения оно признается большими крайне приятным. Вот, напр., как одна из истеричек, на которую самый гипноз оказывал неприятное впечатление, отзывалась о лечении собственно внушением: «Лечение внушением вовсе не кажется трудным, а наоборот — до того приятным, что меня сильно начинает тянуть скорее опять забыться под влиянием разумного убеждения и еще и еще окрепнуть душою и телом от этих слов спокойно-могучих... Эти слова хочется век слышать и ощущать от них новый и новый приток сил нравственных и физических. Слова вашего внушения — источник живой воды, и мне до боли жаль, что сегодня я услышу их в последний раз».

Говоря о лечебном значении внушения в бодрственном состоянии, необходимо иметь в виду, что огромное значение его в лечении болезней уже давно и строго установлено и, можно сказать, проявляется на каждом шагу.

Что сила внушения в бодрственном состоянии иногда достигает такой степени, что под влиянием его излечиваются те или иные расстройства питания, лихорадочные процессы и даже органические заболевания, доказывает всем известное действие так называемых симпатических средств. Известно, что Ferrarius излечивал лихорадку с помощью бумажки, на которой были начертаны слова: «Против лихорадки», причем больной должен был отрезать каждый день по одной букве. Некоторые лица выздоравливали, даже не дошедши до конца этих магических букв. Однажды Ferrarius'у удалось таким образом излечить 50 человек. Уничтожение бородавок под влиянием того или другого симпатического средства или даже просто под влиянием одного внушения также засвидетельствовано лицами, заслуживающими безусловного доверия. Примеры такого магического излечения от бородавок из своих личных наблюдений сообщают, между прочим, такие лица, как Н. Tüsk, Карпентер и др.

Свидетельством магического влияния внушений в бодрственном состоянии служат также чудесные исцеления от недугов, производимые Месмером, аббатом Фариа, Бредом и др. Ясно, стало быть, что внушение,

производимое в бодрственном состоянии, в умелых руках может оказаться полезным как действительно лечебное средство. Нужно только создать благоприятствующие такому внушению условия для того, чтобы оно могло возыметь свое действие.

Значение веры при лечении опущением. Наиболее существенным условием со стороны самого больного при лечении внушением является вера в действительность какого-либо внушения или симпатического средства, приводящая к ожиданию грядущего исцеления. Без этой веры, произвольным образом поддерживающей напряжение внимания в смысле предстоящего исцеления от недуга (так называемое выжидательное внимание), немисливо никакое психическое лечение, или лечение внушением, и остается рассчитывать лишь на действие материальных врачебных средств, которые, как показывает опыт, в некоторых случаях, безусловно, пасуют пред силою внушения.

Из сказанного ясно, что со стороны лица, претендующего на психическое лечение, или лечение внушением в бодрственном состоянии, необходимо так или иначе вселить безусловную веру в силу самого внушения. Но вот в этом-то обстоятельстве и кроется причина того, что лечить внушением в бодрственном состоянии при обыкновенных условиях, не прибегая к приемам, которые клеймит общественная совесть, может далеко не всякий, в силу чего этот метод лечения и не пользуется особнным распространением среди врачебного сословия. Тем не менее не должно забывать, что все вообще врачи, хотя бы и невольным образом, обычно применяют у кровати своих больных рядом с другими лечебными мероприятиями и психическое лечение, или психотерапию, сводящуюся главным образом к действию внушения в бодрственном состоянии. Ввиду этого нам кажется нелишним указать здесь в общих чертах на те условия, которые наиболее благоприятствуют действию такого внушения.

Вера, лежащая в основе действия всякого внушения, не уживается с рассуждением, а потому лица, обладающие меньшим развитием рассудка, или так на-

зываемые непосредственные натуры, что ничуть не исключает, впрочем, существования выдающихся способностей в других отношениях, вообще относительно легче поддаются внушениям. В силу того же обстоятельства необразованные лица в общем подвергаются легче и скорее внушениям, нежели интеллигентный класс населения; с другой стороны, дети, отличающиеся большим легковерием, обладают, по-видимому, наибольшей внушаемостью.

Наконец, и личность врача играет всегда видную роль в деле осуществления внушений. Для того чтобы внушение возымело свою силу, необходимо, как мы уже упоминали выше, чтобы внушающий пользовался со стороны внушаемого возможно полным доверием, а это доверие, без сомнения, достигается легче всего при тех условиях, которые создают авторитетность внушающего в глазах внушаемого. Поэтому все то, что способствует поддержанию доверия со стороны лица, подвергающегося внушению, к силе знания внушающего, существенно помогает и действию внушения. Вот почему ловкий гипнотизатор, окружающий свои действия особенной таинственностью, иногда пользуется при внушении большим успехом, нежели малоопытный в этом деле врач, действующий более прямодушно.

Так как человечество вообще склонно преклоняться перед всем таинственным, ему мало или вовсе не известным, то, без сомнения, те или другие приспособления и приборы, как бы увеличивающие действительную силу и значение производимых внушений, а иногда и обладающие в глазах внушаемого своего рода магической силой, получают известное значение при всяком вообще психическом лечении. Этим, без сомнения, руководился и Ventra, изучавший в последнее время значение внушения в бодрственном состоянии и употреблявший для поддержания силы своих внушений несколько несложных инструментов. В его руках были: железная дуга, изображавшая магнит, недействующая электрическая машина, двояковыпуклая чечевица и игральные карты, — следовательно, целый ряд предметов, долженствовавших действовать определенным образом на воображение лиц, подвергавшихся внушениям.

Оказывается, что при исследованиях над значительным числом лиц, большею частью мужчин, этому автору в большинстве случаев удавалось внушать различные ощущения (осязательные, мышечные и зрительные) в совершенно бодрственном состоянии. Так, в опытах над группой солдат в 200 человек автор путем приближения мнимого магнита к сердечной области вызывал ощущение дуновения: в первом опыте — в 85%, во втором — в 50%; ощущение же холодного дуновения при производстве пассов рукою получалось в большей части случаев. Затем приближение магнита к глазам у 25% всех испытуемых вызывало ощущение фосфенов, а у других субъектов — даже зрительную галлюцинацию. Далее, через линзу автор заставлял видеть на простой белой бумаге целые здания, лица и пр., а одному лицу автор дал немного сахара, уверив его, что это — атропин, и объяснив предварительно свойство этого яда; в результате получились зрительные галлюцинации, хотя и без расширения зрачков.

Точно так же автор производил с успехом и лечебные внушения в бодрственном состоянии, подготавливая предварительно больных для поддержания в их глазах своего авторитета. Ему случалось излечивать таким образом невралгии, нервную рвоту, приступы грудной жабы у истеричных и у неврастеников. Даже у душевнобольных путем внушения в бодрственном состоянии автор вызывал галлюцинации. Последнее удавалось неоднократно и мне у больных с хроническими галлюцинациями, в особенности же у алкоголиков.

В настоящее время, впрочем, внушаемость в бодрственном состоянии составляет предмет исследования при экспериментально-психологических работах с помощью особых приемов, о которых нет надобности здесь распространяться. Достаточно сказать здесь, что такие исследования, производимые, между прочим, и у нас, доказывают, что степень внушаемости существенно зависит как от воспринимающего органа, при посредстве которого производится исследование, так и от других условий, которыми обставляется внушение, не говоря об индивидуальных условиях и возрасте.

Полагаю, что приведенных данных вполне достаточно, чтобы прийти к выводу, что внушение, производимое в бодрственном состоянии, при умелом пользовании составляет весьма действительное лечебное средство, которое врач никогда не должен упускать из виду в своей практике.

Заслуживает внимания лечение внушением в бодрственном состоянии и в силу некоторых индивидуальных особенностей. В отдельных случаях имеется настоящая боязнь гипнотического лечения, боязнь, развившаяся на почве распространенных ложных сведений о гипнозе и различного рода предубеждений. В этих случаях было бы трудно рассчитывать на разубеждение больных, а с другой стороны, применение гипноза может сопровождаться развитием сердцебиения, истерическими или другими нервными проявлениями, а потому следует на первое время совершенно оставить мысль пользоваться гипнозом для лечения, а, успокоив больного, предложить ему лечение внушением в бодрственном состоянии, предупредив его, что для лечения внушением нет никакой необходимости в усыплении, а нужно только развитие пассивного состояния, для чего необходимо лишь вполне неподвижное положение с закрытием глаз. Когда согласие получено, немедленно следует приступить к внушению в бодрственном состоянии. Нередко больные, убедившись, в чем заключается внушение, впоследствии не возражают и против гипнотических сеансов с внушением, особенно если им объяснить, что внушение в гипнозе по существу такого же рода, как и внушение в бодрственном состоянии.

Кроме того, должно избегать гипноза и в тех исключительно редких случаях, когда сам по себе гипноз почему-либо вызывает неприятное и тягостное состояние. Для примера приведу, как одна истеричка характеризовала действие на нее гипноза, вследствие чего пришлось прибегнуть к внушению в бодрственном состоянии: «Да, перед силой действия внушения остается только преклониться. Но перед усыплением, как я испытала и ощутила его, — никогда. Это — мучительный акт, держащий почти сутки в состоянии какой-то исступленности, невменяемости. Состояние,

очень похожее на то, какое охватывает при испуге, при тяжелой обиде, при горьких, безысходных слезах. Вообще усыплением лечиться так тяжело нравственно и так больно (стягивает, давит голову, затрудняет дыхание), что впадаешь в это оцепенение только ради добрых светлых слов внушения, чтобы их услышать и воспринять как уговор, как успокоение».

Предупреждаю, однако, что такие явления составляют редкое исключение из общего правила, так как в огромном большинстве случаев гипноз сам по себе не сопровождается какими-либо тягостными состояниями.

Мысленное внушение и внушение через предметы. Что касается так называемого мысленного внушения на расстоянии, то нужно вполне определенно сказать, что до настоящего времени не было представлено ни одного безупречного и вполне убедительного факта, который бы говорил за возможность мысленного внушения на расстоянии. По крайней мере все приводимые в этом отношении данные, между прочим и данные Richet, Котика и др., не вполне выдерживают строгую критику.

В тех случаях, когда врачи уверяли, что некоторые из пациентов повинуются их мысленным внушениям на расстоянии, как это было у нас, оказывалось на поверку, что в этом случае пациенты следили за мимикой и взором врача и руководились ими при выполнении его «мысленных» внушений.

Однако излишне разувирать в этом больных. Некоторые из них благодаря вере в действие внушения на расстоянии, проделавши с врачом несколько сеансов гипноза и имея необходимость уехать домой, заявляют на прощание: «Доктор, думайте чаще обо мне» — и одна мысль, что о них врач, лечащий гипнозом, постоянно думает и будет думать, не только успокаивает и ободряет, но и дает им благоприятную почву для самовнушения, дающего иногда также прекрасные результаты.

Но, даже оставляя почву научных споров в этом отношении, необходимо иметь в виду, что практического значения этот вопрос, по-видимому, не имеет, так как там, где это являлось бы действи-

тельно необходимым по внешним условиям, представляется возможным осуществлять внушение через предметы, о чем нельзя не сказать здесь несколько слов.

При внушении через предметы дело идет о таком случае, когда мы не действуем непосредственно самим внушением, а связываем внушение с определенным предметом, благодаря чему внушение и осуществляется в связи с данным предметом. Например, мы говорим лицу, находящемуся в гипнозе, что, когда он возьмет в руки такой-то предмет, напр. папиросу, он испытает особенное чувство, которое заставит его бросить папиросу, и внушение действительно осуществляется вместе с тем, как больной берет в руки папиросу. Точно таким же образом можно связать действие внушения вместе с действием того или другого лекарства. Например, можно заявить лицу, находящемуся в гипнозе, об особой целительной силе данного средства и о том, что каждый раз вместе с приемом лекарства он будет испытывать особый подъем энергии и т. п., и внушение будет осуществляться в точности вместе с приемом данного средства. Равным образом, давая совершенно невинное средство от бессонницы, можно связать с ним внушение, что, приняв его, больной почувствует успокоение и склонность ко сну, и невинное средство окажется снотворным.

Во многих случаях даже и без таких внушений в действии лекарств оказывается не одна их материальная основа, но и та сила внушения, которая невольно связывается у пациента с применением даваемого ему лекарства. Если пациент верит в чудодейственную силу средства, то самое невинное из них может оказать колоссальный успех, чем объясняется, как уже упоминалось в другом месте, целительное действие хлебных пилюль, даже простой воды и т. п.

В этом отношении были делаемы и специальные опыты, которые демонстративно показывают значение внушения при применении тех или других лекарств.

Так, доктор Matieu в Париже, желая проверить чудодейственную силу внушения, проделал следующий опыт. Имея в своих руках большое количество чахоточных и безуспешно испробовав на них различные

средства, он однажды в присутствии больных в разговоре с ассистентом упомянул, что в Германии недавно изобрели новое средство антифимоз, обладающее огромным целительным действием при чахотке. На другой день при таких же условиях опять доктор Матье завел речь о замечательных случаях излечения чахотки новым средством.

Нет надобности говорить, что среди больных разнеслась с быстротою молнии весть о новом могущественном средстве от чахотки и больные с нетерпением ждали, когда будет получено новое целительное средство и доктор применит его к ним.

Но вот в один прекрасный день все больные были обрадованы получением нового средства из Германии. Немедленно было приступлено к опытам.

Для большей точности и убедительности было условлено, что запись веса и измерение температуры тела будут вести сами больные.

Не прошло и нескольких дней, как уже сказалось чудодейственное влияние нового средства. Вес тела у больных стал подниматься, лихорадка уменьшилась, ослабел кашель, и уменьшилось выделение мокроты, появился аппетит, более крепкий сон, бодрость духа и общий подъем сил. Были случаи поднятия веса с 1500 до 3000 граммов. С прекращением впрыскивания, наоборот, все явления вновь ухудшались. Словом, не было сомнения в чудодейственном влиянии нового средства, а между тем оно представляло собою простую стерилизованную воду.

Вряд ли нужно говорить, что здесь, как и во многих других случаях, терапевтическим агентом явилась не сама вода, а вера в укрепляющее значение нового средства.

Не очень давно в Петербурге одним шарлатаном был распространен под именем виталина особый лекарственный состав, употребляемый и внутрь, и путем впрыскивания. Средство оказалось крайне чудодейственным и вследствие того получило большое распространение среди всех классов населения, от низших до высших.

Оно потеряло свою силу лишь с тех пор, как вследствие впрыскиваний, сделанных градоначальнику

Грессеру, который должен был бы предупреждать шарлатанство, не развилась у него обширная гангрена, от которой он и умер. Средство пришлось обнаружить: оно состояло из простого глицерина с борной кислотой.

Нечего и говорить, что с этих пор оно потеряло всякую целительную силу.

Не менее поучительным оказался случай с мясным экстрактом «Пиро» в Германии. Он пользовался большой славой среди немецких врачей. В наставлении, которое рассылалось при этом средстве, говорилось, что в 1907 г. для изготовления «Пиро» потребовалось до 20 тыс. кг мясного сока, для чего было убито до 4000 быков. Средство распространилось очень широко, и его назначали везде, где требовалось укрепление сил.

Был проделан ряд наблюдений в больницах и в частной практике, причем была констатирована и прибыль веса, и укрепление сил, и вообще новое средство решительнейшим образом признавалось целительным.

Но вот кому-то пришла в голову мысль исследовать новое средство, причем выяснилось, что в нем вовсе не было мяса, а состояло оно лишь из глицерина в смеси с яичным белком, борной кислотой и селитрой.

Это разъяснение, произведшее переполох в среде немецких врачей, тотчас же уничтожило и чудодейственное значение знаменитого некогда «Пиро».

От действия внушения в известной мере зависит и мода на лекарство. Новое средство, особенно широко рекламируемое, часто оказывает целительное действие на больных, но проходит известное время, и другое новое средство таким же точно образом вытесняет прежнее. Нет надобности говорить, что и сами врачи поддаются в этом случае влиянию внушения.

Подобно приведенным примерам, можно искусственно связать действие внушения с любым предметом, напр. со своей собственной фотографической карточкой. Можно внушить, что всякий раз, когда больной, смотря на фотографическую карточку, припомнит бывшие сеансы, он погрузится на минуту в дремоту и затем проснется в прекрасном состоянии здоровья. Необходи-

димо, однако, предупредить, чтобы этим средством не злоупотребляли и избегали пользоваться в маловажных случаях.

Но даже и без подобных внушений карточка врача, лечившего внушением, может оказывать действительный эффект благодаря самовнушению.

В этом может убедить следующая выдержка из письма одной из пациенток:

«Позвольте и отсюда поблагодарить Вас и за себя, и за мужа. Со страхом я возвращалась домой, я боялась, что, как только буду в старой обстановке, так все старое поднимется, и я все ждала этого; но Вы со мной прямо сделали чудо. Вот уже месяц, как я дома, и чувствую себя очень хорошо, истерических припадков не было, хотя не раз и бывали такие моменты, которые раньше окончились бы истерикой. Когда я вернулась сюда, то все нашли, что я удивительно поздоровела, а муж говорит, что даже голос девичий ко мне вернулся, так что Вашему внушению быть такую, какой я была до замужества, я оказалась вполне послушной... Муж не курит и не пьет, хотя эти праздники и выпил несколько рюмок (не знаю только — радоваться мне этому или горевать), но, как говорит, вино ему противно... А теперь позвольте сообщить Вам, что то состояние, какое у меня бывало во время внушения, я могу вызвать и теперь, стоит только посмотреть на Вашу фотографию (на глаза).

Первый раз это со мной случилось вскоре после приезда сюда, когда я очень внимательно рассматривала Ваш портрет и при этом ясно представила себя у Вас в кабинете; теперь же достаточно только посмотреть на фотографии на Ваши глаза, как мои глаза начинают закрываться и надвигается то состояние, что бывало во время сеансов, и надо сделать некоторое усилие, чтобы выйти из него; кроме того, Ваш портрет помогает мне владеть своими нервами...»

Самовнушение как лечебный фактор. Еще несколько слов о самовнушении. Уже ранее говорилось о лечебном значении веры, которое сводится в значительной мере к самовнушению при соответствующей религиозной

эмоции, иначе говоря — к такому эмоциональному состоянию, когда сам человек благодаря известным условиям невольно внушает себе исцеление от недуга. Иногда самовнушение принимает форму как бы пророческих снов, значение которых в этом отношении мной было оценено еще в моей книге «Внушение и его роль в общественной жизни» (СПб.: Л. Риккер. 3-е изд., 1908).

Некоторые, как уже ранее упомянуто, пользуются наложением рук на голову, воображая, что они лечат болезни, передавая свою собственную магическую силу больному человеку, тогда как и здесь дело сводится главным образом, если не исключительно, к роду внушения в бодрственном состоянии, соединенного с самовнушением о целительном действии неведомой силы, излучаемой будто бы руками.

Другие предлагают лечение молитвой даже для тяжелых органических поражений, и на лиц религиозных, без сомнения, вера в возможность исцеления в связи с религиозной эмоцией и внушающим влиянием самой молитвы оказывает несомненно благотворное, успокаивающее, а иногда и целительное влияние. Об этом в свое время писал еще известный клиницист Шарко (*La folie qui guerit*).

Таким образом, значение молитвы также в значительной мере сводится к самовнушению, действующему в связи с религиозной эмоцией. И в этом отношении религиозные лица имеют много благоприятных условий для действия самовнушения с помощью молитвы.

Без сомнения, самовнушение играет роль не только в случаях веры, но иногда оно получает важное значение и в повседневной жизни. Кто не знает могущественной роли самоутешения, которому человек отдается в минуты горя и которое играет роль самовнушения?! Но без сомнения, существенно важно пользоваться самовнушением и в терапевтических целях, для осуществления чего должны быть выработаны особые приемы.

По моим наблюдениям, наиболее подходящим временем для самовнушения является период перед засыпанием и период, следующий за пробуждением. Для каждого отдельного случая должна быть выработана опре-

деленная формула самовнушения, которая должна соответствовать данному случаю и должна произноситься от своего имени, в утвердительной форме и в настоящем, а не в будущем времени. Допустим, что человек, привыкший к вину, хотел бы путем самовнушения лечиться от своего недуга. Он должен произносить самовнушение в следующем виде: «Я дал себе зарок не только не пить, но и не думать о вине, теперь я совершенно освободился от пагубного соблазна и о нем вовсе не думаю». Приблизительно в таком же роде должно быть произнесимо вполголоса самовнушение по многу раз перед сном и утром, едва проснувшись, и притом с полным на нем сосредоточением*.

Для многих случаев такое самовнушение может уже оказаться действительным. Однако нельзя упускать из виду, что далеко не всем удастся должным образом сосредоточиться на предмете самовнушения, вследствие чего оно часто вовсе не может заменить внушения. На него скорее можно смотреть как на вспомогательное средство при лечении болезней внушением, так как при нем многое зависит от индивидуальности самого больного.

Лечение перевоспитанием. В числе других психотерапевтических способов я упомяну о применяемом мною особом способе лечения перевоспитанием, состоящем в отвлечении вместе с укреплением воли и прививании более возвышенных взглядов, дающих больному возможность справиться со своим болезненным состоянием. Всем известно, что многие пагубные привычки невольно поддерживаются тем, что постоянно к ним привлекается внимание больных, которое усиливает влечение, делая его иногда непреодолимым.

Возьмем курение табака. Человек, решившийся от него избавиться, в большинстве случаев не может с этой задачей справиться вследствие того, что внимание при возникновении потребности постоянно направляется на табак, на папиросы и на курение.

* Такая форма самовнушения иногда оказывается полезной и при навязчивых состояниях, как показывает один из тяжелых случаев этого рода, описанный мною еще много лет тому назад в «Вестнике психиатрии».

То же происходит и в случаях других привычных влечений, напр. при влечении к вину и т. п. Естественно, что терапия в этих и подобных случаях должна сводиться к отвлечению внимания и к укреплению воли. Если внимание больного будет отвлечено, то ему уже легче справиться со своей привычкой, а если воля его еще будет укреплена, то терапия достигает полного успеха, особенно если одновременно, в случае, напр., злоупотребления алкоголем, будут привиты больному другие взгляды на жизнь.

Осуществления этой терапии мы достигаем таким образом: больному предлагаем закрыть глаза и углубиться в самого себя, ни о чем не думая. Если человек не может рассеять свои мысли, то мы предлагаем ему сосредоточиться на мысли, что он как бы засыпает.

Затем сама психотерапия состоит в том, что в больном стараются укрепить убеждениями или внушениями мысль, что он должен всегда отвлекаться от предмета своей пагубной привычки и ни в коем случае ей не поддаваться, что у него для этой цели достаточно воли и т. п. При этом необходимо больному привить и более высокие нравственные взгляды, которые отстраняли бы больного от его привычки и поддерживали бы стойкость его воли.

Терапия эта, повторяемая в ряде сеансов, не сопровождающихся гипнотическим усыплением, обыкновенно приводит к успеху даже в тяжелых случаях. Она оказывает существенную пользу также в случаях навязчивых идей и навязчивых действий. И здесь необходимо вести лечение отвлечением внимания от постоянного навязывания мысли и развивающегося вместе с ним беспокойства и одновременно укреплением воли в том смысле, чтобы иметь возможность направлять внимание на другие области мышления или на тот или другой род деятельности, который и сам по себе будет служить отвлечением от навязчивых состояний.

Многие нервно-психические состояния имеют в основе своей эмоциональное состояние, поддерживаемое тем, что внимание их постоянно обращается к тем или иным болезненным воспоминаниям. Допустим, что человек, потеряв ближайшего ему любимого человека, пе-

режил тяжелое нравственное потрясение. Все его внимание приковано к этому событию, но, чем больше человек о нем думает, тем более он подвергается угнетению.

И здесь, без сомнения, терапия отвлечением внимания и укреплением воли при совместном прививании более возвышенных взглядов и мыслей, смягчающих участь больного, дает верные результаты при систематическом ее применении.

Широко применяя подобную психотерапию при внушениях в бодрственном состоянии уже в течение более десятка лет, я должен признать особенное значение ее именно в случаях, когда человек заболевает под влиянием тех или иных нравственных потрясений, где она может оказаться незаменимой.

Я думаю, кроме того, что пассивность больного при внушениях и убеждениях, достигаемая закрытием его глаз и самоуглублением, как о том сказано выше, не только не мешает направлять мысли больного на высшие проблемы философского и нравственного характера, но и служит для этого благоприятным условием ввиду того, что при этом обнаруживается более сильное словесное воздействие, нежели в обыкновенном бодрственном состоянии.

Выше я говорю о внушении и убеждении, ибо не вижу в этом случае, как различить одно от другого.

Мне кажется, кроме того, что далеко не всегда правы те, которые, защищая психотерапевтические приемы, полагают, что лишь в одном логическом убеждении заключается спасение больного, ошибочно воображая, будто внушение при соответственной пассивности не может быть направлено к возвышению его идеалов и к укреплению воли, а между тем из собственной практики я могу удостоверить, что внушение, соответственным образом применяемое в том пассивном состоянии, по выходе из которого человек все помнит, что ему внушалось, ничуть не в меньшей степени, а часто еще в большей мере может воздействовать в смысле духовного облагораживания человека и укрепления его воли, так как внушенное в бодрственном состоянии служит материалом и к самостоятельному невниманию в том же направлении. Внушение в этом

случае лишь помогает больному найти точки опоры для вытеснения болезненных влечений или навязчивых мыслей.

Надо признать вообще, что значение внушения, производимого в бодрственном состоянии, ничуть не исключает и психотерапии иного рода, так как каждый род воздействия на больного может иметь свою область применения, но во всяком случае лечение перевоспитанием в бодрственном пассивном состоянии нередко оказывается более действительным, нежели то, что называется убеждением.

Этот метод, на мой взгляд, имеет чрезвычайную важность, и уже в течение многих лет в подходящих случаях я не применяю психотерапии иначе как в форме перевоспитания, причем в этом случае на внушение я смотрю лишь как на наиболее удобный способ для отвлечения больного от мучающих его идей; укрепление же воли и введение соответствующих ассоциаций здесь скорее достигается убеждением, чем внушением. Авторы, которые держатся исключительно метода логического убеждения и избегают пассивности больного, при которой осуществляется внушение, основывают свое мнение на том, что убеждение укрепляет критику и, следовательно, дает самому больному средство бороться со своим недугом. Однако не доказано, что борьба для больного с его болезненными симптомами представляется более легкой путем критического обсуждения, нежели путем внушения или непосредственного прививания соответствующих взглядов, на чем, как известно, основано в значительной мере и само воспитание; а у больных со слабо развитой критикой, как и у детей, прием убеждения вообще должен быть признан малодостигающим цели.

Тем не менее есть исключительные защитники терапии убеждением, и в этом отношении мы должны прежде всего указать на Dubois.

Лечение так называемым убеждением и лечение упреждением. По взгляду Dubois, различные симптомы психоневрозов объясняются и поддерживаются ложными умозаключениями и неправильными суждениями, вследствие чего этот автор отвергает гипноз и внушение,

применяя свой психотерапевтический метод, состоящий в простом убеждении. Он избегает даже пользоваться тем доверием, которое проявляет больной к врачу. Он не считает возможным вести себя по отношению к больному так, чтобы в нем возбуждалось самовнушение, которое, как бы оно ни было полезно, не дает, по его мнению, прочных результатов, принося тот или другой вред.

Метод Dubois состоит в обращении к разуму больного, в стремлении воздействовать на его интеллект; он старается поэтому убедить больного, что его болезнь — психического происхождения, и убеждает логическими доводами, стараясь уничтожить болезнь тем же путем, каким она впервые возникла.

По мнению Dubois, психоневрозы будто бы поддерживаются характерным логическим заблуждением (illogisme).

Ввиду этого он путем диалектики стремится возбудить и обострить критику больного и тем самым заставить его разубедиться в его болезненно неправильных, случайно сочетавшихся представлениях и тем самым дать ему прочно обоснованный и правильный взгляд на его состояние.

Словом, вся суть метода — в развитии и воспитании самокритики. Путем внушения, по Dubois, этого будто бы нельзя достигнуть, так как этот метод пользуется внушаемостью и самовнушаемостью, т. е. как раз теми явлениями, которые часто лежат в основе психоневрозов.

Лечение разубеждением и разъяснением нашло независимо от Dubois отклик и в Германии (Oppenheim с его «*Psychotherapeutische Briefe*», Rosenbach, Eschle и др.).

Надо заметить, однако, что далеко не все согласны с тем, что автор при своем способе лечения совсем устраняет элемент внушения. Автор, во всяком случае, встретил в литературе немало возражений, особенно со стороны Oppenheim'a и Bonjour'a. Нельзя здесь не отметить, что и основной взгляд Dubois на происхождение симптомов при психоневрозах как на результат неправильных суждений может быть не без основания оспариваем.

Свои возражения против гипнотерапии Dubois¹⁰ сводит к тому, что здесь будто бы производится искусственное изменение чувства и устраняются или по крайней мере не принимаются во внимание логические убеждения¹¹.

Однако Löwenfeld¹² прав, говоря, что проведение гипнотерапии в общем имеет в виду тот же путь, что и диалектика, так как в гипнозе дело идет также о разъяснениях, уговорах и убеждениях; утверждение же Dubois, будто гипноз воздействует на чувства неправильно, противоречит фактам.

По словам самого Dubois, цель внушения в гипнозе и в бодрственном состоянии — одна и та же: укрепить в больном излечивающую его мысль. Но он полагает, что терапия внушением не заботится ни о какой логике и что будто бы утверждения, вселяемые в этом случае в голову больного, ни на чем не основаны.

Так, если внушается, что человек должен с вечера уснуть хорошо или что у женщины к такому-то сроку появится менструация, то здесь нет никакого обращения к логике, тогда как Dubois всю силу своего метода видит в логике. Однако он упускает из виду, что внушение ныне не сводится только к простому приказанию, а чаще всего ведется как разъяснение и убеждение и в этом не отличается по характеру от метода Dubois, в котором точно так же не исключается и элемент внушения, вводимый, конечно, независимо от самого автора.

Поэтому Löwenfeld, быть может не без некоторого основания, замечает, что старания Dubois указывают лишь на то, что при одностороннем культивировании только своего метода он навязал себе пугала, которые мешают ему воспринимать и ценить шаги вперед в остальной области психотерапии.

Нечего и говорить, что никакие убеждения не могут иметь успеха, напр., при необходимости вызвать менструацию в срок, что, однако, достигается внушением.

Заслуживает внимания также метод Brissaud, который применяется в некоторых судорожных состояниях, особенно при так называемом тике.

Он состоит в систематическом упражнении держания членов тела в определенном положении и представляет собою как бы упражнение двигательных центров, которое достигается постепенно усилиями воли. Метод этот, несомненно полезный в известных случаях, представляет собою в сущности гимнастику воли и заслуживает с этой стороны особого внимания. Нельзя не упомянуть здесь и о методе Dejerin'a, который, насколько я знаком с ним, состоит в устранении мысли о болезни и в упражнении, причем больным настойчиво доказывается и обращением с ними, и словами, что они здоровы и не должны думать о своей болезни. Этот метод, применимый главным образом лишь к общим психоневрозам, напр. к истерии, имеет, однако, то неудобство кроме многих других, что не допускает одновременного применения иных методов лечения, как, напр., лекарственного и физиотерапевтического, так как это явилось бы ему прямым противоречием, а между тем обойтись без лечения лекарствами или физиотерапией в таких случаях часто бывает невозможно.

Лечение идеалами. Здесь следует обратить внимание на так называемую психотерапию в форме лечения идеалами Marcinowsk'oro. Особенно подробно этот род психотерапии изложен в книге Marcinowsk'oro «Nervosität und Weltanschauung» и в книге «Im Kampf um gesunde Nerven».

Эта психотерапия основана на том, что в некоторых болезненных состояниях известные группы ассоциаций, связанные с болезненными представлениями, получают преобладание над другими представлениями, как бы отнимая у них известную степень энергии. Здесь основной целью психотерапии является ослабление повышенной возбудимости болезненных представлений путем введения в психику новых деятельных ассоциаций. В этом случае стремление врача заключается в том, чтобы направить мысли больного на высшие проблемы и вызвать к жизни высшие философские, этические и эстетические идеалы, дабы он имел возможность справиться с болезненными идеями.

Во всяком случае, идеи Marcinowski'ого, изложенные им недавно в особой статье¹³, заслуживают большого внимания, несмотря на то что практическое их осуществление представляет нередко те или другие затруднения.

Дело в том, что для осуществления терапии в этом смысле приходится встречаться со всевозможными взглядами и вкоренившимися убеждениями, которые необходимо вытеснить силою убеждения, чтобы привить больному другие взгляды, противодействующие его болезненному состоянию. К тому же, чтобы иметь успех, нужно самому не только иметь возвышенные идеалы, но и пользоваться известной репутацией в глазах больного и вместе с тем в корне и до деталей изучить взгляды больного и говорить с больным его языком.

Дело идет и здесь о прививании больному более широких взглядов и понятий на место его узких представлений, причем часто приходится прибегать к доктринам стоической философии, чтобы сделать больных независимыми от условий и устранить их невольное в этом отношении рабство.

В известных случаях необходимо восстать самым энергичным образом против детерминизма, когда больной чувствует себя как бы во власти болезненных состояний, напр. наследственных условий, наподобие какого-то фатума.

Иногда приходится прибегать к прививанию этических воззрений, как, напр., в случае, когда больной находится в условиях, его угнетающих, и притом эти условия оказываются неизменяемыми; при этом может оказаться полезным известный принцип всепрощения.

В других случаях, когда больных нужно освободить от известной болезненной нравственной чувствительности, под влиянием которой они излишне терзаются фиктивными или условными грехами, необходимо настойчиво дискредитировать узкую идею греховности, и в случаях нравственных конфликтов необходимо привить больному более широкие нравственные критерии или найти иной способ для отвлечения мыслей больного от мучащих его идей.

Нет надобности говорить, что эта терапия идеалами входит частично или даже целиком в изложенную выше психотерапию перевоспитанием и, во всяком случае, может служить существенным к ней дополнением.

Психоанализ и лечение исповедью. Наконец, за последнее время обращает на себя внимание так называемый психоанализ Freud'a как терапевтический метод¹⁴. По этому автору, болезненные состояния при неврозах имеют в основе своей неразрешенный защемленный аффект, особенно часто — в виде половой травмы, который, как вредный ингредиент, поддерживает болезненное состояние, оставаясь часто не сознаваемым самим субъектом. Поэтому в каждом случае должен быть произведен тщательный анализ субъективного состояния больного, и, найдя ту или другую психическую травму как причину болезненного состояния, должно дать разрешиться аффекту, чтобы таким образом освободить психику от неассимилированного аффекта.

Надо, однако, заметить, что этот метод возбуждает с разных сторон критическое к себе отношение, главным образом в силу тех преувеличений, которые допускались и самим автором этого метода, и его последователями. Однако несомненно, что отреагирование на тягостно мучившее человека состояние всегда действует облегчающим образом, как слезы облегчают аффект, как исповедь облегчает тягостное душевное состояние. Происходит, таким образом, как бы очищение себя от психической травмы, так называемый катарсис. Поэтому, если указание на психическую травму обнаружено, необходимо, чтобы больной отреагировал на него, и болезнь проходит.

Если о психической травме обычным путем узнать не удастся, то можно загипнотизировать больного, внушить ему воспоминание о самом начале развития болезни и об испытанных им и забытых психических влияниях и заставить его путем внушения пережить со всею аффективностью событие, приведшее к болезненному состоянию. Здесь есть гипноз, но внушение служит здесь лишь для того, чтобы возбудить катарсис.

Надо, впрочем, заметить, что Freud отказался от этого метода с гипнозом, заменив его психоанализом.

Он устанавливает различные психические механизмы взаимоотношений между сознательной и бессознательной деятельностью¹⁵, пользуясь, между прочим, для этой цели психоанализом сновидений.

Самый метод состоит в беседе с больным при таких условиях, чтобы заставить больного сосредоточиться на развитии своей болезни и как бы расширить его поле сознания, заставить его сообщить больше того, что он обыкновенно говорит о своей болезни, улавливая «случайные мысли», которые самому больному кажутся ненужными и только запутывающими основную мысль рассказа. При этом Freud требует, чтобы больной говорил все откровенно, не исключая того, что больному кажется случайными, местоозначающими, а тем более мучительными мыслями. При этом не допускается никакой причины со стороны больного.

Этим путем при сосредоточении внимания на симптомах болезни, которые обыкновенно и служат исходным пунктом психоанализа, по автору, расширяется поле сознания и возвращаются такие воспоминания, которые ранее были вытеснены. Нередко больной сам сопротивляется признанию того, что вытекает из случайных мыслей.

Здесь, конечно, имеется поле для внушений со стороны врача, на что и указывала критика, но решения будто бы получаются настолько оригинальными, что врачу нельзя было бы их придумать¹⁶.

Затем, по Freud'у, необходимо еще проникнуть в сновидения больного, анализируя их соответственным образом, и наблюдать за поведением больного, его поступками и промахами, чтобы выяснить основу психической травмы. Затем добытый материал должен подвергнуться известному толкованию.

Следует здесь упомянуть, что помощью этому методу служит также ассоциативный эксперимент со словами-ловушками, как он применялся цюрихской клиникой. При этом дело идет о том, что на словах, близких к предмету психической травмы, происходит известная задержка, отмечаемая измерительными приборами.

Из вышеизложенного ясно, что весь метод, по-видимому, не столько сложен, сколько затуманен его авторами, благодаря чему один из учеников Freud'a, Sadger, откровенно признается, что по прослушании теоретического курса Freud'a ему «понадобилось почти три года, чтобы преодолеть все затруднения».

Когда анализ готов, нужно, конечно, вызвать отреагирование, чтобы закончить лечение, и если возможно, то желательно выполнить вытесненные и казавшиеся «несовместимыми» желания больного. В противном случае приходится их внести путем критического разбора и убеждения в комплекс представлений с помощью более высоких в нравственном смысле ассоциаций и таким образом привести по возможности к осуществлению. Такой путь Freud'ом называется сублимацией. Наконец, если такое «несовместимое» желание ни в каком случае неосуществимо, то оно уже вытесняется снова путем осуждения, достигнутого строгой критикой, причем в связи с этим осуждением возникают новые представления более высокого этического характера, которые и содействуют полному разрешению задержанного психического аффекта в форме как бы нравственного очищения или исповеди. Нельзя не заметить при этом, что процедура лечения требует иногда для окончательного успеха столько времени, что гораздо скорее и проще провести лечение по другим методам, напр. с помощью применяемой мною терапии перевоспитанием, и притом с не менее прочным успехом.

Только что указанный метод рассчитан на устранение «коренной» причины болезни, если, конечно, под коренной причиной можно понимать ту или другую нравственную травму (не будем говорить специально о «половой» травме, которую везде и всюду видит автор метода — Freud). Однако выяснение этой причины, сохраняющей свое влияние в подсознательной сфере, при психоанализе сопряжено, вообще говоря, с большими затруднениями и вряд ли даже всегда осуществимо при обычных условиях. Отсюда вытекают ограничения в применении этого метода. «Трудности и неудобства, связанные с психоанализом, — говорит Löwenfeld, — допустят вначале лишь ограниченное его при-

менение, а не то широкое, которое грезится его приверженцам. Надо иметь в виду, что успешное применение этого метода требует долгих специальных занятий и долгого упражнения, а в отдельных случаях и такого значительного количества времени, которое дает возможность лишь пациентам с очень благоприятными жизненными условиями проделать этот курс лечения. К этому присоединяется и то обстоятельство, что психоанализ первое время может оставаться без влияния на самочувствие больного и потому требует от последнего особого доверия к искусству врача».

В этом смысле указанный метод далеко уступает психотерапии перевоспитанием и даже внушению, если, конечно, понимать последнее не в смысле неосмысленного приказа или веления, а в том более широком значении этого слова, которое должно быть ему при даваемо в смысле влияния на убеждения и взгляды больного, особенно если принять во внимание, что и психоанализ, столь трудный обычно на практике, может быть осуществлен с гораздо большей легкостью в гипнозе, на что, между прочим, обращают внимание Muthnam и Вырубов и что было известно и по ранее имевшимся исследованиям насчет гипноза.

Löwenfeld полагает, однако, что, несмотря на свои недостатки*, психоаналитический метод может предотвратить в известных случаях возвраты болезненного состояния, чего не предотвращает будто бы гипнотический метод. Однако я не знаю, на чем основано это утверждение и какая статистика может его подтвердить. Если психоаналитический метод, как утверждают его авторы, направлен против корней болезни, лежащих в подсознательной сфере, то ведь и лечение внушением в гипнозе не только не исключает воздействия на первоначальные поводы нервного расстройства, где они очевидны, но даже там, где они

* Некоторые авторы признают даже, что этот метод, беспощадно выдвигая на сцену все прошлое, часто давно забытое, особенно из области сексуальной, и укрепляя прошлое путем внушения, в ряде случаев скорее приносит вред, чем действительную пользу, вследствие чего, напр., Оррenheim призывал к борьбе с психоанализом как с модным психозом.

не ясны, выяснение их может быть достигнуто еще легче, тем же путем психоанализа, посредством выяснения их в гипнозе.

При всем том нельзя забывать, что так называемые корни болезни в психоневрозах далеко не могут иметь того значения, какое имеют действительные причины болезней в других случаях, так как в сущности эти «корни» болезненных состояний суть не что иное, как внешние поводы болезни, которые если и воздействуют так сильно на психику человека, то лишь благодаря тому, что действуют на подготовленную почву ослабленного питания и нарушенного обмена. Я по крайней мере не могу стать в этом случае на исключительно психогенную точку зрения, ибо иначе все одинаково могли бы заболеть психоневрозом при соответственных внешних условиях, чего мы на самом деле не видим.

Уже ввиду только что сказанного трудно допустить, чтобы психоаналитический метод гарантировал от возвратов болезни и в этом имел особое преимущество перед внушением.

Комбинированный метод лечения и заключение. Мы полагаем, что современная медицина вообще не должна замыкаться в какой-либо один метод, а должна пользоваться всеми доступными для врача методами лечения, чтобы достигнуть соответствующего успеха.

Можно с уверенностью сказать, что и различные психотерапевтические приемы не во всех случаях могут иметь одинаковое практическое значение. Так, в одних случаях донныне сохраняет свое значение гипноз, особенно в лечении алкоголизма, тогда как в других случаях более полезным может оказаться тот или другой метод психотерапии, напр. лечение перевоспитанием, лечение идеалами, или даже психоаналитический метод.

Следует при этом иметь в виду, что некоторые из психотерапевтических методов, напр. лечение убеждением, почти неприменимы в детской практике, где лечение перевоспитанием, как оно применяется мною, оказывается вполне успешным. Кроме того, не следует забывать, что возможно совмещение одних психо-

терапевтических методов с другими, как, напр., гипноза с психоанализом или лечения идеалами с внушением.

Должно иметь в виду, что ни один из психотерапевтических методов не гарантирует от возможных возвратов болезни, ибо все вообще неврозы и психоневрозы обыкновенно имеют лишь поводом ту или другую психическую травму, в действительности же эта травма воздействует соответственным образом лишь благодаря подготовленной почве, которую также нужно лечить, и, быть может, еще важнее лечить почву, чем устранить или смягчить воздействие психической травмы.

В самом деле, как ни важны в лечении психоневрозов различные психотерапевтические методы, они, не исключая и психоанализа, не могут гарантировать от возможных возвратов болезни при соответствующих внешних условиях, пока не устранена та общая болезненная почва в организме, которая обуславливает чрезмерную возбудимость нервно-психической сферы.

Вот почему нельзя требовать от психотерапии того, чего она по существу дать не может; на мой взгляд, рациональная борьба с болезненными состояниями предполагает кроме психотерапевтических воздействий еще и совместное фармакологическое или лекарственное лечение и нередко также лечение физическими методами. Только такое комбинированное лечение, на мой взгляд, скорее всего приводит к цели в серьезных случаях и в то же время гарантирует устранение возвратов болезни.

По моему мнению, делают вообще ошибку многие врачи, пользуясь часто в практике одним лишь гипнозом и внушением или другими видами психотерапии. Так как болезни основаны обычно на материальных изменениях организма, то, как ни могущественна в известных случаях сила внушения и психотерапии вообще, принимая во внимание и влияние их на соматические функции организма, нет никакого основания наряду с лечением внушением и другими видами избегать лекарственного и физического лечения, показанного в той или иной болезни.

По нашему мнению, когда произошло то или иное расстройство в организме, то, естественно, должны быть приняты все меры к тому, чтобы восстановить нарушенные функции, а в числе этих мер материальные или физические ничуть не исключают так называемые психические, состоящие во внушении и других видах психотерапии. Правда, некоторые из видов психотерапии, напр. убеждение в отсутствии болезни по Dejean'у, исключают применение физических методов и фармакологического лечения вследствие их противоречия с характером применяемого психического воздействия, но эти методы психотерапии поэтому должны иметь свое ограниченное известными рамками поле применения.

Из вышеизложенного нетрудно убедиться, что на почве учения о гипнозе, или точнее говоря, вслед за развитием учения о гипнозе, обосновались различные виды психотерапии, начиная от простого внушения до сложного психоанализа и лечения перевоспитанием и идеалами. Все эти способы выросли, собственно, на почве того основного положения, что психические процессы, выражающиеся субъективно в форме представлений, сами по себе лежат в основе болезненных симптомов и могут даже обуславливать разнообразные соматические состояния.

Поэтому вся задача психотерапии сводится к тому, чтобы устранить болезненные явления путем их подавления, отвлечения, замещения или разрешения в виде внешней реакции.

При этом ясно, что психотерапия требует особенно тщательной индивидуализации болезненных состояний. Она должна иметь в виду не болезни вообще, а самый тщательный анализ больной личности.

Нужно, впрочем, заметить, что и психоневрозы — главный объект применения психотерапии — до такой степени индивидуально различны и проявления их в различных случаях отличаются столь своеобразными особенностями, что невозможно представить себе рациональной терапии вообще как психической, так и физической, которая не считалась бы с самой тщательной индивидуализацией больных.

Теленатия

Мысленное внушение или фокус? *

Вопросы мысленного внушения не могут не интересоваться человечество до тех пор, пока существование этого внушения не будет окончательно решено в том или другом смысле на основании достоверных данных. Ввиду этого собрание фактического материала, относящегося к данному вопросу, должно быть на первом плане, так как соответственная оценка этого материала и должна послужить к окончательному выяснению этого крайне важного и в то же время в высшей степени деликатного вопроса.

Руководясь этим, мы не можем не обратить внимание читателей на опыты мысленного внушения, произведенные д-ром Котиком и д-ром Певницким в соучастии с другими врачами над Софьей Штаркер, делавшей представления в одном из одесских балаганов.

Надо заметить, что подобные представления в народных театрах, по-видимому, не составляют исключительной редкости и еще не далее как в апреле 1903 г. мне самому удалось наблюдать подобную же демонстрацию мысленного внушения в одном из народных театров Вены, где самая демонстрация явлений производилась при следующих условиях.

Молодая особа садилась на стул посреди сцены перед публикой, и ей плотно завязывались глаза большим платком. Затем предлагалось кому-либо из публики участвовать в опыте и задумать то или другое слово — *безразлично* какое бы то ни было. Участник опыта садился вблизи отгадывательницы, которая клала ему на лоб свою руку и после небольшого промежутка времени говорила вслух те

* Печатается по: Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1904. № 8.

слова, которые он задумывал. Так проделывалось с несколькими лицами, причем самое отгадывание как конкретных, так и отвлеченных слов производилось с видимою легкостью и безошибочно. Затем проделывались опыты с отгадыванием предметов, находящихся в карманах присутствующей публики при посредстве пожилого человека — индуктора, с которым обыкновенно производились опыты этого рода. Для этой цели последний обходит публику, нащупывает вещи в кармане и в случае, если он их не узнает на ощупь, просит их вынуть, чтобы он мог убедиться, что именно пред ним имеется; затем, думая о них и не произнося ни одного слова, он спрашивает отгадчицу: что здесь или что это такое? Все вопросы ставились вполне однообразно, вещи в большинстве случаев оставались в карманах зрителей и лишь в случае, если не были узнаны на ощупь, показывались индуктору, но так, что их мог знать только он сам, их собственник и ближайшие соседи; отгадчица же при этих опытах находилась на расстоянии по крайней мере 15—40 шагов и все время оставалась с завязанными глазами; следовательно, видеть предметы не могла ни в каком случае.

Никакого условного общения между индуктором и отгадчицей также не могло быть, так как вопросы первого всегда были однообразны и без каких-либо особых изменений в интонации голоса, а о каком-либо механическом общении не могло быть и речи. Ответы для огромного большинства предметов давались отгадчицей верные, причем простые предметы, как апельсин, лимон, гребенка, веревка, ножик, зубочистка и пр., давались быстро и уверенно, предметы же менее обычные отгадывались хотя также в огромном большинстве случаев точно, но менее скоро. Отгадывание некоторых предметов требовало даже порядочного промежутка времени. Изредка при этом делались ошибки; но ошибки эти почти тотчас же исправлялись после указания на неправильность ответа со стороны индуктора. Иногда ошибки указывали на предмет лишь приблизительно, напр. вместо «записная книжка» был дан

ответ «билет», когда затем индуктор указал на ее ошибку и потребовал, чтобы отгадчица думала дальше, она после некоторого времени сказала верно: «Книжка»; а на вопрос: «Какая?» — ответила: «Записная». Далее следовали вопросы о том, что в книжке записано, и индуктор последовательно заставил отгадчицу сказать по крайней мере десятка два записей, которые были сделаны в этой книжке, причем все эти записи прочитывались относительно быстро и с пунктуальной точностью без всяких даже малейших знаков со стороны индуктора.

По общей постановке дела с отгадыванием мыслей здесь, очевидно, было много сходства с тем, как проделывала свои опыты Софья Штаркер. К сожалению, я лишен был возможности проделать целый ряд опытов с отгадчицей при иных условиях, могу лишь сказать, что, будучи сам ближайшим наблюдателем тех демонстраций, о которых шла речь выше, я не нашел в них решительно ничего такого, чтобы можно было признать за обман или фокус. Тем не менее для решения вопроса о мысленном внушении крайне желательно не одно только констатирование факта, но и всестороннее изучение тех условий, при которых производятся самые опыты.

Если подтвердится, что в случаях такого рода мы имеем дело с настоящим мысленным внушением, то объяснение самих явлений с помощью передачи энергии от одного лица другому навязывается само собою. Как бы то ни было, мы не должны упускать из виду, что вопрос о мысленном внушении постепенно выходит из области загадочного и неведомого, так как с развитием учения о психике как проявлении энергии¹ и с открытиями Blondlot и Charpentier об исходящих из нервной ткани во время ее деятельности лучах самая возможность мысленного внушения становится явлением, ничуть не противоречащим нашим основным научным воззрениям.

Ввиду этого крайне желательно, чтобы к изучению явлений мысленного внушения серьезные научные деятели перестали относиться с тем пренебрежением,

которое, за малыми и всем хорошо известными исключениями, проявлялось в их среде до позднейшего времени.

Как происходит так называемое отгадывание мыслей на подмостках театров?*

Уже не один десяток лет на подмостках второстепенных театров и балаганов даются представления так называемого ясновидения или отгадывания мыслей. Представления эти состоят в том, что на сцене находится отгадчица с завязанными глазами, а среди публики ходит ее индуктор, которому публикой показывают те или другие вещи, или он сам, проходя между рядами стульев и осматривая предметы, находящиеся в руках или в карманах у зрителей, опрашивает о них отгадчицу и обыкновенно без промедления получает верные их обозначения. В некоторых случаях для большей иллюзии индуктор держит отгадчицу за руку, но это ничуть не обязательно; по крайней мере на тех представлениях «ясновидения», которые видел я, дело обходилось без всякого посредничества. Заслуживает, однако, внимания то обстоятельство, что во всех случаях отгадывание может производиться лишь с одними и теми же индукторами-руководителями, чаще всего ближайшими родственниками отгадчицы или отгадчика. Нет надобности говорить о том, что эти представления «ясновидения» кажутся зрителям большой загадкой, причем мысль все время колеблется между двух возможностей: либо это фокус, либо дело идет о явлении, представляющем до сих пор еще не разрешенную научную загадку. За 1-е объяснение особенно говорит то, что опыты, как я уже упоминал, удаются лишь с одним и тем же лицом; но нельзя забывать, что заинтересованными лицами этому факту дается и соответствующее объяснение, а именно: «ясновидение» будто бы развивается путем воспитания

* Печатается по: Русский врач. 1917. № 43-47.

и упражнения, а воспитание предполагает приспособление или привычку к одному лицу. Другое обстоятельство, говорящее в пользу 1-го же объяснения, — это то, что отгадчица или отгадчик обыкновенно не чувствуют после сеансов утомления, но и это обстоятельство заинтересованными лицами объясняется будто бы давно усвоенной привычкой к этим сеансам.

Как бы то ни было, вышеуказанные явления оставались загадкой не только для широкой публики, но, по-видимому, и для науки, тем более что профессионалы, пользующиеся этими представлениями, имели все основания скрывать сущность самих явлений, обычно сильно заинтересовывающих публику, иначе, само собою разумеется, всякий интерес к ним должен ослабеть и обладатель «таинственной силы» вместе с этим, естественно, должен потерять свой заработок, а как велик последний, показывает сделанное мне одним из таких индукторов в интимной беседе заявление, по которому чистый гонорар в течение года от таких представлений определяется в 18 000 р. Насколько загадочными кажутся эти представления для публики, показывает пример, что даже мужи науки, видевшие их, как мне неоднократно приходилось слышать, не находят для них другого объяснения, как допустив предположение, что имеют дело с чревовещанием; между тем этому объяснению противоречит уже то обстоятельство, что индуктор, в чем легко можно убедиться, даже стоя вблизи вас и будучи в то же время обращен к вам своим лицом, во время предложения вопросов отгадчице о ваших вещах не произносит ни одного лишнего слова, кроме задаваемых вопросов; при этом и губы его при ответах, даваемых отгадчицей, остаются неподвижными, в то время как отгадчица, произносящая громко названия вещей, двигает соответственным образом своими губами. Надо сказать, что нелегко и вообще подойти к выяснению этих представлений, ибо профессионалы по возможности устраниваются от научной критики во избежание разоблачений, а если и допускают научный глаз к своему делу, то обычно лишь за деньги или для того, чтобы вызвать побольше сенсации в об-

шестве, и, конечно, при этом все же умело скрывают сущность показываемых явлений. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что эти представления в большинстве случаев оставались вне поля научного исследования. Однако по поводу таких представлений, производимых с отгадчицей — девочкой Софьей Штаркер ее отцом в Одессе, несколько лет назад было произведено специальное исследование Н. Г. Котиком; опыты производились им в соучастии с другими врачами и между ними с А. А. Певницким, который, в свою очередь, воспользовался для научного истолкования явления представлениями, производившимися отцом-индуктором с С. Штаркер в квартире д-ра Котика, куда представления эти были специально перенесены для их лучшего обследования. В результате А. А. Певницким и Н. Г. Котиком были высказаны разные научные гипотезы: в то время как д-р Певницкий¹ остановился на теории «яснослышания», допуская улавливание отгадчицей неслышных для окружающих словесных звуков, д-р Котик² в обширной статье под заглавием «Чтение мыслей и N-лучи» развивает теорию передачи мыслей непосредственно от одного человека другому при посредстве лучей Blondlot.

Нет надобности говорить о 1-й теории, устраняемой простым наблюдением, ибо можно убедиться, как это мог сделать и я в аналогичном случае, что индуктор не произносит для отгадчицы слов даже шепотом про себя. В самом деле, если, стоя около индуктора, вы не слышите ни малейшего звука, не видите ни малейшего движения губ или кадыка, то можно ли вообще говорить о том, что индуктор что-то произносит, а отгадчица слышит слова, которые для других остаются неслышными? Поэтому я остановлюсь здесь на толковании этих явлений, предложенном Н. Г. Котиком в упомянутой выше статье, после напечатания которой он издал еще целую книжку с тем же содержанием и сделал в том же духе предисловие к русскому переводу книги «Мыслящие животные» С. Crall'я*.

* См. «Вопросы психологии бессознательного» (вып. 5). В этом предисловии д-р Котик, желая объяснить известные опыты

В своей первоначальной статье, помещенной в «Обзрении психиатрии», автор говорит о научных предрассудках, задерживающих ход научного движения в вопросе о передаче мыслей на расстоянии, и, останавливаясь на объяснении опытов Brown'a и Bishop'a с помощью восприятия едва осязуемых «бессознательных мышечных движений» (Beard, И. А. Сикорский, И. Р. Тарханов и др.), признает их недостаточными. «Не говоря о том, что все эти рассуждения о бессознательности восприятий бессознательных мышечных движений в. гипотетичны и недоказуемы, они, кроме того, не в состоянии все-таки объяснить чтения отвлеченных мыслей при исключении осязания, зрения и слуха» (с. 576). Затем в литературном обзоре автор, ссылаясь на опыты Richet, на исследования Gerney'a, Meyers'a и Podmohr'a, обозначивших явления передачи мыслей на расстоянии термином «телепатия», на опыты Janet и Ch. Richet с гипнотизированием на расстоянии Leonie В. и критикуя отрицательные выводы Lehmen'a, проверявшего вместе с Hansen'ом экспериментальным путем передачу мыслей на расстоянии, останавливается на позднейших опытах Н. В. Краинского с кликушами и опытах Н. П. Жука с воспроизведением задуманных рисунков. Осуждая то, что большинство «официальных представителей науки» не перестают глумиться над явлениями чтения мыслей, он видит в этом причину того, что мы до сих пор не имеем никакого представления о сущности этого рода явлений и не знаем даже, действительно ли они существуют? (с. 581).

Свои опыты д-р Котик предваряет следующим введением: «Гуляя как-то по улицам родного города Одессы, я натолкнулся на балаган со следующей вывеской: «14 лет девочка отгадывает все». Войдя туда, я увидел следующее. Стройная, хрупкая девочка, сидя с завязанными глазами на стуле и держа своего отца за руку, называла все предметы, которые публика давала отцу, или произносила слова, которые были написаны кем-либо на бумаге и передавались отцу. Заинтересовавшись этим явлением, я стал часто заходить туда и вскоре убедился, что имею дело не с фокусом, а с несомненной способностью девочки читать мысли своего отца. Тогда я постарался приобрести расположение этих людей, чтобы иметь возможность поставить опыты на научных основаниях и в присутствии других товарищей-врачей» (с. 582). Надо, впрочем, заметить, что, как показывают опыты, произведенные с С. Штаркер д-ром Котиком в его квартире, она может отгадывать и на известном расстоянии от ее отца, причем она оставалась с завязанными глазами, а в отдельных случаях и с заткнутыми ушами. Одни опыты в квартире д-ра Котика делались так, что отец оставался в той же комнате, где была и дочь, а в других они

Crall'a и др. с лошадьми, защищает гипотезу о передаче психофизической энергии от человека к лошади. «Подобно тому как мы, желая совершить какое-либо движение, посылаем двигательный импульс в свои собственные мышцы, точно так же и в том случае, когда мы желаем, чтобы лошадь совершила определенное движение, мы посылаем волну двигательной (психомоторной) энергии в ее ногу» (с. XIV).

размещались в разных комнатах и между ними находилась плотно закрытая дверь. Нужно, однако, заметить, что первоначальные опыты с заткнутыми ушами и с разъединением отца и дочери по разным комнатам при разделении их плотной дверью или совсем не удавались, или удавались плохо, вообще представлялись малоубедительными; позднее же опыты, произведенные с разъединением отца и дочери по разным комнатам и с установлением контакта между ними путем проволоки, проводимой чрез дверную скважину, а затем и без проволоки, стали удаваться. Опыты с затыканием ушей ватой при завязанных глазах удавались в большей или меньшей мере, хотя и не всегда. Известно, впрочем, что затыкание ушей ватой не устраняет слуха, а только ослабляет его. На основании этих данных и некоторых других опытов автор в конце концов приходит к следующему выводу: «Мысль одного лица может передаваться и другому лицу посредством исходящих от центров речи 1-го N-лучей, которым принадлежит свойство возбуждать центры речи 2-го лица и вызывать в них соответствующие слуховые образы» (с. 664-665).

К общей характеристике опытов д-ра Котика следует прибавить, что известная их часть производилась в присутствии товарищей-врачей, причем д-р Котик при описании опытов подчеркивает, что опрошенные им присутствовавшие товарищи не могли заметить во время опытов никакой сигнализации между отцом и дочерью; но, с другой стороны, при описании опытов он часто упоминает о скептицизме товарищей, из чего следует, что по крайней мере некоторые из них, видя всю обстановку опытов, не отрешились окончательно от своих сомнений в отношении доказательности самих опытов. Обращает на себя также внимание заявление автора о непризнании телепатических явлений «официальной» наукой, как будто наука может быть разделена на официальную и неофициальную.

При печатании вышеуказанной работы Н. Г. Котика я³ написал статью в том же «Обзрении психиатрии» под заглавием «Мысленное внушение или фокус?», в которой, обращая внимание на опыты д-ра Котика и аналогичные им опыты д-ра Певницкого (над той же С. Штаркер), привел и свои наблюдения над подобной же отгадчицей мыслей, молодой особой, которые мне удалось сделать во время моего путешествия за границей в Вене в апреле 1903 г. Обстановка отгадывания мыслей в этом случае была почти тождественна с той, которая применялась и в других подобных случаях и о которой я упоминал в начале этой статьи. Наблюдая за представлениями этой особы в то время, я не находил в них ничего такого, что бы давало возможность установить обман или фокус, и тем не менее, повторяю, для решения вопроса о мысленном внушении

крайне желательно не одно только установление факта, но и всестороннее изучение тех условий, при которых производятся самые опыты.

С тех пор как была написана вышеупомянутая статья, я искал случая проверить опыты с мысленным внушением, дабы убедиться, в какой мере такие представления относятся к действительным опытам мысленного внушения или же к фокусам. Некоторые из появившихся время от времени сообщений, казалось, говорили в пользу передачи мысли на расстоянии; однако сообщения эти не могут претендовать на значение научно проверенных фактов, вследствие чего и отношение к ним со стороны авторов зависит от большей или меньшей доверчивости к самой теории мысленного внушения и к обстановке самих наблюдений. Между прочим, д-р Котик, говоря в своей работе о том, что вопрос о возможности чтения мыслей на расстоянии остался открытым и, не выходя из сферы курьезов, совсем игнорировался наукой, замечает:

«Только этим можно объяснить то обстоятельство, что представители науки совершенно не обратили внимания на сообщение д-ра Н. Краинского о 3-х случаях чтения мыслей на расстоянии, которые он наблюдал во время своей командировки в 1900 г. на эпидемию кликушества в Новгородскую губ. и опубликовал в своей книге «Порча, кликуши и бесноватые». Даже акад. Бехтерев, написавший предисловие к этой книге, ни единым словом не касается этих 3-х случаев чтения мыслей кликушами, как будто вопрос находится вне сферы его компетенции».

Это замечание, род упрека, именно и показывает, как может различествовать отношение того или другого автора к таким сообщениям. Д-р Котик, держащийся твердого убеждения, что он доказал возможность передачи мыслей на расстоянии, считает нужным остановиться на опытах Н. В. Краинского, что вполне понятно. Но, да простит мне это выражение д-р Котик, наивно вообще думать, что я не обратил внимания на эти наблюдения, ибо я не только написал предисловие к книге Н. В. Краинского, занимавшегося в то время в качестве прикомандированного врача к заведываемой мною клинике, но мне пришлось и посодействовать этой командировке д-ра Краинского в Смоленскую (а не в Новгородскую, как ошибочно говорит д-р Котик)

губ., где в то время разыгралась эпидемия кликушества. Нечего говорить, что и немало у меня было бесед с д-ром Краинским по поводу «ашепковских кликуш». Не упомянул же я об этих наблюдениях в своем предисловии просто потому, что для признания важности этих наблюдений необходима была бы их проверка, и, конечно, в иной обстановке. Я хорошо помню еще ранее того бывший в моей же клинике случай с другим занимавшимся у меня врачом д-ром Е. С. Боришпольским, получившим было убеждение, что он имеет под своим наблюдением истеричку, отгадывающую чужие мысли на расстоянии. Он пожелал для этой цели показать ее мне и другим врачам, работавшим в то время вместе с ним в клинике. Во время этого предъявления тотчас же можно было выяснить, что истеричная больная отгадывала без контакта с индуктором, которым оказался сам Е. С. Боришпольский, только задуманные им в комнате предметы, опыты же с другими лицами ей не удавались вовсе. Было ясно, что, изучив мимику Е. С. Боришпольского, она могла, руководясь ею, производить удачные отгадывания предметов, задуманных самим д-ром Боришпольским, но не могла отгадывать предметов, задуманных другими лицами, без предварительного изучения их мимики. Сам Е. С. Боришпольский тогда же признал возможным принять это объяснение и не описал своего случая. В самом деле, имелось полное основание думать, что здесь дело сводилось к внимательному отношению истерички к движениям глаз индуктора, ибо при сосредоточении внимания на предмете, находящемся в том или другом направлении, глаза у некоторых лиц невольно устремляются туда же.

Когда появилось описание опытов д-ра Котика, на которых присутствовал целый ряд врачей, и в том числе некоторые из профессоров местного университета (проф. С. В. Левашев), вопрос о мысленном внушении вновь был поставлен на очередь. Вопрос этот прежде всего заключается в установлении существования самих N-лучей Blondlot, над которыми много работал также Charpentier, ибо существование этих лучей дает как бы реальное обоснование теории мысленного внушения. Как известно, после сделанных

этими авторами сообщений из Германии раздались скептические голоса по поводу нового открытия, и потому было необходимо произвести его проверку, чтобы разобраться в противоречивых данных. Исследование в этом отношении было предпринято у нас проф. М. П. Никитиным⁴, которым и был поставлен в нашей лаборатории при моей клинике ряд опытов над N-лучами, давших в конце концов отрицательный результат. Но как бы ни решался вопрос об N-лучах, проблема передачи мысли на расстоянии представляет собой самостоятельный вопрос, ибо предполагавшееся существование N-лучей дает лишь соответствующую почву для понимания передачи мысли на расстоянии в случае подтверждения самого факта передачи, но не более. След., важнее всего удостовериться в том, существует ли самый факт или нет, имея в виду, что опыты в постановке Ch. Richet не дали окончательных результатов, ибо и сам автор говорит лишь о большой вероятности отражения (проектирования) мысли от мозга, а не об установлении самого факта. Принимая затем во внимание, что опыты Lehman'a с отражающими вогнутыми зеркалами привели в глазах автора к отрицательным результатам, причем наблюдавшиеся случаи передачи объяснялись автором как результат произвольного шептания, а опыты Н. Н. Жука с отгадыванием рисунков дали, правда, несколько удачных опытов, в которых сходство представлялось, однако, лишь очень и очень приблизительным, естественно, приходится признать, что в ряде этих исследований случаи, подобные описанному с С. Штаркер, после их проверки и подтверждения должны представляться наиболее убедительными. К тому же д-р Котик после всех вышеприведенных исследований продолжал настаивать на своих объяснениях, что видно из его предисловия к русскому переводу книги «Мыслящие животные».

«В одной работе, — говорит он в этом предисловии (с. XIII), — опубликованной мною несколько лет назад, я доказал, мне кажется, с достаточной убедительностью, что у нас во время мышления излучается из мозга особого рода энергия, названная мною психофизической, которая обладает способностью передаваться на расстоянии другим людям и вызывать в их мозгу

такие же мыслительные процессы и образы, которые обуславливают ее возникновение в первом мозгу. Факт этот настолько установленный, что я считаю себя вправе исходить из него «как из вполне известного при объяснении совершенно необычайных и частью противоречивых новых фактов».

Ввиду вышесказанного и только что приведенных заверений представлялось крайне важным проверить самые опыты д-ра Котика, для чего надо было выждать, не появится ли на подмостках театров какой-либо профессионал, который, подобно виденной мною отгадчице в венском балагане и подобно С. Штаркер, проделывал бы перед публикой опыты с отгадыванием мыслей. Случай к этому мне представился лишь весной 1916 г., когда в одном из летних театров на Невском пр. стало появляться объявление о «ясновидящей», отгадывающей мысли на расстоянии, с разными рекламными прибавлениями. Самые представления для меня, быть может, остались бы и неизвестными, если бы не предупредительная любезность нескольких лиц, которые, заинтересовавшись ими, сообщили о них мне по телефону, приглашая присутствовать на представлении.

В условленный вечер 10/VII я был в театре. Самое представление происходило при такой обстановке. Вышла на сцену девочка лет 11. Ей подставили стул, за спинку которого, стоя сзади него, она придерживалась рукой. Затем ей плотно завязали глаза белым платком. После этого отец ее стал ходить в рядах публики, наполнившей обширный зал театра, и, увидев предметы в руках того или другого лица или знаки, имевшиеся на платье, или узнав путем ощупывания вещи, находившиеся в кармане, заставлял девочку, находившуюся на сцене, путем вопросов говорить название этих предметов. Девочка тотчас же отвечала, называя громко и вполне безошибочно предметы, и причем большею частью с поразительной быстротой. Если в кармане у кого-либо оказывалась записка, ее можно было показать отцу девочки, который, прочитав записку про себя, тотчас же спрашивал о ней девочку, и девочка слово за словом называла то, что было написано в записке. Когда отец подошел к нашей ложе, он тотчас же спросил девочку, указывая на меня: «Кто это?» С ее стороны немедленно послышался громкий ответ: «Доктор». «Как его имя?» Опять последовал ответ с указанием моего имени. «Какой орден на кителе?» Снова соответствующий ответ. Я вынул из кармана книжку «Медицинского календаря» и попросил, чтобы девочка прочла в ней заголовок. За вопросом отца последовал правильный ответ: «Календарь». Ответы все сопровождались взрывом рукоплесканий.

Таким образом, обстановка действия в общем была та же, что я некогда видел в Вене на представлении с взрослой девицей и о которой упоминал в своей статье «Мысленное внушение или фокус?».

Нечего и говорить, что иллюзия была полная, так что лица, привлечшие меня на это представление, как мне кажется, остались в полном убеждении, что дело идет о действительной передаче мыслей на расстоянии. Увидев на этот раз то же явление на сцене, которое мне пришлось видеть ранее, много лет назад, в Вене, но уже после вышеуказанной работы д-ра Котика, естественно, я возымел желание во что бы то ни стало ближе изучить обстановку самого явления с целью выяснить, в чем же в сущности здесь дело.

Я уже говорил, что, беседуя как-то с некоторыми из своих товарищей-профессоров, имевших возможность видеть, подобно мне, венскую отгадчицу мыслей, я узнал, что ими все явление объяснялось чревоуещанием лица, выдающего себя за индуктора. Точно так же и здесь: в театре один из незнакомых мне зрителей, проходивших мимо моей ложи, заявил мне, что дело идет в этом случае не о чем ином, как о чревоуещании; при этом для убедительности он прибавил:

«Вы предложите, чтобы дали вам возможность сесть на стоящий пред девочкой стул, за спинку которого она держится, и вы убедитесь в этом, услышав слова отца. Беда, однако, в том, что вам этого сделать не позволят! Вы обратите внимание на то, что отец шевелит губами после того уже, как спросит девочку о предмете».

Это шевеление губ у отца я действительно замечал иногда, но оно было лишь в отдельных и относительно редких случаях и, очевидно, было произвольным с его стороны; в других же случаях самое внимательное наблюдение за отцом не открывало никакой попытки с его стороны произносить что-либо шепотом. Тем не менее, считаясь с таким предположением, необходимо было его исключить. Надо, впрочем, заметить, что уже самая обстановка представления на сцене противоречила этому предположению. Дело в том, что де-

вочка, стоявшая на сцене с завязанными глазами и громко выкликивавшая ответы на задаваемые вопросы, так явно двигала своими губами при произношении слов, что не могло быть сомнения в том, что слова произносятся действительно ею. С другой стороны, и отец, игравший роль индуктора, проходя по рядам публики, нередко спрашивал свою дочь-отгадчицу, не оборачиваясь к ней лицом, которое было обращено к зрителям, показывавшим ему вещи для отгадывания. Когда, наконец, отец подошел к ложе, где сидел я, и стал спрашивать дочь обо мне, я мог лично убедиться, что никакого произношения слов с его стороны не было. Тем не менее, чтобы изучить все условия данного явления, я предложил отцу проделать все, что показывалось в театре, не на сцене, а в другом месте, при отсутствии большой публики. Он любезно согласился на это, и мы с несколькими присутствовавшими в нашей ложе лицами удалились в контору театра, где кроме нас, отгадчицы и ее отца находилась еще одна посторонняя женщина, работавшая с конторскими книгами и совершенно не интересовавшаяся опытами.

Здесь прежде всего я обратился с различными вопросами к девочке, на лице которой заметил большое смущение. На вопрос, может ли она проделывать опыты отгадывания со мною, она после некоторого размышления ответила, что она должна к этому еще привыкнуть. На мой вопрос, обращенный к ее отцу, сколько времени надо ей привыкнуть, чтобы она могла и со мной делать опыты с отгадыванием, со стороны отца последовал ответ: «Около месяца». Нечего и говорить, что опыты с отгадыванием, которые я попробовал проделать с девочкой, оказались неудачными. Тут же было решено проделать несколько опытов с отцом. Я поставил девочку позади стула в глубине комнаты, вблизи стены, а сам сел на стул, стоявший перед девочкой. Отец, находившийся в расстоянии нескольких аршин от противоположной стены, задавая девочке вопросы о разных вещах, ему показываемых, тотчас же получал от нее ответы с наименованием вещей; при этом произношения отцом названия вещей хотя бы и шепотом я не слышал, а так как отец находился вблизи, то можно было опять-таки определенно удостовериться в том, что шевеления губ и никакого шептания вообще с его стороны не делалось и губы его после сделанного вопроса оставались совершенно замкнутыми в то время, когда девочка громко произносила ответы.

В целях большей убедительности решено было проделать опыты так, чтобы отец находился вне комнаты, за дверью, а девочка по-прежнему оставалась в глубине комнаты за стулом. При этих

опытах я находился вблизи отца и внимательно следил за ним. Ответы девочки опять были вполне удачными, хотя отец ее только спрашивал, не подавая никаких сигналов, которые помогли бы ей отгадывать.

Надо заметить, что в числе моих любезных соучастников, присутствовавших при этих опытах, были, по-видимому, и лица, вполне убежденные в действительности в данном случае передачи мыслей на расстоянии, о чем я заключаю из того, что они то и дело заявляли языком д-ра Котика, что, к сожалению, «официальная» наука не признает возможности самого факта передачи мыслей. Между прочим, одним из них было высказано предположение, что так как дело идет здесь о передаче посредством особой энергии, то поставленная на пространстве между индуктором и отгадчицей металлическая ширма должна непременно устранить передачу. В подкрепление своих слов им тотчас же был откуда-то взят большой круглый металлический поднос около $\frac{3}{4}$ арш. в диаметре и поставлен на пути между отцом-индуктором и дочерью-отгадчицей. Препятствие это, однако, ничуть не изменило картины отгадывания: оно произносилось девочкой с прежнею легкостью. Опыт был признан соучастником неудачным, а неудача мотивирована тем, что металлическая преграда не оказалась будто бы достаточных размеров, хотя самый поднос, как сказано, был не из маленьких.

Так или иначе, но после этих опытов некоторые из наблюдавших их остались в убеждении, что дело идет в данном случае о действительной передаче мыслей на расстоянии. Для меня, однако, подозрительными казались, с одной стороны, смущенный вид девочки во время моей беседы с ней, с другой — то обстоятельство, что отгадывание мыслей возможно для нее лишь с ее отцом, и, наконец, тот факт, что отгадывание производилось девочкой, вообще говоря, с поразительной быстротой и без малейшего утомления. К тому же опыты велись чрезвычайно быстро: чуть только покажут отцу какой-либо предмет, он тотчас же задает вопрос девочке, а она немедленно отвечает на него. При этом девочка не только заявила на мой вопрос, что эти опыты несколько не утомляют ее, но и всем было ясно, что после представления на сцене она проделывала опыты и специально для нас в контроле театра с такой же легкостью, как и в самом театре. Все это в моих глазах оставило природу самого явления не только невыясненной, но и подозрительной в отношении существования какого-либо фокуса, и потому я предложил отцу проделать те же опыты у меня на квартире. После некоторого размышления он

сказал, что мое приглашение он считает крайне для себя лестным, и мы условились относительно дня и часа, когда он с дочерью приедет ко мне для представления, на котором пожелали присутствовать и свидетели вышеупомянутых опытов. Заслуживает внимания, что, когда мы выходили из театра, нас сопровождала многочисленная свита посторонних лиц, очевидно желавших уловить какой-либо намек на разрешение вопроса, а стоявший у выхода полицейский пристав обратился ко мне с вопросом, не могу ли я дать свое заключение об исследованном явлении для доклада градоначальнику; когда же я на это заявил, что я этого не желал бы, он попросил у меня позволения на другой день утром позвонить ко мне по этому поводу по телефону. Все это показывает, как напряженно была заинтересована публика этими представлениями, составлявшими для нее настоящую загадку.

В течение ближайших нескольких дней я должен был обдумывать всю ту обстановку опытов в домашних условиях, которая могла бы рассеять всякое недоумение на счет природы самого явления. Наконец, настал условленный день и час. Но каково же было мое удивление, когда я убедился, что все мои приготовления оказались совершенно излишними, ибо ни отец, ни девочка в условленное время ко мне не прибыли и даже ничего о себе не заявили. Все мои попытки узнать по телефону, в чем дело, не привели ни к чему. Мне было лишь обещано, что, как только они прибудут в театр и на дневной спектакль, им будет передано, что их ждут у меня на квартире, но и это ни к чему не привело. В конце концов, потеряв время понапрасну, я решил не отступать от выяснения задачи, и потому в тот же день вечером я поехал на спектакль, чтобы при невозможности продлить опыты в иной обстановке провести их опять где-либо за кулисами театра, в его конторе или в каком-либо ином помещении. Но вот что оказалось. Уже на дворе театра меня остановил какой-то господин, ранее мне совершенно незнакомый, и отрекомендовался непрактикующим врачом, хорошо знающим данный театр и, между прочим, отца-индуктора. Он заявил, что отец-

индуктор не мог ко мне приехать потому, что, выступая с опытами в театре, он имеет дело с публикой, среди которой интерес к такому представлению поддерживается исключительно тем, что самое явление признается загадочным, но что меня как человека науки он не может вводить в заблуждение, тем более что ему ясно, что я и сам догадываюсь о действительной природе явления, как он убедился в том из моих слов во время опытов за кулисами театра; и потому, если бы я был в прошлый раз во время представления в конторе театра один на один с отцом девочки, он не преминул бы открыть мне свой секрет, а так как я был с людьми из публики, то сделать ему этого было нельзя. Он не мог бы также сделать этого и у меня на дому, ибо предполагалось представление с людьми из публики. Поэтому он и уклонился от представления у меня на квартире; но, предупредив меня о том, в чем заключается дело, он охотно делает представление и у меня на дому при какой угодно публике. Секрет же заключается в том, что отец имеет свой особый ключ из вопросов для разных необходимых предметов и особый ключ для азбуки и цифр, который девочка хорошо усвоила и легко распознает по нему, что требуется ей ответить. Все обыденные предметы, как, напр., папиросница, спичечница, погон, ордена по степеням, чин, книжка, билет и т. п., как и обыденные имена, напр. Николай, Александр, Владимир, Михаил и т. д., имеют отдельный ключ, собственно для легкости отгадывания; для всех же других менее обычных названий служит азбучный и цифровой ключ, иначе говоря, слова вопроса содержат в себе обозначения определенных букв и цифр. Допустим, напр., что надо отгадать цифру 37, имеющуюся на погонах; для этих цифр может быть условный ключ «Скажи скорей», причем слово «скажи» соответствует 3, а «скорей» — 7. Естественно, что, когда индуктор спросит девочку, какая цифра на погонах у офицера, и прибавит: «Скажи скорей», девочка ответит 37. Если в записной книжке окажется написанной, напр., цифра 377, добавление к вопросу будет такое: «Скажи скорей, скорей»; если цифра в записной книжке будет не 377, а, напр., 337, к вопросу будет

добавлено: «Скажи, скажи скорей». Если, предположим, слово «ну» будет соответствовать единице, тогда для отгадывания цифры 137 к вопросу будет добавлено: «Ну, скажи скорей»; для отгадывания же цифры 1317 вопрос будет сопровождаться словами: «Ну скажи, ну скорей» и т. д. Составленный заранее ключ для обиходных предметов дает еще более легкую возможность отгадывания; напр., слово «что» обозначает «часы», а «что такое?» — кошелек, «что тут такое?» — гребенку. Ясно, что, если вопрос будет задан так: «В кармане что?», ответ будет дан: «Часы», а при вопросе: «В кармане что такое?» — ответ будет: «Кошелек»; при вопросе же: «Что тут такое?» — ответ будет: «Гребенка». Переход с условного ключа для обиходных предметов на цифры или на азбуку, конечно, обозначается опять-таки определенным условным словом, напр.: «Подумай хорошенько», и отгадчица знает, что надо составлять слова по азбуке. В заключение мой собеседник предупредил меня, что он передает о профессиональном секрете отгадывания с тою целью, чтобы индуктор-отец при моем желании имел возможность после этого сделать представление и у меня на квартире, хотя бы и в присутствии посторонних лиц. Я поблагодарил его, и мы вошли в театр.

Сидя в ложе и наблюдая за ответами отгадчицы, как и в прошлый раз, я теперь мог ясно следить за всеми подробностями фокуса. Отец-индуктор, проходя по рядам публики, само собой разумеется, ничуть не нуждался в сосредоточении своего внимания на предмете, имевшемся у того или другого лица из публики. Он не нуждался и в том, чтобы пронизывать отгадчицу своим взором. Ему просто было нужно знать самый предмет и затем задавать девочке вопросы по условленному ключу, хотя бы даже и не смотря на нее, и девочка, хорошо усвоившая ключ, руководясь этими вопросами, отвечала незамедлительно, производя иллюзию отгадывания.

Предварительно до этого последнего представления я зашел еще раз с моим новым знакомым за кулисы театра в комнату отца-индуктора, который подтвердил мне все сказанное встретившим меня врачом, заявив,

что сначала он думал заниматься хиромантией, но что за ключ для хиромантии один из его знакомых спросил с него довольно дорого — что-то около 300 р., тогда он перешел на профессию «отгадывания мыслей», причем ключ для этого составил лично сам. Далее он пояснил, что лица его профессии, каковых он насчитал трех в России, в том числе и Штаркер-отец, не имеют общего ключа и потому каждый работающий по отгадыванию мыслей свой ключ держит в секрете, ибо это — его хлеб. Поэтому всякий другой человек, занимающийся такой же профессией, как работающий со своим особым ключом, не будет иметь возможности распознавать по задаваемым ему вопросам предметы, которые подразумеваются под этими вопросами. Он упомянул также, что лиц его профессии, сколько он знает, вообще немного, что, наконец, старика Штаркера, дававшего представления с отгадыванием мыслей его дочерью Софьей Штаркер в Одессе, он знал лично и что его представления велись, как он наверное знает, по совершенно такому же способу, с помощью особого условного ключа. На мой испытующий вопрос: «А не было ли там действительного отгадывания мыслей на расстоянии, как об этом заявлялось в научной литературе?» — он ответил с улыбкой: «Говорю вам, я лично знал старика Штаркера и его дочь и неоднократно с ним беседовал».

В заключение я должен заметить, что по понятным причинам я не нахожу возможным называть здесь ни имени врача, предупредительно передававшего мне сущность сделанных перед публикой представлений с «отгадыванием мыслей», ни имени отца-индуктора, не пожелавшего меня вводить в заблуждение, подобно другим лицам той же или аналогичной профессии, но считаю своим долгом выразить им мою искреннюю признательность, ибо один своим объяснением, а другой своим откровенным признанием облегчили мне разрешить давно поставленную мною себе задачу, содержится ли в такого рода представлениях на самом деле «мысленное внушение или фокус». Эту признательность я считаю необходимым выразить им тем более, что их признание и разъяснения избавляют науку от лишнего груза работ, уже сделанных в этой области по воп-

росам, связанным с такого рода ответами, и устраняют от таких же работ в будущем, освобождая в то же время научную мысль от мистификации в отношении будто бы доказываемой такими опытами непосредственной передачи мыслей на расстоянии от одного лица другому с помощью ли так называемых N-лучей или какой-либо особой психофизической энергии.

Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных^{1*}

Передача мыслей на расстоянии от человека к человеку, называемая телепатией, берет начало от спиритов, которые после выяснения вопроса о так называемом чтении мыслей при посредстве осязания, открытом впервые Брауном, стали доказывать возможность передачи мыслей при отсутствии соприкосновения двух лиц. С точки зрения спиритов, дело идет о существовании особой силы, или «духа», благодаря которой человек может вступать в сношения через расстояние, и притом непосредственно, т. е. без участия своих воспринимающих органов, с психическим миром другого человека и даже с духами умерших людей.

Для людей науки гипотеза в таком виде не может быть признана приемлемой, ибо прежде всего ни существование особой силы, ни существование духов умерших людей не было доказано, а самые опыты не представлялись убедительными.

С точки зрения чистого знания гипотеза может быть приемлемой для выяснения доказательств лишь в той ее части, которая касается непосредственного или так называемого «мысленного» воздействия на расстоянии одного лица на другое или вообще со стороны человека по отношению к другому живому существу.

Но в таком виде эта гипотеза перестает быть спи-

* Печатается по: Вопросы изучения и воспитания личности. Вып. 2 (дается в сокращении).

ритической и по существу, и в отношении своего происхождения, ибо она несомненно существовала в умах людей вне связи с учением спиритов и, между прочим, была картинно выявлена в некоторых из литературных произведений².

По учению спиритов особой способностью воспринимать и передавать мысли через расстояние обладают будто бы главным образом исключительные по своим качествам люди, называемые медиумами. Они могут входить в особое психическое состояние, известное под названием транса, в котором они и проявляют вышеозначенную способность. Но эта «сила» не составляет исключительной принадлежности медиумов. Она дремлет и в других людях, ибо медиумы в состоянии возбуждать эту способность в других людях и действовать на эту способность усиливающим образом.

В этих суждениях нас могут интересовать, однако, не медиумы с их сверхъестественными явлениями в периоды транса, а сама гипотеза непосредственной передачи мысли от одного человека к другому человеку или какому-либо живому существу. Интригуя ученый мир своими уверениями и пользуясь ненаучными приемами для доказательства своих заявлений, спириты возбудили так или иначе интерес и со стороны научного мира к вопросу о непосредственной передаче мыслей. Мы видим, что целый ряд ученых, включая математиков, физиков, физиологов, психологов, невропатологов и психиатров, между которыми мы назовем Цельнера, Крукса, Фере, Грассе, Ш. Рише, П. Жане, Фореля, Молля, Фогта, Флюрнау, Бутлерова, Вагнера-старшего и некоторых других, стал таким образом в число лиц, стремившихся выяснить означенный вопрос с научной точки зрения³.

Исходным и в то же время центральным пунктом этих исследований явились опыты с отгадыванием задуманных предметов или, точнее, их местонахождения или с выполнением того или другого задуманного действия, напр. взять какой-либо тон на музыкальном инструменте, сделать то или другое движение и т. п. При этом выяснилось, что такое отгадывание, если и может быть осуществлено, то

эта способность обнаруживается обыкновенно в особом состоянии человека, которое принято называть гипнотическим, ибо и так называемый транс спиритов должен быть понимаем как состояние гипнотическое, или гипноидное.

В чем же тут дело?

Есть основание полагать, что в обыкновенном, т. е. в бодрственном, состоянии человек непрерывно проявляет процесс активного сосредоточения, которое возбуждается под влиянием тех или других внешних впечатлений, благодаря чему соотносительная деятельность человека находится в постоянном напряжении, а это в значительной степени мешает непосредственному воздействию одного человека на другого.

При всем том такое непосредственное воздействие, по-видимому, не исключено и у человека, находящегося в бодрственном состоянии, но проявляется лишь в исключительных случаях, как показывают примеры воздействия первого впечатления или случаи так называемого ясновидения у некоторых лиц нервного темперамента, но все это требует еще специальных исследований. Особенно ценно произвести всестороннее и систематическое исследование в этом направлении над теми из нервных лиц, которые сами над собой замечают способность ясновидения.

Такие исследования уже и производились, напр., Ch. Richet, P. Janet и др., у нас — доктором Ховриным, Жуком и др., но эти исследования пока не привели еще к вполне убедительным результатам. Позднее же производственные опыты доктора Котика с отгадыванием мыслей над Софьей Штаркер, как я показал в особой работе под заглавием «Как производятся опыты так называемого ясновидения на театральном подмостках?»* (См.: Русский врач. 1914), не заслуживают нашего внимания, ибо есть полное основание полагать, что автор в этом случае сделался жертвой мистификации.

Факты, которыми в настоящее время обладает

* См. настоящее издание. С. 317.

наука, показывают, что отгадывание мыслей, или ясновидение, основано на чрезвычайно повышенной восприимчивости отдельных лиц, которые так или иначе распознают задуманное другими. В этом смысле повышенная восприимчивость, доказываемая для гипнотического состояния, поясняет нам, почему отгадывание мыслей происходит обычно в состоянии гипноза, хотя бы и неполного, а если дело идет о профессиональных отгадчиках мысли, то замечено, что они себя вводят самопроизвольно в состояние, которое можно назвать полугипнотическим, или даже в состояние автогипноза, каковое мы имеем в виде транса у медиумов.

Если люди, в бодрственном состоянии особенно восприимчивые и могущие легко освободиться от состояния активного сосредоточения по отношению к внешним впечатлениям, как это мы наблюдаем, напр., у лиц, легко внушаемых в бодрственном состоянии, способны иногда к отгадыванию мыслей, то в этом случае способ этого отгадывания сводится будто бы к восприниманию неуловимых другими двигательных импульсов, производимых невольно индуктором при напряжении сосредоточения на определенном предмете, как допускают многие авторы. Этими незамечаемыми двигательными импульсами, между прочим, объясняются и известные опыты с столо- и блюдоверчением.

Имевшиеся ранее в круге моих наблюдений случаи, о чем я упоминаю в моей книжке «Гипноз, внушение и психотерапия» (с. 50), говорят в пользу такого же объяснения. Но все же этот вопрос нельзя считать окончательно выясненным, и не исключена возможность в таких случаях непосредственной передачи нервной или мозговой энергии от одного человека другому.

Но если опыты так называемого мысленного внушения у людей до сих пор не привели к положительному решению вопроса, по крайней мере в такой степени, чтобы в пользу последнего способа передачи были приведены для непредубежденных людей вполне убедительные доказательства, и к тому же имеющаяся литература по этому вопросу, полная разнообразных сведений, несмотря на их кажущуюся

значительность, не дает возможности осуществить соответствующую проверку, то спрашивается, не разрешима ли эта задача с помощью эксперимента на животных?

Возможность использования в этом отношении животных мне представляется тем более осуществимой, что, как известно, они легко поддаются гипнозу, и мне самому неоднократно приходилось гипнотизировать с легкостью ящериц, свинок и кур на лекциях перед студентами. Как известно, даже дикие звери простым упорным взглядом могут быть в такой мере укрощаемы, что они, опуская взор, с опущенным хвостом отходят от человека.

К тому же животные, напр. собаки, могут быть легко приучаемы путем дрессировки к беспрекословному повиновению, а это условие весьма благоприятно для постановки такого рода опытов.

Надо заметить, что некоторые изумительные или, точнее, загадочные явления, описываемые за последнее время над животными, напр. кралевскими лошадьми, и служившие предметом исследования научных комиссий, хотя и не привели к согласным мнениям, уже были истолковываемы с точки зрения мысленного внушения. Эту гипотезу, между прочим, высказал доктор Котик в предисловии к книге «Мыслящие животные». Однако в своих воззрениях на этот предмет автор опирается на свои прежние работы, где он выдвигает, между прочим, гипотезу об N-лучах, с одной стороны, и опыты над передачей мыслей — с другой. Но N-лучи не доказаны, и, как известно, фактическая сторона, подавшая повод к признанию N-лучей их защитниками, подвергалась неоднократно сомнению. Между прочим, в моей лаборатории были произведены на этот счет опыты проф. М. П. Никитиным также с отрицательным результатом.

Что же касается опытов д-ра Котика, то, как упомянуто в той части их, которая относится к Софье Штаркер, автор сделался жертвой мистификации. Этого достаточно, чтобы исключить их из научного обихода.

Наконец, дело идет в этом случае о гипотезе, прилагаемой к объяснению фактов, устанавливаемых

в опытах над краллевскими лошадьми, сам же д-р Котик таких опытов не производил и в проверке их не участвовал, а между тем это обстоятельство имеет существенное значение в отношении оценки самих опытов.

Вот почему по отношению к обоснованию гипотезы д-ра Котика, которую он подробно развивает в предисловии к книге «Мыслящие животные», возникает вполне естественный скептицизм. Тем не менее к этой гипотезе приходится отнестись совершенно безотносительно к каким-либо другим фактам и рассматривать ее с точки зрения большей или меньшей обоснованности в отношении объяснения загадочных явлений, обнаруживаемых при опытах с краллевскими лошадьми. А между тем, как известно, по отношению к краллевским лошадям, точнее говоря, к объяснению делаемых ими сложных математических вычислений, включая извлечение кубических и квадратных корней из больших цифр и самостоятельные высказывания, доказывающие логическое мышление животных, создавались разного рода гипотезы. Из них главными, если откинуть скептические взгляды по отношению к самим фактам, устанавливаемым исследованиями, являются следующие:

- 1) наличие действительных способностей, как то и допускает сам Кралль, с которым не без оговорок соглашается Claparède;
- 2) гипотеза произвольных знаков, которых придерживается Пфунгст;
- 3) телепатическая гипотеза о мысленном внушении, которую развивает д-р Котик.

Однако Claparède, наблюдавший сам опыты с краллевскими лошадьми, имел в виду эту последнюю гипотезу и тем не менее высказывается против нее, как и против теории произвольных знаков, прежде всего вследствие того, что нам неизвестно, существует ли вообще телепатия. А затем, по заявлению Claparède'a, допустив даже передачу мысли, нужно было бы еще выяснить, что именно передается — цифры или слова. Последнее предполагает ведь наличие у лошади того именно

разума, для устранения которого прибегают к гипотезе телепатии. Или мы допустим, что передается лишь приказание прекратить отстукивание ног. Но каким образом лошадь понимает это приказание?

Д-р Котик принял это возражение к сведению, но оспаривает главным образом довод относительно неизвестности телепатии, тогда как имеющиеся наблюдения, по его мнению, говорят, самое большее, о спорности или недоказанности передачи мыслей на расстоянии, и в свою очередь упрекает Claparède'a за «огромный скачок в неизвестное, отдавая предпочтение той гипотезе, которая противоречит теории эволюции видов и наделяет лошадей способностью совершать сложные умственные операции и объясняться путем знаков на человеческом языке»⁵.

Надо, однако, заметить, что оба автора не признают заявленную каждым из них гипотезу за окончательную и, очевидно, высказывают ее в виде только возможности, ничуть не более. Так, в заключение предлагаемой телепатической гипотезы д-р Котик говорит: «Не знаю, удовлетворятся ли нашим толкованием читатели, но когда нам предстоит выбор между двумя гипотезами, одна из которых старается объяснить все факты передачей психомоторной энергии, существование которой и передача на расстоянии доказаны во многих случаях, а другая гипотеза наделяет лошадей почти человеческим разумом и способностью логически мыслить, то уже одна необычайность второй гипотезы, опрокидывающей все наши представления и противоречащей всему нашему опыту и всем нашим научным наблюдениям над животными, должна заставить нас отдать предпочтение первой гипотезе, на стороне которой и большая простота, и, мне кажется, большая обоснованность. Но во всяком случае, я далек от того, чтобы считать вопрос в этом смысле разъясненным; наоборот, я вновь повторяю все высказанные мною вначале соображения, не позволяющие принципиально отрицать возможность разума и самостоятельного мышления животных, и я готов буду всецело примкнуть к точке

зрения автора, если факты заставят меня это сделать».

Другой автор не менее определенно, закончив изложение своей гипотезы, заявляет: «Но к чему продолжать эти рассуждения, и без того уже затянувшиеся; ясно, что все то, что нам известно о психологии животных, не позволяет допускать наличие настоящей умственной деятельности у лошадей Кралля, но в то же время ничего решительно не говорит против подобной возможности». И далее: «Я охотно признаю, что в данном случае сила доказательств не соответствует необычности фактов. Эти доказательства до сих пор, к сожалению, опираются лишь на субъективную оценку наблюдателя» (там же, с. 225).

С моей точки зрения, ни та, ни другая гипотеза не применима к краллевским лошадям, ибо они не могут объяснить всех фактов да и по другим соображениям не могут быть признаны достаточно обоснованными. Не нужно ни человеческого разума у лошадей, ни мысленного внушения, производимого нижним, а не верхним сознанием или подсознанием. Достаточно исходить из самих фактов и рассматривать их так, как они даны. Само упражнение ведется по методу, который мы применяем для других целей в нашей лаборатории, в форме воспитания двигательных сочетательных рефлексов у собак⁹. Разница лишь в том, что в наших опытах поднятие ноги у собаки вызывается электрическим раздражением, возбуждающим обыкновенный оборонительный рефлекс.

У краллевских лошадей дело идет о поднятии ноги, но самое движение по характеру то же самое. Это-то движение в наших опытах с собакой связывается с тем или другим внешним раздражением, а в опытах над краллевскими лошадьми — с азбукой, с цифрами и определенными формами цифровых соотношений. При достаточном упражнении и вырабатывается, точнее — воспитывается сочетательный рефлекс на буквы, цифры и цифровые соотношения, будь эти последние выражены в форме арифметического сложения в форме корней или возвышения в степень.

Дело не в действии, а в той или иной форме знака, с которым связывается определенное действие после достаточного упражнения.

С точки зрения рефлексологической дело идет о развитии сочетательного двигательного рефлекса на данные знаки, и только. С точки зрения субъективистов, здесь может быть речь только о хорошем развитии двигательной памяти у лошадей, у которых она действительно является прекрасной и по другим повседневным наблюдениям. Между прочим, в статье Claparède'a приводится указание de Madau, состоящее в том, что лошади, совершавшие в одной угольной шахте 30 туров, после 30-го тура (но никогда не раньше) сами оставляли работу и направлялись в конюшню. По Madau, здесь не было счета в буквальном смысле, а происходил бессознательный счет, или, скажем словами рефлексологии, у лошадей воспитался определенный сочетательный двигательный рефлекс, произошла, если угодно, определенная двигательная установка. Если мы примем во внимание, что ноги в жизни лошади, можно сказать, все, ибо они обеспечивают ей в диком состоянии спасение путем бегства от врагов и в то же время являются главным органом нападения при посредстве удара копытом, то можно не удивляться тому, что воспитание сочетательных двигательных рефлексов, или двигательная установка, у лошади должно быть развито в совершенстве и, вероятно, даже лучше, чем у человека.

Дело в том, что человек превосходит лошадь своим интеллектом, а не точностью двигательных рефлексов, ибо интеллект предполагает способность самостоятельного оперирования числами для получения определенных математических выводов, а не самим даже счетом, который достигается в конце концов или по крайней мере может быть достигнут механической выучкой. Став на эту точку зрения, мы не будем становиться в тупик перед наблюдениями над краллевскими лошадьми, но и не будем переоценивать самые факты. Скажем просто: в опытах Кралля над лошадьми, так поражавших сторонних

наблюдателей, нет ни разума, ни телепатии, и в этом вся суть*.

Но мы далеко уклонились от главной темы нашего доклада. Если мы заговорили о краллевских лошадях, то с исключительной целью осветить этот вопрос с точки зрения отношения его к мысленному внушению, а так как весь ход рассуждений нас приводит к выводу, что в этом случае мы не имеем ничего относящегося к мысленному внушению, то этим самым мы исчерпали нашу экскурсию в краллевские конюшни.

Как бы то ни было, вопрос о непосредственном, бессловесном, или так называемом мысленном, воздействии на животных заслуживает особого внимания, и я долгое время искал случая подвергнуть этот вопрос выяснению с помощью соответствующих экспериментов. Случай к этому мне представился несколько лет тому назад, незадолго до великой войны, и вот по какому поводу.

Совершенно случайно после долгих лет совершенного индифферентизма к цирковым представлениям я посетил цирк «Модерн» на Петроградской стороне. Оказалось, что наряду с другими представлениями в этот вечер показывал публике своих дрессированных животных В. Дуров. Им демонстрировалось небольшое животное свиной породы, которое под взглядом Д. засыпало и по его же внушению начинало жевать и продолжало жевать столько времени, сколько ему внушалось. Далее была представлена большая собака из породы сенбернаров, которая считала до 9. Собака по имени Лорд казалась очень спокойной и солидной по своему нраву. Обстановка демонстрации заключалась в следующем: Дуров предлагает кому-нибудь из публики писать любые слагаемые, с тем чтобы цифра их не превышала 9, ибо, по его заявлению, его Лорд не

* Не следует забывать, что и само счисление, т. е. усвоение и совершенное пользование методом счисления, само по себе еще не говорит о способностях или разуме, ибо известны замечательные счетчики, напр. Иноди, Флери и др., которые, однако, ничем себя не проявили в качестве математиков, тогда как Пуанкаре, знаменитый математик, как он сам заявляет, не способен провести простое сложение без ошибки.

умеет правильно считать свыше 9. Два или три слагаемых пишутся кем-либо на бумаге или на грифельной доске, что показывается Дурову, который при этом стоит к собаке спиной. После этого собака по внушению Дурова тотчас же начинает лаем отмечать сумму слагаемых. Опыты производились много раз и всегда имели полный успех: собака мерно, точно и громко отлаивала сумму слагаемых. Не было сомнения, что собака в пределах задания выполняла свою роль безупречно.

Случилось так, что Дуров заметил мое присутствие в цирке и, подойдя ко мне, заявил, что, будучи рад встретиться со мной, он просит моего участия в совместной разработке его опытов в дальнейшем. Мы условились осуществить сеансы на моей квартире.

В условленный день Дуров привел мне двух собак: того же Лорда и другую маленькую собачку из породы фокстерьеров — Пикки. Пока я скажу об опытах с Лордом. Собака была усажена на диван, на котором она спокойно оставалась в обыкновенной сидячей позе собаки. Затем Дуров предлагает показать собаке написанные на бумаге те или другие цифры, так чтобы их общая сумма не превышала 9. Безразлично, можно применить и вычитание, лишь бы разность была в пределах до 9. Цифры эти показываются Дурову, и тогда, немедленно отвернувшись от собаки и стоя к ней спиной, дается собаке сигнал словами: «Ну, Лорд, считай», и Лорд начинает лаять столько раз, сколько составляет сумма или разность двух чисел, будет ли это 5, 6, 7, 8 или 9. Опыты были повторены много раз и всегда с одинаковым успехом. Заметим, что само показывание цифр собаке тут ни при чем, ибо Лорд считать и складывать цифры по письменным знакам на самом деле не умеет, в чем легко было убедиться путем проверочных опытов. Если же Лорд дает лаем в результате цифру, составляющую сумму или разность двух цифр, то лишь потому, что всегда за словами «Ну, Лорд, считай» делается собаке соответствующее мысленное внушение. Если же такового внушения не сделать, то при одном показывании цифр опыты не могут быть удачными. И действительно, произведенные в этом отношении опыты привели к следую-

щему: написанные втайне и показанные собаке две однозначные цифры с крестом между ними хотя и вызвали у Лорда приступы лая, но число лаев ни в одном случае из трех раз не совпадало с суммой слагаемых. Моя попытка сопровождать написанные цифры живым представлением самих написанных цифр также не дала соответствующих результатов, тогда как опыты, произведенные с так называемым мысленным внушением самого лая, были выполняемы собакой всегда вполне правильно. Отсюда ясно, что только сосредоточение экспериментатора на последовательном ряде лаев, начиная от первого до 9, приводит к осуществлению правильного счета*.

Надо заметить, что с собаками удаются и другие опыты «мысленного внушения». Сам Дуров («Мои четвероногие и пернатые друзья») описывает эти и другие опыты следующим образом: «Предположим, перед нами такая задача: внушить собаке, чтобы она подошла к столу и принесла лежащую на нем книгу.

Я подзываю Лорда, он подходит; я беру его голову в свои руки, как будто символически подчеркиваю ему, что он всецело в моей власти, что он должен всецело подавить свою волю, что он должен стать автоматом, быть только нерассуждающим исполнителем моей воли. Для достижения этого я впиваюсь строгим взглядом в его глаза, которые словно срастаются с моими. Воля собаки парализована. Я собираю все силы своих нервов, сосредоточиваюсь до полного забвения окружающего меня внешнего мира на одной мысли. А мысль эта состоит в том, что я должен запечатлеть в своей голове очертание интересующего меня предмета (в данном случае стола и книги) до такой степени, что, когда я оторвусь взглядом от данного предмета, он все-таки должен стоять передо мной как живой. Я это и делаю. В течение приблизительно полминуты я буквально «пожираю» предмет глазами, запоминаю малейшие его подробности, складки на

* Невозможность собаке оперировать с большими числами, по-видимому, можно объяснить тем, что при многократном лае собака уже сбивается в счете в силу развивающегося автоматизма в лае.

скатерти, трещины в переплете книги, узор скатерти и т. п. Довольно, запомнил!

Я властно поворачиваю к себе Лорда и смотрю ему в глаза, вернее, дальше глаз, куда-то внутрь, вглубь. Я фиксирую в мозгу Лорда то, что сейчас зафиксировано в моем мозгу. Я мысленно спокойно рисую ему часть пола, следующую к столу, затем ножки стола, затем скатерть и, наконец, книгу. Собака уже начинает нервничать, беспокоиться, старается высвободиться. Тогда я ей мысленно даю приказание, мысленный толчок: «Иди!» Лорд вырывается, как автомат, подходит к столу и берет зубами книгу. Задание исполнено. Лорд чувствует себя облегченным, как будто с него свалилась давившая его огромная тяжесть, и постепенно успокаивается».

Ряд такого именно рода опытов был произведен в моей квартире над небольшой собачкой Пикки мужского пола из породы фокстерьеров, очень бойкой и шустрой по натуре. Опыты были произведены в послеобеденное время в присутствии нескольких членов моей семьи, в том числе двух врачей — О. Бехтеревой-Никоновой и Е. Воробьевой. Всего было произведено шесть опытов, из которых четыре первые опыта были осуществлены Дуровым и два опыта произведены лично мною. Задание первого опыта состояло в том, чтобы Пикки подбежала к обеденному столу, который еще не был убран, и схватила зубами лежащую близ его края одну определенную салфетку, ничем в остальном не выделяющуюся из ряда других лежащих на том же столе салфеток. После установления этого задания собака приглашается вскочить на стул, стоящий около стены. Пикки немедленно исполняет приказание и усаживается на сиденье обыкновенного венского стула. Тогда Дуров, стоя спиной к обеденному столу, придерживает голову собаки обеими руками и сосредоточенно смотрит ей в глаза, думая о том, что она должна сделать. Так дело продолжается с $\frac{1}{2}$ минуты, не более, после чего морда собаки, уже начинающей беспокоиться, освобождается от рук и маленькая шустрая собака стремглав бросается к обеденному столу, схватывает условленную салфетку зубами и торжествующе несет к экспериментатору.

Второй опыт по общему соглашению должен был состоять в следующем: собака должна была снять зубами книгу с этажерки, стоявшей у стены комнаты. Снова Пикки на стуле. Опять Дуров придерживает своими ладонями ее мордочку, сосредоточивается на задуманном предмете не более $1/2$ минуты. После этого Пикки срывается с места, бежит прямо к этажерке, зубами берет задуманную книгу и тащит по назначению.

Третий опыт по моему предложению должен был быть выполненным следующим образом. Собака должна вскочить на предрояльный круглый стул и ударить лапой в правую сторону клавиатуры рояля. Снова прежняя процедура. Пикки на стуле, Дуров сосредоточенно смотрит в ее глаза, некоторое время обхвативши ее мордочку ладонями с обеих сторон. Проходит несколько секунд, в течение которых Пикки остается неподвижным, но, будучи освобожден, стремглав бросается к роялю, вскакивает на круглый стул, и от удара лапы по правой стороне клавиатуры раздается громкий трезвон нескольких дискантовых нот.

Четвертый опыт по моему предложению должен был состоять в следующем. Собака должна была после известной процедуры внушения вскочить на один из стульев, стоявших у стены комнаты позади собаки, и затем, поднявшись на стоящий рядом с ним круглый столик, должна была, вытянувшись вверх, поцарапать своей лапой большой портрет, висевший на стене над столиком. Казалось бы, это еще более сложное действие по сравнению с предыдущим нелегко выполнимо для собаки. А между тем после обычной процедуры сосредоточения и смотрения в глаза в течение нескольких секунд Пикки спрыгивает со своего стула, быстро подбегает к стулу, стоящему у стены, затем с такой же быстротой вскакивает на круглый столик и, поднявшись на задние лапы, достает правой передней конечностью портрет, поцарапав его немножко своими когтями. Если принять во внимание, что оба последних опыта были осуществлены по заданию, известному только мне и Дурову и никому больше, что я был все время рядом с Дуровым и неотступно следил как за самим Дуровым, так и за собакой и не мог при этом заметить ничего объясняющего выполнение собакой

задуманного задания, так нельзя было более сомневаться, что собака способна при вышеуказанных условиях опыта проделывать какие угодно сложные действия, доступные ее выполнению.

Чтобы иметь полную уверенность в этом, я решил сам проделать аналогичный опыт, не говоря никому о том, что я задумаю. Задание же мое состояло в том, чтобы собака вскочила на стоявший сзади меня в расстоянии около 2 сажен неподалеку от рояля круглый стул и осталась на нем сидеть. Как и в предыдущих опытах, приглашается собака подняться на стул, я же, сосредоточившись на форме круглого стула, некоторое время смотрю собаке в глаза, после чего она стремглав бросается от меня и много раз кружится вокруг обеденного стола. Опыт я признал неудачным, но я вспомнил, что я сосредоточился исключительно на форме круглого стула, упустив из виду, что мое сосредоточение должно начинаться движением собаки к круглому столу и затем вскакиванием собаки на самый стул. Ввиду этого я решил повторить тот же опыт, не говоря никому о своей ошибке и поправив лишь себя в вышеуказанном смысле. Я снова приглашаю собаку сесть на стул, обхватываю ее мордочку обеими ладонями, начинаю думать о том, что собака должна подбежать к круглому стулу, находившемуся позади меня в расстоянии около $1\frac{1}{4}$ сажени, и, вскочив на него, сесть. Сосредоточившись так около $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ минуты, я отпускаю собаку, и не успел я оглянуться, как собака уже сидела на круглом стуле. Задание, которое выполнила в этом случае Пикки, как упомянуто, не было известно никому, кроме меня самого, ибо я ни с кем по этому поводу не советовался, и тем не менее Пикки разгадала мой секрет без малейшего затруднения.

Этой серией опытов день был закончен. К сожалению, это был последний день, когда мы могли осуществить совместные с Дуровым опыты, ибо на другой день он уезжал из Петербурга, а предполагаемое нами продолжение опытов по возвращении Дурова в Петербург не осуществилось ввиду того, что вскоре разразилась великая европейская война и встреча наша не могла состояться. Уже по окончании войны я посе-

тил Дурова в Москве, где я вновь проделал несколько опытов над Пикки. Лорда я уже не застал. Он погиб от случайной травмы, нанесенной им самим себе случайно, после чего он долго болел и затем умер. Что же касается Пикки, то он пользовался прежним здоровьем и был, как прежде, очень бойкой и шустрой собачкой. Меня интересовало, конечно, самому проделать над последней несколько опытов с «мысленными» внушениями. Это и удалось осуществить в две различные мои поездки в Москву. Во время первой поездки я мог лично осуществить пять опытов, произведенных тем же самым методом и состоявших в подобных же заданиях, какие брались для первых опытов с Пикки. При этом каждый раз задание менялось в том или ином отношении и было известно только мне самому. Все пять опытов, из которых два произведены в присутствии Дурова, а другие три в его отсутствие, с заданием исполнения собакой задуманных действий должны быть признаны удачными, ибо собака неуклонно исполняла данное ей задание. Лишь в одном опыте собака была близка к цели, но ее не достигла, что, однако, могло зависеть от недостаточности моего предварительного сосредоточения на определенных действиях собаки. Все опыты, проделанные самим Дуровым в моем присутствии, были также удачными. Убедившись снова в действительности такого рода опытов, я решил при первой возможности во время следующей поездки в Москву снова проделать такого же рода опыты, но с тем, чтобы вводить в них те или другие контрольные условия для возможного выяснения механизма, с помощью которого достигается успешность в осуществлении задания при такого рода опытах.

На этот раз опыты производились мною с Дуровым в присутствии одного из моих сотрудников по Институту по изучению мозга и психической деятельности — Н. М. Шелованова. Первый опыт я предоставил над Пикки сделать Дурову, дав ему от себя задание для опыта. Задание состояло в том, чтобы собака вскочила на диван и достала лежавшую на мягкой спинке дивана кружевную салфетку. Дуров берет собаку на стул, охватывает ее морду своими руками, пристально

смотрит ей в глаза, все время думая сосредоточенно, что она должна сделать. Все это продолжается, как всегда, около $1/2$ минуты или несколько более, после чего собака, будучи отпущена, быстро бросается к дивану, вскакивает на него в направлении к салфетке, схватывает салфетку зубами, после чего ее оставляет. Исполнение опыта надо было признать удачным, но лишь не вполне завершенным. Другой опыт, произведенный Дуровым, имел следующее мое задание: собака должна была наброситься на стоявшее в правом углу комнаты чучело небольшого волка. Опыт проделан обыкновенным порядком. Собака была взята на стул, мордочка взята в обхват руками, затем пристальный взор, направленный в ее глаза, продолжавшийся с $1/2$ минуты, после чего собака, предоставленная самой себе, тотчас же набрасывается на чучело с лаем и так яростно, что, казалось, она разорвет его, вследствие чего пришлось даже собаку отнимать от чучела. 3-й опыт принадлежал мне. Задание, лично мной придуманное и никому не переданное, состояло в том, что собака должна была подняться на стул и взять лежавший на его спинке платок. Те же условия опыта в отношении методики внушения путем сосредоточения над действием, долженствовавшим последовать, и на самом предмете при смотреии животному в глаза. После того как я выпустил голову собаки из своих рук, она тотчас же стремительно бросилась к задуманному стулу, но, поднявшись на него, повернулась к чучелу и, подбежав к нему, стала лаять и набрасываться на него с прежнею яростью. Было ясно, что прежнее внушение относительно чучела, как внушение эмоционального характера, оставило после себя столь глубокий след, что он еще недостаточно ослабел ко времени следующего за ним внушения. И действительно, оказалось, что и следующие два опыта с «мысленным» внушением привели к тому же результату, т. е. собака вместо того, чтобы выполнять внушенное, направлялась к чучелу и начинала на него лаять с остервенением.

Следующий опыт должен был делать Дуров. Задание состояло в том, чтобы собака взяла лежавшую на окне сзади экспериментатора мокрую тряпку и принесла

ему. После сделанного обычным путем внушения собака в точности исполнила задуманное. Следующий опыт был произведен мною. Задание для внушения состояло в том, чтобы собака вырвала из правой руки Ш., стоявшего поодаль сзади, носовой платок. Само задание было известно только мне одному. Внушение по обычному способу не более как в течение $1/2$ минуты. После сделанного внушения собака мгновенно бросается к правой руке Ш. и вырывает удерживаемый им платок.

Предположено было, что собака в первом опыте с внушением броситься на чучело руководится выражением лица самого Дурова в период внушения. Поэтому решено было, чтобы этот опыт был повторен таким образом, что при внушении Дуров будет смеяться или по крайней мере будет сделана гримаса смеха. Это и было осуществлено Дуровым. Находясь под непрерывным нашим наблюдением, Дуров, несомненно, во время внушения сделал гримасу смеха, и в то же время никакого шевеления губ, как и ранее, не производилось. Несмотря на это, собака тотчас же после сделанного внушения с прежнею яростью набросилась на чучело с громким лаем. Было сделано предположение, что собака при делаемых внушениях руководится движениями глаз внушающего лица. Ввиду этого предложено было Дурову повторить опыт с вырыванием платка из правой руки Ш., но с тем, чтобы внушение было произведено при завязанных глазах. С этим мы перешли в другую комнату. Опыт был сделан таким образом, что предварительно глаза Дурова были завязаны наглухо платком. Собака Пикки была им приглашена сесть на стул, и затем началось обычным путем сосредоточение на процессе действия, долженствующего состоять в том, чтобы животное подбежало к Ш. и взяло платок из его рук. Никакого шевеления губ при этом не производилось, и тем не менее внушение при завязанных глазах осуществилось, как и в первый раз. Собака тотчас же вскочила со стула, подбежала с быстротою молнии к Ш. и выхватила зубами платок из его рук.

К приведенным опытам я не делаю особых пояснений. Сами по себе эти опыты настолько поразительны,

что они заслуживают внимания безотносительно к тем или иным комментариям.

Одно могу сказать, что после приведенных опытов мне не кажется более удивительным зачаровывание взглядом диких зверей, отступающих перед человеком, который легко мог сделаться их жертвой, как это бывало с христианскими мучениками в римском Колизее, и роковое стоическое подчинение своей участи мелких птиц, являющихся жертвами алчности змеи, в то время, когда они спокойно могли от нее улететь.

Прежде всего необходимо указать на некоторую аналогию опытов, произведенных с собакой Лордом, с теми опытами, которые производились над лошадьми. Аналогия заключается в том, что у Кралля лошади отбивали результат определенного арифметического действия соответствующим количеством постукиваний копытами, тогда как в опытах с Лордом дело шло о подсчете арифметического же действия с помощью лая. Разница кроме этого способа обозначения заключалась, однако, в том, что у Кралля дело шло не только о простых арифметических действиях, но и об извлечении корней, но нельзя не принять во внимание, что при недоступности для собаки извлечения корней она оказалась бы в одинаковом положении, как и при недоступности для нее счета, и потому хотя опыты извлечения корней с Лордом не ставились, но более чем очевидно, что, если бы эти опыты были поставлены таким же точно образом, они несомненно удавались бы, как они удавались и в опытах с лошадьми Кралля, ибо самый результат задачи экспериментатору все равно был бы известен, количество же отбиваний копытами лошадьми в конце концов было сравнительно невелико, как невелико было и количество «отлаиваний» Лордом. Пока мы ограничимся этими сопоставлениями и не пойдем дальше в наших рассуждениях.

Что касается опытов, проделанных с собакой Пикки, то они представляют совершенно иную постановку. Дело идет здесь о выполнении животным определенных заданий в форме более или менее сложных действий, причем ему делалось соответственное «мысленное» внушение, которое и выполнялось животным согласно заданию.

Разница ясна. Если в первом случае дело идет об опытах, в которых может идти речь о математических способностях животного (по отношению к краллевским лошадям это объяснение и применялось как самим Краллем, так и известным психологом Claparède'ом), то во втором случае опыты могут относиться только к «мысленному» внушению, если исключить гипотезу пользования теми или иными знаками, которое опять-таки исключалось соответствующими контрольными опытами, как, напр., завязывание глаз экспериментатору и др. Вот почему эти опыты показались мне с самого начала и более интересными, как осуществляемые в новой обстановке, и более ценными в научном отношении. Сколько мне известно, других таких опытов над животными не производилось. И так как опыты «мысленного» внушения над людьми в общем были малопродуктивны и до сих пор дали, вообще говоря, не вполне решительные результаты, то естественно, что осуществление этих опытов на животных открывает новые возможности в исследовании вопроса о мысленном внушении чисто лабораторным путем.

Спрашивается, что следует сказать по поводу этих опытов, как следует их понимать? Прежде всего я хотел бы установить, что разговорами о заданиях собака не могла руководиться, ибо, не говоря о том, что все разговоры на эту тему происходили с особыми предосторожностями и вообще мы избегали всего того, что дало бы возможность собаке руководиться в этом отношении какими-либо знаками или словесными указаниями, все опыты, произведенные лично мной, осуществлялись без всякого предварительного разговора о том или другом задании опыта и без посвящения в сущность задания ни Дурова, ни кого-либо другого. Таковы, напр., два опыта, произведенные первоначально на моей квартире, и все опыты, осуществленные мною же в Москве и даже в отсутствие самого Дурова за время двух моих поездок. Таким образом, это объяснение отпадает само собой.

После первой серии опытов мне представлялось возможным допустить лишь одно объяснение — это то,

что собака Пикки отличается поразительной способностью примечать. Так, возможно было предположить, что собака приучена к опытам исполнения задуманного действия после того, как в ее глаза всматривался в течение известного времени экспериментатор; думая о подходе собаки к предмету, о форме самого предмета и т. д., он невольно соответственным образом смещал свои глазные оси, что и улавливалось собакой. Последняя, будучи приучена ранее дрессировкой к исполнению и послушанию, еще оставаясь под взором экспериментатора, начинает проявлять некоторые признаки беспокойства, а освободившись, тотчас же приступает к выполнению задания. Интересно при этом отметить, что собака Пикки по исполнению внушения бросается стремглав со стула и проявляет все признаки волнения в своих действиях, пока не выполнит задания, после чего тотчас же успокаивается.

На самом деле вышеуказанные автоматические движения глаз вполне допустимы, ибо, напр., при опытах с сосредоточиванием на определенном действии, связанном с известным интересом, как доказано у нас опытами, могло быть констатировано автоматическое смещение пальца руки в приборе Sommer'a в сторону представляемого движения, хотя для самого лица это смещение остается незамечаемым. Отсюда казалось бы естественным признать такое объяснение вполне удовлетворительным для вышеуказанных опытов. Под это объяснение можно было бы, пожалуй, подвести и сделанные у меня опыты с собакой Лордом. Что эта собака простого счета в смысле сложения показываемых цифровых знаков не знала, это факт, который вытекал из сделанных мною проб в этом отношении, не давших никаких положительных результатов. Но стоило только сосредоточиться экспериментатору на умственном счете, хотя бы обратясь к ней спиной, как собака начинает считать верно. Можно предположить, что сосредоточение на умственном счете приводит к не замечаемым самим считающим лицом движениям головы, которые без особого обращения внимания на этот предмет не замечаются посторонними, тогда как дрессированная собака, готовая к выполнению определен-

ного ей знакомого задания, их легко могла бы заметить.

При этом нельзя не принять во внимание особой чуткости и наблюдательности собак вообще, быть может значительно более выраженной, нежели у человека. Словом, дело могло идти здесь о тех же явлениях, которые известны при условиях опытов с так наз. отгадыванием мыслей при соприкосновении индуктора с отгадчиком. Разница лишь в том, что при последних опытах дело идет об улавливании движений с помощью осязания, тогда как при опытах с «мысленным» внушением дело сводилось бы к улавливанию движений с помощью зрения.

Не отрицая допустимости такого объяснения, однако, нельзя забывать, что этим путем нельзя объяснить того обстоятельства, что собака Лорд не могла считать более 9, а между тем, казалось бы, вполне естественно, что если бы собака в этом случае руководилась едва улавливаемыми движениями головы, то она должна бы считать точно таким же образом и далее 9, чего, однако, не происходило. С другой стороны, приняв во внимание это объяснение, нельзя было бы понять, каким образом собака Пикки, не имевшая возможности пользоваться подобными знаками в форме не замечаемых самим экспериментатором движений глаз в том опыте, который производился с завязанными глазами экспериментатора, тем не менее выполняла задание вполне удачно. Необходимо при этом исключить и предположение о том, что в опыте с внушением наброситься на чучело собака руководилась мимикой лица индуктора, ибо тот же опыт был повторен спустя некоторое время таким образом, что Дуров намеренно во время внушения искажал свое лицо искусственной улыбкой, и, несмотря на это, опыт оказался вполне удачным, ибо собака в точности выполнила внушаемое задание.

То, что все мои опыты были произведены по заданию, известному только мне одному, некоторые же были произведены в отсутствие Дурова и других сторонних лиц, должно быть в свою очередь учтено скептиками соответственным образом.

Примечания

В первый раздел этой книги включены произведения В. М. Бехтерева, написанные в разные периоды его творческой жизни и посвященные проблемам гипноза. При знакомстве с работами, относящимися к дорефлексологическому и рефлексологическому периодам в его творчестве, может создаться впечатление, что он подходил к пониманию гипноза с разных теоретических, методологических и научных позиций. Однако более внимательное прочтение публикуемых материалов показывает, что через все творчество ученого проходит один и тот же подход к сущности гипноза. Рефлексология была попыткой перестроить науку о психической деятельности с позиций и в терминах учения о сочетательных рефлексах.

В последние годы своей научной деятельности В. М. Бехтерев вместе с сотрудниками ставил опыты по выяснению влияния гипноза на образование двигательных оборонительных сочетательных рефлексов.

Результаты этих исследований были опубликованы в статьях «О влиянии гипноза и внушения на сочетательные рефлексы» и «О влиянии гипноза и внушения в нем на простой и сочетательный рефлекс».

Выяснению природы гипноза при помощи условнорефлекторной методики был посвящен ряд исследований и в лаборатории И. П. Павлова. Состояние гипноза И. П. Павлов рассматривал как результат торможения деятельности некоторых отделов мозга и взаимодействия процессов возбуждения и торможения в центральной нервной системе. Так, например, основным признаком любого гипнотического состояния — подавление двигательной активности он понимал «как результат изолированного торможения двигательного анализатора (двигательной области коры), не спустившегося на двигательные центры, лежащие ниже полушарий» (Павлов И. П. Полн. собр. соч. Т. IV. М.; Л., 1951. С. 426). При этом он подчеркивал, что трудность физиологического изучения гипноза заключается в том, что мы не знаем, каково участие в каждом случае коры и подкорки.

И. П. Павлов, как и В. М. Бехтерев, исходил из идей кортикализации функций организма, согласно которой, чем сложнее функция, тем больше она связана с филогенетически наиболее молодыми образованиями центральной нервной системы и тем легче она подвергается процессам торможения и разрушения. Поэтому следует предполагать, что доминирующее значение в гипнозе принадлежит генетически более древним образованиям мозга. То же самое следует сказать и о внушении, которое И. П. Павлов рассматривал как «наиболее упрощенный типичный условный рефлекс человека» (там же, с. 469). Диссоциация двигательного и слюноотделительного компонентов классического условного рефлекса, которую И. П. Павлов наблюдал в специально поставленных опытах

на собаках, рассматривалась им как результат торможения фило- и онтогенетически более молодого компонента — двигательной реакции при сохранении более древнего компонента — слюноотделения.

Из сказанного можно сделать вывод, что и И. П. Павлов, и В. М. Бехтерев рассматривали гипноз как результат «архаизации» функций головного мозга при условиях, возникающих в процессе гипнотизации.

И. П. Павлов изучал физиологические механизмы, лежащие в основе явлений гипноза и внушения. Он не претендовал на объяснение психологической сущности этих явлений. Однако некоторые последователи ученого сводили суть гипноза исключительно к явлениям возбуждения и торможения, что оказалось совершенно неплототворным. Догматическое отношение к идеям И. П. Павлова о физиологических механизмах гипноза, игнорирование его идей и методик при изучении сложнейших явлений психической деятельности человека завело проблему в тупик. Эта неблагоприятная ситуация, сложившаяся в отношении изучения явлений гипноза при помощи методов условных (сочетательных) рефлексов, усугублялась еще и тем, что многое из павловского подхода к проблеме гипноза противопоставлялось пониманию этой проблемы Бехтеревым. На самом деле в их взглядах и подходах было намного больше общего, чем разделяющего их.

К стр. 47. *Гипноз*. В этой статье в популярной форме описаны основные характерные черты гипноза, методы гипнотизации и изложены взгляды В. М. Бехтерева на природу гипноза с «рефлексологической» точки зрения. Более подробно вопрос о сущности гипноза был изложен В. М. Бехтеревым в статье «Природа гипноза» (Вестник знания. 1926. № 1).

К стр. 57. *Об объективных признаках внушений, испытываемых в гипнозе*. Эта статья была своеобразным итогом изучения В. М. Бехтеревым и его сотрудниками вопроса «о тех объективных признаках, которыми выражается осуществленное в гипнозе внушение». Показателем этих изменений являются сдвиги в деятельности сердечно-сосудистой, дыхательной и других систем организма человека. Хотя Бехтерев признавал бесспорным фактом объективность физиологических изменений под влиянием внушений в гипнозе, но он ставил под сомнение изменения органические. Работа актуальна и в наши дни, так как о реальности изменений функций организма, наступающих под влиянием внушений в гипнозе, идут острейшие дискуссии.

К стр. 64. *Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе*. Это совместная работа В. М. Бехтерева и его сотрудника В. Нарбута. В ее основе лежит сообщение, сделанное авторами в Обществе экспериментальной психологии в Санкт-Петербурге в мае 1900 г. Они излагали результаты своих опытов по исследованию влияния внушений на чувствительность, и в частности на восприятие боли. В. М. Бехтерев и В. Нарбут пришли к выводу, что анестезия является реальным фактом. Отсутствие восприятия боли осуществляется на более высоких уровнях деятельности нервной системы и может быть объяснено отсутствием «осознания воспринятого», а не самого акта восприятия. Многочисленные клинические наблюдения и эксперименты показы-

вают, что внушение в гипнозе существенно влияет на процессы восприятия.

К стр. 75. *О лечении навязчивых идей гипнотическими внушениями.* Это одна из первых работ В. М. Бехтерева, посвященных лечебному применению гипноза. В ней он излагает методику лечения, применяющуюся в психотерапии и в настоящее время. Эту проблему В. М. Бехтерев в дальнейшем излагал в таких работах, как «Нервные болезни в отдельных наблюдениях», «К вопросу о врачебном значении гипноза», «Лечебное значение гипноза», в публикуемой в данном издании работе «Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение» и др.

В разделе Внушение публикуются работы В. М. Бехтерева, в которых изложены его взгляды на сущность внушения как психического процесса, рассматривается роль внушения в общественной жизни и его лечебное значение.

К стр. 81. *Что такое внушение?* В этой работе автор дает изложение проблемы внушения с позиций «объективной психологии». Этим и определяется особенность терминологии, которой пользуется В. М. Бехтерев. Первое, на что он обращает внимание, — это тот факт, что внушение как психическое явление не сводится к внушению в гипнозе, а является широко распространенным элементом психической деятельности и в состоянии бодрствования. Он рассматривает психологические механизмы осуществления этого процесса и выявляет его влияние на мотивацию поведения человека. Показывает отличие внушения от таких психических процессов, как убеждение, пример, подражание, приказ, команда и т. д.

К стр. 98. *Роль внушения в общественной жизни.* Это первая большая работа В. М. Бехтерева, посвященная изучению роли внушения в общественной жизни. В ней он показал, что внушение играет огромную роль в возникновении, распространении и функционировании многих социальных явлений. Оно выполняет своеобразную роль психического «микроба», который по определенным законам распространяется в обществе и охватывает большие массы людей. Вопрос о роли внушения в общественной жизни рассматривался В. М. Бехтеревым и в таких его работах, как «Внушение и его роль в общественной жизни» (1903, 1908), «Коллективная рефлексология» (1921) и др. К выяснению роли внушения в общественной жизни В. М. Бехтерев обращался и в контексте проблемы роли личности и народных масс в истории.

К стр. 171. *Внушение и воспитание.* Эта работа издавалась два раза — в 1912 и в 1928 гг. Здесь воспроизводится издание 1912 г. В основу текста брошюры автор положил доклад, с которым он выступал на первом Международном педологическом конгрессе в Брюсселе 13–18 августа 1911 г. В. М. Бехтерев рассматривает воспитание в широком смысле слова и показывает роль внушения в процессе воспитания в школе, семье, трудовом коллективе, в процессе общения. Особую роль играет внушение в детском возрасте в силу повышенной детской впечатлительности.

Вопрос о роли внушения в процессе воспитания В. М. Бехтерев рассматривал с точки зрения не только психологии и педагогики, но и психотерапии, а также профилактики многих заболеваний. Близко примыкают к данной работе его труды, в которых обсу-

даются возможности внушения для лечения различных извращений и для «воспитания» сочетательных рефлексов в лечебных целях. В. М. Бехтерев придавал большое значение внушению в гражданском и трудовом воспитании, в формировании здорового образа жизни.

К стр. 196. *Внушение и чудесные исцеления.* Статья написана в последние годы жизни В. М. Бехтерева. Автор выявляет роль внушения в возникновении таких психических эпидемий, как кликушество, бесоудержимость, порча и т. д., влияние внушения в молитвах, заклинаниях и др. По мнению В. М. Бехтерева, исцеление «сухоруких», «расслабленных», мнимоумерших и др. — результат воздействия внушения, производимого служителями религиозного культа, знахарями, колдунами, шаманами, гадалками, магнетизерами и гипнотизерами. Внушение играло важную роль и во врачебной практике В. М. Бехтерева.

К стр. 206. *Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение.* Работа издана В. М. Бехтеревым в виде отдельной брошюры как приложение к журналу «Вестник знания». В течение 1911 г. работа издавалась 2 раза. Во второе издание автор внес несущественные дополнения. Здесь воспроизводится текст именно этого издания. В основу брошюры автор положил лекции, которые он читал врачам клиники душевных и нервных болезней и студентам Военно-медицинской академии в течение ряда лет. В ней систематически изложены взгляды Бехтерева на сущность гипноза и внушения и обобщен его более чем 20-летний врачебный опыт по применению гипноза и внушения в качестве лечебного средства.

Из текста работы ясно, что внушение и гипноз Бехтерев рассматривал лишь как один из элементов психотерапии наряду с такими, как перевоспитание, убеждение и другие, которыми он пользовался. Дана краткая оценка психоанализа как лечебного метода. В последние годы своей творческой деятельности Бехтерев пользовался методом сочетательных рефлексов в лечебных целях. Такие его работы, как «О психорефлекторной терапии», «О сочетательно-рефлекторной терапии», «О терапевтическом значении воспитания сочетательных рефлексов при истерических анестезиях и параличах» и др., не потеряли своего значения и в наши дни.

Интерес В. М. Бехтерева к телепатии определялся не только близостью этого явления к гипнозу и внушению, но и той атмосферой вокруг неизученных явлений психики, которая в то время сложилась в различных слоях русского общества. Конец XIX в. был отмечен массовым увлечением спиритизмом, ясновидением, отдаванием мыслей и т. д. Не остались в стороне от этого увлечения и некоторые ученые Военно-медицинской академии. Для изучения спиритизма и телепатии было создано Общество любителей психизма, возглавляемое профессором-зоологом Н. П. Вагнером. Свое согласие на вступление в это Общество Бехтерев оговорил условием разработки и принятия нового устава, определяющего научный характер его деятельности. На конференции академии в 1901 г. при поддержке В. М. Бехтерева и И. П. Павлова новый устав был утвержден, Общество стало называться Русское общество нормальной и патологической психологии. Его председателем был избран В. М. Бехтерев.

Основную задачу Общество видело в изучении таинственных явлений человеческой психики, исследовании их психологических и физиологических механизмов.

В 1904 г. у Общества появился печатный орган — журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма», редактором которого стал Бехтерев. В эти годы он не только руководил деятельностью Общества и редактировал его журнал, но и активно исследовал явления телепатии, о чем свидетельствуют публикуемые работы.

К стр. 314. *Мысленное внушение или фокус?* Здесь В. М. Бехтерев сформулировал свой принципиальный подход к пониманию телепатии — получение достоверных фактов, бесспорных объективных данных. Поводом для написания этой работы, видимо, послужили сообщения о сеансах С. Штаркер в одном из балаганов Одессы. В. М. Бехтерев анализировал истолкование этих сеансов некоторыми врачами и свои наблюдения подобного сеанса на подмостках одного из народных театров г. Вены.

К стр. 317. *Как происходит так называемое отгадывание мыслей на подмостках театров?* В предыдущей работе В. М. Бехтерев высказывал мысль о том, что для решения вопроса о реальности мысленного внушения решающее значение имеет исследование условий, при которых проводятся сеансы. В данной статье он излагает обстоятельства, при которых ему удалось выяснить механизм, при помощи которого осуществлялось отгадывание. Такой случай ему представился весной 1916 г., когда в Петрограде появилась «ясновидящая», отгадывающая мысли на расстоянии. Оказалось, что «отгадывание» мыслей происходит при помощи строго отработанной системы кодирования слов. Бехтерев выяснил этот механизм, подробно описал его и пришел к выводу, что в этих сеансах речь идет о фокусе, а не об истинной передаче или угадывании мыслей.

К стр. 333. *Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных.* В данный сборник избранных трудов В. М. Бехтерева по гипнозу, внушению и телепатии мы включили только первую часть названной работы, в основе которой лежал его доклад на конференции Института по изучению мозга и психической деятельности в ноябре 1919 г. Остальные две части статьи («Дальнейшие наблюдения над «мысленным» воздействием человека на поведение животных» и «Протоколы опытов над непосредственным внушением животному, произведенных врачами И. Кармановым и И. Перепелем») опущены, так как они не прибавляют ничего принципиально нового к тому, что содержится в публикуемой части статьи.

Цитируемая литература

О В. М. Бехтерева — ученом и враче-гипнологе

- ¹ Бехтерев В. М. Автобиография. М., 1928. С. 9–10.
- ² Рукописные материалы И. П. Павлова. М., 1949. С. 97–98.
- ³ Павлов И. П. Полн. собр. соч. Т. II. Кн. I. М.; Л., 1951. С. 245.
- ⁴ Бехтерев В. М. Основные задачи психиатрии как объективной науки. СПб., 1912. С. 28.
- ⁵ Ухтомский А. А. Великий физиолог // Природа. 1936. № 3. С. 13.
- ⁶ Бехтерев В. М. Психика и жизнь. СПб., 1904. С. 12.
- ⁷ См.: Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека. Л., 1926. С. 78.
- ⁸ Бехтерев В. М. Объективная психология. СПб., 1907. Вып. 1. С. 36.
- ⁹ Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека. С. 79.
- ¹⁰ Бехтерев В. М. Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение // Настоящее издание. С. 215.
- ¹¹ Бехтерев В. М. Нервные болезни в отдельных наблюдениях. Казань, 1894. Вып. 1. С. 210.
- ¹² Там же. С. 225.
- ¹³ Бехтерев В. М., Нарбут В. Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе // Настоящее издание. С. 75.
- ¹⁴ См.: Бехтерев В. М. О влиянии гипноза и внушения на сочетательные рефлексы // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. Вып. 1. Л.; М., 1925; Он же. О влиянии гипноза и внушения в нем на простой и сочетательные рефлексы // Труды Государственного института медицинских знаний. Вып. 1. Л., 1927.
- ¹⁵ Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни // Настоящее издание. С. 98.
- ¹⁶ Бехтерев В. М. О личном и общем сознании // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. № 9. С. 635.
- ¹⁷ Бехтерев В. М. Что такое внушение? // Настоящее издание. С. 95–96.
- ¹⁸ Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни // Настоящее издание. С. 117.
- ¹⁹ Там же. С. 169.
- ²⁰ Там же. С. 109–110.
- ²¹ Бехтерев В. М. Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение // Настоящее издание. С. 292.
- ²² См.: Бехтерев В. М. Как происходит так называемое оттаивание мыслей на подмостках театров? // Настоящее издание. С. 319.

- ²³ *Бехтерев В. М.* Нервные болезни в отдельных наблюдениях. Вып. 1. С. 223.
- ²⁴ *Бехтерев В. М.* Что такое внушение? // Настоящее издание. С. 90.
- ²⁵ *Бехтерев В. М.* Сознание и его границы. Казань, 1888. С. 7.
- ²⁶ Там же. С. 9.
- ²⁷ Там же. С. 27.
- ²⁸ Там же. С. 28.
- ²⁹ *Бехтерев В. М.* О личном и общем сознании // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 9. С. 629.
- ³⁰ *Бехтерев В. М.* Личные рефлексы // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1912. Т. IX. Вып. 1. С. 2.
- ³¹ Там же. С. 3.
- ³² *Бехтерев В. М.* О личном и общем сознании // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 9. С. 634.
- ³³ Там же. С. 635.

Об объективных признаках внушений, испытываемых в гипнозе

- ¹ См. также: *Бехтерев В.* Лечебное значение гипноза. СПб.
- ² См.: *Лазурский.* О влиянии внушенных в гипнозе чувствований на пульс и дыхание // Изв. Военно-медич. академии. 1900. Дек. № 4.
- ³ Доклад, сделанный в Русском обществе нормальной и патологической психологии в мае 1900 г. // Обзорение психиатрии. 1902, № 1 и 2.
- ⁴ Доклад, сделанный в Русском обществе нормальной и патологической психологии за 1905 г.
- ⁵ *Бехтерев В.* Гипноз и его значение как врачебного средства // Нервные болезни в отдельных наблюдениях. Вып. 1. С. 291.

Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе

- ¹ Сообщение, сделанное в Обществе экспериментальной психологии в мае 1900 г.
- ² См.: *Бехтерев В.* О врачебном значении гипноза // Нервные болезни в отдельных наблюдениях. Вып. 1.

О лечении навязчивых идей гипнотическими внушениями

- ¹ См.: *Бехтерев В.* Случай навязчивых идей, излеченный самовнушениями в начальных периодах гипноза (клиническая лекция)

// Вестник клинической и судебной психиатрии и нейропатологии
Вып. 2. Т VII 1890

Что такое внушение?

- ¹ См.. Обзорение психиатрии. 1898 и Отд. изд. СПб., 1898.
- ² *Lefewe L. Les phénomènes de suggestion et d'autosuggestion etc.* Paris, 1903
- ³ *Lowenfeld* Гипнотизм / Пер. д-ра Лясса. Саратов, 1903.
- ⁴ Там же. С 31.
- ⁵ *Сиддис Б* Психология внушения / Пер. д-ра Колоколова
СПб., 1902.
- ⁶ *Baldwin. Psychology. Vol. II*
- ⁷ *Hypnotismus. 1893. August.*
- ⁸ *Сиддис Б.* Психология внушения. С. 19.
- ⁹ См.: *Бехтерев В* Роль внушения в общественной жизни.
СПб., 1898. С 2.
- ¹⁰ *Сиддис Б.* Психология внушения. С. 10.

Роль внушения в общественной жизни

- ¹ Речь, произнесенная в актовом годичном собрании Императорской Военно-медицинской академии 18 дек. 1897 г.
- ² *Бехтерев В.* Гипноз и его значение как врачебного средства // *Нервные болезни в отдельных наблюдениях.* Вып. I.
- ³ Подробное описание терновских событий кроме газет можно найти в статье проф. И. А. Сикорского (Вопросы нервно-психической медицины за 1897 г.).
- ⁴ *Реньяр.* Психические эпидемии.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Сикорский И. А.* Психопатическая эпидемия 1892 г. в Киевской губ. Киев, 1893.
- ⁸ См.: *Бехтерев В.* О внушающем влиянии слуховых обманов чувств // *Обзорение психиатрии.* 1896. № 11.
- ¹⁰ См.: *Кутенов.* Секта хлыстов и скопцов. Казань, 1882.
- ¹¹ 1862 г. Т. 3-4.
- ¹² *Tard.* Преступления толпы // *Невр. вестник.* Т I. Вып. I.
- ¹² *Taine H. Revol. II. P. 146.*

Внушение и воспитание

- ¹ Доклад, читанный на 1-м Международном педологическом конгрессе в Брюсселе 13-18 авг. 1911 г.
- ² *Baginsky. Die Impressionabilität des Kindes unterd. Einfluss des Milieus. Beitr. z. Kinderforschung und Heilerziehung. Heft XXVII. 1907.*
- ³ *Wittasek. Zeitschr. für Kinderf. 13 Jahrg. S. 19.*
- ⁴ *Plecher. Beitr. z. Kinderforschung und Heilerziehung. 1909. Heft 93.*
- ⁵ *Stern W* Beiträge z. Psychologie d. Aussage. 1. 3 Heft. Leipzig, 1904.

- ⁶ *Lipmann*. Die Wirkung d. Suggestivfragen. Zeitschr. f. päd. Psychol. VIII. Jahrg. S. 89.
- ⁷ *Kosog*, Wahrheit und Unwahrheit bei Schulkindern. Deutsche Schule. Leipzig. 11 Jahrg. S. 65 ff; см.: *Plecher*. Loco cit.
- ⁸ Описание этих эпидемий см.: *Plecher*. Die Suggestion im Leben d. Kindes. Beiträge z. Kinderforschung und Heilerziehung. Heft 63. — *Monroe*. Chorea unter d. Kinder. Öffentlicher Schülen. Die Kinderfehler. 3 Jahrg. S. 158; *Бехтерева В.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 3 изд.
- ⁹ *Lay*. Exper. Didaktik. Allg. Theil. Leipzig. 2 Auflage. S. 286.
- ¹⁰ *Plecher H.* Beitr. z. Kinderforschung und Heilerziehung. 1909. Heft 63.
- ¹¹ *Pruval*. L'education et le suicide des enfants. Paris: F. Alcan, 1907. Цит. по: *Plecher*. Loco cit. S. 14.
- ¹² *Heubner*. Zeitschr. f. Pädag. Psychologie. Berlin, 3 Jahrg. S. 65.
- ¹³ *Baginski* (Zeitschr. f. Päd. Psych. 3 Jahrg. S. 97) приводит несколько примеров, где болезни у детей, развившись психическим путем, исправлялись затем путем простого внушения.
- ¹⁴ *Plecher*. Die Suggestion im Leben des Kindes.
- ¹⁵ *Baginski*. Beiträge z. Kinderforschung und Heilerziehung. Heft 27. ...
- ¹⁶ *Tromner*. Hypnotismus und Suggestion. Leipzig. S. 113.
- ¹⁷ *Verworn*. Die Mechanik d. Geisteslebens. Leipzig: Teubner, 1907. S. 98.
- ¹⁸ *Lay*. Exper. Didaktik. Allg. Theil. Leipzig. 2 Aufl. S. 290.
- ¹⁹ *Barth*. Die Elemente d. Erziehung und Unterrichtslehre. Leipzig: Barth, 1906. S. 27.
- ²⁰ *Plecher*. Loco cit. S. 26.
- ²¹ *Forster-Sexualethik u. Pedagogik*. 1908.
- ²² *Plecher*. Die Schülprüfungen etc. Berlin, 1908. S. 15.
- ²³ *Бехтерева В.* Гипноз, внушение и психотерапия. СПб., 1911.

Внушение и чудесные исцеления

- ¹ Предисловие к книге Краинского «Порча, кликуши и бесноваты».
- ² См.: *Бехтерева В.* Лечебное значение гипноза // Гипноз, внушение и психотерапия.

Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение

- ¹ *Подъяпольский*. Обзор. психиатрии. 1908.
- ² *Минх*. Была ли проказа в Египте во времена Моисея? // Южно-Русская мед. газета. 1893. № 9, 10, 11; *Подъяпольский Н.* К вопросу о влиянии душевных состояний на изменение цвета волос и кожи и об исцелении библейской проказы (Zagaath) // Обзорение психиатрии. 1908. № 11. Надо, впрочем, заметить, что вопрос о библейской проказе представляется еще далеко не окончательно решенным. Некоторые утверждают, что она ничуть не может быть

смешиваема с *vitilligo*, а представляла собою действительно тяжелое заболевание, сущность которого, однако, еще не может быть выяснена.

³ См.: *Бехтерев В.* Объективная психология и ее предмет // Вестник психологии. 1904. Объективная психология. СПб.

⁴ Невролог. вестник. Т. I.

⁵ Между прочим, у нас об истерических формах гипноза писал в свое время Мочутковский. См. его лекции об истерических формах гипноза (Одесса)

⁶ См.: *Бехтерев В.* Объективная психология. СПб.; *Bechterew W.* Suggestion et son role dans la vie sociale. Paris, 1910.

⁷ См.: *Бехтерев В.* Объективная психология.

⁸ См.: *Бехтерев В.* Психиатрические и невропатологические наблюдения и исследования. СПб.

⁹ Там же.

¹⁰ *Dubois.* Berl. Klin. Woch. N 25. 1909.

¹¹ *Dubois.* Monatschr. f. Phys. 1909. Heft 6.

¹² *Lowenfeld.* К современному положению в психотерапии.

¹³ *Marcinowski.* Zeitschr. f. Psychotherapie und Psychologie. I Bd, 3 Heft. 1909.

¹⁴ Первоначальные исследования *Freud*'ом в этом отношении: сделаны совместно с *Breuer*'ом. См.: *Breuer und Freud.* Studien über Hysteria. Deuticke. 2 Auflage. 1909.

¹⁵ *Freud.* Traumdeutung. Deuticke. 2 Auflage. 1909. Über d. Traum. 1901.

¹⁶ *Sadger.* Zeitschr. f. Nervenh. und Psych. 1907. N 229.

Мысленное внушение или фокус?

¹ *Бехтерев В.* Психика и жизнь. 2-е изд. 1906. С. 167-168.

Как происходит так называемое отгадывание мыслей на подмостках театров?

¹ *Певницкий А. А.* Обзорение психиатрии. 1904.

² Там же.

³ *Бехтерев В.* Там же.

⁴ *Никитин М. П.* Там же.

⁵ *Котик И.* Непосредственная передача мыслей. Изд. 2. 1912.

Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных

¹ Доклад, сделанный в конференции Института по изучению мозга и психической деятельности в ноябре 1919 г.

² См., напр., известное стихотворение Лермонтова «Сон», повесть Тургенева «Песнь торжествующей любви» и др.

Лица, интересующиеся данным предметом, могут найти много интересного для себя в сочинении *Flournoy Th.* Des indes à la planète Mars. 1900.

⁴ Против передачи мыслей в этом случае высказался также и проф. v. Buttel Reeren.

Кралль. Мыслящие животные.

⁶ *Бехтерев В.* Значение двигательной сферы и пр. // Русский врач. 1912. Не следует упускать из виду, что опыты, аналогичные тем, которые известны относительно краллевских лошадей, имеются и относительно собак (см.: *Jerks. The behavior of groger // Gentyry. magaz. Febr. 1908*).

⁷ *De Maday. Psychologie d. Pferdes. S. 54* (цит. по: *Claperèd*).

Содержание

О В. М. Бехтерева — ученом и враче-гипнологе — 5

Гипноз

Гипноз — 47

Об объективных признаках внушений, испытываемых в гипнозе — 57

Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе (В. М. Бехтерев и В. Парбут) — 64

О лечении навязчивых идей гипнотическими внушениями — 75

Внушение

Что такое внушение? — 81

Роль внушения в общественной жизни — 98

Внушение и воспитание — 171

Внушение и чудесные исцеления — 196

Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение — 206

Факты из древней истории, относящиеся к внушению (207); Применение гипноза и внушения разными гипнотизерами (211); Начало научного изучения гипноза и внушения (215); Разноречия в учении о природе гипноза (218); Критика того и другого взгляда (222); Сближение гипноза с обыкновенным сном (226); Сближение гипноза с болезненными изменениями сна (233); О природе гипноза как видоизменения сна (236); Различные фазы гипноза и его классификация (238); Способы вызывания гипноза (241); Об условиях, затрудняющих развитие гипноза, и о распространенности гипноза (245); Об объективных признаках гипноза и внушения (247); О природе гипнотического внушения (250); Лечебное применение гипноза и выяснение роли внушения (257); Значение гипнотического внушения (260); Мнимая опасность гипнотизма (263); Вопрос о вреде гипнотических сеансов (267); Послегипнотические внушения (272); Влияние внушения на патологические расстройства (279); О лечении внушением в бодрственном состоянии (285); Значение веры при лечении внушением (288); Мысленное внушение и внушение через предметы (292); Самовнушение как лечебный фактор (296); Лечение перевоспитанием (298); Лечение так называемым убеждением и лечение упражнением (301); Лечение идеалами (304); Психоанализ и лечение исповедью (306); Комбинированный метод лечения и заключение (310)

Телепатия

Мысленное внушение или фокус? — 314

Как происходит так называемое отгадывание мыслей на подмостках театров? — 317

Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных — 333

Примечания — 355

Цитируемая литература — 368

Бехтерев В. М.

Б 55 Гипноз, внушение, телепатия/Сост., авт. вступ. статьи и примеч. Г.Х. Шингаров. – М.: Мысль, 1994. – 364, [2] с., 1 л. портр.
ISBN-5-244-00549-9

Книга представляет сборник психологических и психиатрических работ великого русского и советского ученого В. М. Бехтерева, посвященных проблемам внушения, гипноза, психотерапии, телепатии и др. Работы В. М. Бехтерева имеют не только приоритетное, но и историческое значение, являются актуальными в наши дни, когда интерес к гипнозу, внушению, аутогенным тренировкам приобретает массовый характер.

ББК 53.57

Монография

Владимир Михайлович Бехтерев

Гипноз
Внушение
Телепатия

Редактор Е. С. Дых
Оформление художника В. И. Харламова
Художественный редактор Г. М. Чеховский
Технический редактор Ж. М. Голубева
Корректор Т. М. Шпиленко

ЛР № 010150 от 25.12.91

Сдано в набор 16.05.91. Подписано в печать 11.04.94.
Формат 84×108 /32. Бумага типогр. № 2.
Гарнитура «Таймс». Высокая печать.
Усл. печатных листов 19,32. Усл. кр.-отт. 19,74.
Учетно-издательских листов 19,74.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 982.

Издательство «Мысль». 117071 Москва, В-71, Ленинский
проспект, 15.

Московская типография № 11
Комитета Российской Федерации по печати.
113105, Москва, Нагатинская, 1